

В. Ф. Бугаев

ВОКРУГ
КАМЧАТСКИХ ОЗЁР

(субъективная автобиография)

Петропавловск-Камчатский
Холдинговая компания
«Новая книга»
2016

УДК 882
ББК 84(2Рос – рус)6
Б90

*Книга издана на средства предпринимателя
С. П. Кожана и автора В. Ф. Бугаева*

Бугаев В. Ф.

Б90 Вокруг камчатских озер (субъективная автобиография). – Петропавловск-Камчатский : Издательство ХК «Новая книга», 2016. – 440 с., 16 с. цв. ил. (Библиотека «Новой книги». Камчатские биографии)

Bugaev, V. F.

Around The Lakes of Kamchatka (subjective autobiography) – Petropavlovsk-Kamchatsky : Izd-vo «Novaya kniga», 2016. – 440 p., 16 p. color illust. (The «Novaya kniga» library. Kamchatka biographies)

ISBN 978–5–87750–346–5

Автор книги – известный камчатский ученый-ихтиолог, доктор биологических наук Виктор Федорович Бугаев рассказывает о своем детстве на Камчатке и многолетней работе в Камчатском научно-исследовательском институте рыбного хозяйства и океанографии (КамчатНИРО), и пути в науку. Показаны взаимоотношения между учеными, их противоречия, общие победы и успехи. Приведены биографические и личные портреты ряда сотрудников КамчатНИРО, и других научных организаций, а также друзей детства.

Издание предназначено для широкого круга читателей – тех, кто серьезно задумывается о смысле жизни, роли человека в познании мира, взаимоотношениях между людьми, а также молодежи, собирающейся свою судьбу связать с научной деятельностью.

Victor F. Bugaev is a famous fish biologist of Kamchatka, Ph. D. in biology, tells in the book about his childhood in Kamchatka Region and about his work in Kamchatka Research Institute of Fisheries and Oceanography (KamchatNIRO) for a long period of many years and personal trajectory in Science. He describes relations and contradictories between researchers, their common wins and achievements. Bibliographic and vivid private portraits of some colleagues from KamchatNIRO and the other scientific organizations have figured out and friends of his childhood.

The book can be addressed to young people, who is going to cast in their lot with research activities, and to everyone, who is serious to reflect on the meaning of life, the role of man in epistemology of the world, the relations between people.

© Бугаев В. Ф., 2016

© Холдинговая компания
«Новая книга», 2016

ISBN 978–5–87750–346–5

ПОСВЯЩАЕТСЯ
Моей маме – Бугаевой Ольге Савельевне

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для изучения сырьевых ресурсов Дальнего Востока в 1925 г. во Владивостоке была создана Тихоокеанская научно-промысловая станция (ТОНС), преобразованная в 1929 г. в Тихоокеанский институт рыбного хозяйства – ТИРХ (в дальнейшем – ТИНРО, ТИНРО-центр). Несколько позже подобные станции организовали на Камчатке, Сахалине, в Хабаровске, Магадане и Анадыре.

Станцию Камчатского отделения ТИРХ (КоТИРХ) открыли в Петропавловске-Камчатском в 1932 г., в 1939 г. ее переименовали в Камчатское отделение ТИНРО (КоТИНРО). На протяжении многих лет своего существования институт неоднократно претерпевал организационные и кадровые перестройки. Менялись названия (КоТИРХ – КоТИНРО – Камчатская станция ВНИРО – снова КоТИНРО) и, наконец, с 1995 г. – Камчатский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии (КамчатНИРО). За все годы своего существования здесь не прекращались важнейшие исследования, обеспечивавшие бесперебойную работу рыбной промышленности.

Первым директором КоТИРХ был В. В. Заостровский (заместителем директора по науке – М. А. Фортунатов). В последующие годы институт возглавляли: к.б.н.* В. И. Грибанов (1933–1937 гг.), к. б. н. П.А. Двинин (1937–1939), к. б. н.

---

*Здесь и ниже по тексту: к.б.н. – кандидат биологических наук, к.г.н. – кандидат географических наук, к.г.-м.н. – кандидат геолого-минералогических наук, к.т.н. – кандидат технических наук, к.э.н. – кандидат экономических наук, д.б.н. – доктор биологических наук, д.т.н. – доктор технических наук, д.ф.-м.н. – доктор физико-математических наук.

И. И. Лагунов (1939–1949 гг.), к.б.н. К. И. Панин (1949–1955 гг.), к.б.н. П. Г. Никулин (1955–1959 гг.), к.б.н. И. И. Лагунов (1959–1964 гг.), к.э.н. А. К. Евдокимов – (1964–1983 гг.), к.б.н. М. М. Селифонов (1983–1998 гг.), к.г.н. С. А. Синяков (1998–2002 гг.), д. б. н. Н. П. Антонов (2002–2007 гг.), к.г.н. С. А. Синяков (2007–2008 гг.), д.б.н. С. Г. Коростелев (с 2008–2010 гг.), д.т.н. О. М. Лапшин (с 2011 г. и по февраль 2016 г.), к.б.н. Н. Ю. Шпигальская (с февраля 2016 г. и по настоящее время).

Сейчас, много лет спустя, хорошо понимаю: мне здорово повезло, что удалось всю свою жизнь проработать в КоТИНРО (КамчатНИРО), который без меня мог свободно обойтись, а я вот без него не мог и не могу представить свою жизнь.

Именно в знак своей глубокой и искренней любви к этому институту я и решил написать свои воспоминания. Понимаю, что не всем они покажутся приятными. Но пишу только о том, что было со мной, и как я воспринимал все происходящее вокруг меня. Не рассчитываю на всеобщее признание. Человеческий опыт свидетельствует: кто бы что ни сделал – все равно это кому-нибудь не понравится.

Научные институты в нашем отечестве в настоящее время – это особый мир шекспировских страстей, замешанных на менталитете людей, выросших при «развитом социализме», а сейчас продолжающих жить в эпоху развития и строительства капитализма в России после провалившегося строительства коммунизма в СССР.

Что интересно, проработав более 43 лет ихтиологом на Камчатке, я помню подробно не все полевые сезоны. Обычно лучше запоминались те, когда возникали большие трудности или неординарные ситуации.

Может быть, мои воспоминания кому-то покажутся «мелкими». Тогда, пожалуйста, не читайте. Они важнее для меня, чем для вас. Но может быть, кто-то, сравнивая свою судьбу с моей, найдет в этих воспоминаниях то, что затронет и его душу, и он поймет, что в этой жизни не был одинок среди людей в своих ощущениях и переживаниях. Ведь случается так, что большинство не всегда право, и не надо переживать, что они другие, – «каждый слышит свои барабаны».

Научные институты, лаборатории в них, научные группы состоят из обыкновенных людей со своими достоинствами и недостатками. Именно этот контингент «двигает» или на какое-то время «передвигает назад» эту самую науку в меру своих способностей. И счастье, что люди (со своими как положительными, так и отрицательными идеями) не бессмертны, благодаря чему в науке и происходит, в конечном итоге, прогресс.

Предлагаемые заметки не охватывают все стороны моей жизни. Они посвящены эволюции научной деятельности, которая по иронии судьбы (?) была связана с моим первым неудачным браком, рождением сына с таким же характером, что и у его отца. В итоге все в совокупности привело к «маленькой человеческой истории». Это еще раз подтверждает то, что еще в молодости своими действиями мы сами закладываем свое будущее.

Как подчеркивал экономист Адам Смит в своей книге «Богатство народов» в 1776 г. (цит. по: Роусон, 1998, с. 286), «непредусмотренные последствия – неотъемлемая часть многих аспектов жизни. Каждый отдельный человек... преследует только свою выгоду, и в этом, как и во многих других случаях, невидимая рука ведет его к результату, который в его намерения не входил... Следуя своим собственным интересам, он обеспечивает прогресс общества более эффективно, чем в действительности намеревался делать это». Более того, прогресс больше зависит от ленивых (очень сильно), как считают некоторые философы. И мне хочется с ними согласиться.

Вероятно, «невидимая рука Адама Смита» в человеческой среде господствует не только в экономике, но и во всех сторонах и аспектах непрерывно развивающегося разумного мира. Существует время разбрасывать камни и время собирать камни. Только как определить, в каком периоде ты находишься? Не будет ли поздно?

Если мои мемуары кому-то не понравятся, думаю, что любой желающий может сам издать свои воспоминания и описать рассмотренные события со своей точки зрения. Мы в равных условиях, но, к сожалению, говорить легче, чем писать.

Эта версия – моя субъективная оценка происшедшего. Как все больше убеждаюсь с возрастом, все люди видят, слышат и чувствуют по-разному. Наверное, все люди неплохие, просто каждый из них сам за себя. А в итоге в истории получается так: кто кого «перемемуарит».

После издания моих мемуаров В. Ф. Бугаев «Лучшие годы нашей жизни» (2009, Петропавловск-Камчатский, «Камчатпресс», 187 с.) прошло несколько лет. Большинство прочитавших их хвалили, но некоторые говорили: «Так про людей писать нельзя!». Тем не менее, и те и другие читали их от корки до корки. Одна москвичка даже пожаловалась: «Читала до 6 утра... и опоздала на работу...».

С публикацией моих воспоминаний мне на душе стало спокойно. Я все, что хотел сказал, а там как получится... никто не знает. Стал жить только текущим днем, как бабочка-однодневка.

Все годы напряженно работал и издал еще несколько научных и научно-популярных книг: «Нерка реки Камчатки» (2010); «Полет над гнездом нерки» (2010, в соавторстве с А. В. Масловым), «Где крупнее лосося?» (2011, в соавторстве с А. М. Токрановым), «Азиатская нерка-2» (2011), «Sockeye Salmon of Asia» (2011), «КамчатНИРО-80» (2012, в соавторстве с Е. А. Науменко). Неожиданно для себя и для всех, начал писать стихи и опубликовал два сборника: «Калейдоскоп воспоминаний» (2012) и «Азабачинская тетрадь» (2013). Наконец, в 2016 г. у меня (в соавторстве с Г. А. Брейзак и С. А. Петровым) вышла даже кулинарная книга «Лососевая кулинария».

Начиная с 2012 г. стал выставлять свои научно популярные публикации и стихи на литературные сайты (Виктор Бугаев – «Проза.Ру», Виктор Бугаев-Камчатка – «Стихи.Ру»). В октябре 2014 г. меня приняли в «Российский союз писателей».

Как выяснилось недавно, где-то в июне-июле 2014 г. у меня был инфаркт, который я перенес на ногах. Год прохождения инфаркта я определил после УЗИ сердца в больнице весной 2015 г. (по ретроспективным ощущениям, когда мое самочувствие в 2014 г. стало заметно хуже, на котором оно сохраняется и по настоящий день).

Тем не менее, жизнь продолжается. Я активно работаю с молодежью и публикую многочисленные статьи по биологии нерки, молоди симы, кижуча, чавычи и других рыб.

Произошли у меня и статусные изменения: новый директор КамчатНИРО д.т.н. Олег Михайлович Лапшин, через два месяца после его назначения, с января 2011 г., перевел меня на должность и. о. главного научного сотрудника. Учитывая историю вопроса, когда администрация КамчатНИРО с 1995 г. в лице трех директоров: к.г.н. С. А. Синякова, д.б.н. Н. П. Антонова и д.б.н. С. Г. Коростелева последовательно не желали видеть меня в этой должности, такое продвижение для меня было неожиданным.

Но история не закончена: в конце февраля 2016 г. д. т. н. О. М. Лапшина назначают директором АтлантНИРО (г. Калининград), а врио директора КамчатНИРО назначают к.б.н. Н. Ю. Шпигальскую. Жизнь не стоит на месте.

Весной 2015 г. президент холдинга «Новая книга» Станислав Петрович Кожан предложил мне переиздать мои мемуары, дополнив их новыми и уже опубликованными материалами. Я согласился... Но решил поменять название книги. Результат перед Вами, Читатель...

ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО

Мои родители, мать – Бугаева (Носкова–Тронь) Ольга Савельевна (25.12.1919–24.11.1993) и отец – Бугаев Федор Иванович (5.05.1922–24.12.2000) встретились в Хабаровске и поженились в 1949 г.

Мама родилась в с. Тихменево Приморского края, отец – в с. Даниловка Павлодарской области Казахской ССР.

Отец вернулся с войны капитаном. Служил при штабе. Был ранен – подорвался на mine. Имел боевые награды – два ордена Красной Звезды, Отечественной войны II степени и медали – «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», «За победу над Японией». После демобилизации стал учиться заочно в Хабаровском юридическом институте.

Мама работала на главпочтамте в Хабаровске, куда приехала в возрасте 18 лет из с. Тихменево. Закончила бухгалтерские курсы.

Родители приехали на Камчатку еще за год до моего рождения. Когда мне исполнилось 6 лет, они расстались. Отец женился во второй раз.

Моя мама всю жизнь проработала бухгалтером. В 1970 г. вышла на пенсию, уехала с Камчатки и много лет прожила в Приморье в пос. Горные Ключи.

Отец с 1959 г. и до ухода на пенсию работал в Петропавловске-Камчатском – в областном суде и прокуратуре. Последние годы перед пенсией он занимал должность старшего помощника прокурора Камчатской области. В 1978 г. со своей женой

Моя мама О. С. Бугаева (г. Хабаровск, 1939 г.)

О. С. Бугаева (г. Хабаровск, 1948 г.)

Валентиной Константиновной Шилкиной переехал в г. Вильнюс.

После смерти моей мамы, у нее в бумагах я нашел служебное удостоверение и трудовую книжку (выданную 14 октября 1943 г.) на имя Носковой Ольги Савельевны. Позже нашел и «Свидетельство о браке» с моим отцом Бугаевым Ф. И., выданном 28 апреля 1949 г., где фамилия мамы была – Носкова.

Получается, что ее девичья фамилия была фамилией ее матери и она рождена вне брака? Мне она всю жизнь говорила, что ее отец имел фамилию Тронь.

В связи с открывшимися обстоятельствами можно предполагать, что ее мама (Носкова), имея на руках маленькую Олю Носкову, вышла замуж за крестьянина-переселенца с Украины по фамилии Тронь. Поэтому в дальнейшем про нее говорили, что она из Троней, которые переехали в Тихменево в период Столыпинской реформы. Мать Оли отец часто бил. Не связано ли это с прошлым моей бабушки?

Получается, что не ясно, кто истинный отец моей мамы. Возможно, им являлся неизвестный военный (Белой или Красной гвардии), которыми в то время был полон Дальний Восток.

***

В детстве и юности, мой отец никогда не рассказывал о войне. Обычно шутил, что служил при штабе. На этом разговор и заканчивался. Может быть я не проявил необходимой настойчивости в свое время, и этот период жизни отца для меня был полностью неизвестен.

Когда настоящие мемуары находились уже в работе, внучатая племянница отца Ирина Александровна Краус, живущая в Ханты-Мансийском Автономном округе, в Интернете (www.podvignaroda.mil.ru) в открытых архивах Министерства обороны СССР нашла описание подвигов отца, за что его в период Великой Отечественной войны и войны с Японией наградили медалью и боевыми орденами.

14 декабря 1943 г. мой отец, лейтенант Бугаев Ф. И., был награжден медалью «За отвагу». Дословно запись о его подвиге выглядит так: *«Во время наступательных действий полка в районе поселка «Стаханов» Больше-Белозерского района Запорожской области с 20-го по 25-е ноября 1943 г., тов. Бугаев, находясь в боевых порядках полка, обеспечивал командование полка получением и доведением секретных переписок, вместе с бойцами ходил в атаку и личным примером мужества и отваги, воодушевлял их на боевые подвиги. 22.11.1943 года при ранении командира полка, тов. Бугаев с тов. Бублиенко М. В. вынесли его с поля боя и эвакуировали в госпиталь. 25.11.1943 убил 2-х гитлеровцев».*

27 апреля 1944 г. старшего лейтенанта Бугаева Ф. И. наградили орденом «Красной звезды». Его отвага и активные боевые действия меня просто поразили: *«Во время наступления полка на местечко Вороновица, Немировского района, Винницкой области, 13 марта 1944 года, тов. Бугаев, с партторгом полка тов. Шевченко, первыми ворвались в Степановский Сахарозавод, на восточной окраине местечка Вороновица и открыли стрельбу из автоматов, чем создали панику у противника, который бросил завод и в беспорядке начал убежать по направлению местечка. Тов. Бугаев, преследуя убегающих немцев, продолжал их уничтожать. Ворвавшись на станцию Вороновица, он остановил уходивший железнодорожный состав*

с продовольствием. В этом бою, тов. Бугаев лично убил 13 немецких солдат и офицеров, захватил 8 автомашин с различным военным грузом, 3 мотоцикла, 7 повозок, 18 лошадей и взял 2-х пленных, а также вместе с парторгом полка спасли завод от взрыва противником».

6 февраля 1945 г. старшего лейтенанта Бугаева Ф. И. наградили орденом “Отечественной войны II степени”: *«Во время прорыва укрепления глубоко-эшелонированной обороны противника в районе города Пилькален, Восточная Пруссия, с 15 по 19 января 1945 года тов. Бугаев проявил себя смелым, инициативным и находчивым штабным офицером. Он, находясь в боевых порядках батальонов, все время держал связь с командованием полка и своими соседями.*

15.01.1945 г., в момент наступления, под сильным артиллерийско-минометным и пулеметным огнем противника, связь с батальонами была нарушена, тов. Бугаеву командиром полка было приказано немедленно разыскать батальоны и восстановить связь. Тов. Бугаев, рискуя собственной жизнью, под огнем противника разыскал батальоны, восстановил связь с командованием полка и обеспечил локтевую связь с соседом.

Противник после артиллерийской подготовки перешел в контратаку. Благодаря своевременно установленной тов. Бугаевым связи, контратака противника была отбита с большими для него потерями до 2-х батальонов пехоты. Полк выполнил боевую задачу, вышел в район села Шпулей и успешно форсировал реку, заняв при этом, считавшийся неприступным, плацдарм обороны немцев, возвышенный правый берег реки Инстер».

И, наконец, в период войны с Японией, 10 сентября 1945 г. капитана Бугаева Ф. И. наградили вторым орденом “Красной звезды»: *«В боях с японскими захватчиками в районе населенного пункта Ходатунь (Манчжурия) 25–26.08.1945 г. тов. Бугаев находился на КП при командире полка. Японцы, не считаясь с потерями, повторяли атаку за атакой. В одну из таких атак создалась угроза окружения 3-го батальона. Командир полка и подполковник Аверьянов дал приказание батальону сменить позиции. Тогда тов. Бугаев, не дожидаясь*

связного, сам лично под сильным огнем противника передал приказ командиру батальона. Смена позиции сорвала замыслы противника. Во время переправы полка через реку Сол капитан Бугаев, рискуя жизнью, бросился в реку и спас утопающего красноармейца 1-го батальона тов. Апостолова».

Как свидетельствуют приведенные документы, мой отец был достаточно решительным и смелым фронтовиком. Ему повезло на двух войнах остаться в живых. Как жаль, что я узнал об этом слишком поздно.

***

В 1949 г. родители из Хабаровска уехали на Камчатку, на самый ее север – в пос. Тилички, расположенный в Олюторском районе Корякии. Отец стал работать судьей. Мы жили в маленьком домике, состоящем из комнаты и кухни. Мама тогда не работала. Воспитывала меня.

Я родился 2 марта 1950 г. в с. Тилички, фото нашего дома, 1952 г.

Самые мои первые детские впечатления – это пос. Тилички. Мне около трех лет. В начале 1950-х гг. там существовали проблемы с электричеством, которое подавали только в определенные дни и часы.

Отец сделал в огороде ветряк. И сейчас хорошо помню, что электрические лампочки в нашем доме то ярко горели, то практически гасли. Все зависело от силы и направления ветра. Однажды, когда был ураганный ветер, в доме от электрической лампочки загорелся абажур и начался пожар. На следующий день отец ветряк разломал.

Еще помню наших ездовых собак. Отец по долгу службы ездил по дальним селам Корякского национального округа на собственной собачьей упряжке. Мне он тоже сделал маленькую нарточку. У нас жили 12 ездовых собак. Зимним традиционным кормом для собак была юкола из лососей (вероятно, горбуши и кеты). Однажды отец кормил собак, и я, трехлетний, начал отнимать рыбину у одной из них. Та, естественно,

Мои родители еще вместе (с. Тилички, 1953 г.)

Встретились каюры между Тиличиками и Корфом (в центре с собакой стоит мой отец, 1953 г.)

цапнула меня. После этого с левой стороны лица у глаза остался шрам на всю жизнь.

Отец привез из Хабаровска фотоаппарат «Киев» и очень любил фотографировать. Однажды, в середине марта 1953 г., он захотел запечатлеть меня на фото. В тот день стояла очень хорошая погода и было тепло.

Усадил в нарту, запряг двух передовиков. Пока бегал в дом за фотоаппаратом, псы по хорошо известной им и накатанной дороге «рванули» через пролив в пос. Корф. Это мне рассказывала мама.

В Корфе меня ждала незавидная судьба, т. к. псы скорее всего побежали бы к какой-нибудь «собачьей стоянке», затеяли драку с ранее прибывшими или аборигенными собаками, и мне бы плохо пришлось. Вернее всего, голодные псы разорвали бы меня в клочья.

Родители с оставшимися собаками на большой нарте бросились за мной вдогонку. По дороге встретила почтовая нар-

В Приморье в родительском доме у родственников (второй ряд, слева направо): Полина (жена брата Дмитрия), Оля – моя мама, Николай – брат мамы, Дмитрий – брат мамы; первый ряд (справа налево): Надя, Анатолий, Вера – мои двоюродные сестры и брат; бабушка – мама Полины, автор в детстве, Николай – двоюродный брат (с. Тихменево, август 1954 г.)

та, и каюр-коряк, недолго думая и понимая опасность ситуации, выстрелил из карабина в собак (или в воздух). Я не знаю, попал он или не попал. Но собаки вдруг резко шарахнулись в сторону и меня на всем ходу выбросило из нарты в снег. А собаки с пустой нартой побежали дальше.

Из этой истории помню только, что сидел в нарте, ярко светило солнце, собаки быстро бежали, мне стало тепло и я быстро уснул. Проснулся оттого, что меня выбросило в снег лицом вниз. От резкого холода испугался и заплакал. Потом сел в снег и увидел нарты, много собак и незнакомого дяденьку, который махал кому-то руками. Через несколько минут подъехали родители. Мама меня обняла, а я еще сильнее заплакал. После этого случая отец собак продал.

И еще один, последний, случай из корякской жизни – на море. Родители ездили из Тиличик на весельной гребной лодке за несколько километров собирать уголь, который выбрасывало в шторм на морской берег. Этот уголь после штормов собирали в мешки и использовали в хозяйстве в качестве топлива.

Я тоже помогал собирать уголь: быстро бежал за убежавшей волной, хватал кусок угля на открывшемся песчаном пляже и довольный бежал к маме. Один раз побежал очень далеко, и меня на обратном пути волна догнала, накрыла и выбросила мокрого на берег. На этом моя помощь и закончилась.

Мама еще рассказывала, что в возрасте двух лет я однажды ушел в тундру и меня целый день искали, но ничего этого не помню.

В гостях у сестры Фроси в с. Афанасьевка Приморского края (взрослые – слева направо): муж Фроси – Матвей, моя мама, бабушка – мама Матвея, сестра мамы – Фрося, женщина и мужчина – чета Шурыгиных, мой отец; дети (слева направо): Валя – дочь Фроси, Саша – сын Фроси, Таня и Гена – дети Шурыгиных, автор книги в детстве (1954 г.)

***

Летом 1953 г. отца перевели в Усть-Камчатск, и мы стали жить в поселке на правом берегу р. Камчатки – в «деревне». Отец ежедневно ездил на работу на другую сторону реки – в Варгановку и на Усть-Камчатский рыбоконсервный завод (РКЗ). Рядом с нашим домом находились метеостанция и сельский клуб. У реки, за 200 метров от дома, располагались магазин и пристань.

Один раз пошел в магазин за хлебом. Магазин был закрыт на обед. Сидел на берегу и терпеливо ждал, пока откроют. Подъехала лодка с рыбой, и я попросил у рыбака рыбку. Рыбак дал мне чавычу с наполовину оторванной головой. Помню, что волок чавычу по земле и хвост ее тащился по пыли. Мама была очень довольна. Мальчишки в округе звали меня Судейка – по профессии отца.

В период нашей жизни в Усть-Камчатске я однажды летом нашел деньги. Много денег. На краю деревни стоял мостик через речку или заливчик. Мама мне категорически запрещала заходить на него. Очень редко, но я все-таки приходил к этому мостику.

Дело шло к вечеру. Сидя на мостике, вдруг увидел, что прямо ко мне плывут большие новые 100 рублей. Тут же их поймал. Мною овладел охотничий инстинкт. Увидел, что по реке плывут еще, как кораблики, деньги. Быстренько сбегал за прутиком и с мостика стал их отлавливать.

Чтобы экономить время, засовывал деньги в майку, которая была на мне. Как только деньги перестали помещаться в майку, так они сразу же перестали плыть по реке. Вечерело. Еще немного посидел, подождал, но деньги больше не плыли. Мой улов, в основном, состоял из десяти- и двадцатипятирублевых.

Когда пришел домой, меня уже ждали мама и какая-то тетенька, которая сильно ругалась и кричала, чтобы ей отдали деньги. Их сразу же отдали. Мама меня при тетеньке отшлепала, и та, довольная, ушла домой. Так и не понял, за что мне досталось. Денег на конфеты «ассорти» в тот раз мне не дали. До сих пор мне кажется, что свои 100 граммов шоколадных конфет в тот день я заработал честно.

Мой отец Ф. И. Бугаев на курсах повышения квалификации (г. Свердловск, 1954 г.)

Моя мама на отдыхе у сестры (с. Афанасьевка Приморского края, 1954 г.)

Неслучайная встреча (г. Свердловск, 1954 г.)

Нар. Уссури (с. Тихменево, 1956 г.)

Много позже, 20 июня 1975 г., проезжая на лодке вверх по р. Камчатке мимо «деревни», увидел, памятный мне с детства, «денежный мостик» и понял ситуацию, происшедшую более 20 лет назад.

Дело в том, что недалеко от деревни, выше по течению реки, находилась (и сейчас находится) рыбалка колхоза «Путь Ленина» – «Усть-Камчатск» или «Девятка». Некоторые рыбаки, живущие в деревне, не ездили на рыбалку на лодках, а ходили пешком. Не исключено, что в тот день, когда я наловил много денег, какой-то рыбак, обиженный на жизнь (например, жена поймала в кустах с поварихой с рыбалки), решил избавиться от части заработанного. Может быть, в тот день и получку давали. Но бросал он их выше моста – это точно. Начался отлив, и деньги поплыли в Тихий океан.

***

Однажды весной, под вечер, когда мне уже исполнилось 6 лет, я сказал маме: «Мама, посмотри, как солнышко блестит из-за туч». На следующий день из разговора родителей понял, что извергался вулкан Безымянный в Ключах.

В дни извержения Безымянного в 1956 г. наступила большая оттепель и стоял гололед. Шел дождь. Двор у нас был залит на 5–10 сантиметров водой. Я ездил на санках по воде, отталкивался лыжной палкой и представлял себя плывущим на лодке.

Уже много лет спустя, в июле 1975 г., будучи на оз. Ажабачьем*, увидел необыкновенный блеск солнца. Вспомнил: «Мама, посмотри, как солнышко блестит...» и подумал, что где-то извергается вулкан. Как потом оказалось, это начал извергаться вулкан Толбачик.

---

*В научной литературе (более 1200 публикаций) этот водоем фигурирует как оз. Азабачье (по названию поздней формы нерки – азабач, нерестящейся там). На географической карте этот водоем известен как оз. Ажабачье, что ученые связывают с вкравшейся орфографической ошибкой при подготовке картографических материалов.

***

Помню, что отец иногда не ночевал дома. Возвращаясь, он кричал в потолок: «Ольга, ты человек!!! А я? Я – идиот!!!» Как-то, чтобы выглядело убедительнее, разорвал наполовину голубой плюшевый ковер с оленями на берегу ручья. Потом долгие годы этот разорванный ковер украшал наше с мамой жилье. Мама плакала. Говорила про какую-то Шилкину, озеро Азабачье, Ушки, Козыревск и снова плакала.

Осенью 1956 г. мама переехала в Козыревск, где мы прожили несколько месяцев. Весной перебрались в Елизово. Она устроилась главным бухгалтером и получила квартиру в «финском» доме (на две семьи), состоящую из комнаты и кухни. Первый класс я закончил в Елизово.

Сделав уроки, обычно читал А. Носова «Приключения Незнайки и его друзей» или собирал из двух комплектов металлических конструкторов большие фантастические механизмы: экскаваторы, подъемные краны, автомобили.

Конструктор состоял из набора дырчатых алюминиевых пластинок, уголков, колесиков, гаечек и винтиков. Сейчас таких конструкторов почему-то не продают. Во всяком случае, они мне ни разу не попадались на глаза. А играть в такой конструктор оказалось интересно – иногда целыми днями скручивал и перекручивал гайки (меняя соотношение деталей) этой замечательной игры. Таким образом, технику начал познавать еще в детстве.

Затем мама переехала в Старую Тарью (ныне район пос. Приморского). Там она «сошлась» с дядей Ильей – радиомехаником. С ним жил сын Владик старше меня на четыре года. Иногда Владик меня бил. У Владика была мама, которая жила с другим дядей, которого полюбила и ушла из семьи. В Старой Тарье мы провели одну зиму. Закончил второй класс отличником.

Потом мы переехали в Паратунку – широко известный на Камчатке старинный поселок, где имелись значительные выходы горячих термальных вод. Жители Камчатки издавна приезжали лечить сюда болезни опорно-двигательного аппарата.

Дядя Илья остался в Старой Тарье. Мама устроилась в Паратунский детский дом работать главным бухгалтером. Ей дали

Вид на центр с. Паратунка в начале XX века (к зданию церкви в последствие добавят пристройку и все, в комплексе, станет местной школой, которая просуществовала здесь до 1965 г.)

половину вновь построенного дома, состоящего из комнаты и кухни. С третьего по восьмой класс я учился в Паратунке.

Первые два года дядя Илья иногда к нам приезжал. Один раз зимой мы ездили с мамой в Старую Тарью из Паратунки в санях на лошади. Несколько раз она ездила одна.

И, наконец, я уже учился в пятом классе, когда она попросила меня перед Новым годом сходить на лыжах в Старую Тарью и передать дяде Илье письмо, а Владике – маску зайчика из папье-маше. Меня согласился сопровождать мой друг тех времен Виктор Пашенко (старше меня на два года). Как сейчас понимаю, из Паратунки до Тарьи было 18 километров в один конец.

Вышли мы на лыжах в 9 часов утра. В 14 часов пришли на квартиру к дяде Илье, но его не было дома. Был лишь один Владик. Я поздравил его с наступающим Новым годом, оставил письмо, подарил новогоднюю маску, и в 15 часов мы отправились назад.

Где-то на половине дороги я уже сильно устал. Виктор держался лучше. Лыжи свои я бросил (спрятал в кустах) сразу же, как только мы перешли по льду р. Паратунку. Пошел пешком. Выбрались на «паратунскую тундру» – в трех километрах горели огни поселка. За километр до поселка я уже начал замерзать и падать.

Виктор бросил лыжи (закопал у какого-то номерного столба), и тут на лошади в санях к нам подъехали две мамы: моя и мама Виктора – тетя Галя. В 22 часа все уже были дома. Потом мама пошла распрягать лошадь в конюшню детского дома. Когда ехал в санях, думал, что дома будет гореть печка, но там было холодно. Мама и тетя Галя потом долго не разговаривали, хотя мы жили в соседних домах.

С дядей Ильей моя мама больше не виделась. Через два года он умер от рака. В Елизово у него имелись родственники. Уже взрослым я видел фотографию, где он лежал в гробу, и рядом сидела моя мама в страшном горе. Вероятно, она его сильно любила. У него росли усы, как у Василия Ивановича Чапаева. Владика больше никогда не встречал.

В Паратунке мы с мамой жили поблизости от территории

Моя мама – главный бухгалтер в Паратунском детском доме (1965 г.)

детского дома. Друзей из детского дома у меня не появилось, хотя в школе учились вместе. Сразу же мне присвоили кличку «Бугай». Даже спустя почти 40 лет, проходя по Паратунке, слышал за своей спиной: «Смотри, Бугай приехал».

Когда учился в институте во Владивостоке, то некоторые студенты так же звали меня – Бугай, хотя и не догадывались, что они не первые. Не знаю, как звали за глаза в КоТИНРО, и никогда не пытался это выяснить.

Ближе всех в своем детстве сошелся с детьми сотрудников и воспитателей детского дома – Витей Пашенко, Юрой Вторушиным, Витей Тюменцевым, Славой Баевым, Валерой Федориным и Вадиком Жиронкиным.

Были и враги – Витька, Валерка и Мишка Бурименко (все-го их было 5 или 7 братьев). Не знаю, чем я им не нравился, но особенно в 7–8 классах мне частенько от них доставалось.

Хорошие отношения с Юрием (Ивановичем) Вторушиным и Виктором (Леонидовичем) Тюменцевым сложились на всю жизнь. После окончания 8 класса мы с Юрой пошли в школу в Елизово, где и закончили 9–10 классы. Поступили в разные институты. Не все, правда, с первого раза. Виктор Тюменцев заканчивал 9–10 классы в Крыму в г. Симферополе.

С мальчишками ходили в походы на окрестные сопки, рыбачили на «Зеленке» (нерестилище кеты и кижуча в бассейне р. Хайковки) и р. Паратунке.

После 6 класса мы (несколько товарищей) стали ходить на 1–2 ночи в поход «за перевал» в водораздел р. Быстрая. Спустившись на 200–300 м, около одного километра мы шли по руслу ручья, и у места впадения этого ручья (уже в более крупный ручей), облюбовали себе место под лагерь. Прежде всего из шеломайника и тонких стволов тальника сделали «шалаш» в виде треугольной конструкции с наклонной крышей-стенками. На крышу стебли шеломайника мы укладывали вершинкой вниз и в случае дождя такая крыша не протекала. «Пол» также делали из шеломайника, кладя его на землю.

Из спальных принадлежностей каждый брал с собой обычное одеяло. Спали одетыми. Как сейчас помню, спать было прохладно, хотя мы и прижимались друг к другу. Вставали

Ученики 3-го класса Паратунской средней школы (слева направо): первый ряд – в центре Александр Павлович Коняхин (классный руководитель), восьмой – Виктор Тюменцев; второй ряд: первый – Миша Бурименко, третий – Василий Антаков, четвертый – Александр Крюков; третий ряд: второй – Виктор Бугаев, третий – Петр Красиков, девятый – Юрий Вторушин, десятый – Слава Баев (1961 г.)

Ученики 4-го класса Паратунской средней школы (слева направо). Первый ряд: третий – Александр Иванович Леонтьев (директор школы), четвертая – Александра Николаевна Заковряшина (классный руководитель), пятая – завуч, шестая – учитель английского языка, седьмой – Виктор Бугаев, восьмая – Светлана Ретина; второй ряд: второй – Слава Баев, четвертый – Володя Рунаков, пятый – Василий Антаков; третий ряд: пятый – Виктор Тюменцев, восьмой – Юрий Вторушин, девятый – Саша Крюков (1962 г.)

На нашей «Турбазе»: Вадим Жиронкин (слева) и Вася Антаков (1963 г.)

рано около 7 часов и разжигали костер. Грелись. Варили кашу, пили чай, рубили дрова. Но, когда солнце начинало освещать наш лагерь около 11 часов и становилось теплее, мы все дружно ложились досыпать.

Потом мы лазили по ближайшим склонам и с кустов кедроча срывали шишки, но их было мало. Шишки эти пекли в костре и что-то там выедали. Турбазу мы посещали обычно в конце июля-августа. Сходив 2–3 раза, мы успокаивались до следующего года.

Через два года мы вокруг турбазы обломали все дрова и возникла проблема с дровами. Поэтому решили перебраться на новое место и организовать там новую «турбазу». Ее построили одним километром выше по ручью, у которого жили раньше. Гольцов в ручье возле нашего лагеря не было и все продукты мы приносили с собой. Уху мы здесь ни разу не варили.

Иногда брали картошку, макаронные изделия, репчатый лук, заварку и сахар из дома. Покупали мясную тушенку, и супы в пакетиках (без мяса и с мясом), гороховый суп и кисель в пачках, который заваривали кипятком и доводили до готовности. Иногда покупали консервы «Рыбные котлеты из частиковых рыб в томатном соусе». Как сейчас помню, банка таких консервов стоила 30 копеек. Кстати, консервы были довольно вкусные. Очень сильно нас выручала черемша, которую мы добавляли в горячую пищу или ели просто с хлебом и солью. Осенью в районе турбазы на склоне сопки созревала рябина.

Иногда, особенно когда ходили маленькой группой по три человека, из дома ничего не брали и продукты покупали в магазине. «Скидывались» на каждый день по одному рублю с человека из расчета две банки рыбных котлет на день + макароны, заварка, сахар и хлеб.

***

Когда мы учились в 6 классе, руководство Паратунского совхоза «Октябрьский» обратилось к директору школы помочь совхозу людьми. В школе был организован кружок «Юный животновод» и нас несколько мальчиков и одна девочка выразили желание вступить в него.

Среди желающих поработать на производстве, кроме меня, был Юра Вторушин, Виктор Тюменцев, Вася Антаков (остальных не помню). Мы в течение февраля-апреля ходили два раза в неделю к 18 часам вечера в коровник доить коров. Доили с помощью доильных аппаратов-бидонов. Мы сами мыли вымя коровам теплой водой и устанавливали присоски аппарата на каждый сосок и снимали их. Помимо этого, каждую корову мы чистили скребницей и убрали навоз в стойле. Денег нам не платили, но разрешали пить парное молоко. На каждого члена кружка приходилось 12–15 коров. Такое общение с животноводством длилось всего одну весну.

Что интересно, мы все, кто ходил доить коров в детстве, с удовольствием вспоминаем этот эпизод нашей жизни.

***

Паратунский военный санаторий был местом реабилитации экипажей подводных лодок, базировавшихся на Камчатке. Помимо лечебного комплекса, в санатории находился культурный центр, который располагался в трехэтажном здании в центральной части санаторного комплекса. Здесь был кинотеатр не менее, чем на 200 мест, библиотека, курсы кройки и шитья, и другие культурные сервисы.

Ежедневно в кинотеатре санатория демонстрировали художественные фильмы в 19 и 21 часа. В воскресные и субботние дни в 12 часов демонстрировали фильмы для детей. Два-три раза в неделю в здании кинотеатра устраивали танцы, где оркестр играл живую музыку.

По крайней мере, не реже одного раза в месяц, в клуб санатория приезжали известные советские артисты с сольными и групповыми выступлениями. Я помню, что дважды приезжал певец Муслим Магомаев, Иосиф Кобзон, киноартист Василий Быков (одна из главных ролей в фильме «Добровольцы»), Майя Кристалинская и многие другие. Роль военного санатория, как культурного центра, в жизни местных жителей была крайне высока, по крайней мере, в те годы, когда я жил в Паратунке.

Клубом в то время заведовала женщина по фамилии Васи-

льева (имя и отчество не помню). Ее муж Александр Михайлович Дикуненко вел уроки труда в нашей школе. У Васильевой была дочь Тамара, а у А. М. сын – Евгений (закончил мореходное училище в Петропавловске). Как сложилась их дальнейшая судьба я не знаю.

***

У моей мамы в военном санатории была подруга, которая работала там же зубным врачом. Ее звали Анна Леонтьевна и фамилии ее, к сожалению, я не помню. Во всяком случае, мама иногда ходила к ней скоротать вечер за чашкой чая. Несколько раз Анна Леонтьевна лечила мне зубы.

Через много лет, в 1978 г., моя мама приезжала к нам на Камчатку нянчить мою дочь Анастасию, она неоднократно ездила к Анне Леонтьевне в гости. Они так и остались подругами.

***

Вечером, после работы многие паратунские мужчины и дети ходили рыбачить на «Зеленку». Так это место называли потому, что здесь находился крутой высокий берег длиной около 200 м, хорошо освещаемый солнцем в течение всего дня. Биологическая весна здесь наступала рано и еще издали, даже из поселка, был виден ярко-зеленый участок крутого берега. Она располагалась двумя километрами севернее крайних домов поселка. Здесь в р. Хайковка и находилось нерестилище кеты и кижуча. В конце мая-июня Паратунская тундра чаще была залита паводковыми водами. Заливало и хайковское нерестилище. Глубина в паводок в этом месте достигала 1,5–2,0 м, хотя встречались и более глубокие места.

Рыбаки выстраивались вдоль берега в районе большого камня размером около 1,2–2,0 м (очень заметный ориентир) и ловили на поплавочные удочки на лососёвую икру. Попадались в основном молодь кижуча размерами 9–13 см, небольшие гольцы-тысячники клевали редко. Каждый рыбак приходил с 3-х литровым бидончиком и, половив 2–3 часа, обычно шел домой. Никакие рыбинспектора не препятствовали населению лову молоди лососей в этом месте.

На рыбалку я ходил через два-три дня, по мере того, как мы съедали с мамой рыбу. Иногда я налавливал бидончик, но чаще – всего половину. Лов на «Зеленке» продолжался около двух недель, т. к. молодь кижуча мигрировала с нерестилища ниже по р. Хайковке и далее по р. Паратунке, скатывалась в море. После ската молоди лососей, рыбачить на «Зеленку» приходило все меньше народа. Только несколько мальчишек, в том числе и я, пытались там еще что-то поймать.

Помню один замечательный улов гольца-тысячника длиной около 18–20 см на «День пионерии» 19 мая 1964 г. 200 м ниже впадения р. Хайковки в р. Паратунка. Тогда я поймал около 5–6 кг гольцов. Но в последующие два года на близкие даты здесь голец больше не ловился вообще.

Взрослых лососей в р. Паратунка я не ловил, хотя видел как ловят другие на закидушку «на подсек», забрасывая свинцовый груз с 2–3 тройниками на леске 0,8–0,9 мм как можно дальше от берега. Заводских спиннингов в то время я у людей не видел. У некоторых были самодельные спиннинги с, примотанной изоляционной лентой катушкой. У большинства «закидушки» были намотаны на дощечки с вырезами для лески. Я посещал только одно место лова взрослых лососей, расположенное чуть ниже впадения р. Хайковки в р. Паратунку. Груз закидушек долетал далеко за середину реки. Я видел, что за один-два часа рыбалки обычно ловили 1–2 рыбины (нерки или кеты). Закидушки у меня не было потому, что я не мог купить нигде толстой лески.

После окончания 7 класса я, наконец, смог купить моток японской толстой лески. И где-то в середине сентября пошел на р. Паратунку ловить кижуча. На 8 км трассы Паратунка-Елизово я свернул к реке. У меня была закидушка на дощечке с крутящейся желтой блесной, сделанной из гильзы. Чтобы блесна блестела, ее, после полировки мелкой наждачной шкуркой, натирали швейной иглой.

Это было около 16 часов. Клевало лучше, чем в фильме «Бриллиантовая рука»: 2–3 заброса и шла поклевка. Кижуч был крупный, каждый весом около трех килограммов. Поэтому, я поймал только 8 штук и остановился. Больше бы и не

донес. Я правильно сделал, что не пожадничал, т.к. и то, что поймал, я донес с трудом. Мама эту рыбу посолила. Рыбинспекторы меня по дороге не поймали, т. к. шел лесом в достаточном удалении от берега.

Сейчас, много лет спустя, могу сказать, что это была самая азартная для меня рыбалка в жизни. В дальнейшем, я больше никогда не рыбачил «на блесну» и оставался, и остаюсь довольно равнодушным к процессу рыбалки на учебные орудия лова.

В профессиональной работе я использовал сеть или закидной невод. Но такой лов был довольно азартен для меня только в тех случаях, когда было мало рыбы и она плохо ловилась. Особенное чувство азарта испытывал в первые 1975–1978 годы работы на р. Камчатке, когда из каждого крупного притока реки надо было не более, чем за трое суток, поймать 100–150 шт. половозрелой нерки.

***

Помимо рыбалки, мне запомнилось и строительство «халабуды». Халабуда – это небольшой домик (3 x 2 м), сложенный нами из остатков бруса среди нескольких берез недалеко от дома Юры Вторушина. Там имелась дверь, маленький столик, окно, лестница внутри на чердак. Стоять там можно было только наклонив голову. На чердаке сделали маленькое окошко. Иногда в халабуде мы спали днем или делали вид, что спим: двое внизу, а один на втором этаже под крышей.

В халабуде я ночевал только два или три раза. Чаще там спали Юра Вторушин с Валерой Федориным. А наверх они меня не пускали, чтобы халабуду не развалил.

Осенью старшие братья Юры попилили халабуду на дрова и наша лесная жизнь закончилась. В это время мы с Юрой с удовольствием читали Э. Сэттона-Томпсона «Маленькие дикари».

Когда закончил шестой класс, старший брат Юры, Виктор, построил из одного листа фанеры маленькую лодку – тузик. Вычитал, как его построить, в «Пионерской правде». Выкрасил в голубой цвет. Сделал весло с двумя лопастями на концах.

Виктор Пашенко нашел на р. Хайковке маленькую лодку, с которой мы рыбачили (1964 г.)

В общем, для меня это являлось пределом мечтаний. Мне дали на нем прокатиться всего один раз, и больше не давали.

Свое желание проводить время на воде мы с моим другом Виктором Пашенко реализовывали следующим образом. Периодически, рано утром, воровали одну из нескольких небольших деревянных лодок (пришвартованных в истоке р. Хайковки) и прятали ее несколькими километрами ниже – в районе «Зеленки». На лодке ездили рыбачить по всей р. Хайковке до впадения ее в р. Паратунку. До спрятанной в кустах лодки добирались по береговой тропинке, что вела на «Зеленку». Так продолжалось почти все лето.

Однажды наступила моя очередь воровать лодку. Я ее благополучно украл в 3 часа ночи, а к 6 утра уже спрятал на «Зеленке». Как только спрятал, сразу же услышал шаги хозяина, который шел по берегу. Хозяин меня не увидел, хотя я сидел в кустах в 20 метрах. После этого случая лодок боль-

ше не воровал. Да и, облюбованную нами, лодку куда-то перегнали, а остальные были слишком большими.

В школе учился на четверки, иногда получал пятерки, проскакивали и тройки. Восьмой класс закончил без троек. У меня выходила тройка по русскому языку. Но на экзамене получил пятерку, и в свидетельство об окончании поставили четверку.

Мама никогда не заставляла учить уроки. После школы (я учился в первую смену), обычно обедал, отдыхал до 15–16 часов, а потом садился за уроки. К 18 часам домашнее задание заканчивал. Затем шел играть с друзьями на улицу.

***

В Паратунке долгие годы не было общественной бани и многие жители мылись в «паратунской луже», расположенной ниже 8-летней Паратунской школы (где ранее было здание церкви). В истоке выхода термальных вод вода была очень горячая и чистая. Эта зона была отгорожена досками. Сюда греться за-

Участок знаменитой «Паратунской лужи», где позже будет построен центральный бассейн (слева в снег воткнуты охотничьи лыжи, подбитые шкурой нерпы) (1959 г.)

лезали очень не многие и то на короткое время. Далее шло расширение русла с глинистыми берегами и оно становилось ниже по течению все прохладнее и прохладнее. На первых 50–60 м от горячей зоны в основном мылось и купалось население Паратунки и приезжие гости из Петропавловска по выходным дням. Ниже никто не купался, т. к. там было много черного ила.

Мы, школьники, называли эту лужу просто – «ванночка». Начиная уже с 5 класса, ходили почти ежедневно купаться после школы в эту ванночку. Иногда мы ходили купаться в 20–21 час и купались до 24 часов. Раздевались на берегу, а перед тем, как одеваться, мы специально лезли в горячую часть источников и прогревались столько, сколько могли вытерпеть. Раздевались специально поближе к зоне выхода горячих ключей, чтобы ближе бежать до одежды. Под яркими звездами в «паратунской луже» было очень приятно ночью.

Уже где-то в начале 8 класса я почувствовал, что в ванночке у меня начинает болеть сердце и я через 15 минут обычно вылазил. В дальнейшем, в течение всей жизни, я более 15 минут в паратунских ключах высидеть не могу – начинает щемить сердце, как в детстве.

***

Помимо «лужи» мы, мальчишки, ходили купаться ночью и в бассейн военного санатория (где отдыхали экипажи подводных лодок после походов), расположенного неподалеку от общественной точки купания. Бассейн окружала 3,5-х метровая стена и через стену мы пролезть не могли. Мы проникали в бассейн через отверстие стока из бассейна, которое начиналось под водой на глубине 30 см. Мы ныряли в это отверстие и выныривали уже в бассейне санатория. В начале пускали «разведчика» и если никого в бассейне в ночное время не было, то мы все ныряли в это отверстие и купались уже за стеной. Там было две бассейна: один большой (горячий) и один меньшего размера (прохладный).

Дело в том, что вечерами бассейн иногда посещали «влюбленные пары», которые договаривались со служащими оздо-

ровительного комплекса. Иногда «влюбленные» нас выгоняли и мы купались тогда за стеной бассейна снаружи. А иногда нам разрешали оставаться, но при условии, чтобы мы купались только в неглубоком бассейне и не высывались, пока не позовут. Мы и не высывались. Жалко, что ли?

***

Был еще так называемый «колхозных бассейн», который после постройки долгое время имел какую-то неудачную судьбу. В нем не хватало горячей воды и было холодно купаться. Первое время там брали за купание деньги по 30 копеек за купание, но потом горячую воду перекрыли и этот бассейн окончательно захирел, «бизнес» прекратили, а раздевалки загадили. Так он простоял несколько лет. Как складывалась его судьба последующие 30 лет я не знаю. В конце 1990-х годов его приватизировала «Устькамчатрыба», и моя жена, работавшая в этом предприятии заместителем директора по строительству, занималась перепланировкой и благоустройством данного оздоровительного комплекса.

***

Любил еще я купаться иногда летом в небольшой безымянной луже, расположенной внизу от дороги на подошве склона тундры (у поворота возле нового «почтового отделения»). Вода там была прозрачная, около 32–34 °С, но сама ямка была неглубокая и там мог поместиться только один небольшой человек или подросток. Вокруг никого не было и никто меня не видел. В сентябре мне на голову падали желтые листья.

***

В годы нашей жизни с мамой в Паратунке, в селе уже существовал совхоз «Октябрьский» (ранее здесь был колхоз «Красная Звезда»), который выращивал картофель, капусту, турнепс, морковь, свеклу, ягодные культуры (черную смородину и клубнику), помидоры в теплицах и огурцы в парниках.

Два-три раза в неделю, в 15–16 часов на маленьком базарчике у магазина «Продукты-Хозтовары», в летний сезон совхоз

продавал «свежести» – помидоры, огурцы, клубнику. Иногда там торговала мама Юры Вторушина – Вера Алексеевна.

Помню, что в 1963 г. один килограмм огурцов стоил 4 руб 50 копеек, а помидоры – 6 рублей. Сколько стоила клубника я забыл. На весь поселок только в нескольких семьях были небольшие теплички. Те, которые таких теплиц не имели, называли владельцев теплиц «куркулями». Запомнилось, что мама несколько раз покупала по 1–2 кг «свежестей», кроме клубники.

У нас с мамой (когда нам дали половину нового дома), еще не было своего огорода. Только через год мама за домом сделала грядки и выращивала там редиску, лук, укроп и десяток вилок капусты. Картошку мы садили на общественном огороде, выделенном нам администрацией детского дома за Паратункой (в сторону «Зеленки»). У нас было две сотки и мы накапывали с мамой по 7–8 мешков картошки. Чтобы доставить ее домой и спустить в погреб, мама нанимала местного конюха, который на телеге на лошади довозил до дома наш урожай.

У окрестных жителей, которые давно жили на территории детского дома, в огородах росло по несколько кустов черной смородины (красная смородина в Паратунке была редкостью). И когда смородина созревала, желание наесться до отвала этой черной ягоды становилось просто нестерпимым.

Детский дом за 2–3 года до нашего приезда в Паратунку заложил сад черной смородины в нескольких сотнях метров от нашего дома. Его охранял сторож. Но когда урожай собирали, сторож сад перестал охранять. Помню, что два или три года я лазил под кустами и объедал оставшиеся кисточки с ягодами. Но ягод оставалось не очень много – воспитанники детского дома хорошо убирали урожай.

Другой источник ягодных витаминов я нашел за южной частью Паратунки на совхозных полях. Там после сбора урожая охрану снимали и я бродил по саду смородины и посадкам клубники. Наедался вдоволь, но туда далеко было ходить. Кстати, ягод на кустах совхозного сада оставалось гораздо больше, чем на кустах детдомовского. Рядом с посадками смородины я видел поле, с зелеными несозревшими помидорами

(которые не созреют никогда) и поле кукурузы, без завязавшихся початков.

Однажды осенью в середине сентября был заморозок и со-вхозные парники подморозило. Урожай срочно собрали, и мальчишкам разрешили поискать и забрать себе оставшиеся огурцы. Я нашел 12 огурцов 9–10 см длиной, и мама два дня делала салат.

Помню, что в 1964 г. возле центральной «лужи» (сейчас это центральный бассейн) совхоз построил две теплицы, которые отапливались геотермальной водой. Внизу боковых цементных стен имелись вентиляционные окна, закрывающиеся изнутри. Днем эти окна открывали. Школьники, в том числе и я, на переменах бегали к этим теплицам, пытаясь достать помидор или огурец через вентиляционное окно. Все, «свежести», которые удалось достать, объели за два дня и дети перестали бегать к теплицам на переменах – не достать.

Дня через два, я нашел кусок проволоки, загнул крючок и на переменах спокойно стал доставать огурцы и помидоры. Но одному стало скучно и я рассказал двум мальчикам в школе «по секрету» как можно добывать «свежести». На первой же перемене почти все старшекласники нашей школы сделали крючки и «накинулись» на теплицы. Я не побежал со всеми к теплицам, т. к. понял, что идея провалилась, и смотрел со стороны. Всех любителей «свежестей» быстро разогнали рабочие теплицы, а на следующий день вдоль тепличного комплекса натянули три проволоки, и привязали собак, которые на цепи свободно бегали вдоль теплиц. Таким образом, я внес прогресс в охрану социалистической собственности.

***

Однажды в январе 1964 г. мама с работы принесла много камбалы и клешней крабов. Я очень удивился этому. Она объяснила, что для корма свиней Паратунского детского дома, где она работала, привезли несколько самосвалов камбалы, которые разгрузили у сараев, и сотрудникам разрешили брать себе рыбу. А клешни крабов находились среди камбалы.

На следующий день ходил к этой куче рыбы и выбирал кра-

бов. На ней уже «трудились» несколько мальчишек. В тот раз набрал почти ведро крабов. Потом ходил на «крабовую банку» еще два или три раза, но мой улов с каждым разом становился все меньше и меньше. Тем не менее, походы за крабами мне навсегда запомнились. Хорошее не забывается.

***

Этот случай произошел, когда я учился в 7 классе. В Паратунке в апреле скопилось много снега. Школа наша была одноэтажная и после схода снега с крыши, она была завалена по самую нижнюю кромку ската крыши. Был солнечный день и многие школьники на перемене залезли на конек крыши. Но вскоре зазвенел звонок и все побежали вниз на занятия.

Через 20–30 минут после начала урока, в наш класс зашел директор школы Петр Степанович Гришин и сказал, что кто-то проломил крышу коридора в школе. Почему-то все дружно указали на меня. Честно говоря, не уверен, что это был я.

На следующий день мою маму вызвали в школу и сказали, что надо ремонтировать коридор. Как оказалось, лопнула одна поперечная балка-доска толщиной 50 мм. Я предложил, что я сам прибью такую же доску поверх старой и покрашу. Со мной согласились и инцидент был исчерпан. В первый же выходной день, я произвел ремонт. Получилось довольно красиво, т. к. сломанная доска разделяла крышу коридора ровно пополам. Не зря нас на уроках труда учил работать с деревом Александр Михайлович Дикуненко – наш школьный учитель по труду.

В «столярку» (отдельный домик) я часто приходил и в выходные дни. Мне было там интересно. В главном здании школы были и токарные станки по дереву, на которых учили работать в 7–8 классах. Мне неоднократно разрешали попробовать «поточить» на таком станке – дерево казалось мягким, как масло, когда резец касался его.

Через год, после окончания мною 8 класса, старую Паратунскую восьмилетнюю школу закрыли, а учащихся перевели в новую, двухэтажную, построенную по ул. Нагорная, № 30.

***

Когда учился в 6 классе, в жизни мамы появился Борис Михайлович Барсов – для меня дядя Боря. Он был буровик-гидрогеолог и работал в районе Паратунки сменным мастером на буровой установке. От звал меня Виктором. Иногда, в шутку, – «индейцем». Мне это нравилось.

К нашему дому стали подъезжать необыкновенные машины и вездеходы – ГТСки и ГТТ. В дом с дядей Борей стали часто приезжать гости – его друзья: начальник Паратунской гидрогеологической партии Владимир Федорович Винокур со своей подругой – молодым специалистом Ларисой Пащенко.

Поросенка осенью мы уже не резали, как все в Паратунке, а стреляли из пистолета «ТТ». Это казалось чем-то необычным.

В целом, «дружба» моей мамы с дядей Борей очень сильно повлияла на всю мою дальнейшую жизнь. В свободные дни я ходил за пять километров в район работы гидрогеологической партии. Там стояли балки, в которых жили сотрудники партии. Для меня составляло большое удовольствие ночевать в спальнях мешках в этих балках под уханье железной печки, куда время от времени подливали солярки, чтобы лучше горела.

Именно там, согретый железной печкой, в ватном спальном мешке-кукуле впервые прочитал «Одиссею капитана Блада» Р. Сабатини и «Остров погибших кораблей» А. Беляева в «приключенческой» обложке-рамочке. Дал мне их почитать буровик дядя Валя Куличенко.

Впоследствии для меня всю жизнь самым приятным стало чтение в полевых условиях, в непогоду, под треск дров в печи. Машина времени безотказно переносила в детство. Может, поэтому многие люди любят проводить время на дачах – машинах времени, которые возвращают людей в детство?

Сейчас на месте бывших домиков-балков гидрогеологов раскинулся, широко известный своим тепличным хозяйством, пос. Термальный.

***

Еще после окончания 3-го класса, мама за 40 рублей в книжном магазине в Петропавловске купила мне альбом с почтovy-

Выпускники 8-го класса Паратунской средней школы (слева направо): первый ряд – Людмила Симакова, Нина Хохлачева, Людмила Манкевич; второй ряд: Виктор Наконечный, Петр Красиков, Евстолия Павловна Гребенникова (классный руководитель), Виктор Бугаев, Владимир Рунаков, третий ряд – Виктор Тюменцев, Владимир Антаков, Юрий Вторушин (1965 г.)

ми марками. Это был дорогой подарок по тем временам, но мама всегда покупала мне то, что я хотел иметь. Мама не оформляла на отца алиментов и он платил положенную сумму сам.

В альбоме была хорошая подборка марок, начиная с 20-х годов, когда в Поволжье был голод. Несколько лет я усиленно собирал марки, подборки которых по различным тематикам, продавались в специальных филателистических отделах книжных магазинов или в почтовых отделениях. Я собирал марки без системы и из них узнавал много интересного о героях Великой отечественной войны, космонавтах, ученых, деятелях литературы и искусства, городах нашей страны и т. д.

Но вдруг, в период учебы в 7 классе, я увлекся приключенческой и научно-фантастической литературой. Обычно книги я брал в Паратунской поселковой библиотеке и библиотеке военного санатория, куда нас с Юрой Вторушиным записали. Осо-

бенно интересные книги были в библиотеке военного санатория, куда мы ходили раз в неделю. Мы с Юрой Вторушиным, каждый самостоятельно, начали собирать интересные для нас в тот период книги.

На свою беду, я однажды встретил в Паратунке Володю Сидорова – выпускника Паратунского детского дома (он учился уже в ПТУ), который в выходной день приехал к своим друзьям. Мы заговорили о марках и о книгах, и Володя предложил мне меняться: я ему марки, а он мне из города привезет интересных книг.

Действительно, через неделю он привез мне 7 приключенческих и фантастических книг в очень плохой сохранности. Помню там была книга Луи Буссенара «Капитан Сорви-голова». Сказал, что в следующее воскресенье привезет еще, а пока он хочет взять с собой мой альбом с марками. Я ему альбом и отдал. Больше Володю Сидорова в своей жизни я не видел.

***

В связи с тем, что в Паратунке имелась только школа-восьмилетка, после окончания 8 класса мы с мамой переехали в Елизово. Один год мы жили на частной квартире по улице Беринга, 9. Затем она получила одну комнату в двухэтажном доме по улице Строительной, 15. Мама, как всегда, работала главным бухгалтером. В Камчатской области у нее была очень хорошая репутация.

Некоторое время, у нас на ул. Беринга жил и Юра Вторушин, который позже жил у П. С. Гришина (бывшего директора Паратунской школы), и в нескольких других местах. Но в 10 классе он стал ежедневно ездить в школу в Елизово из Паратунки на рейсовом автобусе.

Когда перевезли свои вещи в эту одну комнату, я пришел в ужас: как мы будем жить?! Но жить пришлось, хотя и очень тесно. Кое-что пришлось ставить в два этажа. Никого к себе в квартиру не приглашал – мне было стыдно из-за тесноты. Дядя Боря сюда к нам стал приезжать реже.

Его приезды сводились к тому, что он спал, читал, пил водку и шампанское и снова спал. Не вылезал из постели по 3–4

дня. Иногда он просил меня сходить купить 2–3 бутылки шампанского. Я с удовольствием ходил. Пробовал вино, и оно мне нравилось.

Когда жили в Паратунке, дядя Боря тоже вел «постельный» образ жизни. Мама моя недоумевала: «Почему Борис Михайлович все время спит?». Позже я понял эту тягу ко сну. Став профессиональным исследователем, проводя по 3–4 месяца в палатках, охотничьих землянках, случайных жилищах, после возвращения домой первые несколько дней я всегда отсыпался или находился в постели с книгой. Чтобы было тепло, чисто, сухо, комары не кусали и не гудели.

Через несколько дней этот синдром исчезал, и я начинал вести активную городскую жизнь. Но знаю некоторых полевиков (морских исследователей, моряков), у которых желание проводить в постели все свободное от работы время затягивалось иногда на месяцы и годы.

Но, видимо, с возрастом и накапливающейся усталостью, организм требовал отдыха в уютной спокойной обстановке. Это когда-то и происходило у Бориса Михайловича.

Позже эту странную и непреодолимую сонливость я называл «синдромом бродячих романтиков». Если смотреть более широко, то синдром является частью какой-то более общей закономерности и характерен для людей ненормированного труда, людей трудной судьбы и т. д.

Уже в настоящее время все чаще стали появляться сообщения о синдроме хронической усталости, вызываемом по одним гипотезам вирусом, по другим – недостатком магния в организме, вымываемого алкоголем, кофе и провоцируемом водой с пониженным содержанием магния (особенно чистой озерной) и недостатком витаминов из-за отсутствия овощей.

***

В 7–9 классах, начитавшись любимых журналов «Юный техник» и «Радио», я увлекся изготовлением «говорящих макетов» транзисторных радиоприемников. Радиодетали свободно продавали в магазинах в отделах радиотоваров или в специализированных магазинах.

Обычно, найдя схему какого-нибудь не очень сложного транзисторного приемника, в течение нескольких часов спаивал ее на кухонном столе. Получалась этакая говорящая «радио-сетка» из деталей, покрывающая весь стол.

Через несколько часов или на следующий день разбирал свое произведение и паял новую схему. Меня всегда интересовал процесс пайки и финал: «заговорит» или «не заговорит» собранный приемник с первого раза. Затем наступало самое интересное: начинал из собранной говорящей схемы «выдирать» отдельные радиодетали – смотрел, что из этого получится.

Если приемник не работал, добивался, чтобы он, наконец, заработал. Иногда на это уходило даже несколько дней – перепаявал различные фрагменты. У меня не было тестера, и приходилось паять схемы приемников «вслепую» (без замеров напряжения на контрольных узлах). Когда «дефектный» приемник начинал «вещать», то его, как и все предыдущие, я через несколько часов разбирал. И все начиналось вновь...

Ни одной радиоподделки до финальной сборки, с целью использования в быту, я не доводил. Не имело смысла, т. к. в магазинах уже начали появляться хорошо оформленные латвийские транзисторные радиоприемники «Гауя» и «Спидола».

***

После окончания 9 класса отец подарил мне 8-миллиметровую кинокамеру «Спорт» за 30 рублей, работающую от батарейки, и книгу «Как самому снять и показать кинофильм». Эта книга цела до сих пор. Сам он уже занимался кинолюбительством года два и обладал 16-миллиметровой кинокамерой «Киев». Мощара!

Надо отметить, что за свою жизнь я ни одной смены не провел в пионерском лагере. В июне 1966 г. мама отправила меня в район пос. Начики в туристский лагерь, расположенный на р. Плотниковой в 3 км выше моста. Когда приехали на место, то нас разбили по возрастам на отряды. Я, кажется, был во 2-м отряде. Нас поселили в армейские 6-местные палатки по 4–5 человек. Печек внутри не было. Имелись раскладушки, ват-

ные матрацы и по два одеяла. В общем, жилось не холодно. Рядом находилось озеро, в котором удавалось в теплые дни купаться. Мне там очень понравилось. На соревнованиях на первенство турлагеря, я даже умудрился занять первое место по плаванию на дистанции 25 метров среди школьников с результатом 19,8 сек.

Через три дня после открытия смены турлагеря ездили на озеро Начикинское за рыбой для кухни. От лагеря до озера расстояние составляло около 15 километров. Туда приехали на «газике» рано утром: шофер, проводник Илья Иванович Селиванов и я. По каким критериям выбрали меня, не знаю. Наверно потому, что был Бугай, хотя девчонки дали кличку Чарли, под которой и стал известен всем в лагере.

Взял с собой кинокамеру «Спорт». Там, на озере начал впервые снимать на 8-миллиметровую пленку. Позже сделал свой первый фильм, который сохранился у меня до сих пор (недавно перевел его на DVD-диск).

Вдвоем с Ильей Ивановичем с резиновой лодки в устье притока озера – р. Прямой поставили сетку. В нее минут через 30 попало около 40 нерок. Затем подъехала машина, которая взяла часть рыбы с собой.

Илья Иванович перегнал лодку в исток р. Плотниковой и сказал, чтобы я сплавился на ней до лагеря. Сам он поедет на машине. Я с радостью согласился и за три часа сплавился без всяких приключений до лагеря.

Как уже сейчас понимаю, рыбы выловили больше, чем разрешали по рыболовному билету, и улов разделили. Вечером в лагере жарили рыбные котлеты, несколько дней варили уху и подавали икру на завтрак к чаю.

Через три дня мы пошли в поход на Больше-Баннные источники и р. Карымшину. В поход взяли детей 7–10 классов. Каждому дали рюкзак и большую белую кружку, которая болталась, прицепленная кожаными ремешками за клапан рюкзака. Наше путешествие прошло ровно, без приключений. Если не считать, что однажды я взял без разрешения карабин у Ильи Ивановича и выстрелил один раз в березовый пенек.

Селиванов прибежал напуганный. Думал, что-то случилось.

После этого он сказал, чтобы я спал с ним всегда в одной палатке и вообще все время находился у него на глазах. Больше я режим не нарушал.

В туристском лагере у меня появилось много друзей из Петропавловска. Это были Сергей Адаменко и Саша Беспалов (мы жили в одной палатке), Наташа Обломова (позднее Ищенко), Валера Ищенко и другие. С этими людьми иногда встречался уже и во взрослой жизни. С кем-то учился в одном институте, а позднее жил и продолжаю жить в одном городе. Я был влюблен в Наташу, но Валера мне не оставил никаких шансов. Он был мотогонщиком и в сентябре того же года в каком-то заезде на первенство города занял первое место.

Наташа Обломова (слева) с подругой на о-ве Шикотан (1970 г.)

Много позже, в начале 1990-х гг., Валерий Федорович и Наталья Ивановна Ищенко стали известными бизнесменами в Петропавловске. Так, В. Ф. Ищенко возглавлял российско-японское предприятие «Пиленго-Годо», построившее несколько рыбоводных заводов на Камчатке, работавших по японской технологии. В настоящее время Валера и Наташа живут в Москве, но на связь не выходят и следы их затерялись.

Удостоверение «Турист СССР», полученное мною после посещения Долины гейзеров (1966 г.)

В Долине гейзеров (август 1966 г.)

***

Когда еще находились в туристском лагере, мы с моими новыми друзьями Сергеем Адаменко и Сашей Беспаловым договорились пойти «дикарями» в Долину гейзеров. Но в последний момент мои товарищи отказались от этого мероприятия, и в Долину гейзеров я отправился один.

Мама дала мне денег на продукты на один месяц и на билет на пароход до пос. Жупаново и обратно. Я купил билет на пароход и спокойно добрался до Жупаново. Здесь прибил к группе туристов, следовавшей в Долину гейзеров по двухнедельной путевке. В этой группе шла Наташа Обломова с подругами из школы № 2, Валера Ищенко остался в городе.

В общей сложности провел в Долине гейзеров 21 день, общался с тремя группами туристов из разных городов СССР, потом со многими переписывался. Снял кинофильм о своем путешествии. Он, как и все остальные, сохранился у меня до сих пор. В общем, хорошо провел лето после 9 класса.

Интересно, что летом 2015 г. меня в Петропавловске узнала одна женщина, с которой я когда-то ходил в Долину гейзеров. Тогда она была Ольга Липенко и училась вместе с Наташей Обломовой. Хотя мы не виделись почти 50 лет, у нас сразу склеился разговор и мы не чувствовали какого-то длительного перерыва. Вспомнили общих знакомых и рассказали друг другу, как сложились наши судьбы. Взрослые – это те же дети, только состарившиеся...

***

В Елизовской средней школе № 1 им. М. В. Ломоносова в 9–10 классах у нас училась «сборная солянка». Это было связано с тем, что во многих поселках не имелось 9–10-х классов и дети специально приезжали сюда учиться. Елизовские относились к нам, приезжим, немного свысока – «Понаехали тут...», и дружбы у меня в этот период ни с кем не получилось.

В 9–10 классах мне нравилась камчадалка Наташа Машихина, учившаяся вместе со мной. После школы ее больше никогда не встречал, хотя фамилию эту слышал в Елизово довольно часто. Летом 2000 г. мне позвонил один из братьев Наташи Машихиной – Павел. Он спросил меня, не смогу ли я устроить его племянника к нам на работу в КамчатНИРО.

В свою очередь, я поинтересовался, где сейчас Наташа, не работает ли она в Ассоциации аборигенов Камчатки, т. к. видел там похожую на нее женщину? От него узнал, что сестра сейчас на пенсии и торгует в киоске в Елизово.

Выпускники 10-го «в» класса Елизовской средней школы (слева направо) – первый ряд: второй – Виктор Бугаев, третий – Давид Гольдштейн, четвертый – Владимир Малышев; второй ряд: третья – Наталья Просекова, четвертая – Ира Чикина, пятая – классный руководитель (ФИО не помню), седьмая – Наташа Машихина, восьмой – Михаил Никончук; третий ряд: вторая – Татьяна Логинова, четвертый – Олег Фомин, пятая – Лена Викторова, шестой – Сергей Горшков, десятый – Владимир Андреев (1967 г.)

МИР ЮНОСТИ, ГЕОЛОГОВ И УЧЕБЫ

В первый же год после окончания Елизовской средней школы, в 1967 г. мы большой компанией выпускников поехали в г. Владивосток поступать в высшие учебные заведения.

Во Владивостоке Юра Вторушин с Олегом Фоминым и еще двумя ребятами жили на квартире на остановке трамвая № 4 – «Борисенко». Меня и Сашу Беспалова устроили в общежитии на Эгершельде его родственники.

Олег и Юра поступали в Политехнический институт. Я поступал на специальность «океанология» в Дальневосточный государственный университет (ДВГУ), Саша – в медицинский институт. С первого раза из нас поступил только Юра, но институт он бросил, т. к. не захотел один оставаться во Владивостоке без друзей, и ушел в армию.

По возвращении из Владивостока, Б. М. Барсов устроил меня на работу в Паратунскую гидро-геологическую разведочную партию (ГРП) рабочим 2-го разряда в Отряд опробования. Впервые в жизни (3 сентября 1967 г.) вышел на работу с одним из сотрудников отряда. Мы обошли всю Паратунскую тундру – измерили температуру, давление и расход термальной воды где-то на 10 скважинах. Давление измеряли обычным манометром, а расход воды оценивали, наливая полную емкость (известного объема) за определенное время, которое определяли по секундомеру.

Работа в отряде была несложная, только приходилось много ходить от одной скважины к другой. В день иногда проходил пешком до 30 км. Никто не контролировал. Можно было записать фиктивные данные и никто бы не узнал об этом. Но за год работы в экспедиции я ни разу не воспользовался этой возможностью и регулярно посещал все скважины, не пропустив ни одной. Мне нравилась работа.

В зимнее время иногда к концу дня купался в какой-нибудь емкости, предварительно набросав туда снега, таким образом охлаждая горячую термальную воду. Когда хотелось пить – пил ту же термальную воду. Другой не было. Обед брал сухим пайком (бутерброды).

Сотрудники Отряда опробования замеряют расход воды в скважине (март 1968 г.)

Сотрудники Паратунской гидро-геологической партии совершают восхождение на Вилючинский вулкан (начало июня 1968 г.)

*Термотермия скважины (измерение температуры воды по горизонтам)
на Паратунской тундре (август 1968 г.)*

Иногда приходилось участвовать в аварийных работах – обычно устанавливать новые задвижки на скважины. Уже прошло много лет, но помню названия этих скважин – ГК-1, ГК-2, ГК-3... ГК-7, ГК-8 и так далее (и где они расположены).

В поселке геологов меня поселили в экспедиционном балке вместе со сменным буровым мастером Иваном Бесовым. Он был из Белоруссии. Мы занимали с ним одну половину балка. Не ссорились. В другой половине обитали два сварщика – люди нужной и уважаемой среди гидрогеологов профессии.

Отопление в балках устроили термальной водой – жилось очень тепло (вода убаюкивающе журчала в трубах). Питались в столовой, расположенной в 50 метрах. Каждый вечер я занимался – готовился к вступительным экзаменам в университет. Исключений, чтобы отступать от графика подготовки, почти не имелось. К маме в Елизово ездил довольно редко.

Вечерами молодежь иногда собиралась в столовой-клубе. Немного танцевали. Слушали магнитофонные записи певцов-бардов – Владимира Высоцкого, Юрия Кукина, Евгения Кляч-

кина и других. В основном, собирался инженерно-технический состав.

Меня очень тянуло к геологам, но, что интересно, почему-то не появлялась мысль получить эту профессию.

Запомнились праздники – 7 ноября, Новый год, День геолога, 1 мая. Их я отмечал вместе с геологической молодежью. Купание в бассейне с термальной водой являлось обязательной составляющей всех праздников (рядом с бассейном часто устанавливали небольшой стол с выпивкой и закусками). К бассейну подъезжали на вездеходе.

Перед праздником обычно отправляли «гонца» в Петропавловск за сухим вином. Гонец привозил две 10-литровых канистры белого сухого вина. Его продавали на разлив в магазине на ул. Вилюйской. Если не изменяет память, то цена его была 1 рубль 30 копеек за литр. Собиралась компания 8–10 человек. Много разговаривали. Очень пьяных не наблюдалось. Сидели всю ночь. Я в основном слушал.

Больше всех сдружился с Ларисой и Алексеем Ворожейкиными, Валентиной Смирновой. Вечерами иногда заходил к ним в гости. У Ворожейкиных имелось много книг, и я регулярно брал их читать. По существу, в их библиотеке открыл для себя Александра Грина. У них впервые увидел его собрание сочинений в 6 томах издательства «Огонек» за 1961 год.

Несмотря на то, что читал А. Грина и раньше, до работы у геологов, по-настоящему понял и влюбился в него, только прочитав рассказы.

Я так влюбился в Грина, что просто бредил им. Мне очень хотелось купить его собрание сочинений, но в те времена это сделать не представлялось возможным – вся страна записалась в «книголюбы».

Алексей Ворожейкин, видя мое отчаянное состояние, предложил мне выход – он указал мне место, где уже два или три года валяется собрание сочинений А. Грина. Это был чердак дома начальника партии В. Ф. Винокура.

Ночью я залез на чердак и действительно нашел там 8 книг А. Грина. Больше там ничего не было. Я подобрал себе собрание сочинений без одного, первого, тома, а оставшиеся три раз-

розынных тома подарил потом Юре Вторушину. Первый том А. Грина из собрания сочинений 1961 г. добыл только 7 лет спустя.

На чердак В. Ф. Винокура я наведывался еще два раза – у меня все еще теплилась надежда найти в мусоре первый том, но она не оправдалась. Иногда мне кажется, что меня опередил Алексей Ворожейкин. Всю свою жизнь с благодарностью вспоминаю его дельный совет.

В начале июня 1968 г. молодежь Паратунской ГРП совершила восхождение на Вилучинский вулкан. Нас было 12 человек. Обернулись за три дня. Восхождение прошло успешно. Снял на кинокамеру фильм о походе на вулкан (он и сейчас у меня).

Естественно, за зиму я сделал фильм и о работе геологов. Этот фильм также еще сохранился. В отрогах вулкана убил первого и последнего в своей жизни зайца – больше в природе они мне не попадались.

В середине июня пришла повестка в армию. Регулярно стал являться по вызову в военкомат, но меня и нескольких человек оставили «до особого распоряжения», а может быть, до осеннего призыва.

Юру Вторушина и Олега Фомина забрали в армию. Перед отъездом Юра сказал мне, что в Петропавловск приехала выездная приемная комиссия из Дальрыбвтуза (г. Владивосток) и есть прием на специальность «ихтиология и рыбоводство». Это, конечно, было немного не то, что хотелось, но выбора у меня не оставалось.

Я быстро сдал вступительные экзамены, причем, на пятерки. Видимо, дало результаты мое систематическое самообразование и зимняя самоподготовка у геологов.

Пошел в военкомат, показал справку о поступлении и сдаче экзаменов в Дальрыбвтуз. Мне вернули приписное свидетельство. К 1 сентября приехал во Владивосток, где был зачислен на первый курс и отправлен в колхоз в пос. Чугуевка, Приморского края копать картошку.

***

В Любу Куканову я влюбился уже после окончания школы, весной, когда работал в Паратунской ГРП, не поступив в пер-

вый раз в ДВГУ. Приехал в Елизово, на медицинскую комиссию в военкомат, увидел на улице – и влюбился.

Люба закончила школу раньше меня на год. В школе ее видел, но никаких чувств раньше не возникало. Отношения у нас сложились чистые и целомудренные. Поцеловались мы с ней только накануне моего отправления в армию. Хорошо помню, что ее мама на меня косо смотрела – чем-то мой облик ей не понравился.

Люба поступала в педагогический институт, а я был отпущен «до особого распоряжения» и сдавал экзамены в Дальрыбвтуз. В общем, мы с ней летом почти не виделись.

Накануне своего отъезда во Владивосток пошел на танцы в Дом культуры, где была в это время Люба. Мы с ней простились, договорились переписываться, и я пошел домой, т. к. на следующий день улетал. Когда шел через парк, на меня напали какие-то ребята и побили. Думаю, что это были Любины поклонники. С двумя синяками под одним глазом и приехал во Владивосток.

С Любой мы не переписывались. У меня даже не было ее фотографии. Когда приехал на Камчатку после окончания института, Люба была уже замужем, имела детей.

Люба Куканова (по мужу – Мельник) после окончания института многие годы работала в средней школе, преподавала русский язык. Последний раз встречал ее в феврале 1998 г. на 90-летнем юбилее Елизовской школы № 1 им. М. В. Ломоносова. Наша встреча прошла тепло и искренне. Юность – это юность!

***

Учиться первые два курса в Дальрыбвтузе было очень тяжело – у меня отсутствовали способности к математике, химии, физике и другим точным наукам. Дважды заваливал химию и дважды математику, но всегда все пересдавал с первого раза. На третьем курсе, со второго семестра, стало учиться намного легче.

В институте с первого курса начал заниматься в Краевом доме физкультуры классической борьбой. Там получил пер-

вый разряд. Боролся в весе до 82 килограммов. В 1970 г. стал чемпионом Владивостока на 25-ю годовщину Победы над Германией. За эту победу мне присвоили звание кандидата в мастера спорта. Но вскоре бросил борьбу, т. к. перешел в другую, более высокую весовую категорию, где шансов на успех у меня не имелось.

Первые два курса прожил на квартире. В первый год – у своей крестной матери Варвары Константиновны Слободчуковой на 1-й Речке, а на втором курсе – на другой частной квартире у медицинского института.

Варвара Константиновна была замужем за родственником моей мамы, который умер во Владивостоке, отравившись рыбными консервами. Лида (дочь В. К.) – была женой Виктора Куренцова (популярного советского штангиста), который являлся сыном известного ученого-энтомолога д. б. н., профессора Александра Ивановича Куренцова, жившего во Владивостоке и издавшего свои мемуары «Мои путешествия» (1972).

С моими друзьями: Юрой Вторушиным (слева) и Олегом Фоминым (справа) (сентябрь 1971 г.)

*Мой отец и сводный брат Сергей провожают меня во Владивосток
(4 октября 1969 г.)*

Когда я жил у Варвары Константиновны на квартире на первом курсе Дальрыбвтуза, то под кроватью у меня в чемодане лежала 200-граммовая толовая шашка и детонатор с 50 см бикфордова шнура. Эту взрывчатку я «достал» в с. Тихменево, где каждую весну на р. Усури взрывали лед для облегчения ледохода и чтобы воды реки не заливали село. Через несколько месяцев я заметил, что толовая шашка исчезла у меня из чемодана, но ничего говорить Варваре Константиновне не стал. Она ее, наверное, куда-то выбросила «от греха подальше». И правильно сделала!

К сожалению, у меня не сохранилась фотография Варвары Константиновны Слободчуковой. Я ее подготовил, что бы отсканировать... И потерял... вложил для лучшей сохранности в какую-то книгу.

Моя мама, получив пенсию, уехала с Камчатки и одну зиму провела вместе со мной во Владивостоке. Осенью 1969 г. она переехала в с. Тихменево, где в отчем доме жил ее брат Дмитрий Тронь. Там она купила небольшой домик.

Мои отец, его жена – Валентина Константиновна Шилкина и друг семьи – Валентина Петровна Гончарова (1969 г.)

Пока вместе находились во Владивостоке, мама стала шить сарафаны (без претензий на моду) для пожилых женщин и очень дешево их продавала на «толкучке». Так, например, если на один сарафан уходило материи на 4 рубля, то она его продавала за 8. На «толкучку» она ходила в субботу и в воскресенье. Выручка за торговый день колебалась от 15 до 30 рублей (прибыль составляла 50 % от выручки).

Все годы, пока учился в институте, отец высылал мне 50 рублей в месяц. Первые годы 10–15 рублей с пенсии добавляла мама. Стипендию в размере 40 рублей начал получать только с 3-го курса.

***

На 3-м курсе мне, наконец, дали место в общежитии Дальрыбвтуза по ул. Луговой, 52, где я и прожил до окончания института.

В комнате № 501 нас обитало четверо: ихтиологи из нашей группы – Анатолий Великанов, Владимир Винокуров, я и еще

Здание «Дальрыбвтуза», ул. Ленинская, № 25. На балкон на 4-м этаже выходили двери лабораторий кафедры ихтиологии и студенты-ихтиологи в перерывах выходили сюда (1972 г.)

Вместе с Татьяной Скворцовой на городском пляже «Динамо» в г. Владивостоке (июль 1969 г.)

Александр Скворцов – брат Татьяны Скворцовой (г. Владивосток, июль 1969 г.)

один парень – технолог. В связи с тем, что ребята-технологи часто менялись, не помню их имен и фамилий.

Жили мы дружно. Вечерами всегда готовили ужин. Соблюдали чистоту в комнате. Всегда в 24 часа тушили свет. Кто хочет читать позже – пусть читает в бытовке. Володя Карпенко из нашей группы проживал в другой комнате. Остальные ребята из группы были владивостокские или снимали квартиры. Напротив комнаты № 501 поселили четырех девочек, тоже из нашей группы – Людмилу Анненкову, Ларису Бельды, Елену Коваль и Ирину Владыко (Коновалову).

***

Впервые увидел ее в мае 1969 г. на пляже «Динамо» во Владивостоке – она была высокая, загорелая, в оригинальном самодельном полосатом купальнике. Очень шустрая. Со всеми вокруг общалась.

Прежде, чем познакомились, встречались на пляже несколько раз. Я ходил на пляж каждый день в надежде увидеть ее. Как-то ее не было несколько дней. Затем она появилась, сама подошла, сказала «привет», и предложила познакомиться. Ее

Фото на память с Т. И. Скворцовой (г. Владивосток, январь 1970 г.)

Из г. Владивостока ездил в г. Иман в военную часть, где служил Юра Вторушин (январь 1970 г.)

звали Таня Скворцова. У нее был старший брат Александр, которым она очень гордилась. Он внешне очень походил на Алена Делона во французском фильме «Искатели приключений». Александр владел очень престижной в те годы профессией: он мог ремонтировать японские магнитофоны. Отбоя от клиентов не было.

НА ГОРОДСКОМ ПЛЯЖЕ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ

В этом городе у моря
Молодости явно сладко,
Где студенчество, в основе,
Живет просто, без осадка.

Закружилось это лето
В поцелуях и объятьях,
В городе уже рассветы,
А рука еще под платьем.

Солнце мая грело воду,
Доски пирса и затылки.
Ты лежала на проходе,
Пила воду из бутылки.

Ровно месяц длилась встреча,
А потом вдруг ты исчезла.
Всё – один остался в вечер,
Чувство: словно пес облезлый.

Иногда сигали в воду
Молодые супермены,
И девчонки очень громко,
Ставили печать измены.

Это прошлое когда-то
Теплотой твоей согрето
Мы расстались слишком рано,
Мы расстались в это лето...

14 января 2015 г. (события 1970 г.)

Таня жила без отца, с мамой Анной Васильевной и братом. Анна Васильевна работала санитаркой в краевой больнице. Жили они все в одной комнате (6 x 6 м) в двухэтажном доме в районе клуба им. В. И. Ленина. Анна Васильевна любила пропустить рюмочку и отличалась исключительным хлебосольством – только зайдешь в комнату, тут же усаживала за стол.

С Татьяной мы сразу же стали близки. Несколько месяцев у нас все складывалось хорошо. Но затем после праздника 7 ноября 1970 г. у нас все круто изменилось. Татьяна не захотела больше со мной встречаться. Безо всяких объяснений.

Пытался несколько раз поговорить с ней, но она меня избегала. В общем, оставался один до тех пор, пока не победил в

соревнованиях на первенство Владивостока по классической борьбе на годовщину 25-летия Победы над Германией. Она меня отыскала сама в апреле в Краевом доме физкультуры. И опять все шло прекрасно... целый месяц. Потом она вновь исчезла.

В июле 1971 г. уезжал на практику на Камчатку. В последние дни перед отъездом Татьяна появилась опять. Подтвердила свою любовь... и я, в хорошем настроении, поехал.

В июле-сентябре проходил практику на Ушковском рыбноводном заводе, принадлежащем Камчатрыбводу. В конце сентября вернулся во Владивосток.

Татьяна встретила меня ласково. Сказала, что беременна – уже четвертый месяц, и нам надо расписаться. Я не возражал. Она быстро договорилась в ЗАГСе, и мы расписались. Вечером в комнате у Анны Васильевны состоялось застолье, на которое я пригласил своих ребят по комнате в общежитии.

Когда около часа ночи все разошлись, Татьяна сказала, что сегодня мы будем спать вместе в одной постели, а завтра я должен уйти в общежитие навсегда. Она любит другого человека и вышла за меня, чтобы родился законный ребенок.

Я развернулся и ушел. Проснулся на полу в своей комнате в общежитии в спальном мешке. Помню, пил ром «Пуэрто рико» – 70-градусный. Через три дня она отыскала меня и попросила прийти к Анне Васильевне домой поговорить.

Пришел. Принес ром «Негро» – 40-градусный. Мы были близки последний раз. Понял, что это все. Больше в отношении Татьяны не строил никаких планов и иллюзий. Мне стало легко...

Стал по субботам и воскресеньям ходить на танцы в Дом культуры им. В. И. Ленина на остановке трамвая «Авангард». Познакомился по очереди с несколькими девушками, но после двух-трех свиданий отношения у нас не развивались.

27 февраля 1972 г. Татьяна родила сына. Назвала его Александром в честь брата. Сразу же после рождения Александра она подала на алименты, и теперь из 40 рублей стипендии ежемесячно 10 рублей перечисляли Татьяне.

Через 6 месяцев Татьяна организовала развод. Нас развели через суд. Процесс закончился за 7–8 минут. Никто из нас не

г. Владивосток, Дальрыбвтуз, гр. ИР-31 (слева направо) – первый ряд: Владимир Карпенко, Елена Коваль, Светлана Чигирева, Владимир Винокуров; второй ряд: Ирина Москальцова, Таисия Юрченко, Наталия Ильенко, Таня Полянина, Ирина Коновалова, Елена Колина; третий ряд: Наташа Козакова, Людмила Анненкова, Владимир Мяжкин, Виктор Бугаев, Ольга Чепалова, Лариса Бельды (1971 г.)

возражал. Из государственной пошлины в размере 50 рублей я заплатил 15, остальное – Татьяна.

Уже на 5-м курсе я влюбился во второкурсницу с технологического факультета Ольгу Голованову. Она жила через две комнаты на том же этаже в общежитии, где и я. Мы дружили несколько месяцев, но потом Оля не захотела со мной встречаться. Ее мама узнала, что я плачу алименты, и повлияла на нее, чтобы она «порвала» со мной отношения.

Потом еще появлялись девушки – из Дома культуры и другие... Но это уже совсем другая история...

***

В период моей учебы в институте, мне больше всего запомнились преподаватели, которые вели у нас ихтиологию: к. б. н. Тамара Александровна Минёва и заведующий кафедрой – к. б. н.

Основатель кафедры ихтиологии Дальрыбвтуза к. б. н. Т. А. Минёва

Лев Николаевич Беседнов. Я считаю, что основную специальность в институте нам преподавали очень хорошо, что касается как теории, так и практики.

Тамара Александровна, в свое время, была основателем ка-

Заведующий кафедры ихтиологии к.б.н. Л. Н. Беседнов принимает экзамен по общей ихтиологии у студента 3-го курса А. Я. Великанова (декабрь 1971 г.)

федры ихтиологии в Дальрыбвтузе, как отдельной единицы. До этого ихтиология входила в качестве преподаваемого предмета по кафедре «Промышленное рыболовство». Именно она основала курс, организовала первый набор, подбирала преподавательский состав.

После второго курса, у студентов нашей группы «ИР-21» была замечательная практика по геодезии и гидрологии суши с выездом в пос. Лозовый, где мы провели целый месяц. Практикой руководила молодая преподавательница Раиса Петровна Кудра. Мы жили в поселковом клубе (мальчики за занавесом – на сцене, девочки – в зале). Из Владивостока мы привезли (на двух грузовых машинах) раскладушки, матрацы, и постельное белье. Питались в столовой. Мы разбились на группы по три человека и работали каждый по своей программе. Интересно, что у меня получился геодезический полигон зеркально ассиметричный от всех остальных, совпадающий во всех деталях, если их сопоставить. Но практику мне зачли.

В свободное время студенты нашей группы ходили купаться

В бухте Горностай, справа – В. И. Карпенко (г. Владивосток, май 1972 г.)

на небольшое Лозовское водохранилище, куда сбрасывались воды ТЭЦ, лазили по окрестным садам (в это время поспела малина). Девочки дружили с местными мальчишками.

Моим лучшим другом в период учебы во Владивостоке был Анатолий Яковлевич Великанов, который после окончания учебного заведения распределился в Сахалинское отделение ТИНРО, где и работает по настоящее время, заведую лабораторией. Анатолий женился на нашей однокурснице Татьяне Николаевне Поляниной, которая почти всю жизнь после окончания института проработала в системе ветеринарного надзора в Южно-Сахалинске. Многие годы мы с Анатолием не виделись, но вот в последние годы мы с ним неоднократно встречались на ежегодных встречах Тихоокеанской комиссии по морским рыбам (PICES) в Китае, Корее и Японии.

Другими моим институтским другом был Валерий Николаевич Ямщиков, который после окончания учебы не стал работать по специальности «ихтиология и рыбоводство», стал работать спортивным тренером по морскому многоборью. «Мастером спорта СССР» он стал еще на втором курсе института. Более, чем за 43 года мы виделись с ним всего один раз в начале 2000-х годов, потому, что всегда, когда я был во Владивостоке, он был на тренировочных сборах в спортивных лагерях. Валера женился на нашей однокурснице Ольге Владимировне Чепаловой (Ямщиковой), которая всю жизнь после окончания института проработала в ТИНРО.

На втором курсе я познакомил двух девочек из нашей группы Светлану Чигиреву и Таисию Юрченко со студентами-геологами из ДВПИ. Среди этих студентов учился наш с Юрой Вторушиным паратунский знакомый – Валерий Челпанов. В итоге знакомства, Света Чигирева и Евгений Терехов после окончания своих институтов поженились, а Света, несмотря на то, что она была распределена на Камчатку в КоТИНРО, осталась во Владивостоке и стала работать в патентном отделе ТИНРО.

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА НА КАМЧАТКЕ

Впервые столкнулся и отчасти понял, что такое моя профессия, только после окончания третьего курса на практике в Камчатрыбводе – на Ушковском рыболовном заводе (в народе – Ушки), расположенном на р. Камчатке 18-ю километрами ниже пос. Козыревск.

Приехал на рыболовный завод на попутной машине в начале августа 1971 г. Над Козыревском и по всей дороге стоял густой запах перегревшегося хвойного леса. В то время директором был Илья Иванович Исаев, главным рыболовом – его супруга Любовь Михайловна Исаева, а куратором этого завода – Галина Николаевна Рассохина, возглавлявшая рыболовный отдел в Камчатрыбводе.

На рыболовном заводе мне очень понравилось. Рабочий день начинался в 9 утра и заканчивался в 18:15. Обед по расписанию. Весь штат завода составлял около 10 человек. На работу никто не опаздывал. Жил один. Сам себе готовил. Иногда на обед меня приглашала Любовь Михайловна.

Вечером два часа работал магазин и через день в домклубе в 21:00 показывали кинофильмы, которые смотрели всем заводом. Билет на сеанс стоил 20 копеек.

Когда началась закладка икры, то разрезание самок и оплодотворение икры проводила сама Любовь Михайловна. Все делалось очень тщательно. Люди искренне верили в нужность рыболовства, и я поверил в него.

Территорию завода, на которой почти везде рос клевер, обнесли забором. По этому клеверу ходил конь «Мальчик», которого в списке материальных ценностей записали следующим за рульмотором «Вихрь-20».

Галина Ивановна много рассказывала о рыболовном заводе. Я с ней подружился и затем многие годы заходил к ней на работу в Камчатрыбвод, где она давала мне материалы по нерке оз. Ушковского.

После первой практики твердо уверился в правильном вы-

На производственной практике после 3-го курса на Ушковском рыболовном заводе (сентябрь 1971 г.)

В общежитии Дальрыбвтуза (4-й курс, март 1972 г.)

Биологический анализ палтусов (слева) и мечение трески в Анадырско-Наваринском районе Берингова моря, (СРТМ «Пограничник Змеев», август 1972 г.)

боре профессии. Вторая практика только укрепила мое мнение об этом. Однозначно понял: мне здорово повезло.

***

Следующая практика, после 4 курса, проходила в КоТИНРО. В июне 1972 г. я приехал в Петропавловск. Меня, оформив на два месяца младшим научным сотрудником, отправили со штатным м. н. с. Виктором Григорьевичем Вершининым в Анадырско-Наваринский район и Чукотское море изучать треску и сайку (полярную тресочку). В море пошли на СРТМ «Пограничник Змеев».

С Виктором сразу подружились. До отхода в море неоднократно бывал у него дома. Хорошие отношения сложились и с его женой – Галиной Марковной Мараевой. Она работала в КоТИНРО переводчицей с английского языка.

В. Г. прекрасно играл на шестиструнной гитаре и здорово пел. Особенно в его исполнении мне нравился «Гимн восходящего солнца», «Любовный напиток № 9», а также «Лучшее платье – твоя нагота».

В. Г. был очень тактичным и вежливым человеком. С ним оказалось легко и приятно работать. Он все старался объяснить. Мы почти ежедневно проводили массовые промеры уловов и, по мере необходимости, биологические анализы трески и сайки. Занимались мечением трески (правда, не знаю, выжила ли после этого хоть одна рыба).

Через полтора месяца плавания наш СРТМ «Пограничник Змеев» зашел в бухту Святого Лаврентия. По судовому радио объявили, что все желающие и свободные от вахты могут сойти на берег. Я относился к категории «желающих и свободных».

Прежде я ни разу не попадал на Чукотку. И поэтому, помимо тяги просто сойти на берег, во мне горело желание пройти ногами по той земле, где никогда не был. До этого часто разглядывал побережье Чукотки в бинокль.

Когда спрыгнул со шлюпки, то сразу ничего не ощутил. Между тем, пока находился в море, меня неоднократно волновала встреча с землей. Сейчас же все произошло обыденно,

будто на день несколько раз сходил на землю в течение этих полутора месяцев.

Сошедшие на землю стали, быстро расходиться в разные стороны. Вначале хотел догнать какую-нибудь группу, но затем раздумал и пошел через тундру к холмам.

Многие из команды ползали на коленях – собирали цветы. Наш тралмастер, лысый пожилой мужчина, от которого я ничего, кроме непереводимых на литературный язык словосочетаний, не слышал, набрал букет и озадаченно смотрел на него, не зная, что с ним делать.

Мне не хотелось рвать цветы. Шел по-щиколотку в воде – тундра была сырая, т. к. таял снег. Постепенно ускорил шаг и вскоре побежал, но быстро выдохся. Сказалась малоподвижная жизнь на судне.

Перешел несколько ручьев и пошел вверх по распадку между двумя холмами. Кое-где на земле валялись старые олени рога. Под ногами пружинил ягель. Выглянуло солнце.

Обернулся и увидел в бухте наш СРТМ. Он казался со стороны очень чистым, как детская игрушка-кораблик. По откосу холма взобрался наверх: до самого горизонта тянулись такие же холмы. И я пошел по холмам.

Наверху они были сухие и чистые, кое-где маленькими островками рос ягель. Свободные от растительности места покрывали белые аккуратные камешки. От них и от ягеля холмы казались белыми и веселыми. Сфотографировал эти «веселые» холмы. И мне сразу стало весело.

Единственно, что слегка огорчало: мне никогда в жизни не придется стоять еще раз на этих холмах. Характер работы не способствовал этому, а туристам здесь делать нечего. Эти края не терпят туристов.

С этими мыслями в голове я вдруг заметил людей с палаткой в километре от себя. Издали казалось непонятным, что они делают: ставят или снимают палатку.

Палатка стояла на берегу бухточки, отделенной от места нашей высадки цепью холмов. Ни мы, ни эти незнакомые мне люди не подозревали о соседстве. И я пошел к ним. Хотелось посмотреть, какой внешности люди обитают в этих местах. Мне

Геодезисты в бухте святого Лаврентия (август 1972 г.)

Вместе с Виктором Вершининым в Беринговом проливе у мыса Дежнева (август 1972 г.)

они представлялись сильными и мужественными. И не ошибся.

Их было трое: загорелые, с длинными отросшими волосами, одетые в защитного цвета, выгоревшие на солнце спецовки. Двое были гладко выбриты, третий (по виду старший) имел могучую бороду.

Мой приход их не удивил. Поздоровались. Задал несколько вежливых вопросов, в которых сквозило плохо скрытое любопытство и восхищение. Ответили, что они геодезисты и собираются сейчас идти к очередной базе. Здесь живут уже неделю.

Сами не задали ни одного вопроса. Скатывали олени шкуры, укладывали рюкзаки. Невдалеке стоял тур из камней. К нему под прямым углом на земле выложили марлей две полосы для того, чтобы потом легче было отыскать данную точку на аэрофотоснимке.

Геодезисты ушли. Я сфотографировал их, поднимавшихся по склону холма. Не знаю имен этих ребят, откуда и куда шли, но они мне понравились. Ни одного лишнего слова. Настоящие люди не должны много разговаривать.

Когда подошел к шлюпке, все уже были в сборе. На берегу горел гигантский костер из бревен, выброшенных морем. Посидели молча у костра, и шлюпка отчалила к судну.

Уже на судне тралмастер принес в нашу каюту половину букета. Через день цветы завяли, а через несколько дней высохли. Я воду вылил, но цветы не выбросил – они пахли чукотской тундрой. Если точнее, то они пахли веником, но если не обращать на это внимание, то они пахли еще и малиной.

Засохший букет стоял месяц. Потом меня высадили в Анадыре, и я улетел в Петропавловск. А букет так и остался стоять в каюте. Не смог его выбросить.

***

В результате командировки в Чукотское море и Анадырский залив я собрал необходимый материал для дипломной работы. Плавание на СРТМ «Пограничник Змеев» оказалось очень полезным. Без вариантов я твердо понял, что мне лучше

не работать морским ихтиологом: в море чувствовал себя не очень хорошо.

В КоТИНРО «обрадовали», что свободен и могу ехать домой. Но я напросился на новую производственную практику.

В итоге, заведующий лабораторией лососевых рыб к. б. н. Борис Борисович Вронский (в обиходе – Бэ-Бэ) отправил меня на два месяца на оз. Курильское. Там поручил по структуре чешуи и морфометрическим характеристикам попытаться найти популяционные различия у производителей нерки с различных нерестилищ.

На самолете Як-40 добрался до пос. Озерновского и пешком (более 40 км) дошел до Озерновского наблюдательного пункта. Он располагался в истоке р. Озерной. Заведовал пунктом Михаил Михайлович Селифонов (в обиходе – Мих-Мих). Его жена, Маргарита Федоровна, находилась в отпуске на материке.

Поселили меня в старом доме с научными сотрудниками из г. Горького, изучавшими миграции и хоминг нерки. Эти ребята через несколько дней уехали, и я остался в доме один.

Все дни до отъезда, горьковчане ежедневно жарили по ведру котлет из медвежатины. Сама ободранная туша медведя лежала в сарае-снежнике. Отрезайте сколько хотите и готовьте. Горячие котлеты оказались достаточно съедобными, а холодные – сильно пахли рыбой. Больше всего понравились отварные холодные медвежьи лапы, но они не могли не понравиться, т. к. это широко известный деликатес. Борщ из медвежатины меня тоже как-то не вдохновил.

С помощью сотрудника Озерновского н/п*, уже пожилого Семена Федоровича Орла, в бассейне оз. Курильского отлавливал на отдельных нерестилищах по 50 самок нерки. Делал их морфометрию (измерения для дальнейшего анализа пропорций тела). На каждой рыбе проводил более 30 измерений. Занимался этим целые дни, и мне ни до чего не было дела.

В период моей жизни на озере к М. М. раз в неделю на выходные дни приезжали гости с Паужетской геотермальной

---

*н/п – наблюдательный пункт.

На практике в бассейне оз. Курильское (сентябрь, 1972 г.)

станции (геологи, вулканологи), но это меня никоим образом не касалось. Я продолжал делать свою морфометрию.

Кроме того, раз в месяц участвовал в измерениях температуры воды в озере по горизонтам с помощью термобатиграфа.

Вот таким я увидел впервые оз. Этамьнк с вертолета (сентябрь 1972 г.)

Устал после просмотра чешуи для дипломной работы – в студенческом общежитии на 5-м курсе Дальрыбвтуза (март 1973 г.)

Температуру воды измеряли до глубины 200 м. Существовала специальная лебедка для этой цели.

Один раз, когда к М. М. приехали гости с Паужетки, он попросил меня заправить электрическую станцию бензином и запустить ее. Из бочки на улице я налил бензина в бак, но станцию завести не смог.

Когда доложил М. М. о своей неудаче, то кто-то из гостей сам вызвался сходить запустить станцию. И... пропал. Не дождавшись, все гости пошли в дизельную «заводить мотор». Застолье плавно перенеслось из дома в дизельную. Минут через 30 станцию уже «почти завели», когда, наконец, выяснили, что вместо бензина «студент» в бак налил солярки. М. М. глядел на меня укоризненно и улыбался.

Через несколько дней всем пунктом занимались заготовкой дров на зиму. Пилили каменную березу на дрова и складывали в сарай чурбаки, которые зимой обитатели пункта далее будут колоть по мере необходимости.

Заготавливали рыбу для собак – на пункте имелась собачья упряжка. Собак звали: Помякшин (передовик), Черный, Ястреб, Серко, Верный, Крючок, Жучка и Сучка. Иногда через оз. Курильское и пункт проходили изможденные туристы из Петропавловска, которые всегда что-то просили. Что мог – давал.

Однажды, когда на озере уже двое суток был шторм, а моя сетка для лова нерки стояла в устье р. Кирушутк, на пункт прилетел вертолет Ми-4. М. М. Селифонов попросил помочь. И вертолетчики слетали со мной забрать сетку и улов. Этим они очень помогли, т. к. я уже обработал предыдущую пробу.

М. М. разрешал мне на нерестилища брать пунктовый карабин. Озеро Курильское – медвежье место, а этот зверь непредсказуем. Карабин мне не понадобился, и за всю практику я из него ни разу не выстрелил.

Когда на Ми-4 летели на р. Кирушутк, вертолетчики по моей просьбе пролетели над оз. Этамынк, про которое слышал от М. М. Вот так я увидел оз. Этамынк в первый раз. Я еще тогда не знал, что мне предстоит там, через год, побывать.

Впервые в своей практике, под руководством С. Ф. Орла, начал осваивать рульмотор «Вихрь» и несколько раз один выезжал на озеро. Но, по-настоящему, я понял отечественные «вихри» несколькими годами позже, когда впервые с Анатолием Николаевичем Ходько мы вместе на лодке «Прогресс-2» поднялись на 600 км вверх по р. Камчатке от пос. Усть-Камчатск до пос. Мильково.

Через два месяца вернулся в КоТИНРО. За период практики побывал в разных районах озера, которое произвело на меня очень сильное впечатление. Дважды М. М. ездил со мной помогать собирать материал.

Дипломную работу в Дальрыбвтузе защищал по нерке оз. Курильского. Положительный отзыв на нее мне написал директор ТИНРО – к. б. н. С. М. Коновалов.

***

Б. Б. Вронский обещал прислать вызов на работу, но не прислал. Про «студента» он просто забыл, хотя я два раза и напоминал ему о себе письмами.

В ночь перед распределением меня увезли в больницу и вырезали аппендикс. Там пролежал 7 дней. Аттестационная комиссия Дальрыбвтуза распределила в промысловую разведку – ТУРНИФ. Работа в этой организации позволяла побывать во многих странах мира, т. к. СССР усиленно искал новые объекты морского промысла. Но это было не мое.

Через несколько дней после свершившегося факта началась запоздавшая активность с переводом в КоТИНРО. С помощью заместителя директора по науке к. б. н. Ивана Ивановича Лагунова и директора КоТИНРО к. э. н. Александра Константиновича Евдокимова меня в итоге все-таки перераспределили.

Но А. К. поставил условие: я должен заниматься авиаучетами лососей на нерестилищах вместе с А. Г. Остроумовым и не просить прописку в институтском общежитии в Петропавловске или на наблюдательных пунктах.

Чувствовал себя безумно счастливым, т. к. тогда не знал, как много значит прописка. Последнее условие навсегда лишало шансов получить квартиру в КоТИНРО как молодому специалисту. Это был мой «членский взнос» за возможность работать на Камчатке. Легальным путем в КоТИНРО распределили Володю Карпенко, который закончил институт с красным дипломом, и Светлану Чигиреву (она была старостой группы).

Как выяснилось только через несколько месяцев, Светлана на Камчатку не поехала, т. к. вышла замуж за молодого специалиста-геолога Евгения Терехова. Бывая во Владивостоке, я всегда стремился зайти к Тереховым в гости.

Если бы я учился в институте лучше, то проблем с выбором места распределения у меня бы не имелось. Вывод: мальчики и девочки – нужно лучше учиться!

Перед отъездом заезжал к маме в пос. Горные Ключи, которые находился в 5 км от с. Тихменево. Мама работала в санатории «Изумруд» уборщицей и там получила однокомнатную

Фото с мамой в пос. Горные Ключи перед отъездом на Камчатку (август 1973 г.)

квартиру, т. к. на Камчатке в г. Елизово она сдала свою квартиру государству (о чем взяла справку). Перед отъездом мы с ней сфотографировались у местного фотографа.

В начале сентября 1973 г. поехал работать на Камчатку, свободный от обязательств перед кем-либо. С собой привез только чемодан любимых книг – Александр Грин, Роберт Льюис Стивенсон, Брет Гарт, Джек Лондон.

КоТИНРО – 1973–1980 гг.

После окончания института мне полагался месячный отпуск перед началом работы. Отгуливать его не стал. 3 сентября уже находился в Петропавловске, а 5 сентября был принят на работу в КоТИНРО – в лабораторию динамики численности тихоокеанских лососей на должность младшего научного сотрудника.

В гостях у Виктора и Галины Вершининых (слева направо): Галина, Виктор, подруга Галины, Владимир Кунгурцев (сын знакомого моего отца из г. Вильнюса – служил в СА после института на Камчатке) и автор этой книги (конец июля 1974 г.)

Сферой предстоящей деятельности стал авиаучет лососей под началом старшего научного сотрудника Анатолия Георгиевича Остроумова. Через месяц приехал Володя Карпенко, которого определили в лабораторию морских исследований лососей, возглавляемую к. б. н. Иосифом Бениционовичем Бирманом. Володе сразу же дали место в общежитии института по ул. Давыдова, 3.

Так как мой отец жил в Петропавловске, общежитие мне не дали. Я и не просил. Ведь меня брали в КоТИНРО с учетом, что не буду просить жилье. Для себя решил: самое главное – попасть в лабораторию лососевых рыб. И попал. О будущем не думал.

Отец в то время работал в должности старшего помощника прокурора Камчатской области. Его вторая жена – Валентина Константиновна Шилкина занимала должность главного врача городской санэпидстанции. У них был сын – Сергей (на 9 лет младше меня). Проживали они в двухкомнатной квартире по ул. Тельмана, 2. Естественно, жить у них я не мог. На это и не претендовал.

Через две недели после моего возвращения из первой командировки отец помог мне снять комнату за 30 рублей неда-

леко от его дома. В те времена квартиру или комнату снять было очень непросто, но мне повезло.

Хозяин комнаты пенсионер Владимир Ефимович (бывший капитан рыболовного судна) сошелся с женщиной и стал обитать у нее. В этой комнате я и прожил год.

Квартира Владимира Ефимовича находилась рядом с домом «вулканологов» по ул. Тельмана, где жили молодые супруги Виктор Вершинин и Галина Мараева. Я часто заходил к ним в гости вечером, праздники мы тоже отмечали вместе. Мне было интересно с ними. В квартире на стеллажах стояло много книг, что в то время котировалось у интеллигенции. Узнав о моей мечте, Галина подарила мне 1-й том собрания сочинений А. Грина (1966), которого мне так не хватало. Других книг из этого собрания сочинений у нее не было. Вот ведь как бывает: не знаешь, где найдешь, а где потеряешь.

Позже отец нашел мне еще комнату на 10-м километре у магазина «Дружба». Хозяйка этой квартиры Клавдия Ивановна знала отца раньше (они когда-то вместе работали в област-

Вместе с отцом (г. Петропавловск-Камчатский, октябрь 1975 г.)

Мой отец – Ф. И. Бугаев, в последние годы работы в прокуратуре Камчаткой области (1977 г.)

ном суде). Ее сын ходил в море, и комната пустовала. Там я прожил еще год. Уже собираясь съезжать с этой квартиры, познакомился с Татьяной Томчишиной (моей будущей женой).

Помню, что первым делом в отделе кадров КоТИНРО спросили прописку (сейчас это стали называть «регистрация»). Сказал, что она у меня будет. Валентина Константиновна со своими связями прописала по какому-то общежитию на ул. Ленинградской, 2. Так, с этой «липовой» пропиской просуществовал до 1977 г., пока мне при выписке пропуска во Владивосток в УВД не указали, что такого дома уже давно не существует. Следует срочно прописаться, чтобы не нарушать паспортный режим. Меня прописали в своей квартире родители жены Татьяны.

***

Многие годы всех сотрудников нашего института волновал «квартирный вопрос». В отличие от молодых специалистов (прописанных в общежитии или на наблюдательных пунктах), с которыми прибыл на работу в КоТИНРО, живших у родителей своих жен или мужей и получивших квартиры через 6–8 лет, я так и не получил квартиру.

Родители Татьяны осенью 1978 г. уехали с Камчатки на постоянное жительство на Украину, в Полтаву. Там у них имелась двухкомнатная кооперативная квартира. Нам оставили свою трехкомнатную «хрущевку». Она располагалась очень неудачно: темная и крайне шумная (вдоль основной дороги). Но на очередь меня не ставили, т. к. по нормам для постановки на очередь следовало иметь на человека 9,0 м² жилплощади, а у нас было по 9,2 м².

Только через 20 лет, мне, как ветерану производства, в целях улучшения жилищных условий дочери Юлии, работавшей лаборантом в КамчатНИРО, выделили однокомнатную квартиру в новом доме, построенном нашим институтом.

С разрешением приватизации жилья в конце 1995 г. мы продали свою квартиру и купили новую. Квартирный вопрос перестал существовать для нашей семьи только через 22 года после начала моей работы в КамчатНИРО.

***

В 1978 г. отец, доработав до пенсии, уехал с семьей в Литву, в Вильнюс, откуда Валентина Константиновна была родом. Свою камчатскую жилплощадь они поменяли на комнату в коммунальной квартире в Вильнюсе, где у них уже имелась двухкомнатная квартира, оставшаяся от родителей В. К.

С женой отца у меня сложились достаточно ровные отношения. Не существовало обиды ни на кого. В это время я уже понимал, что если людей посетила любовь, то здесь все бороться бессильны и препятствовать бесполезно. Никакие местные и парторганизации не помогут сохранить семью.

Отец умер в декабре 2000 г., а В. К. была еще жива. С отцом мы регулярно переписывались. После его смерти я несколько раз писал в Вильнюс, но никто не ответил.

Через 8 лет меня по интернету отыскала Ирина Александровна Краус – внучка сестры моего отца – Марии Ивановны Столбер (1912 г. рождения), которая уже умерла. С Ириной Александровной, проживающей в Ямало-Ненецком АО, стали переписываться, как когда-то со своей сестрой всю жизнь поддерживал связь отец.

В начале работы мой оклад составлял 112 рублей 50 копеек, плюс коэффициент 1,6 и минус 25 % алиментов. На руки получал около 120 рублей, на которые должен был прокормиться и одеться. Денег не хватало.

Поэтому первые 2 года проводил в командировках по 6 месяцев, питаюсь на командировочные, которые платили по 3 рубля 12 копеек в сутки (когда в месяце 30 дней) и 3 рубля 2 копейки (когда в месяце 31 день). Бутылка водки 0,5 л на Камчатке в то время стоила 3 рубля 62 копейки.

Через 4 года заработал все надбавки. На руки после вычета алиментов стал получать около 170 рублей. Никогда не переживал, что плачу алименты. Воспринимал это как свершившийся факт. После рождения дочери Анастасии и удочерения Юлии, я не стал подавать в суд заявление на перерасчет размеров алиментов моему сыну от первого брака – Александру. Моя жена Татьяна не возражала.

***

Через 3 дня после устройства на работу в КоТИНРО начал летать на вертолете с А. Г. Остроумовым. Первый раз летали по Камчатке почти две недели (без возврата в Петропавловск).

Сразу же понял, что полеты – «не мое». Прежде всего это было связано с тем, что я плохо себя чувствовал – укачивало. Второе, учитель из А. Г. был никудышный. Он не смог доходчиво объяснить, в каких местах русла реки надо смотреть рыбу.

В результате, я смотрел на центральную часть русел рек и рыбы почти не видел. Сыграло свою роль и то, что А. Г. за все годы наших совместных полетов не подпускал меня к «амбразуре» – окну вертолета, где было снято стекло (блистер). Без него рыба просматривалась гораздо лучше.

Как уже понимаю сейчас, А. Г. надо было устроить несколько тренировочных полетов на каком-то участке реки и летать до тех пор, пока я не увидел бы рыбу. После каждого пролета ему следовало объяснять: почему мне удалось увидеть только часть рыбы, а не всю. Я думаю, что здесь бы хватило нескольких часов.

Большим недостатком «курсов Остроумова» считаю то, что А. Г. с самого начала не постарался объяснить, какие перспективы ожидают недавнего студента в научной деятельности, и он не попытался вовлечь сразу же в какую-то совместную работу. Я являлся научным сотрудником, и для меня очень важны были возможности профессионального роста.

«Наученный» А. Г., спустя несколько лет я сделал свой первый, очень важный вывод из «курсов Остроумова» и всегда использовал его в своей дальнейшей исследовательской деятельности: общая работа людей скорее объединяет, чем разъединяет. Она позволяет поддерживать хорошие отношения и даже иногда может примирить при размолвках. Бывает и такое.

Поэтому, если вы хотите с людьми в научно-исследовательских институтах работать долго или постоянно, или быстро выполнить значительный объем работ, предлагайте соавторство. Конечно, это не панацея от всего, но часто помогает.

***

Начав летать с А. Г., непрерывно думал о том, как собрать дополнительный материал по нерке бассейна оз. Курильского и опубликовать свою дипломную работу. В марте 1974 г., когда авиаучетные работы еще не начались, ездил на Озерновский наблюдательный пункт на 20 дней на «раскопки» гнезд нерки.

Самолеты из-за плохой погоды не летали 10 суток и только на 11-е сутки я смог улететь из Елизовского аэропорта в Озерную. Оттуда на лыжах добрался до Озерновского наблюдательного пункта (с одной ночевкой в землянке на берегу р. Озерной). Вот как вспоминаю эту ночевку...

Когда я нашел землянку, она выглядела довольно экзотично – наружу торчала только труба. Предстояло ее откапывать.

Действительно, на берегу р. Озерной имелась землянка, о чем свидетельствовала торчащая из под снега дымовая труба (март 1974 г.)

Но так как эту землянку я прежде не видел, то не знал с какой стороны у нее дверь. Подумал, что вход в землянку логичнее бы сделать со стороны реки. И не ошибся. Вход нашел с первого раза: раскапывая лыжей снег, на глубине 60–70 см, увидел верхнюю часть закрытой двери.

Походив по окрестностям, набрал несколько дубин сухого тальника, переломав их на куски. Из р. Озерной набрал в котелок воды и стал откапывать дверь. Вырыл руками и лыжей шурф у двери, который доходил до половины двери. Она была закручена на проволочку и открывалась во внутрь. Открыв дверь, я вместе с кучей снега, провалился в землянку. Там были одни нары (на двоих), печка и чайник. Зажег свечу (принес с собой). У печки лежало немного дров. Разжег ее. Печь разгорелась сразу. Стал готовиться к ночевке.

Сразу же возникла проблема, как вылезти из землянки наверх, т. к. снег был достаточно рыхлый и ступеньки не получалось сделать – снег обрушивался через дверь в землянку. Опираясь на положенные параллельно лыжи, все-таки с трудом вылез (перед этим выкинул наружу чайник).

В открытую дверь землянки перекидал все собранные дрова. Наполнил водой чайник (его и котелок поставил на снег у

Вместе с А. С. Орлом мы производим раскопки гнезд нерки на Ближнем Северном перестилце оз. Курильского (март 1974 г.)

края шурфа). Залез в землянку. Рассовал по землянке дрова и стало даже просторно. Достал сверху чайник и котелок с водой. В рыхлое дно шурфа воткнул лыжи (откапываться – вдруг занесет снегом за ночь) и закрыл за собой дверь до следующего утра.

В моем жилище потеплело. Чайник скоро закипел. В котелке сварил рис с тушенкой, заварил крепкого чая. Поел, и под сладкий чай, лежа на нарах, стал слушать звуки снежной поземки, доносящиеся снаружи. Около двух часов наслаждался жизнью в тепле и уснул.

Утром проснулся от слабых завываний ветра в трубе. Затопил печь, поел, напился чая. Часть дров у меня осталась. Свечку забирать не стал. Оставил коробку спичек. Полностью оделся и открыл дверь... Снаружи на меня посыпался снег. Выбрался с трудом с помощью лыж (предварительно выбросив наружу рюкзак).

По броду, расположенному 150–200 м ниже землянки (его мне посоветовал М. М. Селифонов), перешел р. Озерную. Хотя

вода подходила почти под обрез болотных сапог, я не намок. Было тихо. Над рекой клубился пар. Было 10 часов утра. Последние 12 км прошел за несколько часов – снег под лыжами проваливался почти на 10 см.

***

В том году оз. Курильское не замерзало, хотя кое-где и плавали крупные льдины в несколько сотен метров в длину и ширину. По оз. Курильскому с Александром Орлом (сыном С. Ф. Орла) ездили на лодке «Казанке». В день раскапывали по одному гнезду, где учитывали процент погибшей икры и общее ее количество. Всего на разных нерестилищах вскрыли 12 гнезд.

Михаил Михайлович Селифонов участвовал в это время в Москве в работе Советско-Японской комиссии по рыболовству (СЯРК), а его супруга Маргарита Федоровна находилась на озере.

Селифоновы (у обоих это второй брак) общих детей не имели и удочерили из Дома малютки девочку Машу, которая тоже жила на озере. Ей тогда исполнилось три года.

Помимо раскопок, находясь на пункте, мне хотелось посетить оз. Этамынк, расположенное в бассейне оз. Курильского, и поймать там молодь нерки. С собой я принес двухместную красную палатку. Из кусков кровельного железа, имевшегося на пункте, сделал маленькую печку. На пункте нашелся и кусок железной трубы. Так, что трубу мне делать не пришлось. Трубу (пропустив через железную вставку) вывел через боковое окно в палатке наружу. Собрав свое отопительное устройство (подложив под печь сырых дров), стал его испытывать.

Печь разгорелась сразу, но через 15 минут у меня начало дымиться дно палатки – прокладка из дров не спасала. Печку срочно погасил – выбросил наружу. В полу проделал соответствующую квадратную дыру и печку установил на держатели из 6 мм проволоки, упиравшиеся в закопанные в снегу дрова (чтобы не проваливались при топке печи). Всё, конструкция представляла собой образец совершенства, т. к. печь я кочагарил несколько часов и все функционировало прекрасно. Про-

Начало поездки на оз. Этамынк – март 1974 г. (слева направо – А. С. Орел, М. Ф. Селифонова, В. Ф. Бугаев)

блема обогрева была решена (утром морозы доходили до «минус» 12–15 °С).

После окончания раскопок отправились вдвоем с Александром на собачьей упряжке через перевал на вулкан Дикий Гребень на оз. Этамынк. Карты у нас не имелось – из «секретной части» КоТИНРО ее не выдали.

Поднявшись на перевал, мы столкнулись с проблемой: как спустить нарту. Внизу находилось замерзшее озеро (мы думали, это оз. Этамынк). Впереди предстоял спуск под углом 45° длиной около 200 м. Никакого объезда не имелось, Александр предложил спустить собак отдельно, а самим съехать на нарте, как на санках, тормозя остолом. Слава богу, что этот вариант сразу отвергли.

Решили, что я спускаюсь на пятой точке с собаками (упираясь пятками в снег), а Александр спускает разгруженную нарту, сидя на снегу и также упираясь ногами. Часть снаряжения просто сбросили с перевала, и оно лежало уже внизу.

Спуск у Александра прошел благополучно. Затем стал спускаться я, держа постромки от упряжки. Подскользнулся. Полетел вниз. Вначале катился на спине вниз головой, затем меня стало бросать с ног на голову – полетел колесом. Помню, что после того, как упал к самому подножию склона, через секунду рядом упал клубок из 8 визжащих и лающих собак. В следующий момент увидел убегающую упряжку. Александру крикнул, что побежал за собаками.

Шел за ними около двух часов, пока не нашел зацепившимися постромками за куст ольхи. Привязал. Затем связал охапку кедрача и прикрепил ее к постромкам вместо нарты. Собаки побежали назад по своим следам, волоча «нарту» из веток. Бежал рядом и я, а как только уставал, падал на кедрач. Собаки останавливались. К самому вечеру добрался до лагеря. Там уже стояла наша красная палатка. В ней горела печка. Александр сам вытолкал нарту с грузом на середину озера.

На следующее утро пилили бензопилой «Дружба» 80-сантиметровый лед. Прodelали восемь лунок и поставили сеть. Через ночь ее проверили. Она была вся утыкана двухгодовиками гольца. Молодь нерки отсутствовала.

Озеро Ульяновское, вид из истока реки, вытекающей из озера (март 1975 г.)

Понял, что это не оз. Этамынк, а оз. Ульяновское, расположенное рядом, где нерка не нерестится. Если бы у нас имелась карта, то такой ошибки мы бы не совершили. Оперативно собравшись, поехали искать оз. Этамынк. В конце дня выехали на край плато, где внизу уже точно находилось это озеро. Но никакого спуска с нашей стороны к нему не существовало. Подход к озеру был возможен только с другой стороны. Поняли, что мартовская поездка не удалась.

Заночевали в отрогах вулкана Дикий Гребень. Началась пурга, но в палатке от печки было тепло. Пили горячий сладкий чай. Степень комфорта находилась на пределе всех мечтаний. Ночью началось сильное землетрясение. В конце-концов уснули и проснулись на следующее утро. На улице светило солнце.

С экипажем самолета АН-2 в пос. Средние Пахачи (слева направо): Довгань В. И. командир АН-2, Бугаев В. Ф. – наблюдатель КоТИНРО, Проценко В. П. – второй пилот, Клименко М. П. – авиатехник (август 1974 г.)

С нашей помощью на перевал собаки затащили пустую нарту. Потом мы два раза спускались за грузом. Поздно вечером добрались до пункта. Электрический свет не горел. Берегли топливо. Жили при керосиновых лампах.

В поездке я потерял темные очки и получил ожог глаз. Двое суток зрение было «не в резкости». Маргарита Федоровна начала ругаться, когда ей рассказали подробности поездки, а мне казалось, что она улыбается.

Вспоминается забавный случай, когда в конце марта – начале апреля, в солнечные дни М. Ф. после обеда раздевалась и в открытом купальнике ходила на лыжах за 1–2 километра от пункта загорать. Однажды неожиданно пошел снег, и очень смешно выглядело, как М. Ф. бежала на лыжах в купальнике в пургу к дому. На Камчатке, в районе Петропавловска, я видел весной много таких лыжников, бегущих в купальных костюмах под неожиданно налетевшим снегом.

Через несколько суток мы с Александром поехали на собаках в Озерную, откуда на рейсовом самолете я улетел в Петропавловск.

К сожалению, как я считал в молодости, наша экспедиция на оз. Этамынк была неудачной, т. к. без карты вместо него мы обследовали оз. Ульяновское. Сейчас же, много лет спустя, считаю эту экспедицию вполне успешной, т. к. свершилась первая попытка изучения ихтиофауны оз. Ульяновского. После нас, попыток лова рыб в этом озере, лет 30 никто не предпринимал.

***

В июне 1974 г., до начала авиаучетов, я вновь попал на оз. Курильское. Вместе со студентами-практикантами Александром Филологовичем Толстяком (Дальневосточный ГУ) и Виктором Аркадьевичем Точиным (Томский ГУ) ходил на оз. Этамынк.

Новый рабочий пункта, Анатолий Валентинович Кузюрин высадил нас троих на лодке «Прогресс-2» на берегу оз. Курильского, не доезжая устья р. Этамынк и мы пошли к озеру через горы напрямик. Если все сложится удачно, на следующий день вечером он должен был нас забрать. Если к 18 часам нас не будет, то он должен был приехать на это же место через сутки, а если нас вновь не будет – то еще через сутки. В зависимости от ситуации с уловами молодежи нерки, я планировал, максимально 3 ночевки на озере.

На себе, кроме продуктов на трое суток, мы тащили двухместную резиновую лодку, мальковую сеть (из запасов пункта), палатку и спальные мешки. «От медведей» Маргарита Федорова нам дала карабин и 10 патронов.

Продираясь с трудом через ольховый стланик, мы поднялись выше, где еще не растаял снег. Далее шли с комфортом по снегу из под которого торчали оттаявшие частично (или местами) ольховый и кедровый стланики. Местность из-за вздымающихся вулканических образований и крупных камней была очень экзотична. Ярко светило солнце и было тепло. Через два часа вышли к спуску к оз. Этамынк.

Озеро вскрылось всего на 30 %. Спуск покрывал рыхлый не растаявший снег толщиной 25–30 см. Придерживаясь стороны, где больше стланика (при падении за него можно удержаться), спустились к озеру и на первом же холме мы стали натягивать палатку. На тундре возле озера стояла вода по щиколотку. Пока ребята занимались палаткой и приготовлением еды, я надул лодку и поставил прямо напротив «нашего» холма у границы льда мальковую сеть. Все дела у нас были сделаны к 21 часу. Поужинали, но выпивки у нас с собой не было (все давно уже выпили на пункте).

В 8 часов утра поехал проверять сеть. Сразу же стало ясно, что пойманной за ночь молодежи нерки вполне достаточно. Прямо в лодке выбрал улов, сложил его в банку и залил формалином. В сеть попало 49 шт. смолтов (покатников) нерки и 3 смолта кижуча. Около 10 часов утра я подошел к палатке, где Александр и Виктор пили чай и объявил, что можно собираться домой. Работа сделана.

В 12 часов мы начали подниматься наверх и в 15 часов 15 минут уже стояли на берегу оз. Курильского, где нас у костра уже поджидал Анатолий Кузюрин. Попили чая, полежали на теплой гальке и кусках пемзы. Погода была хорошая, на озере стоял полный штиль и я решил быстро «смотаться» на лодке, чтобы поставить мальковую сеть в оз. Курильском на центральном буге.

Ребят с карабином оставили у костра. Мы, вместе с Анатолием, съедили и поставили сетку. Вернулись к нашему костру в 18 часов 30 минут и через 40 минут прибыли на пункт.

На следующий день, в 8 часов утра, сняли сеть в озере, в которую попало 60 шт. смолтов нерки. Со сбором материалов в этот раз все получилось даже лучше, чем я планировал.

С собой на оз. Этамьнк я брал кинокамеру «Кварц-2», которую зарядил цветной пленкой (до этого я раньше снимал только на черно-белую). К сожалению, не учел влияние нестывшего снега при установке фотоэкспонометра и практически вся пленка получилась очень темной. Фотоаппарат с собой я не брал. Поэтому не осталось никаких памятных снимков об этом походе на оз. Этамьнк.

С середины июля и по конец августа летал с А. Г. Остроумовым по всей Камчатке и Корякскому нагорью – от мыса Лопатки до мыса Олюторского. Побывал во многих населенных пунктах области и, самое главное, увидел многообразие и характер рек и озер этого региона нашей страны.

В начале сентября 1974 г. вылетел на рейсовом самолете из Петропавловска в пос. Озерновский и пришел пешком на пункт. Утром 4 сентября, вместе с Анатолием Кузюриным, высадились в устье р. Этамынк. Оставив лодку на берегу стали по медвежьей тропе подниматься к озеру.

В нескольких километрах от устья мы встретили охотничье (браконьерское) жилище, где были запасы еды и два спальных мешка. Жилище выглядело очень своеобразно и напоминало теплицу для выращивания овощей: квадратный каркас из ольховых жердей был обтянут желтой пленкой, которую используют при производстве трансформаторов. Мы предположили, что это сооружение построили люди, работающие на Паужетке. Ломать ничего не стали, оставили все как есть, а по возвращению об этом доложили М. М. Селифонову. Дальнейшую историю этой «теплицы» я не знаю, т. к. через день улетел в Петропавловск.

Поднимаясь по реке, вытекающей из оз. Этамынк, отметил, что на последних 2 км реки встречается очень много мелких самцов-каюрок (насчитал около 2 тысяч). Насколько типично это явление для данного водоема я не знаю.

Мы поставили палатку на берегу у устья реки, впадающей в озеро. Здесь же поставили и сеть, в которую с началом темноты начала попадаться рыба. Сварили картошку с тушенкой, я достал припасенную еще из Петропавловска бутылку водки. Немного выпили (пока не допили все). Почти не спали.

За ночь поймали 79 производителей нерки и нескольких кижучей (ночью мы несколько раз вставали и выпутывали попавшихся рыб из сети). На следующий день, сделав биологический анализ рыб, мы вышли к устью р. Этамынк и поздно вечером 5 сентября вернулись на пункт.

После последней моей поездки в бассейн оз. Курильского, появился оригинальный реперный материал из оз. Этамынк,

который позволил довести мою дипломную работу до первой научной статьи, опубликованной в одном из изданий ТИНРО. Предварительно, в марте 1975 г. я доложил результаты своих исследований на конференции молодых ученых ТИНРО.

***

Еще в самом начале моей работы в КоТИНРО (в декабре 1973 г.), Б. Б. Вронский однозначно пояснил, что больше неркой оз. Курильского я заниматься не буду, но исследования по нерке р. Этамынк могу довести до конца. Проблему дифференциации субизолятов нерки оз. Курильского станет разрабатывать М. Ф. Селифонова.

Тем не менее, объективно оценив мои результаты по изучению нерки оз. Курильского, Б. Б. предложил мне (работая на авиаучете), одновременно начать изучать западнокамчатскую симу, о которой никто не вспоминал со времен Р. С. Семко, опубликовавшего в 1956 г. статью о ней в «Зоологическом журнале». Я с радостью согласился и тут же начал строить свою деятельность с учетом пожеланий заведующего.

Мой энтузиазм, в отношении симы, вылился в подготовку к публикацию двух статей по симе Западной Камчатки и других рек Дальнего Востока. В середине июня 1975 г., сразу же после моего возвращения с р. Утки (там я собирал материалы по симе), Б. Б. Вронский предложил мне заняться изучением нерки р. Камчатки, что, в дальнейшем, и стало моим главным жизненным занятием.

***

В августе 1974 г., во время авиаучетов, А. Г. Остроумов высадил меня на одну ночь на Ушковском рыбноводном заводе. Вертолет Ми-4 ночевал в Козыревске. Я ещё раз встретился с супругами Исаевыми. С тех пор у меня осталась фотография Любови Ивановны и Ильи Ивановича. Больше с ними никогда не виделся, т. к. в 1975 г. по достижении пенсионного возраста они уехали «на материк».

Следующим директором Ушковского рыбноводного завода стал Игорь Васильевич Котов. Куратор завода Галина Нико-

Любовь Ивановна и Илья Иванович Исаевы на Ушковском рыболовном заводе (август 1974 г.)

лаевна Рассохина сразу невзлюбила его. Вероятно, она привыкла к Исаевым и ревновала. С Игорем Васильевичем у меня сразу же сложились хорошие отношения. В 1976–1978 гг., проезжая по р. Камчатке мимо Ушковского ЛРЗ, я всегда останавливался у него на ночевку.

***

Многие годы, до М. М. Селифонова, на Озерновском наблюдательном пункте работала Тамара Васильевна Егорова, которая более 20 лет изучала нерку р. Озерной.

Это была крупная, красивая, веселая и слегка взбалмошная женщина. К моему появлению на пункте она уже занималась биологией нерки и горбуши р. Большой. На всю жизнь у нас с ней сложились хорошие приятельские взаимоотношения. Т. В. олицетворяла живую легенду Курильского озера. В честь нее одну гору в районе озера жители даже стали называть «Томкина грудь», а точнее – «Томкина сиська».

Как в общих чертах рассказала Т. В., в 1960-х гг. она находилась в гражданских супружеских отношениях в Александром Алексеевичем Мусатовым, работавшим на пункте мотористом дори (деревянной шлюпки со стационарным мотором). Позже А. А. Мусатов полюбил Нину Алексеевну Симонову и ушел к ней навсегда. Т. В. рассказывала, что ему в дорогу, когда он уходил, она перегладила все рубашки и зла на него не помнит. Насколько понимаю, Т. В. в нашем институте почти ни на кого зла не держала. Обижалась за что-то только на Б. Б. Вронского.

В первые годы моей работы в КоТИНРО, Т. В. иногда приглашала меня к себе домой, жарила баранину с луком и кормила. В это время она несколько лет уже жила с Юрой (не знаю его фамилии), который работал баянистом в каком-то хоре. Он любил выпить. Вскоре Юра умер и Т. В. осталась одна.

В начале 1970-х гг. Тамару Васильевну с оз. Курильского «ушли», и затем она почти 10 лет занималась лососями р. Большой. Там нашла связи между динамикой захода лососей в р. Большую и приливно-отливными явлениями (в зависимости от фаз Луны). На коллоквиумах, при защите годовых отчетов, на некоторые вопросы она отвечала: «Что мне вам объяснять, все равно вы ничего не понимаете». Естественно, это не нравилось: все-таки у нас научный институт и правила игры надо соблюдать всем.

Помню ее в начале сентября 1994 г. на банкете в КоТИНРО по поводу защиты моей докторской диссертации. Она, как всегда, веселилась. Танцевала и целовалась с М. М. Селифоновым. Я очень счастлив, что успел заснять ее на видео такой, какой она предстала тогда – пожилой, но статной и красивой.

Знаю, что в молодости, когда американский ихтиолог, высококвалифицированный норвежец д-р Оле Матисен приезжал в СССР, у нее с ним был роман. Ренди (жене Оле Матисена), тогда пришлось какое-то время попереживать.

Осенью 1993 г. Оле Матисен приезжал на Камчатку и ходил к Т. В. в гости. Меня она тогда тоже пригласила.

КУРИЛЬСКОЕ ОЗЕРО

Посвящается Т. В. Егоровой

Всегда в ветрах, волнах, и редко в зеркале
Суровость озеро надменное хранит,
Я не люблю тебя, хотя ты высший класс,
Ты холодно и равнодушно, как магнит.

Центральная скала – в ней сердце Алаида,
Что бьется в глубине, и только под волной,
Как шпиль твоей колонны триумфальной,
Почти по самый верх, покрытый весь водой.

Ленивый берег тепл от пемзы всей округи,
Исток реки, как зрелая слеза,
Стекает по щеке Камчатки,
Остановить поток уже нельзя.

Гравийно-нерково-медвежья смесь,
Замешанная на странствиях орланов,
И вызывает уваженье твоя спесь,
Живущих лебедей, вокруг вулканов.

Второе в мире, первое в России
По численности нерки золотой,
Озерный водоем, один из лучших в пире,
Кормежки молоди, в течениях под водой.

Запомнить эту местность может каждый,
Кто побывал на озере... хоть раз,
Безумство жизни, здесь многообразно,
Поскольку озеро – Камчатки Глаз!

Сентябрь 2012 г. (мысли 2003 г.)

Пришла еще одна женщина (работник радио), подруга хозяйки. Мы вчетвером просидели целый вечер вместе. Смотрел на Т. В. и Оле, оба они были какие-то грустные... но Т. В. заметно веселее.

***

В КоТНИРО всегда имелись проблемы с персоналом, живущим на наблюдательных пунктах. По статусу на пункте научные сотрудники и технический персонал должны проживать круглогодично. Два-три раза в год специалисты с пунктов приезжали в институт для защиты научных отчетов и решения вопросов по материально-техническому обеспечению. Зимой на пунктах жить никто не хотел, и они оставались, часто значительное время, только под присмотром технического персонала. Обычно одного-двух человек.

С отъездом (бегством) «научников» оставшийся контингент потихоньку «смаывался» в ближайший поселок (связи с институтом ведь нет), чтобы вкусить блага цивилизации. Часто на некоторых наблюдательных пунктах неделями и даже месяцами не было людей. Поэтому люди, которые действительно зимовали на пунктах, очень ценились. Таким и являлся Петр Васильевич Андриенко, муж Майи Вольдемаровны Добрыниной, младшего научного сотрудника КоТИНРО. Многие годы она занималась изучением горбуши р. Утки. В начале 1970-х гг. М. В. уехала в Москву, и П. В. остался один на пункте.

В конце сентября 1974 г., по заданию заведующего лабораторией лососевых рыб Б. Б. Вронского, я в авральном порядке «ездил» на р. Утку: прошел пешком от Усть-Большерецка до Уткинского наблюдательного пункта – около 50 км. В дороге на берегу р. Митоги заночевал – ждал отлива. По пути на прибойке Охотского моря собирал прозрачные камни-халцедоны (их встречалось немного – один на 2 км).

Б. Б. отправил меня в командировку на пункт с целью надзора за материальными ценностями, хранившимися там от разграбления. Заведующего на пункте тогда не было вообще. Проживший там многие годы, П. В. имел проблемы с семьей,

уволился и находился сейчас в Ленинграде. Рабочий пункта Северин Николаевич Бречалов отсутствовал, удалившись в неизвестном направлении.

Очень хорошо помню, как в прекрасный сентябрьский солнечный день сидел один на берегу р. Утки и крутил на патефоне граммофонные пластинки «78 оборотов в минуту», которые (без пакетов) наполняли деревянный ящик из-под сливочного масла. В нем в основном находились лирические песни и марши 1940–1960-х гг.

Читать было нечего. Нашел в совершенно пустом бывшем доме Ростислава Саввича Семко всего одну книгу: какую-то испанскую пьесу писателя XVII в. Прочитал ее с большим трудом (такая она была нудная). Ставил на прокорм в речке сетку. Хорошо ловился кижуч.

Через неделю появился рабочий пункта, беглый С. Н. Бречалов. Он в первый же вечер напек булок. После черствого хлеба это показалось очень вкусным. Моя миссия завершилась. До Усть-Большерецка также возвращался пешком. В конце сентября вернулся в Петропавловск.

В октябре-ноябре периодически летал с А. Г. Остроумовым из Петропавловска на вертолете Ми-4 в долину р. Камчатки и другие районы. Иногда возникали непредвиденные ситуации. Так, накануне праздника Великой Октябрьской социалистической революции, 3 ноября 1974 г., после обеда получил задание от Б. Б. отвезти снегоход «Лайка» на оз. Курильское.

В чем находился на работе, в том и полетел. Выгрузили снегоход. Пилоты сказали, что могу пока попить чаю, а они залетят на полчаса на Паужетку и затем заберут меня в город. Их вызвали на санзадание.

Больше вертолета я не видел. Прождали двое суток. М. М. Селифонов сказал, что из пос. Озерновского в Усть-Большерецк идет попутный вездеход и «сотрудника КоТИНРО» на него возьмут. Маргарита Федоровна дала рубашку мужа с длинными рукавами и телогрейку – утеплила.

На пунктовской машине ЗИЛ-157 меня доставили в Озерную, откуда на следующий день выехали в Усть-Большерецк.

Документов с собой у меня не имелось, и в поселковом от-

делении милиции на основе свидетельских показаний мне выдали справку, что я – это я. Когда проезжали пограничную заставу в устье р. Большой, то этой справке пограничники очень удивились, но пропустили. С тех пор всегда стал с собой носить документы.

В Усть-Большерецк прибыли уже ночью – в 23 часа. В местной гостинице попытался найти шоферов, уезжавших в ближайшее время в Петропавловск. Нашлись две машины-самосвала. В час ночи 6 ноября мы выехали двумя машинами.

Где-то в районе пос. Апача на дороге в кювете увидели перевернутый трактор «Кировец». В кабине находились зажатые сиденьями трое мужчин. Один из них умер, а двое были живы, но жутко пьяны.

Вместе с водителями самосвалов открутили ключами сиденья и достали двух живых. В кабину каждой машины посадили по пострадавшему и поехали в пос. Сокоч, где располагалась больница. Водители подъехавших позже машин остались извлекать труп.

Мужчина, который сидел между водителем и мной в кабине, по дороге умер. Я сидел и чувствовал, как остывает его тело. В больнице живому оказали первую помощь, а меня уложили на кушетку спать (водитель повез милиционера на место происшествия). Через четыре часа он вернулся, и мы поехали в Петропавловск. В институт я доставил ящик гидробиологических проб с оз. Курильского для Ирины Александровны Носовой (жены Б. Б.).

На следующий день в институте произошел большой скандал. Оказывается, не следовало брать пробы с пункта. Их можно вывозить только на вертолете. Пробы значительно пострадали, т. к. у самок циклопов в дороге «растряслись яйца» и исчезла возможность посчитать их плодовитость. К сожалению, сотрудники пункта, вручая ящик с пробами, об этом не подумали и получилось то, что получилось.

Доставленный в начале ноября 1974 г. на Озерновский наблюдательный пункт отечественный снегоход «Лайка» оказался нерабочим. Позже, уже в ноябре 1976 г., собак с пункта убрали и привезли новый снегоход «Буран» (он уже не под-

вел). «Железный конь пришел на смену крестьянской лошадке». Период использования собачьих упряжек здесь закончился.

***

В ноябре 1974 г. произошло событие, которое я с удовольствием вспоминаю уже более 40 лет – в нашей 213-й комнате Жанна Харитоновна Зорбиди в честь защиты кандидатской диссертации в ТИНРО устроила банкет. Присутствовал «генералитет» института и ряд сотрудников нашей лаборатории.

Ж. Х. стояла в окружении своих лучших подружек – Светланы Павловны Белоусовой, Татьяны Федоровны Качиной (жена Первого секретаря Обкома КПСС) и лучшего друга – заведующего лабораторией океанографии Ивана Васильевича Давыдова. Была очень счастлива и очень красива.

Накрыли безобразно великолепный и очень дорогой стол. Этот ломящийся и дымящийся от деликатесов стол я неоднократно вспоминал в течение всей своей жизни. Вероятно, здесь сыграло свою роль то, что за год работы в КоТИНРО и многочисленных разъездов очень изголодался.

Обычно это происходило к концу дня. Я громко говорил: «Жанна Харитоновна, а помните Ваш банкет? Какой шикарный Вы сделали стол...». На столе было «все». Поэтому что-то перечислять, что там стояло, просто не имеет смысла.

Банкет прошел в хорошей дружеской обстановке: были пьяные, в меру пьяные, но никто не дрался. Трезвых не наблюдалось. Банкет, несомненно, удался. Вот так в ноябре 1974 г. появился в КоТИНРО еще один кандидат биологических наук – Ж. Х. Зорбиди.

***

В конце декабря 1974 г. на вертолете я доставил П. В. Андриенко на Азабачинский наблюдательный пункт. Петр Васильевич, участник Великой Отечественной войны – являлся одним из старейших работников КоТИНРО. До этого он многие годы проработал на пункте на р. Утке, где, не имея высшего образования, собирал материалы по камчатской семге. По

ней он хотел написать кандидатскую диссертацию. Все материалы по семге у него хранились в большом коричневом фибровом чемодане, с которым он не расставался всю жизнь.

В ноябре 1974 г. на Уткинском наблюдательном пункте появился новый заведующий – В. П. Арендар. Вернувшийся с материка и вновь устроившийся на работу в КоТИНРО, Петр Васильевич с ним не сработался и согласился переехать на Азабачинский пункт, где, кроме супругов Горшковых, никто не жил.

В итоге, я, как связанный с авиаучетом, 26 декабря 1974 г. сопровождал и привез П. В. (с собакой) на вертолете Ми-4 на Азабачинский наблюдательный пункт. О том, что полечу из Петропавловска на р. Утку, а затем на оз. Азабачье, еще утром не знал и оделся в то, в чем обычно ходил на работу. Хорошо, что в шкафу висела теплая куртка, которую стал держать там с некоторых пор (после полета со снегоходом «Лайка»).

Скомандовали, и я полетел. По договоренности с вертолетчиками после выгрузки П. В. меня на этом же вертолете должны были доставить обратно в город.

Не знаю, что произошло, но пока выбрасывали вещи нового жителя пункта (винты крутились), вертолет вдруг неожиданно взлетел и улетел. А я как стоял в городских брюках и обуви, так и остался на 40-градусном морозе.

Пункт покинули, видимо, уже не менее недели назад. В жилом доме температура опустилась до -38°C . Конечно, я растерялся и трясся от холода. На пункте не таякала ни одна собака (как позже выяснилось, они имелись, но уже не совсем «адекватные»). Собака П. В. начала безумно выть.

П. В. сразу же полез шарить по сараям и кладовкам в домах и через несколько минут притащил ватные штаны и дырявые валенки, велел закутаться в одеяло. Начали растапливать печку.

Печка разгорелась сразу, но в доме все промерзло и несколько часов стоял собачий холод. Мы сварили рожки с тушенкой, выпили по стакану водки, затем – сладкого чаю и завалились вдвоем на самодельную кровать Сергея Анатольевича и Галины Васильевны Горшковых (2х2 м) спать. Набросали на себя все одеяла, какие нашли.

Утром проснулся от ощущения тепла и комфорта. В окна светило поднимающееся солнце. Окна запотели – дом начал прогреваться. Выпили по кружке кофе. Поспали еще около часа и начали знакомиться с обстановкой.

Подлетая к пункту, думали, что Сергей и Галина находятся там. До их приезда остановились у них в доме. Учитывая нашу договоренность с вертолетчиками, знал, что вертолет обязательно вернется. Он мог прилететь не ранее 12–13 часов. Поэтому решили, что перед дорогой мне стоит перекусить. П. В. в своих баулах и ящиках начал искать продукты.

Я предложил ему поджарить баранины из запасов обитателей дома – накануне вечером видел две туши в коридоре. Потом рассчитаемся. Он согласился, а я пошел нарубить баранинки. Но когда уже стаскивал «барана» с крючка, понял, что на стенах висели туши не баранов, а двух ободранных здоровенных собак. Вернувшись, сообщил, что жареная баранина отменяется. П. В. сказал, что он не знает, где я видел баранов, т. к. кроме двух ободранных кобелей он с вечера в коридоре ничего не заметил.

Быт у нас сразу налачился. В первый день вертолет не прилетел. К вечеру П. В. подшил мне валенки и я чувствовал себя вполне комфортно. В следующие два дня вертолета не было по-прежнему. Решили, что если 30 декабря вертолет не прилетит, то мы пойдем на лыжах в Усть-Камчатск – 60 километров. Рассчитывали дойти за два дня.

Вертолет прилетел 30 декабря, неожиданно, в 17 вечера – под закат. Пилоты проинформировали, что их срочно вызвали на санзадание. Через 45 минут уже приземлились в Ключевском аэропорту. Командир вертолета сказал, что завтра, 31 декабря, меня в 16–17 часов возьмут на борт военного самолета, который летит в Петропавловск, а сами они улетают сейчас в Козыревск.

Ночевать пошел на Ключевскую вулканологическую станцию в гостиницу «Стромболи» (домик из нескольких комнат), где мы три раза осенью этого года останавливались с А. Г. Остроумовым и экипажем вертолета.

Жильцы гостиницы сказали, что разрешить переночевать

мне может только «начальник», который приедет через три часа. Дождался его в коридоре. Описал свою ситуацию, рассказал, кто я такой. Но начальник – известный вулканолог, тогда еще к.г.-м.н. Глеб Флеров, предварительно спросив, сколько нас человек, все же не разрешил мне переночевать на этой станции. Вероятно, я был не очень хорошо одет, т. к. встречают по одежке.

Замерзать на улице не хотелось. Вернулся в аэропорт, и сторож (нарушив инструкцию) позволил остаться в здании аэропорта – не выгонять же парня на 40-градусный мороз.

На следующий день, вечером 31 декабря, за три часа до Нового, 1975, года, прилетел в Петропавловск. С тех пор всю свою жизнь стал равнодушно относиться и к вулканологам, и к их героической профессии. Но после своих экстремальных поездок всегда стал держать в институте ватные штаны и куртку – вдруг Б. Б. опять пошлет куда-нибудь.

***

После принятия Б. Б. решения о моей дальнейшей научной работе, я первым делом написал письма в ТИНРО (Владивосток) и его отделения – на Сахалин и в Хабаровск с просьбой прислать чешую и данные биологических анализов по половозрелой сима, имеющиеся в архивах.

Из Хабаровского отделения ТИНРО мне ответил друг Б. Б., заведующий лабораторией Юрий Степанович Рослый. Он прислал чешую симы из р. Амур за 1959 год. Из Владивостока передала чешую симы Надежда Федоровна Пушкарева. Материалы собрали в р. Тумнин (Северное Приморье) в 1974 г. В ней ловились наиболее крупные экземпляры этого вида на всем Дальнем Востоке.

Сахалинское отделение ТИНРО несмотря на то, что там сима встречается в массовых количествах, чешую «зажало» (видимо, кто-то собирался писать кандидатскую диссертацию по этой рыбе). Тем не менее, около 100 шт. симы, пойманной в море у берегов Сахалина, выслал Алексей Петрович Шершнев.

Материалы биологических анализов половозрелой симы из

ряда рек Западной Камчатки я обнаружил в архивах экспедиций Камчатрыбвода. В КоТИНРО нашлись материалы за несколько лет по сима р. Утки.

Обладая этими, достаточно неплохими, материалами для сравнения, я написал и отправил две статьи по сима в журнал «Биология моря» ДВНЦ АН СССР, где их и опубликовали в 1978 г. В качестве основы для будущей кандидатской диссертации решил начать ежегодные сборы материалов по сима на Уткинском наблюдательном пункте.

В апреле 1975 г. участвовал в Конференции молодых ученых, проводимой ТИНРО во Владивостоке. Там выступил с докладом об исследованиях в бассейне оз. Курильского. На вопрос (из зала) о перспективах исследований ответил, что не знаю, т. к. сейчас уже занимаюсь симой.

В начале мая 1975 г., вместе с заведующим сектором динамики численности лососевых рыб Львом Евгеньевичем Грачевым, я отправился на р. Утку делать учет ската молоди горбуши и, попутно, собирать материалы по сима.

Полеты по учету численности лососей на нерестилищах у меня должны были начаться только с 15 июля. В принципе, сима и авиаучет являлись вполне совместимыми на перспективу. Думаю, что лет через 10 я смог бы защитить кандидатскую диссертацию по биологии западнокамчатской симы (при этом с элементами авиаучетов).

С Львом Евгеньевичем очень понравилось работать. Это был искренний, доброжелательный и эрудированный человек, который мог ответить на многие жизненные вопросы. Работу по скату горбуши, которую выполняли в ночное время, к началу июля мы закончили. Поймали около 100 шт. производителей симы.

Сима на Западной Камчатке некрупная и по внешнему виду очень напоминает нерку-каюрку (самцов с одним-двумя морскими годами) длиной 40–45 см. Поэтому на Западной Камчатке в промысловых уловах сима всегда шла в зачет вместе с неркой в качестве прилова, который никто не дифференцировал.

К сожалению, когда осматривали русло р. Утки, которая несколькими сотнями метров выше пункта уже становилась со-

вершенно непроходимой для рульмотора, Л. Е. повредил правую ногу в колене, после чего он стал с трудом передвигаться.

В 15 километрах от пункта КоТИНРО находился домик монтера телефонной линии. На следующий день мне пришлось идти туда, чтобы позвонить в институт. Через сутки за нами на вертолете прилетел А. Г. Остроумов и отвез в город. Л. Е. еще несколько лет продолжал хромать.

В 1974 г. в «Роман-Газете» вышел роман О. М. Куваева «Территория», который я взял с собой на р. Утку. Вся молодежь СССР просто влюбилась в этот роман, полный романтики и героизма в освоении природных богатств нашей страны. И много лет спустя, уже пожилым человеком, я написал стихотворение «Территория», которое привожу в этой книге. Через год, как я написал свое стихотворение, на экраны вышел романтический красивый фильм «Территория». Видимо не одному мне в душу запала эта чудесная история.

ТЕРРИТОРИЯ

*Посвящается писателю Олегу Куваеву
– российскому Джеку Лондону*

Осточертеет блеклая, полярная вода,
И слово «навигация» при низком небе,
Сезонный караван дошел до пакового льда,
И повернул на юг, где солнце светит.

До Территории всего лишь месяц в караване:
Средь льда, сирен, тумана, палубы, кают,
И перечитанные книги – на диване,
И мысли о «материке», когда идешь на ют.

Усталый ледокол, проведенный караван,
Смешался с дымом от горящей тундры.
На рейде цепь судов – пойдут на Магадан,
Догрузка, перегруз, их путь в туманной пудре.

На Территорию сейчас летают самолетом,
А пароходом, едут представители изысканного труда,
Мечтая Арктику увидеть с разворотом:
Романтика – от Мурманска до Уэлена, это да!

Вас встретит влажный воздух голых сопок,
Желтый пейзаж (на черном) в летний день,
И обнаженность снежная, зияющих раскопок,
Обычно зимой, когда слова отбрасывают тень.

Здесь люди по натуре несколько другие,
Со снисхождением, слушают «крутые» новости «из сфер»,
Всех уравнивал «Аэрофлот» и блочные дома, такие,
Как в разных книгах, выбранный тот же один пример.

Негласная столица Территории – Поселок,
Есть Город – официальный центр Чукотки всей,
И мерный рокот самолетов авиации полярной,
Старательно лечил разбитую мечту судьбы твоей.

Добыча золота.., металл и есть металл...
Железо – трактор, паровоз... – необходимость!
Из меди – провод, алюминий – самолет,
А вот из ЭТОГО – сплошная всем судимость!

В закатный час лимонно-желтая полоска
Отделит небо хмурое от уровня земли,
И в тракторных санях, груженных выше носа,
На бочках, детонаторах, жратве – сидели молодые мы!

17 июля 2013 г. (О. М. Куваев. Территория, 1974)

***

Сразу же после приезда с р. Утки в Петропавловск Б. Б. объявил, что с сегодняшнего дня я перестаю изучать симу, а начинаю – нерку р. Камчатки. Мне необходимо провести идентификацию рыб из притоков и оценить их присутствие в уло-

вах отечественного промысла. Свою работу по-прежнему необходимо совмещать с авиаучетами. Естественно, я с радостью согласился. Новая тема больше отвечала моим наклонностям, т. к. я уже имел опыт анализа структуры чешуи нерки в бассейне оз. Курильского.

Первую попытку сбора собственных материалов по нерке р. Камчатки я предполагал провести в июне – начале июля 1975 г. Этот выезд в бассейн реки следовало осуществить до начала авиаучетов, т. е. до 15 июля. Мы договорились с А. Г., что 15–16 июля он заберет меня с Азабачинского н/п.

Через два дня после разговора с Б. Б. я отправился на теплоходе «Петропавловск» в Усть-Камчатск. Это пассажирское судно в летнее время каждые 10 суток (с заходом на Командоры) совершало регулярные рейсы до пос. Оссора и севернее – до пос. Корф (все зависело от времени года и штормовой обстановки).

В Усть-Камчатске остановился в домике КоТИНРО, построенном в 1930-х гг. по ул. Комсомольской, 149. Здесь уже находились наши девушки-лаборантки, которые делали биологические анализы лососей на Усть-Камчатском РКЗ.

В тот же день с оз. Азабачьего в поселок за продуктами приехал Валерий Андреевич Максимов, сотрудник МГУ им М. В. Ломоносова, изучавший микижу р. Камчатки. Лицо у него было огненно-красное от загара, а с носа свисали клочья облупившейся от ветра кожи. Вид у этого старшего научного сотрудника был и лихой и, немного простецкий. Он и довез меня до озера на лодке. В. А. в это время обитал в протоке озера на биостанции «Радуга» (Института биология моря ДВНЦ АН СССР), расположенной в нижнем течении протоки Азабачьей. Тем не менее, он доставил меня на Азабачинский н/п (плюс еще 18 км), где жили С. А. и Г. В. Горшковы, а также инженер П. В. Андриенко, которого я завез сюда в конце декабря 1974 г.

Нина Алексеевна Симонова, старший научный сотрудник КоТИНРО в этом году на пункт еще не приехала. Её ждали позже. Она занималась изучением динамики миграции сеголетков нерки из притоков р. Камчатки в оз. Азабачье на нагул и зимовку. Миграция начиналась в начале июля, когда вода в протоке Азабачьей поднималась выше 11–12 °С.

АЗАБАЧИНСКИЙ МАРАФОН

В низовьях реки Камчатки есть озеро – сказка Природы,
Жемчужина данной местности и полное жесткой свободы*.
Вокруг комары и горы, и станций научных две,
А что там творится в глубинах, такое не снится во сне.

Было морским заливом, а стало камчатским раем,
Поэтому, мы, приматы, от голода не страдаем.
Главная рыба здесь – нерка, надежда рыбацкой ватаги,
Но пройдена зона риска и пролетели «бродяги».

Бродяги бывают разные: люди, медведи и птицы,
И реки такие вредные, что в некоторых не отнереститься.
Эффект сексуальный пройден, и в гравии наше семя,
Могучей лавиной ската рванем в океан весенний.

Но в озёрном нагуле, встречаются две инсталляции:
Одна из притоков средних, другая – родной популяции.
Это наши соперники, но и наши друзья,
Вместе, при низкой численности, мы восстановим себя.

Глубокое озеро это, своюю водою манит,
Зеленую голубику медведи когтями валят.
Нам не страшны медведи, мы стая голубеньких нерок,
Подводные толщи наши и нет никаких проверок.

---

* В оз. Азабачьем, расположенном в нижнем течении р. Камчатки, нагуливается две группы молоди: одна аборигенного стада (стадо «А»), другая – из притоков р. Камчатки (группировка «Е»). Стадо и группировка находятся в конкурентных пищевых взаимоотношениях. Есть гипотеза автора стихотворения, что «домашний инстинкт» у нерки группировки «Е» понижен. Это является следствием довольно продолжительного нагула данной молоди в озере. В результате, некоторые особи половозрелой нерки группировки «Е» мигрируют не на родное нерестилище, а в оз. Азабачье. Вероятно, их потомство становится особями стада «А». Без мечения заходящей молоди магнитными метками, а потом отыскания помеченных рыб этого же поколения на нерестилищах, доказать данную гипотезу невозможно.

Нагульные свойства озера уже известны заранее,
Генетика непонятная толкает нас в мироздание.
В начале мы все мигрируем окраинами и мёлями,
Осенью спустимся вглубь его и зазимуем с метелями.

А в толще воды – нерочки, рожденные в этом озере
И с детства привыкшие к сумеркам в пелагиальном сообществе.
Тут начинаются игрища: кто победит и выживет,
Ведь если нас дурочек много, то части, зиму не выдержать.

Не будем о тяжком времени... лето пришло и скат пошел,
И в море рванулись смолты – там хо-ро-шо!
Три года так быстро минули, и впереди река,
Мигрируем вверх на нерест, жизнь – хо-ро-ша!

Июль 2012 г. (мысли 1984 г.)

МИГРАЦИЯ СЕГОЛЕТКОВ НЕРКИ В ОЗЕРО АЗАБАЧЬЕ

Как сито отсекает нестандарты,
Разлив реки поверху старых озерин
Создал среду борьбы по типу нашей жизни,
Когда один среди живых, всегда один.

В протоке – водорослей дым игривых зелень,
Струилась длинной лентой вдоль земли,
И молодь нерки шла сквозь них не целясь,
И не петляла в приближении волны.

Нечаянный мыс летящих белых чаек,
И мощь хребтов прозрачнее вдали,
Мы в озеро войдем, но нас встречает
Тугой косяк гольцов в сечении воды.

Стрела гольца, гонящего стаю,
И искры молодежи, стремящейся в исток,
Исход миграции не предрешен заранее,
Процент успеха не для всех истек!

Август 2012 г. (мысли 1984 г.)

О первой поездке с В. А. Максимовым остались незабываемые впечатления. Ехали мы медленно. «Прогресс-2» перегрузили. За дорогу выпили две бутылки болгарского «Каберне», заели болгарским компотом из персиков. Пока доехали, все «Каберне» выветрилось. Стоял прекрасный солнечный день – 20 июня 1975 г.

У меня имелось разрешение на лов. В истоке протоки Азабачьей закинули невод и за один замет поймали несколько сотен половозрелых нерок. Из них отсчитали 100 шт. для анализа, а остальных выпустили. С неркой в невод попались и арктические гольцы. В. А. выбрал их всех на анализ.

В. А. Максимов

Н. А. Симонова

Г. В. Горшкова

С. А. Горшков

Последующие двое суток я делал биологический анализ пойманных рыб. Первые два часа мне помогали Сергей и Галина, но затем это занятие им быстро надоело, и они занялись своими делами. Анализ пришлось завершать с помощью Петра Васильевича. Так состоялась моя первая собственная проба нерки в бассейне р. Камчатки.

***

Азабачинский н/п КоТИНРО создали в 1963–1964 гг. на месте неправильно спроектированного и построенного лососевого рыбоводного завода. Там имелось три больших рубленых из лиственницы двухквартирных дома и бесчисленное множество хозяйственных построек (включая конюшню). Про сам завод уже не говорю, потому что, начиная с начала 1970-х гг., он служил и до сих пор (начало XXI в.) иногда служит источником дров для бани. Вот это завод. Всем заводам... завод!

Раньше на озере жили ездовые собаки. В декабре 1973 г. мы с А. Г. Остроумовым с вертолета наблюдали, как Сергей Горшков ездил на собаках в районе пункта. Но осенне-зимний период 1974 г. стал последним годом для них.

Примечательно, что собак иногда кормили бомбажными консервами с Усть-Камчатского РКЗ. Зимой рубили замерзшие банки топором напополам – кушайте собачки на здоровье. Когда садились с А. Г. на пункте на вертолете, многие годы видел огромные кучи разрубленных ржавых банок, валяющихся в кустах. Через 20 лет от этих банок ничего не осталось. Время делает свое дело.

АЗАБАЧИНСКИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ ПУНКТ

Четыре года строили завод в районе Пономарки,
Чтоб стало нерки больше на Земле,
Когда достроили его, то оказалось,
Что выпуск молодежи не предусмотрен там вообще.

Проектировщики попили водки,
Сказали: «Выстроим завод на уровне мечты»,
Заказчики дыру для ордена вертели
И подарили каждому по два ведра икры.

В начале все пытались «подшаманить»,
Но без воды, ведь не туда и не сюда,
И передали тот завод науке,
Пусть бегают с ведром сюда-туда.

Простые опыты там ставят на природе,
Выращивают нерку без воды,
Аквариума хватит тем ученым:
Его объем всего лишь ведра три.

В комплект входило три приличных дома,
В расчете – две семьи на каждый сруб,
Строители уехали оттуда,
А КоТИНРО вдруг получило пункт.

Лет десять берегла наука главный корпус
И скидывала с крыши зимой снег,

Потом все надоело ревизорам,
Списали главный корпус, будто его нет.

И это привидение завода являлось
Кучей дров по пятницам в обед,
И ровно тридцать лет заводом рыбководным
Топили баню – ведь завода нет.

Тепло, светло, лишь комары кусают,
Условий для работы лучше не найти,
В итоге в КоТИНРО наука расцветает,
Ученые пошли по верному пути.

И пункта юбилей пятидесятилетний
Вдруг наступил, а от жилья – дрова,
Такое ведь всегда бывает,
Если не делали ремонта никогда.

И ставят новый пункт уже в исток протоки,
История хронометр по новой завела,
И будем помнить мы о том заводе,
Где наша молодость научная прошла.

Сентябрь 2012 г. (мысли 2012 г.)

***

Обработав азабачинскую нерку, вторую пробу я предполагал собрать в бассейне оз. Нерпичье. В помощь для первой поездки туда Сергей Горшков дал мне Петра Васильевича, очень обрадовавшегося возможности побывать на другом водоеме.

30 июня с П. В. на лодке «Прогресс-2» мы отправились на оз. Нерпичье – самый крупный солоноватоводный водоем на всем северо-востоке Азии. Никто из нас двоих на этом озере ранее никогда не был.

Попросили сотрудника Усть-Камчатской инспекции рыбоохраны Сергея Мищенко показать место в озере, где сможем за сутки-двое без проблем поймать 100 шт. производителей нерки.

Выехали «в озеро» на двух лодках в 5 часов утра – это самое безопасное время суток для передвижения по данному водоему. С 9–10 часов утра на Нерпичьем обычно поднимается волна, которая стихает только глубокой ночью (под утро).

Сергей привез нас к устью р. Солдатской и сказал, что это лучшее место в оз. Нерпичьем, где можно поймать нерку. Устье стояло замытым и напоминало ручей. Место представлялось настолько несерьезным, что я решил искать другое. В результате, мы забрались в самую отдаленную часть оз. Нерпичьего – оз. Култучное, где остановились в устье р. Ольхово-Култучной.

Поставили палатку. Вечером – сетку. Сергей в 5 утра уехал в Усть-Камчатск. Когда проверили сетку, то оказалось, что там 20 кетин, 1 нерка и немыслимое количество крупной звездчатой камбалы. Стало ясно, что это не та речка, где можно собрать нерку. После биологического анализа направились дальше вдоль берега и выбрали крупную р. Тарховую. Войдя в нее, в километре от устья обнаружили землянку, где провели трое суток.

В первую ночь нам ничего не попало, а вся сеть была забита мусором. Петр Васильевич предложил ловить сплавом: я шел с одного берега, а он с другого, растягивая плывущую по течению сеть. Сеть сплавляли около 400 м. За сплав в среднем ловилось 6–7 кетин и 1 нерка. За двое суток поймали 70 кетин и 12 нерок. Все стало ясно.

Вернуться к реке Солдатской не могли, т. к. у нас начала барахлить «торпеда» в моторе. Мы ее «ухайдокали», когда курсировали по перекаату реки, транспортируя сеть из пункта «А» в пункт «Б» (из точки конца сплава в точку начала сплава).

Прошло уже много лет, но мне часто вспоминаются дни на р. Тарховой: переплывающий утром через реку медведь (П. В. не стал стрелять по моей просьбе), попадающаяся прямо на глазах в плавную сеть рыба, купание в озере, несколько диких оленей, вышедших к устью реки.

П. В. часть нерки из моего первого азабачинского улова засолил и закоптил в бане. В поездке ели балык из нерки. Это было что-то необыкновенное.

Вернулись мы на Азабачинский наблюдательный пункт 7

июля. Добрались, вроде, самостоятельно, но торпеду угробили окончательно. Сергей Горшков очень на меня за это обиделся. Думаю, что правильно. Ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

Моя задача в оз. Нерпичьем в 1975 г. не разрешилась. Но опыт я приобрел. В последующие годы всю нерку собирал только в р. Солдатской, куда нас с П. В. первоначально и отвез Сергей Мищенко. Тем не менее, дни, потраченные на исследование других рек, не стали бесполезными.

Уже много лет спустя, когда сотруднице КоТИНРО Лидии Олеговне Завариной потребовалось отловить раннюю кету в оз. Нерпичьем, я ее (с командой помощников), отправил прямо к устью р. Ольхово-Култучной, где ей удалось собрать необходимый материал. Правда, Лидия Олеговна жаловалась, что досаждали медведи. В одного, самого наглого из них, пришлось бросить чайник, который они у меня попросили. А тот взял его и попортил: откусил пластмассовую ручку.

***

Через день после нашего возвращения с оз. Нерпичьего, на станции «Радуга» началась знаменитая «популяционная школа» д. б. н. Станислава Максимовича Коновалова, где ведущие сотрудники разных институтов и городов рассказывали о своих исследованиях. Разумеется, главной звездой был сам С. М., недавно вернувшийся из поездки на Аляску. Я искренне восхищался им, и мне хотелось быть хоть чем-то в своих исследованиях похожим на него.

Из почетных гостей на озеро прибыли: д. б. н. Евгения Алексеевна Дорофеева, д. б. н. Валентин Сергеевич Кирпичников, к. б. н. Владимир Александрович Клюканов, а все остальные были или молодыми, или очень молодыми – Михаил Константинович Глубоковский, Сергей Анатольевич Горшков, Галина Васильевна Горшкова, Сергей Федорович Золотухин, Влад Евгеньевич Ильин, Валерий Каюмович Клоков, Владимир Иванович Островский, Николай Серафимович Романов, Николай Анатольевич Чебанов, Евгений Владимирович Черненко, автор этой книги и другие.

В период работы школы начал извергаться вулкан Толбачик и в районе озера выпало 1,0–1,5 мм вулканического пепла. Это удобрение озера отразилось на увеличении численности нерки оз. Азабачьего в 1983–1985 гг. Может быть, это было особым знаком, т. к. через несколько лет «удобренная» на оз. Азабачьем молодежь интеллектуально выросла, и многие стали известными учеными нашей страны.

***

20 июля 1975 г. на вертолете Ми-4 прилетел А. Г. Остроумов и забрал меня на авиаучеты. Несколько дней летали вместе. Затем, по обоюдному согласию, Анатолий Георгиевич на 2 часа «выбросил» меня на оз. Двухюрточном в устье р. Верхней Двухюрточной. Здесь я сетью отловил 100 шт. производителей нерки – рыба «стояла стеной». К моменту прилета вертолета уже все закончилось. Пойманная рыба находилась в трех мешках. После этого меня одного высадили на безымянном острове в среднем течении р. Камчатки, где я трое суток делал биологический анализ. Стояла страшная жара и сильно досаждали комары. Ночью вдалеке мерцали красные всполохи – извергался вулкан Толбачик.

На этом мои полевые исследования нерки в 1975 г. закончились. Потом вместе с А. Г. мы летали до середины ноября по всей Камчатке, учитывая лососей на нерестилищах.

Начиная с осени 1973 г., занимаясь авиаучетом лососей, я плохо чувствовал себя в воздухе. Особенно во время самого процесса авиаучета, когда самолет или вертолет летели по меандрам реки. Осенью 1975 г. я объявил Б. Б. Вронскому, что из-за плохого самочувствия в воздухе не могу заниматься авиаучетом и собираюсь уйти из института.

Б. Б. отнесся с пониманием и очень серьезно к моему заявлению, сказал, что уладит назревающий конфликт с директором А. К. Евдокимовым. Так, с осени 1975 г. я стал уже официально заниматься идентификацией локальных стад нерки в бассейне р. Камчатки.

К сожалению, прекращение работы по авиаучету отрицательно сказалось на взаимоотношениях с директором, кото-

рый на каждом собрании, выступая с трибуны, вспоминал, что некоторые сотрудники вместо того, чтобы работать – заниматься авиаучетом, ударились в исследования чешуи.

Сейчас, более 43 лет спустя, это все забылось, но многие годы сложившаяся ситуация очень сильно угнетала меня.

***

В первую самостоятельную экспедицию в бассейн р. Камчатки заведующий лабораторией дал мне в помощники Анатолия Николаевича Ходько (сотрудника нашей лаборатории) и студента 4-го курса Александра Сергеевича Повчуна из Ростовского ГУ.

1 июня 1976 г. мы втроем прибыли в Усть-Камчатск на теплоходе «Петропавловск». Привезли с собой лодочный мотор «Вихрь-25». Остановились в домике КоТИНРО на ул. Комсомольской, № 149, где за зиму выбили все окна (последние годы в нем зимой никто не жил). Очень удивило, что сарай-дровяник этого дома размером 4 x 3 м доверху был забит ящиками с пустыми бутылками. Они остались от предыдущих жильцов.

Дело в том, что этот дом в течение нескольких лет в качестве перевалочной базы использовали сотрудники ИБМ ДВНЦ АН СССР, когда направлялись на станцию «Радуга». Вероятно, основной «вклад» был сделан этими ребятами, но остальное, без сомнения, было «тинровской» работой (совместно с коллегами из МГУ им. М. В. Ломоносова).

За несколько дней подружились с нашим соседом – 40-летним Юрием Кондрашовым. Он работал дизелистом на Усть-Камчатском РКЗ. Лодочный гараж КоТИНРО и его личный находились рядом. С ним съездили на станцию «Радуга», где Влад Ильин с разрешения нового заведующего Азабачинским н/п Александра Водоватова дал нам на лето лодку «Прогресс-2». Она принадлежала КоТИНРО, но почему-то хранилась постоянно на станции. Заполучив лодку, мы сразу же переселились на р. Радугу, впадающую в р. Камчатку напротив устья протоки Азабачьей. В 2-х километрах от устья р. Радуги разбили постоянный лагерь.

К нам в гости часто приходили камчадалы братья Торобьки-

Первое приключение – в оз. Нерпичьем наш мотор «Вихрь-25» сломался, крайний слева – Анатолий Ходько (26 июня 1976 г.)

ны – Коля и Толя, жившие в пос. Нижнекамчатск, из которого в свое время отправился в плавание знаменитый мореплаватель, руководитель двух камчатских экспедиций командор Витус Беринг. Они показали места лова в нижнем течении реки, и наша команда уверенно набирала материал. Проводили неводные обловы молодежи. Одновременно собирали материал и в оз. Азабачьем. Оставалось оз. Нерпичье, куда отправились 26 июня. А затем, после Нерпичьего, мы планировали подниматься вверх по р. Камчатке к другим неизвестным нам притокам.

В оз. Нерпичьем сразу же направились к р. Солдатской, где за две ночи отловили 100 шт. нерки и сделали стандартный биологический анализ. По дороге из озера у нас заклинил мотор – пробило стенку блока цилиндров. Нас выбросило волнами на берег оз. Нерпичьего в 15 км от пос. Крутоберегово. Вероятно, в моторе имелся заводской брак, т. к. в нем (новом) уже через несколько часов работы появились посторонние стуки, которые все время возрастали. С таким стучащим мотором проездили более двух недель, пока он не показал нам «руку дружбы».

Утром я пошел в Крутоберегово, а Анатолий остался у лодки. Добравшись в Усть-Камчатск, нашел Юру Кондрашова, который дал мне мотор, и на его лодке доехал до места нашего крушения. Поставив его мотор на свою лодку, на двух «Прогрессах» вернулись в Усть-Камчатск. Далее нам надо было ехать вверх по реке Камчатке до р. Еловки, устье которой располагалось 20 километрами выше пос. Ключи.

НЕРПИЧЬЕ ОЗЕРО

Небо грустит, дождь донимает
Сказка закончилась, озноб нас трясет.
Трава не растет, снег и не тает,
Ветру навстречу ничто не плывет.

Сломан мотор, берег безлюден,
Помощи нет, и не будет пока,
Яркого солнца лучи не проснутся,
Сидим у костра мы как два чудака.

Наши НЗ мы раскрываем,
Разводим спирта второй уж стакан,
То, что случилось – это не драма,
Уставших друзей уложил спать туман.

Озеро Нерпичье, берег безлюден,
Ржавая бочка лежит на боку,
Все хорошо, один пойдет к людям,
Другой – остаётся на берегу.

Все обошлось в этот раз без последствий,
Солнце светило – как будто парад,
Снег начал таять – прекрасная встреча,
Вечером, встретили новый закат...

13 июня 2013 г. (события 1976 г.)

После проведения биологического анализа на р. Солдатской у нас получилось более одного ведра соленой икры нерки. Мы всю ее отдали Юре Кондрашову за необходимые запчасти для мотора. Он при нас, тут же, ручной закаткой (с двумя сменными роликами) раскатал это ведро икры в фирменные жестяные 140-граммовые баночки «Икра лососевая», которые на следующий день и продал в Усть-Камчатском аэропорту отпускникам, уезжающим «на материк» на отдых.

Собранный мотор хорошо заводился «на сухую», но если его ставили на лодку и опускали в воду – он не заводился. Разбирали мотор 4 раза. Этот кошмар продолжался трое суток. К нам приходило много консультантов (почти каждый с бутылкой), но ничего сделать не могли – мотор не работал.

В конце-концов уговорили не очень трезвого Юру Кондрашова, чтобы он довез нас до Ключевской инспекции рыбоохраны (125 км вверх по реке), а там, подумали мы, уж решим, что делать дальше.

Наутро, 7 июля 1976 г., выехали вчетвером на двух лодках с моторами Юры (наш мотор погрузили в одну из лодок). Шел моросящий дождь. Везли бочку бензина. Лодки перегрузили, и за день проехали всего около 70 км. Остановились ночевать в устье р. Ильчинец, расположенной чуть выше Верхних Щек. Переночевали в палатке. Поставили сетку – поймали одну нерку. В р. Ильчинец рыба почти не нерестится из-за большого количества взвесей от селей, стекающих с отрогов вулкана Шивелуч.

Юра не просыхал уже третьи сутки – пил водку за здоровье всех странствующих и путешествующих. Мы молили Бога, чтобы ему хватило водки и он не вздумал возвращаться назад. На следующее утро опять поплыли вверх по реке. Перед самыми Ключами из-за сильного течения, встречного ветра и крутой волны лодки почти не шли – они практически стояли на месте. Третьи сутки шел мелкий моросящий дождь. Все замерзло страшно. Водка закончилась. Юра протрезвел и не мог понять, где он находится. Ему все казалось, что до родного дома 2–3 километра.

В конце концов мы доплыли до крайних домов и самоволь-

но заняли в каком-то доме баню. Затапили, чтобы стало теплее. Немного согретьшись, я пошел к хозяевам, которые не на шутку перепугались, объяснил ситуацию и попросился переночевать до утра в их бане. Анатолий сходил в магазин, купил водки, и бедный Юра успокоился.

На следующее утро выглянуло солнце. Мы отдохнули. Поблагодарили Юру, и он на своей лодке со своим же вторым мотором уехал в Усть-Камчатск. Оказалось, что за 10 лет жизни в Усть-Камчатске он первый раз дошел на лодке до Ключей. Как он нам сказал позже, поздней осенью 1976 г., после этого случая он еще несколько раз самостоятельно ходил в Ключи, где ему очень понравилось (украл три мотора).

Юра Кондрашов, бывший заключенный, трагически погиб в октябре 1978 г., упав между двумя баржами в воду. Его не раздавило, он умер от разрыва сердца, вызванного испугом и холодной водой. Уже сейчас, много лет спустя, события более чем 40-летней давности стоят у меня перед глазами, когда прохожу мимо сарая Юры Кондрашова, который в Усть-Камчатске сохранился до сих пор. Юра нас очень выручил, и я до сих пор помню о его помощи.

После отъезда Юры я пошел в инспекцию рыбоохраны, где очень хорошо был встречен начальником Геннадием Щукиным. На машине мы привезли рыбноводовский мотор и перегнали лодку к рыбинспекции.

Этот и весь следующий день «ключевские» занимались нашим мотором. Один, интеллигентного вида и сильно пьяный пожилой гость, сделал предположение, что у нас неправильно установлены поршни, т. к. существуют впускные и выпускные окна. Действительно, один из поршней в Усть-Камчатске мы установили не той стороной.

Мотор сразу же заработал, и в сопровождении рыбинспекции мы отправились на р. Еловку, в место слияния рек Киревны и Еловки («Горбун»). За три дня поймали свои 100 шт. нерки и сделали ее биологический анализ. Одновременно выполнили биологический анализ 70 шт. чавычи (все были самцы), попавших в сеть вместе с неркой.

Вставал вопрос, что делать дальше, т. к. стало ясно, что на

одной лодке втроем мы не уедем. Решили, что Анатолий негласно съездит в Петропавловск домой, а мы с Александром вдвоем поднимемся на лодке, продолжая работать, до пос. Мильково (580 км от устья р. Камчатки). Договорились встретиться в инспекции рыбоохраны 1 августа. После этого Александр в связи с окончанием практики возвращается в Петропавловск, и далее – домой, в родной Ростов. А мы с Анатолием спускаемся вниз до Усть-Камчатска и работаем дальше до конца сентября.

Нам вместе с Александром удалось собрать материалы в реках Крюки, Быстрая-Козыревка, Толбачик, Николка, Щапина, Кимитина, Вахвина, Крерук. Но в р. Кирганик вновь сломался мотор – раскрутился и деформировался винт, соединяющий коленчатый вал двигателя. Не выдержал нагрузки, т. к. использованные запасные части были от «Вихря-20», а установили их на «Вихрь-25».

Когда поднимались вверх по незнакомой реке, у нас не было карт. Как уже писал выше, карты в КоТИНРО имели гриф «секретно» и нам их с собой просто не давали. Мне в секретном отделе КоТИНРО разрешили только переписать порядок

«Ключевские» рыбинспекторы: центральная лодка – Геннадий Щукин (слева), Валерий Васильевич Олейник (справа) – главный рыбинспектор Усть-Камчатского района (начало июля 1976 г.)

расположения рек и число кривунов, отделяющих необходимую нам реку от каких-то более или менее известных географических ориентиров. Поэтому, поднимаясь вверх, считали кривуны реки и, если была возможность, спрашивали людей, как добраться до какой-либо конкретной реки и где она располагается. Иногда, не уверенные в том, что это необходимая нам река, часами стояли на берегу, пытаясь у редких проезжающих уточнить ситуацию.

Остро стоял вопрос с бензином. Положенные нам 2 тонны бензина по договору с «Камчатлесом» мы расписали по леспрохозам – Ключевскому, Атласовскому, Мильковскому и Усть-Камчатской лесоперевалочной базе. Бензин получали сразу по 500 л. Это составляло почти 3 бочки. Одну бочку везли с собой, а другие прятали в кустах на берегах р. Камчатки. И какое было блаженство находить потом наши запасы (дважды их нашел кто-то другой). Кроме того, остающуюся от биологических анализов икру нерки меняли на бензин у местного населения – кто сколько даст. Оставшуюся икру мы выбрасывали в воду и с собой не возили.

Из пос. Кирганик позвонили в Мильковскую рыбинспекцию, и за нами приехали, привезли мотор и сопроводили до рыбинспекции, где мы и остановились на неделю.

Через день приехал Анатолий Ходько, а Александр Повчун уехал. За неделю нахождения в Мильково собрали материал в реках Кирганик, Андриановка, Кавыча, Камчатка (в районе поселков Шаромы и Пушино).

Ездили на нерестилища в основном с инспекторами рыбоохраны. Большую помощь нам в тот период оказал мильковский инспектор Александр Угаров. Бензин использовали наш.

Сотрудники рыбинспекции помогли с запасными частями. 8 августа вдвоем с Анатолием отправились вниз по реке с работой. В этот период в основном облавливали все крупные пойменные озера и все более или менее крупные старицы р. Камчатки – искали и выявляли места нагула молоди нерки.

Последние дни сезона 1976 г. провели на озерах Азабачье и Курсин в нижнем течении р. Камчатки. Никогда не забуду утро 18 сентября на оз. Курсин: палатку покрывал 8-сантимет-

ровый слой выпавшего ночью снега. За два последующих солнечных дня все растаяло. Вернулись в Петропавловск на теплоходе «Петропавловск» 25 сентября.

ОЗЕРО КУРСИН

Посвящается А. Н. Ходько

Рыжей рябины глаза,
Снегом прикрыты слегка.
Это еще... не зима,
Но и весна ведь прошла.

Рядом надежнейший друг
С кружкой сидит у костра,
Травы примяты вокруг,
Осень – бродягам сестра.

Снег превращается в дождь,
День разошелся, не спит.
Осени первая ложь,
Так как кругом снег лежит.

Озеро – листья с водой,
Ветер сорвался со склона,
Ряби подернулся строй,
Ветки махнули – мы дома!

Память – словно корзина.
С трудом вспоминаю уже,
Позднюю нерку Курсина...
Гнезда.., икру в неглиже.

27 июля 2013 г. (события 1976 г.)

В ЗАГСе г. Петропавловска-Камчатского (26 ноября 1976 г.)

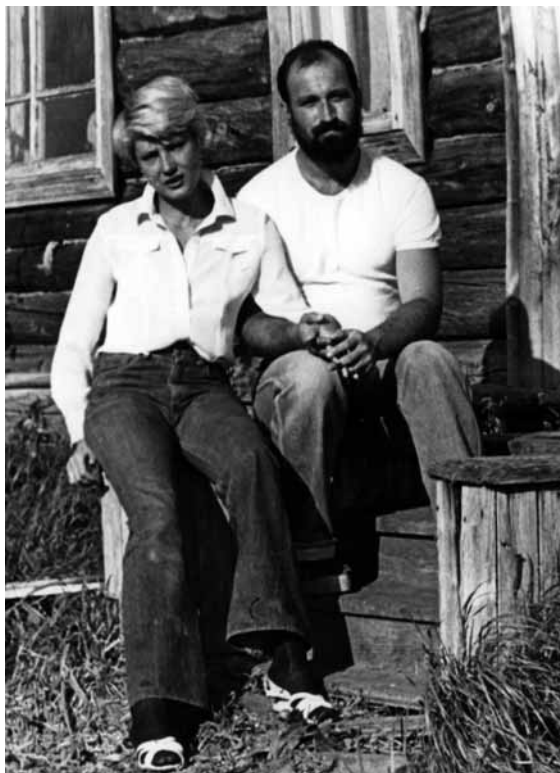
***

В октябре 1976 г. я переехал жить к Татьяне, а 26 ноября мы расписались. Володя Максименков, ныне доктор биологических наук в КамчатНИРО, стал у меня свидетелем. У Татьяны свидетельницей была Анна Зубова – подружка с работы (обе были инженерами-строителями).

Собрали небольшое застолье. Присутствовали Володя Карпенко с его будущей женой Ольгой и мой друг детства Юрий Вторушин, мама Татьяны Евгения Сергеевна и младшая сестра Татьяны – Наташа.

Отец Татьяны получил военную пенсию и работал на «гражданке». В это время он находился в море у берегов Северной

На оз. Азабачьем (август 1984 г.)

Америки. У Татьяны уже была дочь Юлия, которую я удочерил. Родители Татьяны проживали в трехкомнатной «хрущевке». Мы с Татьяной и Юлей поселились в маленькой 9-метровой комнате.

***

Как я уже упоминал, в конце осени 1974 г. на Уткинский наблюдательный пункт взяли заведующим В. П. Арэндара (его супруга по образованию была ихтиологом). П. В. Андриенко, уезжая на материк, передал ему в подотчет материальные ценности.

Через полтора года, в связи с тем, что новый заведующий пунктом практически не бывал там, а фактически проживал в

Усть-Большерецке, директор КоТИНРО А. К. Евдокимов решил его уволить. Меня постановили сделать временным заведующим. Поэтому 28 ноября 1976 г. я уезжал в командировку в Усть-Большерецкий район. Что интересно, произошло это на второй день после регистрации нашего брака с Татьяной Томчишиной.

После приезда в Усть-Большерецк я остановился в гостинице, ожидая транспорт и В. П. Арендара, который должен был передать мне материальные ценности пункта.

В итоге, в начале декабря 1976 г. я снова оказался на Уткинском наблюдательном пункте, где принял материальные ценности от бывшего заведующего. По неопытности, как потом выяснилось, я принял в подотчет много лишнего солянки и бензина, объем которых измерял по их уровню в бочках (позднее оказалось, что во всех бочках на дне имелось много воды).

После принятия в подотчет материальных ценностей я вернулся в Петропавловск, но в начале января 1977 г. нас вместе с лаборантом Рушаном Сабировичем Абзалдиновым вновь забросили на вертолете на Утку, чтобы на пункте кто-то находился. Продуктов взяли с собой приблизительно на 15 дней. В конце этого срока должен был прилететь А. Г. Остроумов и привезти нам замену. Но по каким-то причинам вертолет не прилетал более 3 недель. Последние дни питались только вареным гольцом с солью. У нас не было ни хлеба, ни чая, ни сахара. Никаких продуктов на пункте, кроме соли, не нашли. Гольца ловили в проруби тут же, в р. Утке.

В начале четвертой недели прилетел взволнованный Л. Е. Грачев, но «уткинские» аборигены оказались живы и веселы. Меня забрали в город. Рушан, которому привезли запас продуктов, караулил пункт еще почти 2 месяца.

Весной 1977 г. многострадальные уткинские материальные ценности вновь принял, не глядя, П. В. Андриенко. Позже, в декабре 1977 г., Петр Васильевич, находясь в командировке в Петропавловске, сказал, что замучился потом списывать принятые мной бензин и солянку. Все происходило на работе. Я почувствовал себя виноватым, полез в свой шкаф, достал бутылку армянского коньяка «3 звездочки» (при социализме ар-

мянский коньяк еще ценился) и банку шпрот. Налил два гра-
ненных 250-граммовых стакана и сказал: «Извини меня, Петр
Васильевич». Инцидент благополучно разрешился.

***

В 1977 г. КоТИНРО купило мне для работы новую лодку
«Прогресс-4», которой я пользовался до 1996 г.

Получил и новый мотор, проработавший верой и правдой на
благо науки три года. Лодку и мотор привез в Усть-Камчатск
на теплоходе. Со мной приехал Борис Штейников, студент 4-го
курса Пермского ГУ. В июне-июле мы с Борисом прошли всю
реку с работой от пос. Усть-Камчатска и до пос. Мильково.

В конце июля Борис уехал, а мне стал помогать мой друг,
м. н. с. нашего института Алексей Михайлович Токранов, на-
ходившийся в отпуске. Ему хотелось посмотреть реку.

В этот период мы собирали материалы по скорости форми-
рования склеритов на чешуе молодежи нерки. Поэтому через
10–15 суток приходилось облавливать одни и те же водоемы
повторно. Дел оказалось много.

Я очень благодарен Алексею Михайловичу, с которым ра-
ботал в августе 1977 г. в бассейне р. Камчатки. Приходилось
очень много раз закидывать невод, чтобы набрать необходимое
количество молодежи нерки для проб.

Когда в конце августа добрались до Ключей, Алексей уле-
тел в Петропавловск. У нас произошла размолвка. В этом пол-
ностью виноват я. Мне казалось, что Алексей «не очень радо-
вался», когда в одном и том же водоеме (в разных местах)
приходилось по 7–10 раз забрасывать невод, чтобы набрать
20–30 экземпляров молодежи нерки. Но это казалось. Скорее
всего, в тот период я был просто «не в себе». Сейчас только
удивляюсь, как это все Алексей терпел.

Несколько дней работал один на озерах Куражечное, Кур-
син, Низовцево и Азабачье. Очень переживал, что вместе с
Алексеем не дошли до самого «низа» и не посидели у костра в
устье р. Камчатки. Это стало бы хорошей точкой нашего со-
вместного путешествия. В середине сентября я вернулся в Пет-
ропавловск. Но полевой сезон еще не был закончен.

НОКТЮРН

Моему другу А. М. Токранову

«Ночью, в узких улочках Риги...»,
Пело радио на берегу,
Снег пока не грозит, но он будет,
И дожди еще наверху.
Огнем осени опаленные
Догорают деревья в горах,
И на фоне нетронутой просини,
Мы сидим на ее берегах.
Дым костра и огонь созревают,
Закипает вода, как звонок,
И закопченный чайник ломает,
Ожиданья неловкости срок.
Крепкий чай, запах дыма и сахар,
В больших кружках кстати всегда,
Мы еще посидим, помечтаем,
И завалимся спать до утра.
Утром снова разъезды по рекам,
Звуки волн грядут чудеса,
И под мысли о лучшем и вечном,
Закрываются наши глаза...
Необычным пятном выделялся,
Спящей красной палатки брезент,
И медведь, проходящий, икал всё,
Оставляя рябиновый след...

22 июля 2013 г. (события 1977 г.)

***

В начале октября 1977 г. у меня с директором Ушковского рыбоводного завода И. В. Котовым произошла очень памятная поездка на старицу р. Камчатки – оз. Кулпик. Озеро расположено 120 километрами выше оз. Ушковского, которое само находилось в 225 километрах от устья р. Камчатки.

В этом году удалось собрать хорошие материалы по росту молоди нерки. В довершение успеха к концу полевых работ я планировал поймать молодь нерки из оз. Кулпик. Полученные новые данные позволили бы определить конец сезона роста молоди в этом водоеме.

Выехали 5 октября в 10 часов утра. Было пасмурно, холодно, и свинцовое небо наводило на мысль о скором неминуемом снеге. Но другого выхода не существовало, и мы поехали, предполагая к ночи вернуться.

Тинровская лодка и мотор уже «зимовали». Отправились на «Казанке». Стоял дикий холод и, одолев первые 80 км, мы решили остановиться, согреться и перекусить.

Сидели у костра и ждали чай. Здесь Игорь Васильевич (человек довольно плотной конституции) крайне удивил меня тем, что практически мгновенно выстрелил в быстро налетевшую прямо на нас небольшую стайку уток. Его выстрел сбил утку, которая упала от нас в трех метрах. Впечатление сложилось такое, что он просто выстрелил с руки вверх, в воздух над головой. Все это очень напоминало сцену из фильма «Тот самый Мюнхгаузен», когда барон выстрелил в дымоход камина и через некоторое время на поднос упала готовая жареная утка, политая соусом.

Нашу утку соусом не полили. Ее даже пришлось ошпыривать и варить. Тем не менее, через час мы уже бодро мчались на нашей «Казанке» вверх по течению. Стало теплее. Все шло по графику. Но тут у нас «полетел» водяной насос охлаждения, и мотор стал перегреваться. Остановились его разбирать.

Запасного насоса не было. Игорь выдрал стальной вкладыш из дюралюминиевого корпуса насоса и собрал мотор по принципу «доехать хватит». Долго не могли попасть тягой реверса в отверстие в поддоне, но все-таки тронулись. Стало быстро темнеть. В тот день так и не добрались до нашего озера, осталось километров 15. Начал давить мороз. Показалось звездное небо. Снег отменялся.

Переночевали у костра. Палатку и спальные мешки с собой не взяли – ехали налегке. Утром с первыми проблесками расвета двинулись дальше. Мотор работал нормально, и мы быстро добрались до протоки в оз. Кулпик.

В устье протоки, поперек, преграждая путь, лежал ствол лиственницы. Я это знал с лета и предусмотрительно взял с собой бензопилу «Дружба». Лиственницу тут же перепилили и стали проталкиваться в озеро. С первыми лучами солнца, протолкавшись метров 200, мы встали в истоке протоки. Все озеро было покрыто льдом. Думаю, что этот лед образовался прошедшей ночью. Толщина льда была около 1,5 см. Вначале пытались его ломать и двигаться вперед, но быстро поняли, что это бесполезно. До места лова по озеру не доехали около километра, а в том месте, где мы остановились, молодь не держалась. Я понял, что в этом году опоздал ровно на один день.

Вернулись домой около 15 часов. На подъезде к Ушкам пошел снег. Он продолжался два дня, и только после этого я улетел из Козыревска в Петропавловск. Но полевой сезон 1977 г. все еще не был закончен: 15 октября вновь пришлось вылететь в Усть-Камчатск.

***

В «столицу» Усть-Камчатского района я прилетел, чтобы собрать последнюю в этом году пробу молодки нерки из р. Солдатской (для характеристики окончания сезона роста).

В оз. Нерпичье мы поехали с Виктором Николаевичем Павленко, новым лаборантом Азабачинского н/п. Петр Васильевич затосковал по своей р. Утке и весной 1977 г. вернулся туда. Виктор до этого работал в рыболовецком колхозе «Путь Ленина» токарем.

Выехали на пунктовой лодке «Прогресс-2» с мотором «Вихрь-20». Стартер на моторе отсутствовал, запускался он с помощью веревочки, которую наматывали на маховик.

Виктор долго собирался, ему очень не хотелось ехать, т. к. он болел с похмелья. Поэтому «отчалили» после обеда. Без приключений добрались до р. Солдатской. Въехали в нее и остались ночевать в лодке под тентом. Ночью пошел дождь со снегом, на оз. Нерпичьем начало штормить. Костер не разводили т. к. на берегу не было дров и все стояло мокрым. В лодке на примусе «Шмель» сварили лапшу с тушенкой и вски-

пятели чай. Легли спать в спальнях мешках и слушали радиостанцию «Маяк», пока не уснули. С тента в лодку стала капать вода. Вскоре тент покрылся слоем снега.

Утром вскипятили чай. Вокруг все было белым-бело. Собрали лагерь. Я велел Виктору поменять на моторе бак с бензином. Но он, как потом выяснилось, забыл это сделать. Мы подъехали к намеченной (еще в августе) тоне, покрытой 1,5 сантиметровым льдом, взломали лед, забросили невод, взяли необходимую пробу молодежи нерки и направились в Усть-Камчатск. Шторм стал усиливаться.

На траверзе мыса Тонкого (это наиболее опасное место в озере) мотор заглох – закончился бензин. Нас понесло ветром в глубь озера, где выделялись волны уже с белыми гребнями. Виктор присоединил новый бак. Мотор, к счастью, запустился с первого же рывка. И лодка медленно начала подниматься на надвигающуюся на нас огромную пологую волну. В отдалении уже катили волны с белыми гребнями. Преодолев волну, поставили на мотор колпак для защиты от брызг. Домой добрались без приключений.

Многие годы, до сих пор, у меня перед глазами стоят свинцовое небо, серая соленая вода оз. Нерпичьего и Виктор Павленко, под снегом с дождем, наматывающий веревочку на маховик мотора. А если бы веревочка соскользнула и он не успел запустить мотор? Но это уже бы была другая история. Полевой сезон 1977 г. благополучно завершился. Возвращались на самолете, который из-за плохой погоды не полетел из Усть-Камчатска на Командоры, а полетел в Петропавловск.

В АЭРОПОРТУ УСТЬ-КАМЧАТСКА

Традиционный дождь – он запоздал на месяц,
А должен вылиться, уйти в небытие еще в июле,
Середина октября, а небо землю вертит
Сплошным потоком в бешеном аллюре.

Вернуться в Петропавловск наступило время.
Сейчас в аэропорт, где мечутся стихии.

Когда погоды нет – большое риска бремя,
Попасть в последний «борт», и чтоб впустили.

Здесь самолеты в непогоду не всегда летают,
Решенье «взлет – посадка» принимает командир,
Ведь ситуации различные бывают,
Но тот молчит, пока не выпьет свой кефир.

Затем посадка, взлет на Командоры,
Но через полчаса полетного пути:
«Простите господа, летим на Петропавловск,
Кто не по адресу, там завтра регистрация с восьми».

3 августа 2014 г. (события 1977 г.)

***

В сентябре 1977 г. я специально оставил на зимовку в Ушках свою лодку «Прогресс-4», которую весной привез из города на теплоходе «Петропавловск» в Усть-Камчатск. В 1978 г. планировал уже в конце мая-начале июня начать обловы молодежи нерки в пойменных озерах р. Камчатки.

В середине мая 1978 г. на самолете Як-40 я прилетел в Козыревск и в тот же день прибыл на Ушковский ЛРЗ. В последующие дни в одиночку работал в пойменных озерах, спускаясь вниз по реке. Палатку с собой не брал. Ночевал в лодке под тентом. Это большое удовольствие ночевать в лодке, зная, что ни дождь, ни снег под тентом тебя не достанут, а в головах у тебя котелок с крепким горячим чаем (в лодке жег примус) и радиоприемник ВЭФ. Уже к 1 июня добрался до Усть-Камчатска.

В 1978 г. Б. Б. Вронский определил мне новое основное место работы – Усть-Камчатский РКЗ. Сборы нерки по отдельным притокам р. Камчатки с этого года пришлось осуществлять факультативно.

На лето дали двух студентов Пермского ГУ – Андрея Николаевича Прахова и Константина Юрьевича Непомнящего. Последний после окончания университета распределился в КоТИНРО и начал заниматься авиаучетом лососей. На этой теме он проработал до 1997 г. По ряду причин личного харак-

ГЛАВРЫБВОД МИНИСТЕРСТВА РЫБНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР
КАМЧАТРЫБВОД

РАЗРЕШЕНИЕ № 3

Подписать разрешаю
в Усть-Камчатской
инспекции

на право лова рыбы и других объектов водного промысла для научно-исследовательских целей, акклиматизации, зарыбления, рыборазведения и контрольного лова.

Настоящее разрешение выдано Камчатское отделение ТИИРО
(указать полное название организации)

на право лова для научно-исследовательских целей

(указать рай, каньон, цехи, речные ловы)

Лов разрешается производить в реках дельты р. Камчатка у п. Тушино, Мильково, в р. Шекун, Кроки, в оз. Наринское, Еловке, Б. и М. Хашце, Радуге, оз. Тихоокеанском
(указать название водоемов)

с 20 мая по 30 октября 19 79 г. следующими орудиями лова:

Дважды ставными сетями

(указать орудия лова и их количество)

Разрешается вылов следующих видов в количестве: краевой 150 шт. в г.г. в р. Еловке - 50 шт., Б. Хашце - 25 шт., М. Хашце - 25 шт., Радуге - 25 шт., оз. Тихоокеанском - 25 шт.

Объемов, проходивших краевой 150 шт. (р. Камчатка у п. Тушино и Мильково - 50 шт., в р. Шекун - 25 шт., в р. Кроки - 25 шт., в реках дельты оз. Наринского - 50 шт.) хавки - 5 шт., сейды - 15 шт., китбуга - 10 шт. молоди лососей - 600 шт.

Лов производится собственными силами ТИИРО
(указать суда и бригады)

Ответственным за проведение лова является

научный сотрудник Бугаев Виктор Федорович
(указать фамилию, и. о., занимаемую должность)

Куда направляется рыба и другие объекты на биологические исследования

НАЧАЛЬНИК КАМЧАТРЫБВОДА

Камчат. обл. тип. IV-77 г. Зап. 1596. Тир. 500

Разрешение на лов тихоокеанских лососей в бассейне р. Камчатки, выданное Камчатрыбводом в 1979 г. автору этой книги

тера К. Ю. Непомнящий уехал с Камчатки в Пермь (умер в Перми 16 апреля 2015 г.).

Каждые двое суток выполняли биологические анализы нерки на Усть-Камчатском РКЗ – брали по 100–150 рыбин, а трое суток ездили по окрестным озерам – Азабачье, Курсин, Нерпичье, Низовцево, Куражечное и другим. В них я вел наблюдения за сезонным ростом молоди нерки.

В период работы на Усть-Камчатском РКЗ подружился с рабочими цеха головоотсека, где делали биологические анализы лососей. Рыбу с морских ставных неводов обычно сдавали

в ночное время, и мы, как правило, с 22 до 2 часов ночи находились в головоотсеке вместе с бригадой рабочих. Пока не начинали работу, вместе с ними пили чай. Алкоголь не употребляли, т. к. цех относился к разряду опасных.

УСТЬ-КАМЧАТСК

Ход лосóсей после ледохода
Концентрирует природы мощь,
Гольйй берег, сложный бар прохода;
Никогда здесь не росло каких-то роц.

Усть-Камчатск – поселок на песке:
На наносах жизни и природы,
Но известен в географии везде,
У скитающихся в поисках свободы.

Как форпост седых казачьих снов,
Породивших всё величие Сибири,
Ты не стал основой городской,
Но за это – раздвигал Россию.

Никогда не отличался простотой
Контингент людей, живущих здесь,
Но всегда он был со сложною судьбой,
Изменяющей любую жизни спесь.

Здесь собирались для постоя
Искатели судьбы – в согласии с собой,
Но завораживает однообразный гул прибора,
С подходом нерки серебристо-голубой.

Особый, монотонный ветер дует с моря,
Гладит титановый песок длинной косы,
И Нерпичьего озера морскую горечь,
Жесткий туман, от встреченной реки.

13 августа 2013 г.

Рыбу с речных рыбалок подавали в цех в утреннее и вечернее время, и проводить ее биологические анализы, естественно, было гораздо удобнее, чем с морских ставных неводов. Эту специфику лаборанты КоТИНРО «усвоили» еще в 1950–1960-х гг. и все многолетние материалы по нерке р. Камчатки собирали в основном с плавных сетей, которые обладали большой селективностью.

В итоге, имеющиеся материалы по нерке р. Камчатки за 1957–1977 гг. не годились для межгодовых сравнений (они вообще ни на что не годились). Наш институт все эти годы по нерке р. Камчатки, можно сказать, работал впустую.

Более того, биологический анализ нерки сотрудники КоТИНРО начинали делать только с конца июня – начала июля, т. е. много дней спустя после окончания ее массового хода в р. Камчатку, который обычно приходился на 11–20 июня. Ситуация объяснялась очень просто: в Усть-Камчатске в первой половине июня еще стояли холода и теплее становилось только после 20 июня. Поэтому лаборанты и научные сотрудники КоТИНРО в Усть-Камчатск ехать не спешили. Заведующие и старшие научные сотрудники лососевой лаборатории ситуацию не контролировали. Все они были очень хорошими и душевными людьми. Но, к сожалению, хороший человек – это не профессия. В детали со сбором материалов по нерке р. Камчатки за много лет они так и не вникли. В результате получилось то, что получилось.

Начиная с 1978 г., первые 10 лет, для сравнения я брал рыбу на биологические анализы одновременно с неводов и плавных сетей. Затем, в качестве стандарта, стал использовать только сборы со ставных морских неводов. Приходилось иногда «воевать» с лаборантами, предпочитавшими работать с рыбой из сетей, а не из неводов. В конце концов, ситуацию со сбором материалов по нерке удалось выправить. Тем не менее, каждый год и по настоящее время приходится контролировать отъезд «сборщиков нерки» в Усть-Камчатск. Иначе может произойти сбой, что практически случилось в 2006 г., когда первую пробу по нерке собрали только 16 июня (на эту дату ее уже поймали более 1,5 тыс. тонн).

Но вернемся в 1978-й год. Рыба с пристани по транспортеру поступала в бункеры, а оттуда ее понемногу, через специальные окна-задвижки подавали к циркулярным ножам, отрезающим голову и прилегающую часть тела. На подаче к этим ножам с каждой стороны стояло по одному человеку. Случались и травмы.

Рыбу взвешивали между двумя бункерами на «детских» весах (для новорожденных). Везде текла вода. Первые несколько раз, в начале, было немного жутковато работать. Но потом к этому привыкаешь. 50 рыбин обычно «зарезали» за 2–2,5 часа.

Работали вдвоем: один писал, а второй резал и брал чешую. Весы обычно меняли через 1–2 сезона, т. к. они ежегодно находились в сырости с июня и по середину сентября на РКЗ и сильно ржавели. Таскать их каждый раз на себе домой было просто невозможно. За сезон на «детских» весах взвешивали более 4 тыс. рыб. На каждой особи три операции – общий вес, вес порки и гонад.

В начале августа Андрей Прахов уехал в Пермь и к нам присоединился Анатолий Ходько. На двух «Прогрессах» поехали в верхнее течение р. Камчатки. Добравшись до Ушковского ЛРЗ, заменили одну лодку «Прогресс-2» на старую лодку «Казанку» без булей, которую нам любезно предоставил директор И. В. Котов.

При поездках по рекам «Казанка» более удобна, чем все другие лодки. Она достаточно узкая, что позволяет ей довольно легко быстро идти против течения на «Вихрях» мощностью 20–30 лошадиных сил. В «Казанке» вместе со мной ехали бочка бензина и часть нашего груза.

Для тех, кто не знает, – старую «Казанку» (без булей и с булями) не следует путать с ее новой модификацией, более вместительной «Казанкой-5», которая, скорее, похожа на катер типа «Прогресс», чем на первые модели «казанок».

КОСТРЫ НА БЕРЕГАХ РЕКИ КАМЧАТКИ

Сносимый в половодье хлам застрянет где-то в косах,
В песчаных, галечных и перекатах без воды,
И солнце сушит все и превращает, словно в порошок,
Каркас клетчатки трав и дерева Земли.

С проходом паводка, плавник на мелководьях,
Высушивается до большой воды,
Так много раз... и происходит чудо:
Речные берега теплом становятся полны.

Что хочет стать костром – в начале погибает
И только раз – в мороз и летний зной
Становится подводными дровами.
Костер горит, и нам тепло, и хорошо с тобой.

Люблю костры на гальке и песке
Из материала, принесенного рекою,
Деревьев, веток и всего такого,
Что перемешивается в камне и воде.

Сентябрь 2012 г. (мысли 1993 г.)

Втроем на двух лодках мы поднялись до р. Николки, облавливая мальковым неводом заливы, протоки и старицы р. Камчатки. Это оказалась очень интересная и успешная поездка, т. к. во второй половине августа уровень воды в реке упал. Обнажились большие песчаные (ниже впадения р. Быстрой-Козыревки) и галечные (выше р. Быстрой-Козыревки) косы, появилось много заливов и пересыхающих протоков. Это позволило выявить новые и уточнить старые места скопления сеголетков нерки и других видов лососей в реке.

На обратном пути останавливались в Ушках на два дня. Помылись в бане. Выпили и простились с радушным Игорем Васильевичем. В Петропавловск вернулись втроем в середине сентября. Сезон 1978 г. завершили благополучно.

Больше на Камчатке с И. В. мы не встречались. Через месяц после нашего «наезда» к нему он уехал с Камчатки в Литву. Навестил я его один раз осенью 1982 г., когда приезжал к своему отцу в Вильнюс. И. В. работал директором рыбоводного хозяйства, где выращивали форель и карпов. Его новая жена приготовила нам жареного карпа. Выпили бутылку водки. Вспомнили нашу поездку.

В 1988 г. я вновь находился в Вильнюсе у отца. Звонил И. В. Но никто трубку не поднял. Как сложилась его дальнейшая судьба, не знаю. После этого в Литву я больше не ездил.

***

В 1977–1978 гг. на оз. Азабачьем стали работать молодые выпускники Одесского ГУ – Лидия Анатольевна Базаркина и Валерий Николаевич Базаркин. Последнего, буквально через два месяца работы, призвали на один год на военную службу в Советскую Армию. Лидия Анатольевна формально была заведующей Азабачинским н/п на котором в это время жил и работал В. Н. Павленко, которого я упоминал уже выше.

Л. А. жила в Усть-Камчатске и в период путины собирала биостатистические материалы для КоТИНРО на Усть-Камчатском РКЗ. После возвращения из армии Валерия Николаевича, в 1979 г. супруги стали проводить гидрологические и гидробиологические исследования вод озера (Л. А.), а также стали изучать гидрологию нерестилищ нерки (В. Н.). Я в это время начал проводить работы по траловому близнецовому лову молоди нерки в пелагиали озера. Названные работы мне помогал выполнять В. Н., а иногда, когда сын был занят в Усть-Камчатске, его отец – Николай Иванович Базаркин.

В июне-октябре 1979–1980 гг. мы вместе с Валерой провели удачные траления на 9 станциях акватории оз. Азабачье. Этот принцип лова я позаимствовал, используя опыт моих американских коллег, работающих на Аляске, д-ра Роберта Бёргнера (Robert Burgner) и д-ра Оле Матисена (Ole Mathisen). Траления мы проводили, в зависимости от погоды, раз в 9–11 дней. Такие материалы позволяли исследовать скорость роста молоди нерки в озере и контролировать размерно-массовые

характеристики смолтов (покатников) нерки в истоке протоки Азабачьей в период миграции особей в море. До этого, я три года пытался ловить молодь нерки в оз. Азабачьем мальковым неводом и мальковой ставной сетью, но результаты оказались явно неудовлетворительными.

В 1979–1980 гг. проблема регулярного сбора и контроля за размерно-массовыми характеристиками смолтов нерки в этом районе была успешно решена. До этого здесь еще никому не удавалось собрать подобных материалов, т. к. все имевшиеся поимки молоди носили скорее локальный характер и охватывали прибрежные группировки молоди. Рыб ловили закидным неводом с берега или в мальковые сети, несущих эффект селективности в зависимости от размера ячеи.

Напомню, что в 1970 г. в нижнем течении протоки Азабачьей была основана биостанция «Радуга» ИБМ ДВНЦ АН СССР (г. Владивосток). Сотрудники этого института ежегодно приезжали на эту станцию и изучали нерест и биологические показатели половозрелой нерки в бассейне озера. Особое внимание отводили генетическим, остеологическим и паразитологическим исследованиям. Работавшие до меня Галина и Сергей Горшковы плотно контактировали с сотрудниками биостанции и находились с ними в дружеских отношениях. Валера и Лида Базаркины сразу же нашли общие контакты с приморскими исследователями. Мои исследования находились как бы в стороне от генеральной линии научной мысли академических научных сотрудников, которую генерировал и курировал д. б. н. С. М. Коновалов.

КоТИНРО (КамчатНИРО) – 1981–1995 гг.

Мою деятельность в 1981–1995 гг., не вникая в детали, можно кратко охарактеризовать ниже следующим образом.

1981–1983 гг. – Биологические анализы нерки на Усть-Камчатском РКЗ. Участие в деятельности рабочей группы по оперативной регуляции промысла лососевых рыб р. Камчатки. Кратковременные выезды на озера среднего и нижнего течения реки. Сбор материалов по половозрелой нерке оз. Азабачьего. Вынужденное прекращение тралений молоди нерки на акватории озера. Защита в ноябре 1983 г. в МГУ им. М. В. Ломоносова диссертации на соискание ученой степени кандидата биологических наук.

1984 г. – Проведение специальных работ на Усть-Камчатском РКЗ: сбор материалов по морфометрии нерки. Работа по оперативной регуляции промысла лососевых рыб р. Камчатки. Кратковременные выезды на озера среднего и нижнего течения р. Камчатки. Возобновление тралений молоди нерки в бассейне оз. Азабачьего. Проведение биологических анализов производителей нерки этого водоема. Начало изучения биологии трехиглой колюшки в бассейне оз. Азабачьего.

1985 г. – Продолжение специальных работ на Усть-Камчатском РКЗ (сбор материалов по морфометрии нерки). Участие в деятельности рабочей группы по оперативной регуляции промысла лососевых рыб р. Камчатки. Первый экспериментальный лов половозрелой нерки в протоке Азабачьей. Траления молоди нерки в бассейне оз. Азабачьего. Проведение стандартных биологических анализов производителей нерки этого водоема. Приезд В. В. Зюганова с целью транспортировки производителей трехиглой колюшки оз. Азабачьего в Карелию для экспериментального скрещивания с местными формами. Выезд в ноябре на международный симпозиум «Нерка-85» в г. Нанаймо (Британская Колумбия, Канада).

1986 г. – Работа в группе по оперативной регуляции промысла лососевых рыб р. Камчатки. Провал экспериментального лова нерки в протоке Азабачьей из-за ошибки прогноза. Кратковременные выезды на озера среднего и нижнего тече-

ния р. Камчатки. Траления молоди нерки в бассейне оз. Азабачьего. Проведение биологических анализов производителей нерки этого водоема.

1987–1989 гг. – Участие в рабочей группе по оперативной регуляции промысла лососевых рыб р. Камчатки. Траления молоди нерки в бассейне оз. Азабачьего. Проведение биологических анализов производителей нерки этого водоема. Поездка в августе-сентябре 1989 г. на Аляску в Бристольский залив по приглашению Вашингтонского университета (г. Сиэтл, США) и Департамента охоты и рыболовства штата Аляска (г. Джуно, США).

1990 г. – Работа в группе по оперативной регуляции промысла лососевых рыб р. Камчатки. Траления молоди нерки в бассейне оз. Азабачьего. Проведение биологических анализов производителей нерки этого водоема. Статистические расчеты для книги «Азиатская нерка».

1991–1994 гг. – Участие в деятельности рабочей группы по оперативной регуляции промысла лососевых рыб р. Камчатки. Траления молоди нерки в бассейне оз. Азабачьего. Проведение биологических анализов производителей нерки этого водоема. В августе 1992 г. выезд на полевые работы на Аляску в Бристольский залив. Проведение в 1993–1994 гг. специализированного лова производителей нерки в протоке Азабачьей с целью снижения ее численности в бассейне озера. Работа над книгой «Азиатская нерка». Защита в 1994 г. во ВНИРО (г. Москва) диссертации на соискание ученой степени доктора биологических наук с одноименным названием.

1995 г. – Весенняя поездка на Тихоокеанскую биологическую станцию в г. Нанаймо (Британская Колумбия, Канада) для редактирования английского варианта рукописи книги «Азиатская нерка» и посещение Вашингтонского университета (г. Сиэтл, США). Работа в группе по регуляции промысла лососевых рыб р. Камчатки. Неожиданное увеличение численности нерки р. Камчатки за счет рыб азабачинского стада. Траления молоди нерки в бассейне оз. Азабачьего. Проведение биологических анализов производителей нерки этого водоема. Выход из печати монографии «Азиатская нерка» (1995) на русском языке. Осенняя поездка на полевые работы на Аляску в Бристольский залив.

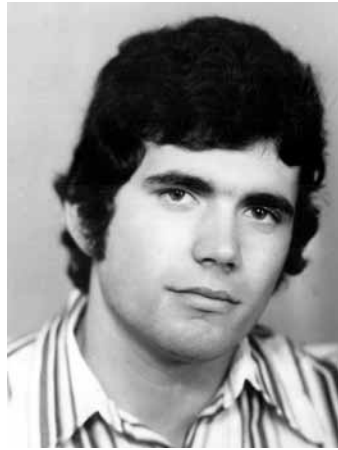
***

Приехав в начале июня 1981 г. в Усть-Камчатск, сразу заметил, что мои отношения с Валерой и Лидой Базаркиными резко ухудшились. После 20 июня, когда уже пришло время начинать траловые работы в истоке протоки Азабачьей, супруги начали усиленную подготовку к посадке картошки на огороде у домика КоТИПРО на ул. Комсомольской, № 149. Ничего против я не имел, т. к. это традиционное занятие русских людей, позволяющее выживать, и является ежегодной процедурой. Просил только съездить на озеро на одну ночь, и потом 10 дней они могли бы заниматься своими делами.

Уговаривал Базаркиных до 5 июля. Вероятно, им это надоело, и супруги решили высказаться начистоту. Прежде всего, мне однозначно заявили, что Валера больше со мной тралить никогда не будет. Затем Лида начала «выступать», что я застаю ее заниматься гидробиологическими работами на оз. Азабачьем, а она гидролог по образованию. Гидробиология ей не нужна. Более того, Б. Б. Вронский определил ей главную работу – взятие биологических анализов тихоокеанских лососей на Усть-Камчатском РКЗ. На все это я ответил: «Лида, да лет через 10 ты мне еще спасибо скажешь, что я тебя заставляю заниматься гидробиологией».

Л. А. Базаркина

В. А. Базаркин

Валера начал говорить, что я плохой человек, и вместо того, чтобы дружить, начал конфликтовать с хорошими ребятами с биостанции «Радуга». Поэтому помогать тралить он не собирается.

Следует заметить, что в то время я еще не знал, что уже начал «конфликтовать». Видимо, Валера случайно проболтался, выдав мне конфиденциальную информацию, которая уже широко обсуждалась в узком кругу. Явный конфликт с сотрудниками биостанции «Радуга» у меня начнется только с полевого сезона 1982 г., но тогда, в 1981 г., я еще ничего не знал об этом.

Поехал на озеро один. На станции «Радуга» 6 июля 1981 г. мне предложил помощь Сергей Золотухин, работавший там инженером. С ним провели серию тралений в протоке и, в итоге, поймали всего одного смолта нерки.

Я еще оставался неопытен и решил, что скат уже закончился. В этом году озеро вскрылось ото льда в начале июня на 10 дней раньше средних сроков распаления льда. Более 10 дней стояла безветренная солнечная погода. Температура воды в протоке уже превышала 20 °С.

Только через несколько лет пришел к выводу, что произошло все-таки временное прекращение ската, вызванное высокими температурами в протоке. Но тогда я этого не знал и больше попыток тралить в протоке в 1981 г. не предпринимал. Как мне стало ясно через несколько лет, следовало дожидаться длительных холодных дней и попробовать поработать в протоке еще раз.

В течение лета 1981 г. еще два раза уговорил нетрезвых жителей Усть-Камчатска, приехавших отдохнуть на озеро, потралить по разу на «тундре» оз. Азабачьево. Если бы траления можно было проводить в дневное время, то возможностей собрать материалы по молоди нерки из пелагиали озера было бы гораздо больше. Но траления требовалось выполнять с наступлением темноты, а к этому времени гости нашего озера или уезжали, или находились уже в отключке от «огненной воды» и мирно спали.

Мои исследования показали, что определение возраста нерки оз. Азабачьего в докторской диссертационной работе С. М. Коновалова были проведены неверно. Когда я поступал в заочную аспирантуру ТИНРО (г. Владивосток), то сразу же сказал Б. Б. Вронскому, что у меня имеются разногласия с С. М. по определению возраста, и я предполагаю, что здесь могут появиться осложнения. Но Борис Борисович сказал тогда, что «Слава – демократ по натуре, и нечего опасаться». К сожалению, его прогноз не подтвердился.

В феврале 1982 г. на отчетной сессии КоТИНРО я выступил с докладом, в котором прямо указал на методические ошибки своего руководителя – директора ТИНРО д. б. н. С. М. Коновалова. Тот в защиту своих научных взглядов сказал, что нечего меня слушать, т. к. я «недоучка», ибо закончил Дальрыбвтуз. Он отказывается от руководства аспирантом.

В мою поддержку выступили к.б.н. Б. Б. Вронский и к.б.н. Игорь Иванович Куренков. Последний, в заключение, глубокомысленно сказал: «Если Юпитер сердится, то он не прав». Все смотрели на меня, как на покойника. В те годы существовало неписаное правило: если руководитель отказывался, то соискатель не защищался.

Некоторое время спустя во Владивостоке в ТИНРО вывели приказ: «С. М. Коновалов слагает с себя руководство диссертационной работой В. Ф. Бугаева на соискание ученой степени кандидата биологических наук в связи с невыполнением запланированных работ и аморальным обликом соискателя».

Так я лишился руководителя. Все окружение в институте на моей дальнейшей судьбе поставило жирный крест. Да и сам я так считал первое время.

Требовалось что-то предпринимать. Написал письмо в Институт биологии развития им. Н. К. Кольцова АН СССР (г. Москва) старшему научному сотруднику к.б.н. Михаилу Валентиновичу Мине с просьбой стать моим руководителем. Описал ситуацию. Дело в том, что уже несколько лет я находился под сильным впечатлением от его книги «Рост

животных» (в соавторстве с Г. А. Клевезаль), которую, можно сказать, выменял у одного научного сотрудника на «Три мушкетера» А. Дюма.

***

В 1982 г. у меня резко ухудшились отношения с сотрудниками станции «Радуга». Произошло это почему-то сразу после приезда моей жены Татьяны с дочерьми Юлией и Анастасией в начале июля ко мне на озеро. Я долго не мог понять, в чем дело, но через несколько лет эту «тайну» мне открыл Сергей Горшков.

Оказалось, что С. М. Коновалов, чтобы утвердить всех во мнении, что Бугаев – это нехороший человек, во время ужина поспорил с ребятами со станции. Суть сводилась к тому, что он уже давно раскусил мою «гнилую сущность» и сейчас даже может прогнозировать мое поведение.

Он сказал, что как только я привезу из Усть-Камчатска жену и детей, то сразу повезу на пляж у р. Лотной «объедать» жимолость с куста, который он (С. М. Коновалов) не полностью обобрал два дня назад.

Когда мы с семьей проехали мимо «Радуги» и расположились на берегу р. Лотной, через некоторое время почти все сотрудники станции вместе с С. М. промчались мимо нас на лодках. Действительно, все увидели, что мои дети едят жимолость с одного-единственного куста, растущего неподалеку от берега. Сергей Горшков сказал, что когда он это увидел, то у него по телу даже прошли мурашки от прозорливости С. М. Вся станция «Радуга» была просто поражена.

После слов Сергея Горшкова все стало ясно. «Ларчик» открывался очень просто. За день или за два до приезда моей семьи на озеро, проезжая мимо р. Лотной, я увидел на берегу Александра Григорьевича Шевлякова и С. М. Коновалова, которые отдыхали у костра. Подъехал, они меня угостили чаем со свежей жимолостью. Я, естественно, спросил, где они ее рвали – и мне показали этот куст. Сказал, что как только приедут мои дети, первым делом повезу их сюда. Не мог же тащить их куда-то в лес: Юле тогда было 10, а Насте – всего 5 лет. Более

того, несмотря на то, что в районе озера я работал уже несколько лет, я даже не знал, где растет какая ягода. У меня просто не имелось времени: собирал научные материалы, мотался на лодке между Усть-Камчатском, оз. Азабачьим и другими озерами нижнего течения р. Камчатки.

Считаю, что если для доказательства моей «гнилой сущности» С. М. Коновалов применил такой некорректный метод, как использование моей семьи, то это не делает ему чести.

ОЗЕРО АЗАБАЧЬЕ – п. УСТЬ-КАМЧАТСК

На лодке с мотором по мелкой ряб́и
Я ехал в поселок на встречу с любимой.
На пункте нет связи, «но ты позвони...»,
И я позвонить, утром двигался к милой.

Над ширью протоки волны острова́
Закручивал ветер своей мясорубкой,
И мелкие брызги стучались в меня,
Чтоб вдруг не уснул в это утро, как утка.

Стаи чаек летали вокруг,
Обливая меня своим белым пометом,
Я слился с мотором, как будто всегда
Был отличным военным пилотом.

А протока впадает в Камчатку-реку́,
И коричневых волн ждет удар меня сходу,
Но услужливый ветер разгладил всю ширь,
Как березы листок на окне в дождевую погоду.

Затем курс изменился, и вдруг из-за гор
Солнца жар неожиданно вспыхнул,
Длиной глади белье протянулось вперед,
А в конце – Усть-Камчатска мираж чуть подпрыгнул.

Вот уткнулась в песок моя лодка, и бег:
Магазин, главпочтамт, телефонная встреча с любимой,
Все у нас хорошо и покой на душе,
И возврат в пункт исхода, к работе. Не мимо!

Я лечу под закат в голубых оторочках вечерней зари,
И нырок в ту протоку, откуда мигрирует нерка.
Возвращаюсь бродягой открытой души,
И сам Бог, улыбается сверху.

Июль 2012 г. (события 1985 г.)

***

Очень скоро получил от М. В. Мины ответ, в котором он рекомендовал защищаться в МГУ им. М. В. Ломоносова без руководителя. Работы мои он хорошо знал, т. к. неоднократно являлся их рецензентом в журнале «Вопросы ихтиологии».

Весной 1983 г. я выезжал в МГУ им. М. В. Ломоносова, где в лаборатории ихтиологии прошел предзащиту. Там встретил полное взаимопонимание. 14 ноября 1983 г. без «черных шаров» защитил кандидатскую диссертацию.

Таким образом, главный аргумент бывшего руководителя С. М. Коновалова о моей научной несостоятельности («недоучка») не подтвердился, т. к. я защитил диссертацию в самом престижном университете нашей страны.

На всю жизнь у меня остались самые теплые воспоминания о той моральной и практической поддержке, которую мне тогда оказали москвичи-ихтиологи: д. б. н. Михаил Валентинович Мина (ИБР им. Н. К. Кольцова), д. б. н. Олег Федорович Гриценко (ВНИРО), д. б. н. Леонид Борисович Кляшторин (ВНИРО), д. б. н. Иосиф Бениционович Бирман (ВНИРО), к. б. н. Валерий Андреевич Максимов (МГУ им. М. В. Ломоносова), д. б. н. Ксения Александровна Савваитова (МГУ им. М. В. Ломоносова) и многие другие.

***

Весной 1983 г. уже после предзащиты я заезжал к своему сводному брату Сергею в Литовскую республику в г. Вильнюс, у которого была свадьба. Девушку звали Альбина и она была литовка. Родившегося первого мальчика родители назвали Ренальдом. Последний раз я был в Вильнюсе в 1987 г. и второго их сына – Андрея, родившегося после моего последнего визита я не видел.

Сергей закончил строительный институт в Вильнюсе, но по специальности почти не работал и вместе с Альбиной занимался частным предпринимательством. Как сложилась его судьба я не знаю, т. к. после смерти отца в 2000 г. связь между нами прервалась. Все держалось на переписке с отцом.

Памятное свадебное фото Альбины (в центре) и моего брата Сергея (справа) (г. Вильнюс, май 1983 г.)

***

С супругами Лидой и Валерой Базаркиными на оз. Азабачьем мы жили в одном двухквартирном доме. В 1982–1983 гг. только здоровались, если сталкивались друг с другом на пункте. С Лидой еще немного разговаривали, но Валера подчеркнуто презирал меня, не скрывая своего превосходства в сложившейся ситуации, в разговорах с посторонними с восторгом говоря о С. М. Коновалове.

Шло время. Я работал – собирал и обрабатывал материалы, публиковал статьи. К концу 1983 г. в журнале «Вопросы ихтиологии» у меня уже было опубликовано 5 статей и столько же находилось там еще в печати.

Весной 1984 г. Валера Базаркин сам предложил мне возобновить траления молоди лососей в озере. Вероятно, до Лиды Базаркиной наконец «дошло», что эти материалы ей тоже необходимы для изучения степени выедаемости зоопланктона рыбами в данном водоеме.

В 1985–1986 гг. мы регулярно тралили в озере, но осенью 1986 г. Валера ушел из КоТИНРО в Камчатский отдел природопользования Тихоокеанского института географии ДВНЦ АН СССР. По результатам многолетних совместных тралений я опубликовал в «Вопросах ихтиологии» (1987) в соавторстве с ним статью.

***

В 1983–1984 гг. в бассейне оз. Азабачьего наблюдалось превышение численности пропущенных на нерест производителей нерки выше оптимальной.

По моим рекомендациям в 1984 г. КамчатНИРО пыталось организовать специализированный лов нерки в протоке Азабачьей, но эта инициатива встретила много противников, и такой лов организовать не удалось.

Первый специализированный лов нерки в устье протоки Азабачьей провели в 1985 г. рыбаки колхоза «Путь Ленина» под руководством бригадира В. Н. Пономарева (рыбалка «Нижнекамчатск»). Уровни воды в р. Камчатке в 1985 г. являлись идеальными для работы закидным неводом и, в итоге, суще-

ствовала реальная возможность добыть рекомендованные 600–800 тонн рыбы.

Неожиданное вмешательство сотрудников станции «Радуга» привело к срыву лова. Рыбаки поймали всего 330 тонн нерки, а в озеро пропустили 284 тыс. шт. рыб, что превышало оптимум в 5–6 раз.

После путины колхоз «Путь Ленина» перечислил КоТИНРО 10 тыс. рублей. Из этих денег мне как автору внедрения специализированного лова в кассе института выплатили премию в размере 30 рублей. Вначале хотели выдать 100 рублей (об этом мне сказал наш главный бухгалтер Анатолий Михайлович Резин), но директор А. К. Евдокимов премию «срезал».

***

В 1984 г. в Усть-Камчатск на РКЗ и на Азабачинский наблюдательный пункт приезжали студенты из МГУ им. М. В. Ломоносова, направленные сюда д. б. н. К. А. Савваитовой.

По просьбе к. б. н. Валерия Валерьевича Зюганова (сотрудника ИБР им. Н. К. Кольцова АН СССР) студентка Галина Головатюк собирала материалы по трехиглой колюшке оз. Азабачьего. Результаты этой поездки студентов университета оказались настолько интересными, что в июне 1985 г. В. В. Зюганов приехал на оз. Азабачье сам.

У В. В. был очень вкрадчивый, «сладкий» голос, и он мог уговорить любого человека сделать все, что ему было нужно. Общение с ним для меня оказалось очень полезным: В. В. обладал широчайшей эрудицией и оказался исключительно интересным собеседником.

Цель приезда В. В. на озеро представлялась грандиозной. Он собирался из оз. Азабачьего перевезти в Карелию две выборки трехиглой колюшки (жилую – морфа *leivugus* и анадромную – морфа *trachugus*), которые хорошо различались по числу костных пластинок на теле. В период размножения обе группы рыб вместе обитали в озере, но не скрещивались между собой.

В. В. предполагал выпустить камчатских колюшек в слюдяные карьеры Карелии, заполненные водой, и скрестить их с

местными морфами *leiuirus* и *trachurus*. И он сделал это: каким-то фантастическим образом все-таки довез 10 полиэтиленовых пакетов с живыми трехиглыми колюшками до этих самых карьеров.

Чтобы рыбки не погибли по пути, он вез с собой баллон с кислородом и «цыганил» этот кислород у стюардесс в самолете при 9-часовом перелете Петропавловск – Москва.

Моя жена Татьяна совершенно случайно летела с В. В. в отпуск на одном самолете. Как она потом рассказала, это был цирк одного клоуна (В. В.) и униформистов (стюардесс) при полном аншлаге зрителей (пассажиров рейса).

Использую выдержку из книги В. Ф. Бугаева и др. «Рыбы реки Камчатки» (2007, с. 293–294): «Анализ дальнейшей судьбы трехиглой колюшки оз. Азабачьего, завезенной в экспериментальные водоемы (карьеры) Карелии (Зюганов, Бугаев, 1988) очень интересен. Приведу результаты экспериментов В. В. Зюганова (1988b, 1991), которым предпринята попытка скрещиваемости морф *trachurus* и *leiuirus* из бассейна Белого моря (здесь наблюдаются стартовые стадии генетической дифференциации) и морф *trachurus* и *leiuirus* из бассейна р. Камчатки (где наблюдаются конечные стадии видообразования) (Зюганов, 1988b, 1991)...

Выяснилось, что камчатская морфа *leiuirus* репродуктивно строго изолирована от симпатричной камчатской *trachurus* и от аллопатричной беломорской *leiuirus*, т. е., по отношению к этим совокупностям она ведет себя как вид (Зюганов, 1988b, 1991). Однако от беломорской *trachurus* она репродуктивно не изолирована и способна к обмену генами с последней. В свою очередь, беломорская *trachurus* способна к обмену генами с камчатской *trachurus*, а та – с беломорской *leiuirus* и т. д. Круг замкнулся.

Понятно, что уже в этой 4-компонентной системе, несмотря на то, что между некоторыми парами выявлена полная или почти полная репродуктивная изоляция, имеется принципиальная возможность обмена генами между двумя любыми совокупностями через какую-нибудь третью, даже если эти две между собой жестко изолированы. Важно подчеркнуть, что в

такой системе имеется принципиальная возможность распространения генетического изменения части на все целое (Зюганов, 1988b, 1991)».

В дальнейшем мы еще несколько раз встречались с В. В. Зюгановым в Москве. Но в начале 1990-х гг., наши общения прекратились на многие годы, возобновившись в 2011 г., когда я послал В. В. свои научные и научно-популярные книги, изданные в 2007–2011 гг. Общение с Валерием Валерьевичем в 1980-х гг. привело к тому, что я начал многолетние исследования биологических показателей трехиглой колюшки в бассейне р. Камчатки, с акцентом на мониторинг в оз. Азабачьем.

***

В ноябре 1985 г. вместе с директором КоТИНРО к.б.н. М. М. Селифоновым мы были приглашены на международный симпозиум «Нерка-85», который состоялся 19–22 ноября в г. Нанаймо (Британская Колумбия, Канада).

В этой поездке проезд до места назначения и обратно оплачивали русские, а отели и питание в Канаде – канадцы. Поэтому нам дали только 30 % от обычных командировочных (за 6 суток – 36 канадских долларов).

При подготовке к симпозиуму москвичи хотели заменить мою кандидатуру на представителя Министерства рыбного хозяйства СССР, но канадская сторона заявила, что в этом случае оплачивать пребывание советских граждан в Канаде они не будут. Меня оставили в делегации. Третьим участником нашей миссии стал переводчик из ТИНРО Виктор Петрович Туманов.

Для меня это была первая в жизни поездка за границу. Все сложилось очень удачно. Каждый из нас сделал по два доклада, которые вызвали большой интерес. Мы стали первыми русскими после многих лет перерыва, которые приехали на международный симпозиум такого уровня по биологии нерки. До этого англоязычные исследователи знали только труды д.б.н. Ф. В. Крогиус и д.б.н. Е. М. Крохина, посвященные нерке оз. Дальнего (небольшого модельного стада, имеющего местное промысловое значение).

Нерка рек Озерной и Камчатки для исследователей Канады, США и Японии представляла интерес потому, что именно в них в отдельные годы воспроизводится до 90% всех особей этого вида в Азии. Впоследствии доклады опубликовали на английском языке в трудах симпозиума.

Несмотря на явный научный успех вся поездка в Канаду прошла, как в кошмарном сне: ее график сделали очень тяжелым. Дело в том, что в СССР к поездкам граждан, а тем более командировкам за границу относились с трепетом, как к чрезвычайному событию. Все наперегонки старались экономить валюту. Поэтому существовал принцип, возведенный в закон: ни одного лишнего дня за рубежом.

На практике это выглядело так: за несколько часов до посадки в самолет нам выдали служебные заграничные паспорта (синие) и валюту. Через 3 часа после перелета Москва – Монрель (более 9 часов) из другого аэропорта мы уже летели в Ванкувер (6 часов). По прибытии в Ванкувер через 3 часа на маленьком самолете вылетели в Нанаймо (45 минут) и глубокой ночью заселились в отель «Береговой Бастион» (“Coastul Bastion”).

Подъем в 7 утра. С 9 до 19 симпозиум с перерывом на 2 часа на обед. Я выступал в первый день с двумя докладами (переводили В. П. Туманов и канадский правительственный переводчик Никита Борисович Кириллов). Вечером банкет до 24 часов, где мне посчастливилось сидеть за одним столом с известным ученым – доктором Вильямом (Биллом) Рикером (он подсел ко мне сам).

На следующий день до 20 часов шли заседания. В этот день свои доклады делал М. М. Селифонов. Вечером к себе в номер нас пригласили Оле и Ренди Матисены. К ним также пришли Дон Роджерс, Роберт (Бад) Бёргнер, Билл Рикер, Лео Марголис и Говард Смитт – известные ученые и исследователи нерки.

В третий день на симпозиуме до 16 часов шли дискуссии, и в 17 часов состоялось торжественное закрытие симпозиума «Нерка-85». Уже после 21 часа ко мне в номер зашел мой знакомый из Ванкувера Эдвард Зиблат (правительственный

менеджер лова донных рыб в Британской Колумбии). С ним мы познакомились в октябре 1978 г. на Сахалине на первом лососевом совещании. «Проговорили» до 2 часов ночи. На следующее утро вылетали в Ванкувер – подъем в 7 утра.

Прилетев в Ванкувер, ждали около часа в холле отеля «Pacific Palisade». В 12 часов заселились в номера (оставили вещи) и поехали на встречу с представителем советской выставки ЭКСПО-85 в Ванкувере.

У нашей делегации неожиданно возникла исключительно сложная проблема: советские чиновники в Москве дали нам троим билеты на самолет только на перелет Москва – Монреаль – Ванкувер, то есть – билеты в один конец. Купонов для возврата в СССР не было. Как это получилось – не знаю. Билеты вручили перед самым вылетом из Москвы. О том, что нет билетов на обратный перелет Ванкувер – Монреаль – Москва, выяснилось при вылете из Нанаймо в Ванкувер.

После долгих переговоров с Москвой представитель ЭКСПО-85 (не помню ни имени, ни фамилии) купил нам билеты по маршруту Ванкувер – Монреаль – Москва. Кто-то в Москве за это получил выговор, т. к. если бы билеты приобрели в Москве, то за них бы заплатили рублями, а так пришлось покупать билеты за валюту. Сэкономили!

После покупки билетов у нас имелось 30 минут свободного времени, и мы посетили супермаркет «Вулворт», где я купил себе кассетный плеер за 32 канадских доллара. В то время в СССР такие плееры еще свободно не продавались.

Вечером ходили в гости к Говарду Смитту, который, кроме нас троих, пригласил Волли Джонсона (известный канадский исследователь нерки) и Эдварда Зиблата. В час ночи вернулись в отель, а уже в 6 утра выехали в аэропорт.

Затем последовал тяжелый 6-часовой перелет до Монреаля и через 4 часа – 9-часовой перелет до Москвы. В столицу нашей Родины делегация вернулась «никакой» от усталости. Через двое суток вылетели на Камчатку. Даже сейчас, спустя 30 лет, с ужасом вспоминаю эту тяжелую поездку, т. к. никогда не сплю в самолете.

***

Как уж повелось с основания Азабачинского наблюдательного пункта, с начала 1960-х гг., моторное топливо (бензин и солярку) на пункт завозили один раз в год – по большой воде. Это событие происходило всегда около 10–20 июля и обязательно тщательно готовилось.

Каждый год заведующий пунктом ходил в Усть-Камчатске к председателю колхоза «Путь Ленина» и просил катер и плашкоут (на последний грузили бочки с топливом), договаривался с администрацией нефтебазы на о. Чаячем (там располагался усть-камчатский склад ГСМ). Что немаловажно, особо нужно было договариваться с командой катера, которая поведет плашкоут в озеро. Команда всегда требовала обязательно «море» водки за сложность операции (можно капитально сесть на мель в протоке или у пункта).

Не знаю, как раньше, но в те времена, когда я работал, у ученых всегда существовали проблемы с деньгами: их не хватало. Поэтому специально для экипажа катера, состоящего из трех человек, который ночевал на пункте и мылся в бане, всегда гнали самогон. Хватало двух 3-х литровых банок (не считая двух-трех бутылок водки).

Обычно процесс завоза топлива на пункт начинался с изготовления самогона, а уж потом шли договариваться с председателем колхоза о катере и плашкоуте.

Начиная с 1996 г., топливо на весь год на пункт завозить перестали (запретила «Госкомкамчатэкология»). Его начали возить из Усть-Камчатска на озеро (60 км в один конец) в пунктовских лодках по одной бочке.

Сколько за эти годы КамчатНИРО сожгло бензина, транспортируя бочки с бензином, и угрбило японских подвесных лодочных моторов на этом деле, подумать страшно. А погрузка одним человеком полной бочки бензина в лодку, иногда «обрывала» все внутренности. С каждым годом грузить бензин становилось все тяжелее и тяжелее.

***

В 1986 г. наш институт вновь рекомендовал специализированный лов нерки в протоке Азабачьей, но было поймано всего 40 тонн. Произошла ошибка в прогнозе. Она явилась следствием того, что я не располагал данными о длине и массе тела смолтов нерки, мигрировавших из оз. Азабачье в 1981–1983 гг.

В 1986 г. в озеро в основном возвращались рыбы от ската 1983 г. (траления возобновили только в 1984 г.). В то время мне было трудно представить, что сброс роста (от максимума и почти до минимума) у молоди нерки может происходить всего за один год, т. к. его увеличение всегда происходило постепенно в течение нескольких лет. Считаю, что если бы в 1981–1983 гг. в оз. Азабачьем я проводил траления молоди, то ошибки прогноза в 1986 г., скорее всего, не произошло.

Вот что об итогах работы КоТИНРО за 1986 г. писала газета «Камчатская правда» (от 16 декабря 1986 г.) в дежурной статье «В обкоме КПСС»:

«На заседании бюро обкома КПСС при рассмотрении вопроса “О неудовлетворительном выполнении решений ЦК КПСС и обкома партии по искоренению очковтирательства и приписок” была... рассмотрена работа руководства и парторганизации Камчатского отделения ТИНРО по повышению эффективности научных исследований, качества прогнозирования запасов рыб и укрепления связи с предприятиями и организациями рыбной отрасли Камчатки.

Камчатское отделение ТИНРО вносит определенный вклад в развитие производственного потенциала рыбной промышленности области. Вместе с тем деятельность Камчатского отделения ТИНРО не отвечает современным требованиям, предъявляемым к науке. Результаты промысла лососевых на Камчатке свидетельствуют о низком научном уровне, недостаточной целенаправленности и интенсивности исследований, проводимых отделением в изучении этого важнейшего семейства. Научная работа в основном сводится к исследованиям и сбору информации об условиях воспроизводства и жизни лососевых рыб в пресноводный период. Исследования морского периода их жизненного цикла носит фрагментарный характер.

Требует укрепления связь ученых отделения с производством и академическими институтами, повышения – информированность рыбаков о результатах своей работы по определению запасов рыбы и морепродуктов на шельфе Камчатки и объемах возможного их вылова. Учеными недостаточно используются наблюдения промыслового и поискового флота, наблюдательных пунктов и экспериментального рыбоводного завода Камчатрыбвода. Неудовлетворительно развивается материально-техническая база отделения.

Создавшееся положение дел явилось следствием серьезных недостатков в работе администрации и партийного бюро отделения, их низкой требовательности к сотрудникам, коммунистам.

Слабым остается партийное руководство комсомольской и профсоюзной организациями. Партбюро недостаточно осуществляет контроль и проверку исполнения своих решений, критических замечаний и предложений, не развивает самокритику.

Бюро Камчатского обкома КПСС обязало руководство, секцию ученого совета и партийную организацию Камчатского отделения ТИНРО (т. Селифонов, Дьяков) устранить имеющиеся недостатки в работе.

При этом подчеркнута, что основной задачей отделения является дальнейшее совершенствование методов прогнозирования возможного изъятия промысловых объектов путем комплексного изучения их экологии, воспроизводства, динамики численности, оценки абсолютной биомассы, разработка рекомендаций по рациональному использованию биологических ресурсов в водах камчатского шельфа и западной части Берингова моря, направленных на обеспечение устойчивости сырьевой базы и повышение эффективности работы рыбной промышленности области.

Партийной организации Камчатского отделения ТИНРО (т. Дьякову) поручено устранить недостатки в партийно-организационной работе, повысить ответственность коммунистов, всех сотрудников отделения за качество научно-исследовательских работ и выполнение тематических планов, укрепление дисциплины и порядка в отделении. В этих целях шире использовать в практике работы отчеты коммунистов на партий-

ных собраниях и заседаниях бюро, развивать критику и самокритику, усилить партийное влияние на подбор и расстановку кадров, целенаправленно вести работу по их воспитанию».

***

Часто с удовольствием вспоминаю один эпизод из прошлой жизни на пункте. В конце августа 1986 г. у Валеры Базаркина созрела бражка из рябины – «рябиновка», и 1 сентября он предложил поехать в Тимофеевский залив – отметить День знаний и его уход из КоТИНРО. Он покидал наш пункт навсегда, т. к. переходил на другое место работы. Но кроме нас никого не было, и поэтому на берег залива приехали всего лишь вдвоем.

Наступила вторая половина дня. Светило ласковое осеннее солнце. Комары и мошка отсутствовали. Бражка была очень холодная (ее остудили в Банном ключе) и вкусная, как крепкий квас. Мы выпили по три-четыре-пять кружек и легли понежиться на берегу.

Когда проснулись от холода около 21 часа, светила полная луна. До сих пор вспоминаю этот случай, как один из самых счастливых в моей жизни, проведенных на берегах оз. Азабачьего. Сгорели тогда на солнце не сильно. Начиналась осень.

***

Занимаясь своими научными делами в экспедициях и защитой кандидатской диссертации, я как-то не заметил, что у меня подрастают дети и жена каждое лето живет в Петропавловске без мужа одна. В отпуск я ездил с семьей редко. Обычно жена и дети уезжали на месяц раньше, а я (раз в три года) приезжал к ним уже в августе. А два раза не приезжал вообще. Работал на р. Камчатке.

Обычно все мои, через год, уезжали в Полтаву, где на пенсии жили родители Татьяны (мама – Евгения Сергеевна и отец – Борис Иосифович, бывший военный-танкист из группировки Советских войск в Германии). В Полтаве у них была кооперативная 2-х комнатная квартира.

За первые 12 лет совместной жизни, мы только трижды вы-

Наша семья: Юлия, отец семейства, Анастасия, жена – Татьяна (г. Петропавловск-Камчатский, март 1987 г.)

езжали всей семьей в отпуск – в 1980, 1984 и 1988 гг. В конце августа 1980 г. из Полтавы мы все вместе с родителями Татьяны и нашими детьми на машине «Жигули» ездили в Крым в Евпаторию на 2 недели. В 1984 г. вместе отдыхали в Полтаве (я приехал в августе). В 1988 г. из Полтавы на автобусе от организации, где работал Танин отец, вместе с детьми ездили на 10 дней на Азовское море в пос. Кирилловка. Позже, в августе 1988 г. из Полтавы летали вдвоем с Татьяной в Вильнюс к моему отцу. Дети оставались в Полтаве.

Уже сейчас, много лет спустя, на склоне жизни, я думаю, что не очень легко быть женой ученого, одержимого идеей работы. Но если бы темпы моей работы оказались ниже, то я никогда бы не добился тех успехов в своей профессиональной деятельности, каких достиг. Повторюсь, и еще раз процитирую слова Рильке: «Есть между жизнью и большой работой, старинная какая-то вражда».

А все годы, пока я жил и работал на Камчатке, во Влади-

Вместе с женой Татьяной (Вильнюс, август 1988 г.)

востоке рос мой сын Александр, который из-за не обдуманного поведения своей матери в молодости, воспитывался без отца. Поступок моей первой жены наложил неизгладимую травму на всю жизнь на нас обоих: отца и сына. Это очень жестокий пример того, как наше прошлое определяет наше будущее.

***

Незабываемо прошла первая поездка на Аляску в августе-сентябре 1989 г., куда по частному приглашению Дона Роджерса из Вашингтонского университета и сотрудников Департамента охоты и рыболовства штата Аляска во время трудового отпуска я ездил по линии научного туризма. Дорогу из Москвы до Нью-Йорка и обратно оплатил сам, а расходы в США на себя взяли эти две организации.

Приведу рассказ об этом путешествии «За морем житье не

худо», опубликованный в газете «Вести» (№№ 40–41 от 6–9 апреля 1991 г.):

«Самолет заходит на посадку в Нью-Йоркский аэропорт имени Кеннеди с моря, – сказала мне соседка-американка, возвращающаяся из Москвы. В окна иллюминатора “Боинга-747” виднелась местность, почему-то напоминающая мне Усть-Камчатск (несколько дней назад находился еще там) – полосы земли чередовались с полосками воды, по которым с брызгами на небольшой волне неслись прогулочные катера.

Из самолета все попали сразу же в здание аэровокзала: американцы на этаж “для американцев”, а все остальные “для не американцев”. Минут 40 стоял в очереди – проходил паспортный контроль. По коридору с указателями вышел к выдаче багажа и через таможенный контроль попал к выходу из аэровокзала. Таможенник даже на мои вещи и не посмотрел.

Из Нью-Йорка требовалось добраться до Сиэтла. Спросил, где находится ближайшая справочная. Поднялся на этаж выше и вышел к информационному центру. Девушка, говорившая по-русски, прочитала письмо директора Рыбного исследовательского института Вашингтонского университета – Роберта Френсиса, которое я ей показал. Там выделялось два основных пункта: никуда из аэровокзала не выходить, на регист-

Сын – Александр (г. Владивосток, 1983 г.)

рации Вас будет ожидать билет. Авиакомпания не указана. Девушка любезно порекомендовала мне обратиться в “Пан Америкен”, а если не будет, то в другие. В “Пан Америкен” моего билета не имелось. В других – тоже.

Я снова очутился у стойки информационного центра и сказал девушке, что свой билет найти не могу. Та немного подумала и посоветовала обратиться в авиакомпанию “Америка Вест”, куда можно добраться в автобусе, курсировавшем по территории аэропорта.

Вышел на остановку на улицу и мне стало плохо – на улице стояла дикая жара. Прикинул, что не менее 35 °С. Минут через десять подошел автобус – там работал кондиционер. В автобусе показал письмо работникам аэропорта – двум девушкам-негритянкам. Те переглянулись и сказали, что в конечном итоге все случится “о’кей”, и подсказали, когда мне выйти.

В “Америка Вест” у стойки стоял парень-бразилец. Табличка на униформе свидетельствовала – Жозеф. Прочитал письмо, набрал мою фамилию на компьютере – результат нулевой. Затем позвонил по телефону, имеющемуся в письме, в Сиэтл – Роберту Френсису в институт. Но заканчивалась суббота и в офисе никого не было. Жозеф предложил купить билет до Сиэтла. Я прикинул, что до понедельника далековато, и попросил самый дешевый.

Жозеф пощелкал на компьютере и сказал, что билет стоит 319 долларов. У меня с собой имелось всего 318. Эти деньги я получил в Петропавловске-Камчатском, обменяв 200 рублей в банке, следуя в США по частному приглашению. Сказал Жозефу о размере своего капитала – тот достал один доллар из кармана, пересчитал все деньги и на принтере компьютера распечатал билет. Прилепил бирку к чемодану и чемодан уехал по транспортеру. Затем Жозеф достал еще доллар и сказал, что на эти деньги можно позвонить в Сиэтле из аэропорта моим знакомым. Номера телефонов можно узнать в телефонной книге в аэропорту в Сиэтле.

После всего Жозеф объяснил, что самолет в Сиэтл будет лететь через Лас-Вегас, где необходимо сделать пересадку. Я

подумал, что это, пожалуй, оригинально – посетить Лас-Вегас с одним долларом в кармане. Жозеф пожелал счастливого пути и занялся следующим пассажиром.

Самолет в Лас-Вегас летел в 10 часов вечера. До отлета оставалось еще около четырех. Прошел спецконтроль и вышел в отлетную зону – там располагались магазины, кафе и еще что-то, чему нет названия у нас в стране. Все выше перечисленное по техническим причинам (нет денег) не интересовало. Сел в кресло у выхода на посадку, решил посидеть четыре часа – “дело было вечером, делать было нечего”.

В течение последних 17 лет мне приходилось заниматься в КоТИНРО изучением биологии тихоокеанских лососей. В основном, нерки в бассейне р. Камчатки. Нерка – один из наиболее ценных видов тихоокеанских лососей. В СССР воспроизводится практически полностью на Камчатке, главным образом, в бассейнах рек Камчатки и Озерной.

Но следует иметь в виду, что СССР обладает только 10–15 % всех мировых запасов этого вида. Остальные 85–90 % приходятся на Аляску и Британскую Колумбию (Канада). Поэтому побывать на Аляске всегда являлось заветной мечтой многих советских исследователей тихоокеанских лососей, особенно изучавших нерку.

Помимо нерки, на Аляске в больших количествах воспроизводятся горбуша, кета, чавыча и кижуч. Из тихоокеанских лососей там нет только симы, которая наиболее многочисленна в бассейне Японского моря, но встречается и на западном побережье Камчатки. К сожалению, дальневосточные исследователи тихоокеанских лососей с 1950-х гг. и по настоящее время на Аляску приезжали всего один раз.

Перестройка в СССР все изменила. В результате, 5 августа 1989 г. я сижу в Нью-Йоркском аэропорту. Собираюсь лететь в Сиэтл, из которого 7–8 августа вместе с профессором Вашингтонского университета Доном Роджерсом должен улететь на Аляску.

В Лас-Вегасе задержался всего 20 минут. Игровые автоматы – визитная карточка Лас-Вегаса – игровой столицы США стояли даже в полетной зоне. Кое-кто из пассажиров играл.

В Сиэтл я летел, вооруженный мазью от комаров. Пожилая женщина в Нью-Йорке, узнав, что лечу на Аляску, подарила эту мазь. Она сказала, что направляется в Лас-Вегас играть и мазь от комаров ей там не нужна.

6 августа в 4 часа утра прилетел в Сиэтл, а в 6 утра позвонил Роджерсам, и вскоре Дон и его жена Бренда забрали меня на машине домой.

Дону Роджерсу 57 лет, его жене Бренде – около 50. У Дона есть взрослый сын Том, который живет отдельно. Младшему сыну Джесси 12 лет. Роджерсы живут в небольшом, кирпичном, среднего достатка доме, который снаружи смотрится как полуторазэтажный, но внутри помещения расположены в трех уровнях.

Днем Роджерсы своего “заморского гостя” возили по городу, показывая достопримечательности. Поражало почти полное отсутствие людей на улицах. Все ездят в автомобилях, из которых выходят только по мере надобности, подъезжая к домам, магазинам и учреждениям на максимально близкое расстояние. Но если у дома или магазина машина стоит рядом, то при поездке на работу от места парковки иногда приходится идти пешком 10–15 минут.

В понедельник поехали с Доном и Брендой в институт. В обед у меня уже был билет на Аляску. Уточнили места пребывания в США. Отправили в агентство “Аэрофлота” в Нью-Йорке письмо с просьбой зарезервировать место на вылет в Москву на 2–3 октября.

Встретился с сотрудниками института, где работал Дон. Многих знал по научным публикациям. Галопом пробежал по некоторым лабораториям – времени оставалось мало, надо еще собраться на Аляску.

После обеда ездили с Доном по магазинам – покупали продукты: главным образом, мороженое мясо и овощи. В Сиэтле продукты дешевле, чем на Аляске. Все купленное упаковали в пластмассовые квадратные контейнеры-термоса, которые привезли с собой.

8 августа встали в 6 часов утра, выпили кофе и поехали в аэропорт. Обратную машину домой вернула Бренда. До Анко-

риджа из Сиэтла летели три часа на самолете компании “Аляска Аэрлайнз”. По прилету сразу же пересели в другой самолет дочерней авиакомпании и немногим более, чем через час, приземлились в Дилленгеме.

Нас встретила аспирантка Дона – Лиза Паттерсон. Она приехала на старом “Форде”. На улице шел проливной дождь. Вещи поставили в кузов, сели втроем в кабину и по шоссе дороге минут через 50 приехали на берег оз. Алегнагик.

Вещи перетаскивали в лодку с двумя 40-сильными моторами “Джонсон” и “Эвинруд”. Лиза начала дергать за ручной стартер “Джонсона”. Завела. Через пять минут, на одном моторе, подрулили к биологической станции Вашингтонского университета.

***

Станция, куда приехали, небольшая и рассчитана на 8–10 человек. Дом-столовая, дом для студентов, лаборатория – жилой дом для научных сотрудников, мастерская, причал с 4–5 лодками.

В университетских домах есть электричество из пос. Алегнагик, холодная и горячая вода (стоит электрический титан), электро- и микроволновые печи, холодильник, морозильная камера, стиральная машина, комната-сушилка для одежды, цветной телевизор, видеоманитофон, телефон, ксерокс, радиостанция. Весь комплекс работает только в летнее время. Зимой здесь никого нет.

Алекнагик – небольшой поселок, где живут несколько сот человек. Есть магазин, почта, заправочная станция для рыболовных судов и автотранспорта, две посадочные полосы для самолетов (на разных берегах р. Вуд, вытекающей из озера) и несколько мест на акватории озера, где регулярно садятся гидросамолеты.

Алекнагик – поселок, расположенный на нижнем озере системы озер р. Вуд, в которую входят Алекнагик, Нерка (нижнее), Нерка (верхнее), Биверлей, Кьюлик и Грант. Небольшие рыболовные суда, ведущие лов лососей в Бристольском заливе, поднимаются по реке до Алекнагика, а в паводок, вероятно, и выше.

На станции, кроме нас с Доном и Лизой, находился профессор Эл Эриксон и студенты разных курсов университета – Деймон Сирайт, Рэн Хэнсон и Кресс Бэтшли.

На следующий день и в последующие несколько дней мы вместе со студентами и Элом Эриксоном проводили работы на нерестилищах нерки в бассейне оз. Алекнагик. Практически все дни лил дождь. Сказали, что это типичная погода для Аляски, и поэтому приходится работать в любую погоду. На нерестилищах у мертвой нерки (сненки) студенты вырезали отолиты – кальциевые камешки из вестибулярного аппарата, по которым ихтиологи определяют возраст. Обычно из каждой речки или ручья собирали отолиты от 100 до 200 рыб (50 % самок и 50 % самцов).

Эл Эриксон вел исследования по выедаемости лососей на нерестилищах медведями. В связи с этим, если позволяли остатки, брали отолиты и у особей, пойманных, но недоеденных медведями. По размерам оставшихся челюстей восстанавливали размеры съеденных рыб. Не знаю, как в другие сезоны года, но в середине августа летало довольно много мелкой мошки, а комары практически отсутствовали. После комаров в бассейне р. Камчатки мошка на Аляске переносилась легче.

Помимо сбора отолитов, в небольших ручьях и речках длиной до 10–15 км студенты просчитывали число нерестящихся рыб. В больших реках рыбу считают с воздуха – с самолетов (с вертолетов – дорого).

Утром, перед работой, студенты делились на две группы, и каждая собирала материал по одной реке. В целом, на Аляске оказалось теплее, чем на Камчатке в это время года, поэтому работать в дождь здесь комфортнее.

Обычный распорядок дня был прост. Утром – небольшой завтрак с кофе и, как правило, с блинами. На нерестилища студенты с собой еду практически не брали. Вечером – очень обильный обед (у нас – ужин). Как правило, после “обеда” все смотрели телевизионную программу или видеофильм, а затем занимались своими делами.

Меня поразило то, что студенты, работая весь день на нерестилищах по колено в чистой воде, берут с собой воду для питья из-за боязни заболеть. На Камчатке за 17 лет работы

мне ни разу не приходилось таскать воду с собой на нерестилища. Не стал нарушать установившийся порядок и пил воду вместе со всеми из фляг.

Но больше всего был удивлен тем, что несмотря на обилие грибов вокруг студенты их не собирали. Из ягод с удовольствием собирали и ели голубику, немного – бруснику и совсем не ели почему-то княженику. Лично я предпочитал есть только княженику, но мой “самоотверженный” поступок ни у кого энтузиазма не вызвал.

Студенты на полевых работах получают 400 долларов в месяц и бесплатное питание от университета. Первые 4 года они платят за обучение от 1,2 до 2,5 тыс. долларов в год (в зависимости от специальности). На 5 курсе за обучение студенты деньги не платят, а получают единовременную стипендию – около 500 долларов. Аспирантам в период обучения положена ежемесячная стипендия, равная 800 долларам, а на полевых – на 400 долларов больше.

В связи с тем, что еще не умел готовить пищу, как привыкли мои американские коллеги, я подрядился мыть посуду и периодически с успехом это делал. Студенты и профессора готовят по очереди, но студенты несколько чаще.

Разговаривал с Деймоном, который только что закончил первый курс, о его будущей работе. Свое будущее он сформулировал так: “Моя научно-исследовательская работа – это мой бизнес, которым я буду заниматься после окончания университета”.

Сразу же, в первые дни пребывания на Аляске, выяснилось, что мой “Зенит-Е” сломался. Не срабатывал затвор, т. к. ослабла пружина зеркала. В результате всех манипуляций с ремонтом фотоаппарата удалось добиться, что затвор срабатывал, если камеру держать “вверх ногами”. Такой способ съемки оптимизма не внушал, но ничего другого не оставалось.

11 августа улетел Эл Эриксон. 13 августа с оз. Илиамна прилетел Том Роджерс, сын Дона, который работает в университете механиком, а Деймон улетел на оз. Илиамна.

14 августа закрыли станцию, и все оставшиеся (сотрудники и студенты) на двух лодках поехали на другую полевую станцию университета, расположенную на нижнем оз. Нерка.

Станция “Нерка” мне понравилась больше, чем в Алекнагике, т. к. она расположена в более живописном месте. Отличается от предыдущей только тем, что там нет телевизора и телефона, а энергопитание – от дизеля. Как только включили дизель, сразу же появилась горячая вода. Прогрев воды осуществляется в газовом титане, основная печь – не электрическая, а газовая.

Пока ехали на станцию, в реке, соединяющей нижнее оз. Нерка и оз. Алекнагик, видели несколько коттеджей – охотничьих домиков для богатых туристов. Дон сказал, что проживание в таком домике стоит 2 тыс. долларов за 5 дней.

Несколько дней занимались сбором отолитов нерки на нерестилищах, а также отловом не отнерестившихся рыб для генетических исследований. После биологического анализа икру студенты для засолки не брали, оставляли на берегу, и ее съедали чайки. Несколько рыб с незначительными брачными изменениями и красным мясом мы взяли для питания.

На станции, помимо душа, есть баня. Американцы называют ее “сауна”. По сравнению с нашими банями на камчатских биологических станциях, сауна на нижнем оз. Нерка представляла собой не очень серьезное сооружение. По существу, это фанерный домик без трубы, в одну стену которого вделана бочка. Сауна топится снаружи.

Рэн Хэнсон натопил ее. Дрова для печки рубили вместе. А самое интересное началось потом: девушки сидели в закрытых купальниках, мужчины – в плавках. Веник они увидели в первый раз и крайне удивились моим действиям. Веник всем понравился. Я рассказал, что в русских банях теплее и люди парятся голыми, мужчины и женщины отдельно, если только они не муж и жена. Из бани бегали купаться в озеро. Вода у берега довольно теплая – около 18 °С. Шел крупный проливной дождь.

18 августа, ночью, с двух лодок близнецовым способом проводили траловые работы по молодежи нерки и жилой форме трехиглой колюшки. Последняя – главный пищевой конкурент молодежи нерки. Все траловые работы на Аляске выполняются так же, как и на Камчатке, только ночью.

Предварительно днем провели тренировку по технике траления. Над озером часто пролетали гидросамолеты. Встречались туристы на байдарках (обычно семьями). Ночью тралили по полной программе (по нескольким станциям на акватории озера), но уловы оказались небольшими.

Дон Роджерс на весь период, пока я буду на Аляске, дал мне свою японскую камеру “Пентакс”. Сказал, что хватит пугать русским фотоаппаратом американцев. Добавил, что его камера падала несколько раз в воду и все равно снимает, не то, что русская.

Разговаривал с Доном об оплате труда научных сотрудников. По его словам, научные сотрудники получают в месяц около 3–5 тыс. долларов; 25 % из них составляет налог, который отчисляется в пользу государства. У Дона Роджерса из 5 тыс. долларов после налогов, страховки, медицинского обслуживания остается около 3. Оплата за эксплуатацию дома (газ, электричество, вода) обходится еще в 400 долларов.

В случае хорошо оправдавшегося прогноза по численности нерки контролируемых им стад Бристольского залива Дон получает единовременную премию – около 3 тыс. долларов + 200–300 кг мороженой нерки. В случае плохой оправдываемости – ничего. (В качестве справки: прогнозисты в КоТИНРО за оправдываемость прогнозов ничего не получают, да и оплата их труда на порядок ниже.)

21–23 августа ездили на двух лодках с Томом и Рэнном на верхние озера системы р. Вуд – Биверлей и Кьюлик. В истоке реки, вытекающей из оз. Кьюлик, университет имеет небольшой домик, состоящий из одной комнаты (кэбин). Здесь ночевали две ночи. На озерах брали пробы зоопланктона, измеряли температуру воды по горизонтам, вырезали отолиты у мертвой нерки, произвели необходимый ремонт дома (с собой привезли строительные материалы).

Полдома сильно погрызли бобры. Сказал ребятам, что на Камчатке около 10 лет назад начали акклиматизировать бобров. Том выразил свое мнение, что это большая ошибка, т. к. рыбному хозяйству они наносят большой ущерб.

Мне лично самому приходилось видеть в истоке оз. Хагген

(расположенного в бассейне верхнего оз. Нерка) бобровые плотины, намертво перегородившие проход нерки в озеро, тем самым начисто выведшие этот водоем из строя для воспроизводства лососей. По моим подсчетам, в бассейне оз. Хагген могло нереститься около 50 тыс. шт. производителей нерки.

24 августа вместе с Доном и Лизой вернулись в Алегнагик, а вечером 25 августа на самолете частной авиакомпании меня отправили на оз. Илиамна, на станцию Вашингтонского университета, расположенную на о-ве Поркупайн.

***

Озеро Илиамна имеет протяженность около 120 км, площадь зеркала 2 622 км² (средняя глубина 44 м). Это самый крупный нерковый водоем мира, в бассейне которого нерестится в среднем 25 % всей нерки, имеющейся в природе.

Станция очень живописна. Там меня встретили студенты – Роберт Нельсон, Даглас Хелтон, Деймон Сирайт и аспиранты – Грег Руджерони, Грег Блейер и его жена Лесли (тренер по горным лыжам – сейчас находилась в отпуске).

Кроме названных, на станции жил девятимесячный сенбернар Лесли по кличке Бад. В день моего приезда организовали торжественный ужин со стейком, поджаренным на огне, и пивом. Сидели до поздней ночи.

На станции отличная библиотека фантастики, но, к сожалению, мое знание английского еще не позволяло от чтения получать удовольствие. Много журналов. В частности, был свежий “Плейбой” за 1989 г. В мартовском номере познакомился с первой советской секс-звездой Наташей Негодой, снявшейся ранее в фильме “Маленькая Вера”. Советская Наташа в костюме Евы была ничуть не хуже американских секс-звезд. Не перевелись у нас еще на Руси таланты! Недаром говорят, что “чем менее развита страна, тем более развиты в ней женщины”.

Все последующие несколько дней собирали отолиты у нерки, выполняли близнецовые траления. Сбор материалов из ближайших рек проводили на лодках. В притоки, удаленные от станции на несколько десятков километров, летали на гид-

росамолете-аэротакси. Садлись в истоках рек, затем сплавлялись вниз на резиновом плоту, а внизу нас снова ожидал гидросамолет. Практически ежедневно шел сильный дождь, а ветер стихал только глубокой ночью.

Обнаружил, что в фотоаппарате Дона Роджерса не работает в объективе диафрагма – заржавела. Вероятно, это явилось следствием купаний, которыми он так гордился. Делать ничего не оставалось, и пришлось снимать “советско-японской” фотокамерой – корпус от “Пентакса”, а объектив – от “Зенита”. В СССР выяснилось, что результаты оказались хорошие.

В одну из поездок по сбору материалов на биологический анализ я не выдержал зрелища того, как выбрасывали икру. В знак “протеста” посолил немного икры от нескольких самок. Никто из студентов есть не стал – демонстративно плевались, когда ел ее с блинами на завтрак.

Как отмечал выше, на Аляске много грибов. Студенты любят грибы, но едят только из магазина – консервированные. Вначале думал, что они не рвут грибов, чтобы не нарушить природу Аляски. Но выяснилось, что молодежь боится отравиться, т. к. не знает, какие из них съедобны, а какие нет.

В одну из поездок за 20 минут собрал около двух ведер ядреных подосиновиков и подберезовиков. Пожарил их с луком. Студенты вначале остерегались есть мое блюдо, но видя аппетит, с каким я уплетаю эти грибы, не напоминая человека, решившего принять добровольную смерть, решились на пробу. Теперь абсолютно уверен, что по крайней мере эти американцы станут есть грибы не только из консервных банок.

Самое сильное впечатление от Аляски, даже более сильное, чем непрерывный дождь, – это чистота, царящая на берегах водоемов. Нигде не видно никаких консервных банок, полиэтиленовых пакетов, бутылок и прочего “туристического” мусора. Он весь собирается и вывозится.

Так, уезжая с озер Кьюлик и Нерка, весь мусор и все отходы сотрудники университета сложили в черные пластиковые пакеты и привезли в Аленнагик, откуда они отправились дальше по линии сбора отходов.

Однажды, на р. Айс Крик, видел, что Лиза Паттерсон, уже

сильно уставшая после нескольких часов ходьбы по нерестилищам, нашла банку из-под пива и несла ее еще 10 км, чтобы затем привезти в Алекнагик и выбросить в контейнер для сбора алюминиевых банок.

Другой пример. На оз. Илиamna поднимались на одну из окрестных вершин. После подъема решили наверху немного перекусить орехами. После трапезы вся скорлупа от орехов была собрана в пакет и выброшена в контейнер на станции.

В результате активной позиции населения Аляски по поддержанию чистоты берега рек и озер на Аляске поражают своей девственной чистотой несмотря на то, что здесь бывает много приезжего народа.

Озеро Илиamna – популярное место для состоятельных туристов. Так, в пос. Илиamna, откуда в начале сентября я улетал в Анкоридж, мы посетили лагерь, проживание в котором в течение недели стоит 4,5 тыс. долларов. Еженедельно сюда приезжает 36 человек гостей. Каждый гость имеет своего персонального слугу-проводника. Туристы занимаются рыбалкой, фотографируют медведей, посещают красивые места. Для их транспортировки на станции есть 4 гидросамолета. Питаются продуктами, доставляемыми из всех районов мира. Несмотря на дорогое обслуживание, фирма не прогорает.

На Аляску летят в основном туристы из южных районов США. Во время полета из пос. Илиamna в Анкоридж я разговаривал с одной семейной парой, возвращающейся домой в штат Техас. Они остались в восторге от отдыха на оз. Илиamna и не жалели о потраченных деньгах.

В Анкоридже меня встретили сотрудники Департамента охоты и рыболовства штата Аляска, рыбные биологи Чарльз Мичем и Генри Юн, занимающиеся прогнозированием численности некоторых стад лососей в Бристольском заливе.

В эти дни в Анкоридже проходила 119-я конференция Американского рыболовного общества (American Fisheries Society), устраиваемая ежегодно в разных городах США. На конференции я должен был сделать доклад о нерке рек Камчатки и Озерной, написанный совместно с научным сотрудником КОТИНРО, моим другом В. А. Дубыниным.

Первые несколько дней, как решили мои американские коллеги, я поживу в семье у Генри, а затем – в семье у Чарльза. Генри привез меня к себе домой, а Чарльз поехал на заседание общества, т. к. являлся одним из ответственных организаторов проведения конференции в Анкоридже.

***

Несмотря на то, что уже около месяца находился в США, американских городов я еще фактически не видел.

“Анкоридж – настоящий американский город” – гласили туристические проспекты на Аляске. Как и все американские города, он имеет ярко выраженный компактный центр (даунтаун), где размещаются высокие административные здания богатых компаний, гостиницы, крупнейшие торговые центры. Затем, уже вдоль основных улиц, размещаются 2–4-этажные офисы, гостиницы и магазины рангом пониже. Основное население живет в частных домах с небольшими земельными участками.

Минут через 30 мы подъехали к дому Генри. Внешне дом смотрелся как полуторазэтажный. Слегка сбавив скорость, Генри нажал кнопку на пластмассовой коробочке над головой. Дверь гаража открылась, и мы въехали

200 внутрь. В гараже стояла еще одна машина. Дверь автоматически закрылась. Вышли из машины и через небольшую внутреннюю дверь гаража попали в холл дома. Здесь нас встретила жена Генри. Ее звали Джейн. Она по происхождению англичанка, а он – гаваец. Обоим чуть за 40. Через несколько минут из школы вернулась их дочь Лаура, которой на вид было около 6 лет. Она была очень маленькой. Школьный ранец составлял почти 50 % ее роста.

Дом у Генри расположен в двух уровнях. На первом этаже помещаются большой зал, кухня-столовая, подсобные помещения. На втором этаже – комнаты хозяев, Лауры и комната для гостей.

Лаура переделалась и первым делом подошла ко мне. Спросила, какой из трех кружков – синий, красный или зеленый – мне нравится. Я указал на зеленый, и Лаура, довольная, убежала.

Немного перекусив, со всей семьей Генри поехали смотреть город. Приехали в центр и там немного погуляли пешком. Дождь перестал, но было довольно холодно. Джейн с Лаурой пошли в музей национальных костюмов народов мира, где Лаура по очереди начала примерять шляпы, платья и накидки, все-все специально для этих целей, и рассматривать себя в зеркале. Пока Лаура меряла одежду, мы с Генри еще 40 минут погуляли по городу. Затем все встретились и поехали домой.

К 18 часам вдвоем с Генри мы отправились на брифинг, который устраивало “American Fisheries Society” в банкетном зале отеля “Капитан Кук”.

В залелюдно. Полумрак. С потолка свисали длинные ленты-водоросли вперемежку с флажками. Почти в центре зала находился помост, на котором стоял атлетически сложенный парень в плавках, изображая из себя Нептуна. Рядом у его ног лежала девушка в купальнике – Русалка. Вокруг жителей морской пучины наставили много блюд с крабами, рыбой, моллюсками и т. д. На отдельных столах стояли вино и пиво. Закусками служили, в основном, морепродукты, но позже подали и мясо. Каждый брал со столов что хотел. Стульев не было.

Люди, закусывая, переходили от одной группы к другой, разговаривали, общались, знакомились. У всех на груди приколоты карточки с именем, фамилией и страной. У меня на груди значилось: “Доктор Виктор Бугаев, Советский Союз”.

Генри представил меня нескольким своим знакомым, те – своим. В конце-концов с “русским” начали знакомиться самостоятельно, т. к. карточка на груди привлекала людей – от вина и пива вся публика стала смотреть зорче.

Темы разговоров поднимали самые разнообразные. Все очень доброжелательно настроены друг к другу. Время от времени весь зал взрывался хохотом. Это Нептун начинал слегка покалывать Русалку трезубцем, а она, в пределах стола, среди закусок успешно от него уворачивалась.

От избытка впечатлений и длительных разговоров по-английски я вскоре почувствовал себя уставшим, и в 21 час мы вместе с Генри поехали домой. Брифинг только набирал силу.

Дома на подушке лежала круглая бумажная салфетка с наклеенным в центре зеленым кружком. На нем по-английски, с ошибками написано: “Виктору от Лауры самые лучшие пожелания”.

Сейчас, уже на Камчатке, многие годы спустя, когда смотрю на эту салфетку (закладку в книге), вспоминаю маленькую американскую девочку Лауру и в душе желаю ей всего самого хорошего в жизни.

На следующий день встали в 7 утра, позавтракали с Генри и поехали слушать доклады. Моя презентация должна была состояться завтра – 6 сентября.

Весь день сидели и слушали выступления ученых на разных симпозиумах. Я – по интересующим меня вопросам, а Генри – по своим. Так как представляли много слайдов, таблиц и речь шла о родственных проблемах, около 70–80 % информации понимал на слух.

Уже здесь, во время докладов 119-й сессии общества, смог представить, насколько велик диапазон рассматриваемых тем. Обсуждали вопросы биологии отдельных видов рыб, проблемы охраны окружающей среды, жизни населения в районах промысла, внутренней и внешней политики. Всего на встречу общества прибыли более 1 200 человек из многих стран мира, главным образом из США и Канады.

На этой международной встрече я являлся единственным русским, и у меня не было переводчика для доклада. Поэтому накануне вечером устроили тренировку. Я докладывал по-английски, а Генри комментировал выступление. Кое-где Генри меня поправил, и договорились, что если стану непонятно излагать свои мысли, то он поможет.

Встали в 6:45. На улице дождь. Поехали на рабочее заседание общества. Сделал свой доклад после ланча, т. е. после 14 часов. Генри сказал, что выступление удалось и меня все поняли.

После доклада ко мне подошел профессор Вашингтонского университета Роберт Бергнер, попросил повторить доклад в Сиэтле, когда буду возвращаться в Советский Союз.

Вечером состоялся банкет в зале приемов отеля “Капитан

Кук”. Генри остался дома. Я был с Чарльзом (Чаком) Мичемом и его женой Чоли. Перед началом торжественного обеда выступили президент и заслуженные деятели этого общества. Президент отметил большую организаторскую роль Чака Мичема в проведении 119-й сессии “American Fisheries Society” в Анкоридже. Чак встал, и весь зал поприветствовал его аплодисментами. Домой к Генри меня привезли Чак и Чоли.

На следующий день встали в 7 часов. На улице густой туман, слабый дождь. Слушали доклады. На ланч ходили с Чаком в “Макдональдс”. Чак учил “русского гостя” в этом ресторане быстрого обслуживания заказывать по-американски: “Биг Мак, Смол Френч фрайз, Медиум сайз кук, Хиэ”. Это в переводе означало: фирменную булочку с котлетой, малый пакет жареной картошки, средних размеров стакан пепси-колы и все это – здесь (не надо складывать все купленное в пакет для тех, кто хочет еду взять с собой). Чтобы урок стал нагляднее, заплатил за свой обед сам.

После ланча сидел и слушал доклады до 16 часов. Затем Генри возил меня в библиотеку Университета штата Аляска, где в течение двух часов я просматривал литературу об Аляске. На это время Генри куда-то отлучался. Вернувшись, Генри отвез меня домой.

Быстро собрал свои вещи, и мы поехали на “Салмон Бейк” – обед на природе, устраиваемый организаторами сессии общества. По дороге меня и мой чемодан перегрузили в машину Чака. Генри уехал встречать сестру Джейн, которая приезжала сегодня ночью к ним в гости на несколько дней. С этого момента моя персона переходила под покровительство Чака.

Подъехали к цели поездки. На большом поле стояло 4 больших навеса с длинными столами и стульями. В нескольких местах выделялись столы с пищей. Люди подходили, становились в очередь и в бумажные тарелки накладывали все, что приглянулось.

Здесь имелась нерка отварная под белым соусом, рис с мясом, картофельный салат, салат из моркови, летиса, капуста кольраби и еще чего-то. На блюдах выложены дыни, клубника, виноград и многое другое. В нескольких местах стояли

алюминиевые бочонки с пивом, и все желающие качали из них содержимое себе и коллегам по вечеринке в большие бумажные стаканы. Встретил много знакомых лиц, с которыми виделся на заседаниях общества.

Моими соседями оказались две девушки, служащие штаб-квартиры “American Fisheries Society” из Вашингтона – Карен и Треш, и американец в бейсбольной кепке с эмблемой “Аляска-водка”.

В стороне, под небольшим тентом, певец под гитару пел о том, какая замечательная штука жизнь и какие хорошие ребята живут на Аляске и т. д. Вскоре те, кто помоложе, стали отплясывать на лужайке.

По краям лужайки стояли несколько переносных кабинок-туалетов. Жаждающие мужчины и женщины, вперемежку, прежде, чем зайти, просили подержать их пиво и тарелку. Выйдя, благодарили за помощь, и очередь двигалась дальше. Стоял хороший звездный вечер, но вскоре стало довольно свежо. В 23 часа праздник начал затухать, и мы с Чаком поехали домой.

Дома все спали. Когда лег в постель и потушил свет, то увидел над собой звездное небо – в потолке были вкрапления из светящегося состава, создающие подобную иллюзию. С видом на звездное небо и хорошим настроением уснул.

Встали, как всегда, рано утром – сегодня последний день сессии общества. После 12 часов все закончилось. Выставку новых технологий в рыбохозяйственных и водных научных исследованиях, соседствовавшую несколько дней с секциями и симпозиумами общества, разобрали в течение нескольких часов. Все разъехались.

После окончания работы секций мы с Генри и двумя его друзьями из Ванкувера (Канада) ездили на Портадж Глетчер, расположенный в окрестностях Анкориджа. Несмотря на то, что я раньше видел фотографии этого ледника, действительность превзошла все ожидания.

К леднику ведет хорошая асфальтированная дорога, есть музей этого уникального явления природы, где показана его эволюция в течение длительного периода времени. По прогнозам, к 2020 году ледник перестанет существовать – он растает

из-за потепления климата на планете. Вернувшись на Камчатку я нарисовал ледник (см. цветную вкладку).

У ледника сделана смотровая площадка. Несмотря на то, что со слайдовой пленкой у меня имелись проблемы, беспрерывно снимал. Генри буквально насильно увез меня с этого места в дом Чака и уехал домой.

Дома у Чака и Чоли отмечали день рождения младшего сына Джерода. Ему исполнилось 12 лет. У супругов (обоим чуть больше 40 лет) трое сыновей. Двое находятся сейчас за границей с целью изучения языка: один в Японии, а другой в Бразилии. Взамен в семье Мичемов живет девочка Джина (16 лет), которая также учит английский язык.

К Джероду пришли несколько друзей. Все принесли подарки. Процедуру разворачивания подарков Чак снимал на видеокамеру. Это был целый театр. Все делали это с возгласами удивления и предположениями, что лежит в пакетах. Один мальчик подарил 10 долларов (десятью купюрами) в большой коробке из-под вина, в которой лежало много старых газет. Джина подарила 10000 бразильских крузейро. Чак сказал, что три месяца назад в Бразилии произошла инфляция, и это сейчас приблизительно 3000 крузейро (забыл, сколько это в долларах США). Родители подарили шерстяной свитер и электронную адресную записную книжку. Один из гостей – калькулятор и плюшевого тигренка. Принесли еще сборную модель самолета Ф-5 и детские книги.

Все заснятое на видеокамеру тут же прокрутили на видеомагнитофоне. Я вручил хозяевам дома свои подарки еще утром, не зная, что вечером предстоит день рождения.

Затем состоялся праздничный обед с тортом со свечами, которые не хотели гаснуть, и дети их гасили минут 5–6. Перед началом еды все прочитали молитву и только потом приступили к трапезе.

После еды именинник и гости поехали в спортивный клуб, где за определенную плату играли в мини-гольф. Дети остались очень довольны. Вечером все долго не расходились. Ели торт и мороженое. Двое мальчиков остались ночевать у Джерода.

В доме живет малый серебристый пудель – Тобби. Ему недавно сделали операцию, удалили опухоль. Вечером Чак разбирал почту. Многие рекламные проспекты бросал в корзину не глядя. Из большой кучи корреспонденции у него осталось только 3–4 письма.

Утром, в субботу, мы с Чаком поехали “делать его маленький бизнес”. Он распространяет специальные металлические кольшки для надежного крепления самолетов, лодок, грузов и т. д., которые вбиваются в землю. Снаружи торчит только кольцо, за которое привязывают крепежные тросы или веревки. Чак показал свою новую контору, состоящую из двух комнат, что свидетельствовало об определенных успехах в его предпринимательской деятельности.

Вернувшись домой, забрали Чоли, Джерода и Джину и поехали на ярмарку, которая каждую субботу проходит на территории Университета штата Аляска. Его центральное отделение находится в г. Фербанксе, а в Анкоридже и Джуно – филиалы.

Ярмарка оказалась очень интересной. Здесь представляли много предметов прикладного народного творчества. Продаваемая продукция чем-то напоминала изделия наших кооператоров (сейчас многие не знают, что это такое), но только изделия были изготовлены более тщательно.

Особенно понравился “русский мужичок”, работавший на самодельном токарном станке и точивший какие-то болванки. Допотопность этого станка привлекала публику, которая покупала его изделия, изготовленные раньше на хорошем оборудовании.

Рядом находилась палатка, на ней по-английски написали “Русский чай и русские пирожки”. Недалеко торговали картинами с русскими церквями, действующими на Аляске. Никто из тех, кто вел “русский бизнес”, по-русски не говорил ни слова. На зеленых газонах играли дети. Трое певцов 9–15 лет вместе со своей мамой пели под гитару веселые песенки. Раньше эту группу я видел на обеде в отеле “Капитан Кук”.

На ярмарке встретили Генри с Джейн и Лаурой. Лицо Лауры было со следами боевой индейской раскраски. Чак и Чоли

часто здоровались со знакомыми – на ярмарке собрался почти весь город.

Америкацы – очень вежливые люди. Всегда улыбаются. Стоит только на ком-то остановить взгляд или более пристально посмотреть, как с тобой тут же поздороваются. Нашим людям приветливости явно не хватает. Это очень хорошо понимаешь, особенно в первый день возвращения из США в СССР.

После ярмарки поехали домой. Взяли в видеотеке фильм на кассете VHS. Чак специально попросил фильм американского производства о русских в СССР. Я развил его мысль и попросил еще взять какой-нибудь типичный антисоветский фильм. Меня огорчили отказом, сказав, что в их видеотеке нет антисоветских фильмов. Попросили зайти через день-два, обещая поискать в других видеотеках.

Обедали в 19 часов. Перед обедом традиционная молитва. В такие минуты смотрел на семью Чака и думал: какие у них спокойные и умиротворенные лица. После обеда говорили с Чаком о промышленном рыболовстве лососей на Дальнем Востоке и Аляске. Вечером смотрели фильм “Красная жара” о похождениях русского милиционера в Нью-Йорке, главную роль в котором исполнял Арнольд Шварценеггер.

10 августа – воскресенье. Встали в 6:45. И уже в 7:45 поехали в клуб мужчин-джентльменов при католической церкви, собиравшийся раз в месяц. Чак представил меня собравшимся: “Русский доктор, рабочий биолог с Камчатки, не бюрократ”. Эту форму представления Чак использовал в течение всего времени, пока я пребывал в Анкоридже. Затем состоялся завтрак, на котором присутствовали около 30 человек.

После завтрака – лекция. Одна женщина рассказывала о своих питомцах – сове без крыла, орле с перебитым крылом и трех маленьких совытах, маму которых убили. Всех она принесла с собой и по очереди показывала. Уже стало традицией, что каждое собрание заканчивается лекцией на различные темы. Для птиц собрали денежные пожертвования.

Затем мы с Чаком вернулись домой, а потом с Чоли и детьми поехали в церковь на воскресную проповедь. Я принял участие в службе – подпевал по книге.

Чоли по происхождению итальянка, она – учитель музыки. У нее прекрасный, запоминающийся голос. С разрешения я сделал во время службы несколько слайдов в церкви.

После службы, которая продолжалась в течение часа, разговаривал со всеми американцами, которые хотели со мной общаться. Отвечал на вопросы. Все собравшиеся очень дружески настроены к СССР. Во время службы Джерод и Джина занимались в воскресной школе. Сразу же вспомнил “Приключения Тома Сойера”.

На ланч ездили домой, а затем катались по Анкориджу, поднимались по хорошей дороге на окрестные горы, ходили в гости к другу Чака – рыбаку Лесу Бартнеру и его жене Джуди. Вечером съездили в видеотеку и взяли фильм “Доктор Живаго”.

11 августа в 6:45 подъем. После завтрака поехали в офис Чака – Департамент охоты и рыболовства штата Аляска. Чак – менеджер лова лососей и других видов рыб в Бристольском заливе. Меня представили сотрудникам его отдела.

Вместе с Китом Праггом, заведующим отделом рыбоводства, ездил на рыбоводные заводы “Биг Лейк” и “Форт Ричардсон Хетчеры”. Особенно интересным стало посещение завода “Биг Лейк”, на котором воспроизводят нерку, являющуюся трудным объектом для искусственного воспроизводства.

В офисе Чака передали материалы по молодежи нерки из р. Вуд и оз. Илиямна, собранные раньше по моей просьбе сотрудниками этого департамента.

В последующие дни знакомился с научно-исследовательскими лабораториями, расположенными в Анкоридже. Еще раз посетил библиотеку Университета штата Аляска, где провел половину дня, читая газету “Правда” на русском языке двухнедельной давности.

Однажды на ланч Чак повез меня в ресторан быстрого питания “Бюргер Кинг” – фирму, конкурирующую с “Макдональдс”. До этого он несколько раз предлагал зайти в “Бюргер Кинг”, но я предпочитал последний. Все выяснилось при оплате. Надо отметить, что почти во всех случаях Чак платил за меня, но в “Макдональдс” и “Бюргер Кинг” я захотел пла-

тить сам, чтобы чувствовать себя более по-американски и накапливать опыт жизни в Америке. Когда заплатил, то удивился, что очень мало: гораздо дешевле, чем в “Макдональдсе”.

Чак сказал, что когда меня обслуживали, то он показал оператору два бейсбольных мяча, и с меня не взяли денег за жареную картошку. Дело в том, что Чак дважды становился чемпионом по бейсболу и один раз по американскому футболу, спонсором соревнований которых является фирма “Бюргер Кинг”.

В качестве одного из призов выдавался бейсбольный мяч, предъявляя который в “Бюргер Кинг”, его владелец не платил за жареную картошку. Так как мячей было три, то их он мог использовать для своей семьи и своих друзей. Чак сказал, что он всегда веселит знакомых своими бывшими спортивными достижениями. Теперь всю свою жизнь, обедая в этой фирме, Чак, его дети и друзья имеют возможность есть жареный картофель бесплатно.

Вечером позвонили из видеотеки и сказали, что с большим трудом добыли антисоветский фильм “Русские в Нью-Йорке” производства 1984 года. На самом деле, это оказалась обычная перестроечная комедия, какие у нас показывали в СССР. В фильме одну из ролей играл Савелий Крамаров. Комедия слегка ностальгическая – лейтмотивом через весь фильм проходила мелодия песни “Голубые города”.

13 сентября поднялись в 6 утра. Чак повез в аэропорт. Я улетал на полуостров Кенай. Там меня встретил Дэвид Велтмайер – биолог, работающий в заливе Кука. Из аэропорта поехали в пос. Солдотна, где находилось еще одно отделение Департамента охоты и рыболовства штата Аляска. Ночью предстояло участие в эхолотной съемке на оз. Тастамена.

Познакомился, наконец, с Джеффом Кеннингсом, известным американским лимнологом и гидробиологом, на работы которого часто ссылался сам. Затем Дэвид повозил на машине по окрестностям, и мы посетили русскую православную церковь в пос. Кенай.

Отец Макарий, которому несколько дней назад исполни-

лось 60 лет, немного говорил по-русски. Он не очень нам удивился и сказал, что русские сюда приезжают часто. Познакомил нас с историей церкви и, узнав, что я крещеный – благословил, но сделал замечание: “Крещенные люди, заходя в храм, должны креститься”. С отцом Макарием сфотографировались на память у его церкви. Был солнечный день, такой редкий на Аляске.

Дейв отвез меня к Джеффу домой. Дома находились его дети Меджин и Алекса – 8 и 4 лет. Вскоре приехала жена Линда, работающая воспитателем со слаборазвитыми детьми.

Джефф предложил съездить за пивом и в магазине долго выбирал что-то из нескольких сотен сортов. Спросил, как у нас обстоят дела с пивом на Камчатке. Я ответил, что не знаю, как дела в целом по СССР, но в Петропавловске у нас проблем с пивом нет. Оно или есть, или нет. Если только оно есть, то это единственный сорт – “Жигулевское”.

Кстати, выбранный Джеффом сорт голландского пива очень сильно напоминал наше родное “Жигулевское”. Я сказал ему об этом, чем еще раз подтвердил, что в СССР проблем с пивом нет.

После обеда Джефф отвез меня за 40 км, в исток р. Касилофф, вытекающей из оз. Тастамена. В 21 час начали эхолотную съемку. Озеро оказалось длинное и узкое – 45 на 10 км. Вода в нем была серой от тающих ледников. На работу вышли на трех катерах: на двух установлены эхолоты фирмы “Биосоникс”, а на третьем – мальковый трал (для расшифровки записей по уловам). Закончить работу предполагали в 7 утра.

Ночь стояла лунная, озеро – зеркально-гладкое. Катера шли в отрыве друг от друга на расстоянии нескольких километров. Общались с помощью радиостанций. В 3 часа ночи эхолот на катере, где находился я, сломался, и мы с Гэри Кайлом вернулись в Солдотну. Я здорово замерз, т. к. тек правый сапог. Надо отметить, что во всех местах на Аляске – на р. Вуд, оз. Илиамна и Тастамена, несмотря на то, что это были абсолютно разные и “не знакомые” друг с другом сапоги, у меня всегда тек правый сапог. Едва на складе находили целый правый сапог, мы сразу же переезжали в другое место, и история с сапогом повторялась сначала.

Переночевал в отеле. На следующий день, после ланча, Дейв отправил меня в Анкоридж, где я попал в объятия Чака Мичема. Еще через день улетел в столицу Аляски – город Джуно. Провожал меня Чак.

***

В Джуно “русского доктора” встретили Оле и Ренди Матисены. Оле – профессор университета штата Аляска. Ему около 70 лет. Ренди на несколько лет моложе. Впервые с четой Матисенов я повстречался в 1985 г. на международном симпозиуме по биологии нерки в г. Нанаймо (Канада). За это время они внешне не изменились. Оле и Ренди отвезли меня в отель и простились до завтра.

Сходил в находившийся поблизости “Макдональдс”. Уроки Чакагодились. В номере по телевизору посмотрел “Крокотил Данди-2” (перед отъездом в США видел его на Камчатке) и лег спать.

16 сентября встал в 8 утра. Погода была отличная. В 10 часов приехала Ренди на машине. Она была бодра и доброжелательна. В течение дня Ренди возила меня по окрестностям и знакомила с достопримечательностями города: местным ледником, музеями, Золотым ручьем местом первой находки золота в этом районе.

Джуно – город, построенный на золоте. Золотая лихорадка, описанная Джеком Лондоном, связана с этими местами. Неподалеку расположены знаменитый Чилкутский перевал и Клондайк.

Ходили по магазинам. Купил жене и детям сувениры с Аляски. Зашли в кафе “Проспектор”. Посетили салун “Красная собака”. Ренди познакомила меня с магазином, торгующим русскими товарами. В красном углу под стеклом в рамке находилось приглашение, которое гласило, что мистер Кардиган в ознаменование годовщины советско-американского сотрудничества приглашается на обед к М. С. Горбачеву.

Дочь владельца магазина Таня (около 20 лет) год назад посетила Москву. Она стояла тут же, за прилавком, и сказала, что в СССР самый вкусный в мире шоколад.

В магазине продаются отличные русские сувениры – шкатулки, блюда, иконы (под старину) и т. д. Сувениров такого высокого качества в обычных магазинах в СССР не встречал, а в “необычные” не попадал ни разу. Сейчас в магазине стояла тишина, т. к. очередной круизный лайнер с туристами еще не подошел.

К вечеру Ренди отвезла меня в отель. День стоял солнечный, и это позволило сделать хорошие снимки Джуно и его окрестностей.

С вечера и до поздней ночи сидел и работал – делал биологический анализ молодежи нерки: измерял длину, взвешивал, определял пол, набирал чешую. Гостиничный туалет в номере прекрасно заменял лабораторию. Часть материалов я обработал раньше – на оз. Илиамна, а “подарок” из Анкориджа решил “довести до ума” в Джуно, т.к. общий вес молодежи в формалине приближался к 10 килограммам.

17 сентября пришлось на воскресенье. В 9 утра приехали Оле и Ренди и мы направились в католическую церковь. После службы поехали посмотреть студенческий городок университета.

Во второй половине дня посетили церковь Святой Терезы – это жуткое и сказочное место. Все напоминало страшную сказку: дождь, церковь на острове, туман, надгробья, каркающие вороны.

Обедали у Матисенов. После обеда-ужина Ренди отвезла меня в отель, где я занялся работой в лаборатории-туалете. Около 23 часов вспомнил про телефон русского учителя в Джуно, который мне сегодня дали знакомые Ренди (норвежцы по происхождению). Позвонил.

Александр Долитский, как звали учителя русского языка, приехал за мной через 15 минут. В 6 часов утра он должен улететь на какую-то конференцию, и шансов встретиться, кроме как сейчас, у нас уже не имелось.

Александр эмигрировал из СССР 17 лет назад. Сейчас ему немногим более 40 лет. Преподает в университете Джуно русский язык и является президентом компании, торгующей с СССР. Поздно ночью мы расстались, очень довольные друг другом.

Утром приехал Роберт Симпсон, исполняющий обязанности директора научно-исследовательской станции Аук Бей, где занимаются океанографией и водными биоресурсами залива Аляска. После представления персоналу станции я познакомился с тематикой исследований своих коллег, рассказал о своей работе, ответил на их вопросы. Вернувшись в отель, до глубокой ночи работал в “лаборатории”. В эту ночь всю работу закончил.

19 сентября с утра улетел в Ситку – бывшую столицу Русской Америки – Новоархангельск. Встретила меня там научный сотрудник университета Долли Гарза, индианка по происхождению. Она оказалась очень маленького роста.

Прежде всего мы посетили рыбоводный завод-техникум, расположенный в самом центре Ситки. На заводе разводят горбушу. Цикл обучения студентов начинается от отлова производителей горбуши, вернувшихся на завод, и оплодотворения икры. Продолжается – инкубацией икры, выпуском молоди. И заканчивается – возвратом взрослых рыб выпущенного поколения. В связи с тем, что горбуша созревает на втором году жизни, срок обучения в этом учебном заведении около двух лет. Выпускники получают специальность техника-рыбовода. Долли поселила меня в отель, а вечером пригласила к себе домой на обед.

Долли приехала на своем новом “Форде”. “Это у меня первая машина”, – сказала она с гордостью. С ней рядом в автомобиле сидела подружка – Потіша (студентка-экономист). На мой взгляд, одета она была очень оригинально: из-под обрванных джинсов на 10–15 см выступали белоснежные панталоны, заканчивающиеся немного выше колен. Потіша в этом наряде чувствовала себя очень комфортно и свободно. Мне в душе стало стыдно, что ее одежду я вначале неправильно воспринял.

Подъехали к дому Долли. Возле него стояла небольшая копилка – “смоук-хауз”. Долли поинтересовалась: “У тебя такой же смоук-хауз?”. “Да, такой же” – ответил я, но уточнять детали не стал.

Долли 27 лет. Она не замужем. В доме у нее находилось

трое ребят-индейцев: один друг Долли и двое родственников. Меня пригласили на “рыбный день”.

“Гвоздем обеда” представлялась икра нерестовой сельди на водорослях и особая разновидность чавычи, имеющая белый цвет мяса. Чавычу запекли в духовке. Для меня “белая чавыча” оказалась непривычна на вид и ассоциировалась с отнерестившейся (сненкой). Но по вкусу она ничем не отличалась от обычной, самой свежей, камчатской.

Вопросы задавала в основном Долли. Ребята практически молчали. Видно было, что они стеснялись. Чтобы не было пауз, я задавал вопросы сам. Выразил свое восхищение природой Аляски и гостеприимством американцев.

На следующее утро с Долли посетили “Бишопс Хауз” – бывшее административное здание и резиденцию священнослужителей времен Русской Америки. Здесь в настоящее время устроен музей освоения Америки русскими поселенцами.

После посещения музея попросил Долли отвезти меня на старое русское кладбище в Ситке, где похоронены соотечественники, жившие в Новоархангельске. Посещение этих древних, поросших мхом, могил с покосившимися мраморными и гранитными крестами возбудило в душе очень доброе чувство к американцам, которые сохранили могилы русских людей и ухаживали за ними. На каждой могиле лежал венок из искусственных цветов. Бродил по кладбищу около часа. Долли тактично не пошла со мной и сидела в машине.

В этот же день ездили на частный рыболовный завод, расположенный в 20 км от Ситки. Вечером улетел в Джуно, где меня встретил Оле Матисен.

21 сентября Оле Матисен, Даглас Эггерс (заведующий рыбохозяйственными исследованиями Департамента охоты и рыболовства) и Роберт Баркет (заведующий отделом) предполагали познакомить “русского доктора” с еще несколькими рыболовными заводами в районе Джуно. Но из-за плохой погоды самолеты по местным линиям не летали и поездка не состоялась.

Вернулся в отель и начал готовиться к докладу, который делал раньше, в Анкоридже, на встрече “American Fisheries Society”.

Вечером состоялся обед у Роберта и Мэри Симпсонов. Роберт угощал королевскими (камчатскими) крабами, угольной рыбой горячего копчения, салатами, копченой неркой, сухим вином и пивом – “Чинук” (“Чавыча”), выпускаемым в Джуно, и немецким.

Роберт предложил мне отгадать вид рыбы, и, к его большому удивлению, я это сделал, т. к. будучи студентом, во Владивостоке в 1970-х годах угольную рыбу ел часто. В завершение вечера Оле показывал слайды о своей поездке в Малайзию.

На следующий день встал в 6:45, сходил в “Макдональдс”, а в 8 утра подъехал Даглас Эггерс и я направился к нему в офис. Познакомился с лабораторией анализа структуры чешуи и ее сотрудниками, многих из которых по работам знал раньше. Затем в 14 часов повторил в отделении Университета штата Аляска свой доклад.

После доклада Даглас повез меня в резиденцию губернатора штата Аляска, где я был представлен политическому деятелю штата Биллу Шеффелду и министру рыбного хозяйства Британской Колумбии (Канада) Джону Саведжу. Билл поспрашивал минут десять о впечатлениях об Аляске и о почти “кругосветном путешествии” по маршруту Петропавловск-Камчатский – Москва – Нью-Йорк – Лас Вегас – Сиэтл – Аляска. До возвращения на Камчатку мне оставалось всего чуть более 4 часов полета. Билл Шеффелд выразил надежду, что в будущем на Аляску с Камчатки можно будет летать более коротким путем.

После посещения резиденции губернатора я попал под покровительство Роберта Баркета, и мы вместе с ним осмотрели лабораторию мечения рыб и ихтиопатологии.

23 сентября – последний день в Джуно и на Аляске. На улице проливной дождь. По плану моих американских коллег, сегодня должна состояться рыбалка в заливе, но из-за непогоды все сорвалось. Сажу в отеле, читаю сборник “Сахалин-89”, который взял в офисе у Дагласа.

Вечером состоялся прощальный ужин у Дагласа и Сесилии Эггерсов. Ему – 41, ей – 35 лет. Он второй раз женат.

Пришло много народа – более 20 человек. Хозяева приготовили мексиканскую еду. Ее в США любят. Все очень острое и вкусное. На душе было хорошо и немного грустно – заканчивался последний вечер на Аляске.

Поздно вечером я простился с хозяевами – Дагласом и Сесилией. Последние гости, молодожены Харольд и Сигрет Гайгер, отвезли меня в отель.

***

На следующее утро на самолете авиакомпании “Дельта” я прилетел в Сиэтл, где меня встретил Дон Роджерс и отвез к себе домой. Весь день Дональд, Бренда, Джесси и я гуляли по городу. Стояла очень хорошая погода.

25–26 сентября работал с литературой в лаборатории Дона. Жил у Роджерсов. Университет купил обратный билет до Нью-Йорка на 2 сентября опять через Лас-Вегас.

27 сентября из Ванкувера на машине приехал Эдвард Зиблат и увез меня в Канаду. Вернуться в Сиэтл я должен был 1 октября к обеду.

С Эдвардом познакомился в 1978 г. в Южно-Сахалинске на Первом международном совещании по биологии тихоокеанских лососей, и с тех пор мы время от времени переписывались. После 1978 г. встречались с ним только один раз, в ноябре 1985 г., во время международного совещания “Нерка-85” в Нанаймо.

Еще находясь на оз. Алекнагик, написал Эдварду письмо с предложением встретиться в Сиэтле, но он сделал гостевую визу в Канаду, о чем я не мог и мечтать.

В 16 часов подъехали к дому Эдварда. Жена его – Дороти обняла меня и поцеловала. Им обоим около 50 лет. Сыну Даниэлю 17 лет (через несколько лет он погибнет в автокатастрофе), а дочери Джоанне – 15. Родители Эдварда приехали в Канаду из Польши в 1928 г. Дороти – англичанка.

Дороти наварила к нашему приезду борща. На второе подала палтус с креветками и все остальное, что полагается к застолью, включая маринованные огурчики домашнего приготовления. В семье Эдварда почувствовал себя как дома.

Утром поехали на работу Эдварда в центр Ванкувера – “даунтаун”. Ехали минут 50. Эдвард занимает должность менеджера лова донных рыб в Британской Колумбии и по роду деятельности контактирует с советскими рыбодобывающими организациями, в частности, с Камчатрыбпромом.

В водах Британской Колумбии работают рыболовные суда и из Петропавловска-Камчатского. На одно из таких судов, БМРТ “Мыс Осипова”, заходили мы с Эдвардом. Было очень приятно встретиться с земляками. Нас приняли капитан судна Сергей Борисович Ананьев и первый помощник капитана Анатолий Иванович Запорожский.

Вечером на ужин Дороти приготовила вареники с картошкой. Она их называет по-польски “пирóги”. Оказалось, что это блюдо, исключая украинцев и поляков, мало кто знает в Канаде. Я сказал, что моя жена Татьяна тоже часто делает “пирóги” с картошкой и капустой, но только их в СССР называют “вареники”.

Дороти угощала помидорами, укропом и луком со своей грядки в саду. У Эдварда рядом с домом растут виноград, из которого он делает домашнее вино, и немного фруктовых деревьев.

Несколько дней с Эдвардом и Дороти посещали примечательные места Ванкувера. Вечером обычно смотрели слайды о многочисленных поездках семьи – на Гавайи, во Флориду, на Ниагарский водопад и др.

29 сентября присутствовал на обеде, устраиваемом канадской рыболовной компанией для капитанов и старших помощников 60 польских судов. Обед проходил в китайском ресторане. Никогда раньше не встречался с поляками и никаких плохих чувств к ним не испытывал. Но когда ко мне в начале вечера подходили знакомиться поляки и узнавали, что я русский из СССР, то на лицах всех этих людей сразу же появлялась гримаса разочарования.

Приобретя этот маленький международный опыт, на вечере стал общаться только с канадцами, которые не скрывали ко мне дружеских чувств. Сидел за столом с Эдвардом, а рядом со мной села полячка Элизабет Жавадски – первый помощник

капитана, которая вскоре должна стать капитаном судна. По-русски и по-английски она рассказала, с каким трудом ей удалось в Польше стать женщиной-штурманом, т. к. такая работа не считалась женской. Ей сейчас 40 лет, замужем, живет в Щецине. Я рассказал о себе. На прощанье мы пожелали друг другу удачи и расстались друзьями. Во время вечера поляки предложили тост за здоровье Элизабет – единственной женщины среди них и равной им. Спели хором в ее честь песню.

30 сентября – суббота. Мы с Эдвардом поехали на машине закупать продукты на неделю. Затем заехали в дом к его матери, которой уже исполнилось 85 лет. Она жила одна в доме. Дороти и Эдвард через день навещали ее, убрали в доме, покупали продукты и готовили пищу. Эдвард попросил рассказать его маме, откуда я приехал, и поговорить с ней.

Вечером состоялся праздничный семейный ужин. На следующий день Эдвард и Дороти отвезли меня в Сиэтл и сразу же вернулись обратно.

В тот же день, вечером, в китайском ресторане прошел обед-вечеринка со студентами и сотрудниками Вашингтонского университета, с которыми я работал в этом сезоне на полевых станциях Бристольского залива. Пришли Том Роджерс, Рэн Хэнсон, Лиза Паттерсон, Кресс Бэтшли, Грег Руджерони с девушкой, Роберт Бергнер с женой, Дональд и Бренда Роджерсы. Посидели часа два. Стало немного грустно. Общего разговора как-то не получилось.

На следующий день в середине дня сделал доклад перед сотрудниками и студентами Рыбного исследовательского института Вашингтонского университета об исследованиях нерки на Камчатке, после чего Дональд и Бренда сразу же отвезли меня в аэропорт, и я улетел в Нью-Йорк.

Прилетел рано утром, ожидал начала регистрации несколько часов. Когда она началась, компьютер меня не нашел. Подумал, что, возможно, перепутана фамилия и предложил оператору несколько вариантов своей фамилии по-английски. Один из них сработал. После регистрации потратил все деньги и с 45 центами в кармане пошел на посадку.

Уже в Москве, в аэропорту Шереметьево-2, четыре часа

стоял в очереди на таможенный контроль. Досмотр вещей прошел быстро, т. к. родственников в США не имел и багажа у меня было мало.

Вышел из здания аэровокзала. Ко мне тут же подскочил мужичок и сказал, что за 30 рублей или одну видеокассету он довезет до центра Москвы. Понял, что я, наконец, в СССР. Мужичку отказал “по-русски”. Сел в рейсовый автобус и поехал к станции метро “Речной вокзал”.

Шел снег с дождем. Вымок еще сильнее, чем на Аляске. Уже ночью добрался до квартиры Валерия Зюганова, откуда два месяца назад началась моя поездка в США.

6 октября прилетел в Петропавловск, а 11 октября уже проводил исследования на оз. Азабачьем.

Сейчас, несколько лет спустя, я в полной мере оценил свои впечатления от посещения Аляски. С благодарностью вспоминаю Рыбный исследовательский институт Вашингтонского университета и Департамент рыболовства штата Аляска, бывших спонсорами моей поездки, а также всех людей, принимавших меня в своих домах, деливших пищу и кров, познакомивших с прекрасной Аляской. До конца жизни в моем сердце останутся самые добрые воспоминания об американцах и канадцах, с которыми пришлось встречаться в 1989 году».

ПОГОДА НА АЛЯСКЕ

Аляска поражает непогодой,
Изменчивость ее почти невинна...
Поэтому, в любое время года,
Гарантий качества нет даже половины.

Таких дождей не видел на Камчатке,
А на Аляске каждые четверть часа,
То светит солнце, то гуляет ветер,
А между ними хлещет дождь с утра.

Проспекты смотришь – солнце на Аляске,
Восход, закат, а их сменяет день...

Счастливая семья рассматривает горы,
И красный вертолет бросает рядом тень.

Ледник стекает – белый на зеленом,
Молочная вода подножье теребит,
Огромный небосвод без облачка, весь синий,
Прозрачная вода реки и водопад шумит.

Спросил коллег: «Когда будет погода?
Как вы работаете на дожде таком?»
Ответили: «В любое время года, погоды нет,
Сушилка для одежды за углом».

И ничего, привык, и кажется нормальным:
Ранний подъем, TV и кофе по утру,
Хороший завтрак, и весь день на лодке...
В погожий день, но чаще – в непогоды мишуру.

Я улетал домой, был день прекрасный,
Как на проспектах в аэропорту,
Вот только, всю дорогу думал об Аляске,
И нерке – рыбе, что исполнила мечту!

23 июля 2013 г. (мысли сентября 1989 г.)

***

Весной 1990 г. произошло извержение вулкана Ключевского, и в бассейне оз. Азабачьего выпало около 5 мм черного вулканического пепла.

Прилетел на оз. Азабачье 30 мая, но озеро уже полностью вскрылось – не было ни одной льдинки. Снег на берегах почти растаял.

Для работы привез новый мотор «Тохацу-40». Такого мощного двигателя в это время в Усть-Камчатске ни у кого еще не было. Для длительных поездок по р. Камчатке, когда приходилось сразу же брать до 300 л бензина, это был прорыв в

возможностях исследований. И мои надежды оправдались. С помощью 40-сильного двигателя легко удалось собрать хорошие материалы по молодежи нерки и трехиглой колюшке бассейна р. Камчатки.

Помню, в 1991 г. в одну из поездок очень удивил «ключевских», когда наш «Прогресс-4» со стоящей в лодке бочкой бензина и двумя людьми (вторым был д.б.н. М. К. Глубоковский) никак не хотел отставать от «Казанки» под 30-сильным «Вихрем» (марка и мощность нашего мотора людям из первой лодки не были видны).

***

В полевой сезон 1992 г. Рыбный исследовательский институт Вашингтонского университета пригласил нескольких сотрудников лососевой лаборатории КоТИНРО на Аляску, в Бристольский залив. Поездка состоялась во второй половине августа – начале сентября. В США мы добирались уже не через Нью-Йорк, как я в 1989 г., а через Хабаровск. От него до Анкориджа самолет летел всего около 6 часов.

В состав делегации входили: к. б. н. Святослав Игоревич Куренков, к. б. н. Николай Борисович Маркевич, к. б. н. Николай Анатольевич Чебанов, Галина Марковна Мараева (переводчик) и я. На Аляске находились 25 дней. Посетили нижние озера системы р. Вуд – Алекнагик и Нерка (нижнее и верхнее), а также оз. Илиамна, из которого вытекает р. Квичак.

Поездка прошла весело, т. к. собралась большая компания. Сейчас, много лет спустя, уже почти не помню деталей, потому что не брал с собой фотоаппарат. Запомнилось только несколько эпизодов.

Вспоминаю счастливого Света Куренкова (мы так называли его между собой), который впервые летел в США. У него была мечта жизни – прилететь в Штаты в жо.у (часть тела) пьяным, и он ее с блеском осуществил. Я его нисколько не осуждал, а радовался вместе с ним – исполнение мечты редко удается кому-либо наблюдать воочию. У всей делегации прослеживалось приподнятое настроение. Все были под градусом.

В Анкоридже посетили Департамент охоты и рыболовства

штата Аляска и Генетическую лабораторию, которой заведовал Дик Вилмот. Через день вылетели в Бристольский залив в пос. Дилленгем.

Спустя два-три дня после нашего прибытия на полевую станцию Вашингтонского университета на оз. Алегнагик случилось ЧП. Зная, что ему нельзя, Н. Б. Маркевич все-таки решил попробовать американского пива, и у него началась аллергическая реакция. Почувствовал себя плохо.

Не помню точно, но в какой-то книге читал, что в случае аллергической реакции больному можно давать транквилизаторы. До пос. Дилленгем, где имелся госпиталь, езды на машине было 40–50 минут. До того, как Н. Б. повезут в госпиталь в Дилленгем, дал ему выпить на свой страх и риск две таблетки феназепам. Название лекарства написал по-латыни и дал бумажку с собой.

Как потом сказали американские врачи, все было сделано правильно, т. к. аллергическая реакция к моменту приезда в госпиталь у него практически прошла. Все были счастливы, что легко отделались. Правда потом, еще года два, Н. Б. в КоТИН-РО несколько раз приходил счет за оказанную ему медицинскую помощь (72 доллара США). Я думаю, что этот счет (уже в России) Н. Б. следовало бы оплатить. Честь дороже.

На Аляске Свет Куренков начал баловать нас жареными грибами (белыми, подберезовиками, подосиновиками). Надо отдать ему должное, он любил и умел хорошо готовить, как и большинство ихтиологов (профессия тому способствует).

Американцы первое время с нами грибов не ели, боялись отравиться. Но «ломались» недолго, всего часов 12, когда увидели на следующий день, что русским хуже от грибов не стало.

Вспоминается ловля щук на оз. Нерка (на полевой станции «Нерка»). Когда Свет Куренков узнал, что в протоке оз. Литл Тогиак ловятся щуки, то загорелся желанием порыбачить. Совместно с Николаем Чебановым они поймали 5 щук, каждая из которых достигала метра в длину.

Увидев улов, американские студенты пришли в ужас. Оказалось, что они тоже ловят здесь щук, но всех потом выпускают. Свет философски сказал: «Просим извинить нас, что мы

не знали местных обычаев, а этих щук теперь придется съесть с белым винным соусом». Их съели с этим самым соусом, и американцы не отказывались.

На оз. Илиамна в полевом лагере университета устроили большой международный «симпозиум», в котором принимали участие американцы (двое), канадцы (четверо) и мы, русские. Англоязычная сторона на «банкет» выставила несколько бутылок текилы «Панчо Вилья», а русские – последнюю бутылку водки и бутылку «Советское шампанское». Было много разговоров, шуток. Все закончилось грандиозным фейерверком, организованным хозяевами станции во время мытья в бане. Международные участники «симпозиума» наблюдали его голыми – все одновременно вышли на улицу.

В ответ на гостеприимство американцев раскритиковали их железную печь в бане (без трубы – простая железная бочка, положенная на бок) и подарили «секретный» чертеж печибуржуйки, которую они изготовили и установили на станции в следующем полевом сезоне.

При возвращении в Россию и прохождении спецконтроля в аэропорту Анкориджа у Николая Борисовича отобрали рогатку, которую он купил своему сыну Григорию, а также початую бутылку водки (вся делегация КоТИНРО чуть не умерла от смеха). Когда выяснили, что летим в Россию, то рогатку отдали стюардессе, которая вернула ему ее уже при выходе из самолета в Хабаровске.

Водку вернули сразу, но горлышко залепили скотчем и сказали, чтобы до посадки на борт Николай Борисович в аэропорту из горлышка водку не пил. Он пообещал соблюдать правила, но через некоторое время забыл про свои обещания. Все мы возвращались домой навеселе – выпивку в самолете наливали без ограничений. Летать компанией, конечно, веселее, чем в одиночку.

В Хабаровск прилетели вечером и ночевали в аэропорту. Не стали уходить из международного сектора и после 22 часов, когда там закончились все операции. Дежурный разрешил остаться здесь на ночь.

В 6 часов утра всех разбудил веселый Свет Куренков. При-

гласил покушать. На завтрак он «приготовил» бутылку водки и блины с маслом. Сказал, что на базаре в это время в продаже имелись только блины и водка. Ну, что уж тут делать: чем богаты, тем и рады. В 7 часов утра нас выгнали уборщицы, и мы пошли в русский сектор – там клубилась тьма народа. К обеду прилетели в Петропавловск.

***

В середине сентября 1993 г. в Петропавловск приезжал мой друг доктор Оле Матисен из Университета штата Аляска. Он собирал материал для своей новой книги.

Попросил Константина Юрьевича Непомнящего, попутно, если будет такая возможность, завезти нас с Оле на одну-две ночи на вертолете на оз. Азабачье. Я оставил там ихтиологические пробы, и их необходимо было до наступления холодов обязательно вывезти в город.

Кроме того, в будущую книгу «Азиатская нерка» хотелось включить цветную фотографию оз. Азабачье, и сейчас появлялся последний шанс ее сделать (раньше не имел соответствующего фотоаппарата). Константин мою просьбу выполнил, и мы с Оле в один прекрасный день оказались на Азабачинском наблюдательном пункте.

Естественно, Оле на озере понравилось. Но случилась одна незадача: через два дня Константин за нами не прилетел, а через 7 дней Оле надо было улетать в США.

Продуктов у меня в доме уже практически не осталось. Варили старые запасы гречки и гороха, которые пролежали на полке несколько лет. Лаборант пункта Алексей Семенченко один раз угостил дикой уткой.

Оле особо не скучал. В пунктовой библиотеке в изобилии имелись старые научно-популярные технические американские журналы 1950-х гг. Это для него явилось неожиданностью. Он их с удовольствием листал.

Наконец, вечером 6-го дня ожидания решили на следующий день ехать на лодке в Усть-Камчатск, а оттуда добираться до Петропавловска на рейсовом самолете. К счастью, уже под закат солнца того же дня Константин прилетел. Вертолет но-

чевал на пункте. Устроили большую баню и обильный ужин (продукты привезли пилоты).

К обеду следующего дня вернулись в Петропавловск. С тех пор «на одну ночь» на Азабачинский наблюдательный пункт иностранцев больше не завозили. Впоследствии Оле с гордостью рассказывал своим коллегам в США и Канаде, как он жил со мной на оз. Азабачьем.

***

Подготавливая в начале октября 1993 г. выписку решения Ученого совета КамчатНИРО для оформления сопроводительной документации докторской диссертации, я ознакомился с протоколом № 11 (от 28 сентября 1993 г.), где утверждали тему моей докторской.

Присутствовали: М. М. Селифонов, к. б. н. – председатель совета, директор КамчатНИРО; Ю. П. Дьяков, к. б. н. – зампред, замдиректора по научной работе; Б. Б. Вронский, к. б. н. – зампред, замдиректора по научной работе; Т. И. Толстяк – секретарь совета, ученый секретарь КамчатНИРО; С. А. Синяков, к. г. н. – заведующий лабораторией динамики численности и совершенствования прогнозов лососевых рыб; В. И. Карпенко, к. б. н. – заведующий лабораторией морских исследований лососей; В. И. Полутов – и. о. заведующего лабораторией донных рыб; Г. Е. Карманов – и. о. заведующего лабораторией океанографии; А. И. Болтнев, к. б. н. – заведующий лабораторией изучения морских зверей; В. С. Левин, д. б. н. – заведующий лабораторией беспозвоночных и промысловых водорослей; Ж. Х. Зорбиди, к. б. н. – ведущий научный сотрудник; Н. В. Варнавская, к. б. н. – заведующая лабораторией популяционной генетики; В. Ф. Бугаев, к. б. н. – ведущий научный сотрудник.

В своем выступлении к. б. н. В. И. Карпенко считал диссертацию не готовой, рекомендовал сократить рукопись и хорошо ее отредактировать, а лучше всего – защищаться по книге, которая должна выйти в 1995 г. (в таком случае я стал бы доктором наук на 2–3 года позже).

Все остальные выступающие – к. г. н. С. А. Синяков, д. б. н. В. С. Левин, к. б. н. А. Н. Болтнев, к. б. н. Н. В. Варнавская,

к. б. н. Б. Б. Вронский, к. б. н. М. М. Селифонов – совершенно однозначно сказали, что диссертация готова и соответствует всем нормам, предъявляемым к такого рода квалификационным работам.

Напомню, что Спецсовет ВНИРО по защите докторских диссертаций уже готов был принять ее к защите, т. к. я уже представлял ее там. Оставалось только соблюсти формальность – утвердить тему диссертации в институте, где работал. Очень часто бывает, что тема утверждается, а диссертация затем не пишется или не защищается. Здесь же как раз имел место противоположный случай: диссертация написана, а формальности не соблюдены.

Приведу полностью «Решение» из протокола № 11 Ученого совета КамчатНИРО (от 28 сентября 1993 г.):

«Заслушав и обсудив диссертационную работу ведущего научного сотрудника В. Ф. Бугаева “Азиатская нерка *Oncorhynchus nerka* Walbaum (пресноводный период жизни, структура локальных стад, динамика численности)”, секция Ученого совета КамчатНИРО рекомендует принять к защите на соискание ученой степени доктора биологических наук по специальности “03.00.10-ихтиология” диссертацию В. Ф. Бугаева “Азиатская нерка *Oncorhynchus nerka* Walbaum (пресноводный период жизни, структура локальных стад, динамика численности)”.

Тема диссертации утверждена на секции Ученого совета КамчатНИРО (протокол № 8 от 18 мая 1993 г.). Она является актуальной как для решения ряда теоретических вопросов биологии нерки, так и для практического применения в решении вопросов оптимального изъятия нерки промыслом. Тема диссертации соответствует основным направлениям исследований тематического плана КамчатНИРО по разделам “Разработка годовых и перспективных прогнозов вылова промысловых объектов и осуществление мониторинга их реализации”, “Исследование красничьих озер Камчатки, их экспериментальная фертилизация”.

Личное участие автора в получении научных результатов, изложенных в диссертации, не вызывает сомнения. Научные

положения и выводы работы соответствуют целям и задачам, поставленным в работе диссертанта и являются достаточно обоснованными. Личный научный вклад соискателя подкрепляется большим числом публикаций в отечественных и зарубежных журналах, выполненных по теме диссертации. Расширенный вариант диссертации – книга “Азиатская нерка” (на английском языке) издается в настоящее время в Канаде».

***

27 мая 1994 г. без «черных шаров» защитил во ВНИРО диссертацию «Азиатская нерка *Oncorhynchus nerka* Walbaum (пресноводный период жизни, структура локальных стад, динамика численности)» на соискание ученой степени доктора биологических наук. Официальными оппонентами были: д. б. н. Станислав Петрович Воловик (АзНИИРХ), д. б. н. Леонид Борисович Кляшторин (ВНИРО) и д. б. н. Герман Германович Новиков (МГУ им. М. В. Ломоносова). От ведущего учреждения отзыв писал д. б. н. Михаил Валентинович Мина (Институт биологии развития им. Н. К. Кольцова).

***

Весной 1995 г. подал заявление и соответствующие документы в аттестационную комиссию КамчатНИРО на переизбрание на должность главного научного сотрудника отдела лососевых рыб. Но мое заявление комиссия рассматривать не стала, т. к. ее член к. б. н. В. И. Карпенко, мотивируя тем, что нового нет, извлек старое положение 1988 г. (еще СССР), по которому претендент на главного научного сотрудника должен обязательно иметь звание профессора. Профессором я не был. Поэтому и не стал главным научным сотрудником.

Думаю, что если бы в 1995 г. меня все-таки избрали главным научным сотрудником КамчатНИРО, то Вы бы, уважаемый Читатель, сейчас держали в руках немного другие мемуары. Это пример того, как «случайности» определяют наше будущее.

***

Прошло время. Русскоязычный вариант книги «Азиатская нерка» вышел из печати в Москве в издательстве «Колос» только в августе 1995 г., а ее англоязычный аналог не реализовался (был сделан перевод рукописи на английский, но экономическая обстановка в Канаде не позволила ее издать).

Таким образом, если бы я воспользовался «советом» В. И. Карпенко, то стал доктором биологических наук не в 1994 г, а в 1996–1997 гг., т. е. в тот период, когда докторскую диссертацию защитил он сам.

***

В 1987–1992 гг. КоТИНРО временно не рекомендовало специализированный лов нерки в протоке Азабачьей, но в 1993–1994 гг. такой лов вновь стал возможен.

К сожалению, из-за вмешательства природоохранных структур лов в эти годы практически сорвали (в 1993 г. добыли 217, в 1994 г. – 9 тонн азабачинской нерки). В результате, в оз. Азабачье в 1993 г. прошло 394, в 1994 г. – 470 тыс. шт. производителей нерки (при оптимуме 50 и максимально допустимой численности 100 тыс. шт.).

В 1985–1986 гг. и 1993–1994 гг. лов нерки в протоке Азабачьей осуществляли только рыбаки колхоза «Путь Ленина» (с 1993 г. – ООО «Истен Стар Кам»).

С учетом чрезмерно больших пропусков нерки в оз. Азабачье в 1993–1994 гг. в 1995 г. на специальном совещании в Департаменте по рыболовству при Администрации Камчатской области наконец-то приняли решение об отлове в 1995-м и в последующие годы «лишней» рыбы в озере (под совместным контролем сотрудников КамчатНИРО и биостанции «Радуга» ИБМ ДВО РАН).

Такое единство мнений объяснялось тем, что в начале 1993 г. благодаря стараниям нового заведующего лабораторией популяционной биологии ИБМ ДВО РАН д. б. н. М. К. Глубоковского отношения двух станций («Радуги» и КамчатНИРО) все-таки начали изменяться в лучшую сторону.

В стране стала заметно трансформироваться экономичес-

кая обстановка, появились новые рыбодобывающие и рыбообработывающие предприятия. В специализированном лове нерки оз. Азабачьего стали участвовать новые люди, не работавшие до этого времени в Усть-Камчатском районе, имевшие свежий взгляд на ситуацию.

В 1995 г. специализированный промысел азабачинской нерки начала осуществлять бригада неводчиков ООО «Соболь» из Петропавловска под руководством Геннадия Верхотурова и Анатолия Анатольевича Кондрашова, которые сразу же реализовали новый подход в отлове азабачинской нерки и разработали методику ее добычи в самом оз. Азабачьем.

Дело в том, что в 1985–1994 гг. в устье протоки Азабачьей специально устанавливали «отбойную сеть», которая перегораживала вход в протоку. Рыба концентрировалась перед сетью, что повышало уловы. В отбойной сети, естественно, обьичивалась рыба, и органы рыбоохраны штрафовали рыбаков за это.

Пробовали сделать сеть более мелкочейистой, но на следующий же день ее забивало травой. Сеть всплывала и переставала выполнять свои функции, пропуская рыбу в озеро. Практически с 1985 по 1994 г. камнем преткновения в отлове лишней рыбы в оз. Азабачьем и предметом возмущения общественности и охранных структур являлась злосчастная отбойная сеть.

Существенным моментом было и то, что рыбаки весь период лова в 1985–1994 гг. работали только в устье протоки Азабачьей (в месте ее слияния с р. Камчаткой). Массовое прохождение рыбы через этот рыболовный участок вверх по протоке означал здесь конец лова, что обычно приходилось на 24–26 июня.

Г. Верхотуров и А. А. Кондрашов сразу же отказались от сети. Нет сети – нет проблемы. Они одели бригаду рыбаков в водолазные костюмы без шлемов, и те целыми днями неводили в них в воде по самую шею. Низкорослые клали под ноги по 2–3 мешка с песком: они знали закон Архимеда – нужна точка опоры.

В результате рыба спокойно заходила в протоку, концент-

рируясь в заливах и устьях многочисленных ручьев. Так незаметно, перебираясь все выше и выше по протоке Азабачьей, «черти Верхотурова» закидным неводом выловили большую часть рыбы, задержавшейся и отстаивающейся в протоке.

В протоке дно илистое, и грязные рыбаки действительно смахивали на веселых чертей. Промысловики вместе с рыбой «мигрировали» вверх по протоке. Затем бригада после долгих согласований, провела обловы в устье самой большой нерестовой р. Бушуевой, где также получила великолепные результаты.

Все! Технически проблема отлова лишней нерки в бассейне оз. Азабачьего разрешилась. В схеме это выглядело так: облов закидным неводом в устье протоки – облов в протоке – облов в литорали озера у нерестовых притоков.

В 1995 г. специализированный промысел добыл 370 тонн азабачинской нерки, но, тем не менее, в бассейн озера пропустили громадное количество рыб – 690 тыс. шт. Это, по моему мнению, в 10–15 раз превышало оптимальную численность нерки в данном водоеме. Результаты промысла в 1995 г. могли бы стать значительно лучше, если бы в промысел «успешно» не вмешались сотрудники биостанции «Радуга».

К сожалению (может, не получив инструкций от М. К. Глубоковского, который в это время уже являлся депутатом Государственной думы, а может быть, – по своей инициативе), в период путины сотрудники ИБМ им. А. В. Жирмунского ДВО РАН, приехавшие на станцию «Радуга», начали активно препятствовать проведению лова нерки р. Камчатки традиционными орудиями лова – ставными неводами в Камчатском заливе и плавными сетями в р. Камчатке. Мотивировали тем, что в оз. Азабачье идет мало рыбы и не будет выполнен договор по объемам вылова в протоке Азабачьей. «Пользователи», которые должны сделать денежный вклад в «науку», потеряют материальный ущерб.

Сотрудники станции «Радуга» были готовы сорвать традиционный промысел нерки ставными неводами в Камчатском заливе и плавными сетями в р. Камчатке ради специализированного ее промысла, носящего второстепенный характер.

В администрацию Усть-Камчатского района сотрудники биостанции «Радуга» 19 июня 1995 г. направили письмо, привожу его полностью (документ № 1).

Надо отдать должное администрации Усть-Камчатского района (прежде всего заместителю главы администрации Юрию Борисовичу Ковтуну), что на оперативном совещании 20 июня, где рассматривали рекомендации сотрудников ИБМ о необходимости полного закрытия ставных неводов в Камчатском заливе (по крайней мере до конца июня), выбрали стратегию КамчатНИРО. Позже, в июле, невода и речной лов все же закрыли (оставили один контрольный невод и одну контрольную речную рыбалку).

По окончании путины, в начале декабря 1995 г., мне пришлось писать справку, которую также привожу полностью (документ № 2).

Прискорбно, но факт... Именно из-за непримиримой позиции сотрудников биостанции «Радуга», желающих закрыть в 1995 г. промысел нерки р. Камчатки, и произошло то, что произошло...

В результате невода и речные рыбалки (кроме контрольных) в июле закрыли, и поздняя нерка р. Камчатки, состоящая в большинстве своем из азабачинской, прошла в реку. В бассейн р. Камчатки, по данным авиаучетов сотрудников КамчатНИРО А. Г. Остроумова и А. В. Маслова, прошло 1419 тыс. шт. производителей (из них 690 тыс. особей зашли в оз. Азабачье).

В дальнейшем, в 1996 и 1997 гг., преимущественно рыбаки ООО «Соболь», добыли 550 и 490 т нерки оз. Азабачье. Результаты лова, без всякого сомнения, могли бы стать еще лучше, если бы вокруг проблемы существовала более доброжелательная атмосфера и не происходило периодических остановок промысла различными органами и проверяющими.

В 2001–2008 гг. специализированный лов нерки в протоке Азабачьей полностью прекратили (в 1998–2000 гг. добывали небольшое количество нерки в р. Камчатке напротив устья протоки Азабачьей).

Вся история событий 1995–1997 гг. с азабачинской неркой рассказана в моих публикациях: в небольшой брошюре «Мир

реки» (2000), статье «Вилы как атрибут отечественной ихтиологии, или печальные откровения о поиске истины», опубликованной в журнале «Северная Пацифика» № 1(11) за 2001 г. и в моей книге «Лучшие годы нашей жизни» (2009).

***

Документ № 1

«В рабочую группу Камчатского координационного рыбохозяйственного Совета и Администрацию Усть-Камчатского района от членов Камчатской экспедиции Института биологии моря ДВО РАН

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

о ходе научно-производственного эксперимента по регулированию численности производителей нерки и повышении продуктивности стада нерки озера Азабачьего

В согласованной «Стратегии регуляции численности...» определено, что проблему регуляции численности нельзя решить традиционным промыслом ставными морскими неводами и сплавными сетями в р. Камчатка, т. к. рыбы разных районов (длина которой более 700 км) идут смешанно. На основании разработанной «Стратегии...» договором определены и установлены места специализированного лова нерки озера Азабачьего.

Несмотря на эти положения и не считаясь с интересами всех участвующих сторон договора, ответственным за контроль озера Азабачьего ведущим научным сотрудником КамчатНИРО д. б. н. В. Ф. Бугаевым (видимо, все же не единолично) был разрешен специализированный лов нерки ставными морскими неводами и сплавными сетями в р. Камчатке на рыбалках непредусмотренным договором о научно-производственном эксперименте. В результате чего (данные на 19.06.1995 г.) дополнительно к первоначальному лимиту (1 120 тонн) было выловлено еще порядка 1 200 тонн нерки, которые явно не имеют никакого отношения к традиционному промыслу нерки.

Тем более, что эта «свистопляска» с лимитами, которая наблюдается вот уже который год, не имеет отношения ни к традиционному промыслу, ни к регуляции численности нерки.

Тем самым внесена существенная неопределенность в оценку точности предложенных прогнозов (т. к. рыба была отловлена не дифференцированно) и возможно нанесение материального ущерба «Пользователям», которые согласно договору должны осуществлять промысел азабачинской нерки в рамках научно-производственного эксперимента, а следовательно, и «Науке». Кроме того, этими действиями Виктора Федоровича Бугаева нарушены пункты 1.1 и 6 настоящего договора, согласно которым работа по регулированию лова нерки организуется в соответствии с согласованной «Стратегией», а также изменениям и дополнениям к настоящему договору, действительными в том случае, если оформлены в письменном виде и подписаны всеми участниками.

19 июня 1995 г.

Заместитель начальника экспедиции
по науке научн. сотр., к.б.н.

Подпись В. И. Островский

Научный сотрудник, к.б.н.

Подпись В. А. Паренский

Научный сотрудник, к.б.н.

Подпись Н. А. Семенченко

Начальник НИС «Радуга»

Подпись П. Г. Крайнюк»

***

Документ № 2.

«Директору КамчатНИРО М. М. Селифонову
Начальнику Департамента по рыболовству
при Администрации Камчатской области М. В. Дементьеву
Начальнику Камчатрыбвода В. Н. Бурканову
Начальнику Спецморинспекции Камчатского региона В. А. Санталову

СПРАВКА

10 июня 1995 г., на основании результатов первых 10 дней промысла (еще до начала массового хода) нерки р. Камчатки, мною был сделан вывод о необычайно мощном подходе нерки. В результате, в оперативном порядке КамчатНИРО был рекомендован максимально интенсивный промысел нерки всеми орудиями лова.

В результате, было добыто 4 722 тонны нерки традиционным промыслом (ставными неводами в Камчатском заливе и сетями в р. Камчатка + 370 тонн специализированным промыслом нерки в протоке оз. Азабачьего).

В бассейне р. Камчатки по данным авиаучетов КамчатНИРО отнерестилось 1 419 тыс. производителей нерки (из них 690 тыс. производителей в оз. Азабачьем). В настоящее время можно говорить о 10–15-кратном переполнении в бассейне озера, считая с 1957 г.

Если бы нами не были приняты своевременные меры по увеличению общей интенсивности лова всей нерки р. Камчатки (нерка оз. Азабачьего в уловах составляла до 60–70 %) и мы следовали бы логике исследователей ИБМ ДВО РАН, написавших «Докладную записку», то, помимо недолова большого количества рыбы (из-за недостаточно интенсивного лова в протоке), было бы допущено 20–22-кратное превышение оптимальной численности производителей нерки в бассейне озера.

Вед. н. сотр. КамчатНИРО, д.б.н.

Подпись В. Ф. Бугаев»

***

В свою очередь, о событиях 1995 г. в бассейне оз. Азабачьего писали много позже и во Владивостоке, в журнале «Дальневосточный капитал» (2006. – № 10–74. – окт. – С. 78–79) появилась статья Натальи Эдуардовны Островской «НЛО – неопознанный лососевый объект»:

«...Но бывают годы, когда нерки подходило столько, что ей, бедной, не то что брачный танец станцевать – свить гнездо для икры было решительно негде.

– В 1995-м было пяти-шестикратное переполнение нерестилиц, – вспоминает завлаб Паренский. – Мы, предвидя это, рекомендовали рыбакам выловить 1 200 тонн нерки, еще до ее подхода в Азабачье. Но академическая наука на Камчатке никогда не имела решающего слова: было выловлено всего 300–500 тонн. В результате спустя шесть лет (таков жизненный цикл этого вида лосося) – полный крах нерки, пустые речки»...

Ни слова не сказал В. А. Паренский о том, что регуляцией промысла в 1995 г. занималось и КамчатНИРО, а роль «академических ученых» была, скорее деструктивной. Короткая у Валерия Андреевича память.

В газете «Владивосток» (2007. – № 165–3947. – 9 нояб. – С. 16–17) Андрей Островский в статье «Рыба ищет, где лучше, а человек ищет, где рыба» писал:

«Эти и многие другие фундаментальные задачи и пытаются решить в полевых условиях летних экспедиций и зимой – во время анализа собранного материала – ученые из лаборатории популяционной биологии рыб ИБМ. Впрочем, последние из обозначенных вопросов носят скорее прикладной, чем академический характер, что тоже далеко не случайно. Не секрет, что время от времени отраслевая наука, признанная давать объективный и взвешенный прогноз, позволяющий, в свою очередь, регулирующим госорганам определять соответствующие квоты и лимиты на вылов рыбакам, дает сбой. Понятно, что любой прогноз – дело чрезвычайно сложное и всякая ошибка здесь моментально становится видна невооруженным глазом. Но беда в том, что ошибки эти порой оборачиваются гигантскими потерями для рыбной отрасли региона. Здесь-то призвана прийти на помощь наука фундаментальная».

Не буду больше комментировать выдержки из статей, но читать данные строки, даже много лет спустя, для меня было крайне неприятно. Получается, что только отраслевая наука дает «сбой», а академическая наука «сбоев» не дает. А ведь историю необходимо помнить и делать из нее выводы.

Как я писал в своей книге «Лучшие годы нашей жизни» (2009): «Следующее существенное увеличение численности

азабачинской нерки, вероятно, произойдет в 2010–2012 гг. и, возможно, сохранится еще несколько лет. Ожидаемое увеличение численности в значительной мере будет связано с фертилизацией (удобрением) бассейна оз. Азабачьего пеплом вулкана Шивелуч в 2004 г., когда в районе пункта выпало 15–18 мм розового вулканического пепла. Годов-аналогов по количеству единовременно выпавшего пепла в районе оз. Азабачьего за период с 1956 по 2003 г. нет. Во всех предыдущих случаях слой выпавшего пепла составлял порядка 1,5–5 мм.

Подробно механизм влияния вулканического пепла на рыб, обитающих в оз. Азабачьем, описан в ряде научных статей (Куренков, 1975; Бугаев, 1983, 1995; Базаркина, 2003, 2004; и др.), и поэтому не станем здесь его рассматривать».

Как показали дальнейшие события, мое предположение полностью подтвердилось в 2009–2016 гг.: в 2009–2016 гг. береговой промысел добыл 7660–14372 (в среднем – 10 477) тонн нерки. Следует уточнить, что первоначальное предположение о резком возрастании численности нерки оз. Азабачье и всей р. Камчатки в названные годы было сделано еще в июне 2004 г., когда я делал, сохранившееся и сейчас, видео-интервью, находясь на берегу оз. Азабачьего.

***

Создание наблюдательных пунктов системы ТИНРО на Дальнем Востоке предполагало и предполагает ежегодный мониторинг за биологическими показателями рыб, гидрологическим и трофическим состоянием контролируемых водоемов с использованием полученных результатов преимущественно в прогностической деятельности институтов.

Привлечение крупных, известных специалистов на полевые работы на эти пункты не являлось основной целью их деятельности, хотя здесь всегда принимали всех, кто желал приехать сюда поработать.

Поэтому на Азабачинский пункт КоТИНРО чаще всего выезжало небольшое число специалистов, осуществлявших мониторинг разрабатываемых научных тем.

В 1970-х гг. на этом пункте постоянно проживали обяза-

тельно 1–2 научных сотрудника и 1–2 человека технического персонала, в летний период приезжали еще несколько человек, преимущественно научных сотрудников и студентов-практикантов.

В первые годы образования пункта работать на него приезжало больше народа, в последующие годы – несколько меньше и, наконец, оно стабилизировалось на уровне числа научных тематик института. И дело не в том, что на нем разрабатываются уже все возможные для изучения вопросы, их еще много. Но необходимы специалисты, желающие работать и умеющие обосновать расширение тематики исследований пункта.

В конце 1980-х гг. непереносимое круглогодичное нахождение на пунктах КоТИНРО научных сотрудников стало необязательным. Сразу же число постоянно проживающих на них людей сократилось в среднем вдвое. Остальные стали приезжать только летом. Такая схема и численность постоянного (и временного) контингентов пунктов КоТИНРО (КамчатНИРО) сохранилась до наших дней.

Цель организации биостанций Академии наук СССР другая: создать достаточно приемлемые условия для специалистов и известных ученых, которые, работая в полевых условиях, обогатят науку своими открытиями, вырастят и подготовят новые научные кадры. В случае необходимости, и если найдутся желающие, на таких станциях предполагали и круглогодичный ежегодный мониторинг. Кроме того, на этих стационарах проходили практику студенты университетов и ВУЗов.

На академических стационарах круглогодично проживало значительно больше людей, чем на пунктах отраслевых институтов. Там были начальник биостанции, моторист, повар, завхоз и др. В летнее время контингент академических баз возрастал до нескольких десятков человек и более. Естественно, финансирование академических полевых стационаров находилось на один-два порядка выше, чем наблюдательных пунктов отраслевых институтов.

С началом новой экономической политики в нашей стране, с января 1992 г., резко изменилось (ухудшилось) финансирование научных исследований. Естественно, это привело к «об-

рушению» сложившихся условий жизни и объемов научных исследований на академических стационарах по сравнению с предыдущим периодом. Что касается пунктов Министерства рыбного хозяйства, то им падать было некуда – они и так находились на грани выживания.

В жизни, как и в любом театре, действие идет по схеме: экспозиция, завязка, кульминация, развязка. Но одна тема не может эксплуатироваться вечно, необходимо расширение репертуара.

По моему мнению, «угасание» станции «Радуга» началось уже в конце 1980-х – начале 1990-х гг., что было связано с потерей интереса у ряда молодых и зрелых исследователей к ней: все многолетние исследования проводили практически на одном виде (нерке) и в одном месте.

Мониторинг, если нет ярких, закономерных и явно объясняемых межгодовых изменений, со временем становится неинтересным. Назревала необходимо расширения исследований на весь бассейн р. Камчатки и на все виды рыб этой реки.

Может быть, это и произошло бы, но в 1992 г. наша страна вошла в новую экономическую политику. Финансирование исследований практически свели на нет, и начался многолетний период стагнации академической науки.

Отраслевой науке, к которой относились институты системы ТИНРО, повезло больше по сравнению академическими институтами. Она всегда находилась «на дне», и с началом новых экономических отношений она не остановилась, а «поползла» дальше, иногда пытаясь (и сейчас пытается) «подпрыгивать». Но взлета и полета не получается – экономические вложения в нее явно недостаточны, что не позволяет наладить адекватные проблемы объемы исследований.

В целом, как для академических, так и для отраслевых наук, недофинансирование не привлекает в необходимой мере в эту сферу деятельности талантливую молодежь. Старые кадры в массе приближаются к рубежу биологической продолжительности жизни человека.

Еще десять-пятнадцать лет, и те, кто придет на освободившиеся в результате «временного отбора» места, будут учиться

проводить исследования только по статьям и отчетам. Живых свидетелей пенсионного возраста, способных еще работать, практически не останется.

С другой стороны, настанет незабываемая пора для молодых исследователей. Они сами начнут познавать мир, открывать новые законы и истины, состязаться в логике между собой. Государство и другие инвесторы станут все это финансировать. Спустя время некоторые из «новой волны» смогут увидеть и оценить, что многое из того нового, открытого ими, – это хорошо забытое старое. Но время будет упущено. Только преемственность поколений может не допустить такого неблагоприятного финала.

***

Надо учесть, что все городские ребята, приезжая из Владивостока на Камчатку, в бассейне оз. Азабачьего начинали в режиме «сафари», как такие экспедиции окрестил генетик к. б. н. В. Т. Омельченко.

Почти все были молоды. Романтика дальнего путешествия кружила голову, а принадлежность к академическому клану сулила большие перспективы в научной деятельности: ими руководили еще достаточно молодые, но уже известные и мастистые ученые. Казалось, пройдет несколько лет, и каждый из них (сегодня молодых) получит свою первую ученую степень и т. д., пошло-поехало. Все было ново, жутко интересно и многообещающе здорово.

Молодежь сочиняла песни и писала стихи, пила экспедиционный спирт и блевала, занималась археологическими раскопками, влюблялась и расставалась, собирала ягоды и дикоросы, охотилась в научных целях на медведей и уток, ловила рыбу – жарила-парила, солила и коптила. В общем, есть, что вспомнить. Кстати, все это образно представлено в научно-студенческом фольклоре (см. «Лучшие годы нашей жизни»).

Экспедиционная жизнь происходила на фоне оживленных разъездов на отечественных лодках типа «Прогресс» под отечественными же моторами «Вихрь-20» – «Вихрь-30». А сколько умения надо было иметь, чтобы научиться чинить

Трое суток я жил на безымянном острове среднего течения р. Камчатки, обрабатывая материалы, собранные на оз. Двухюрточном. Грибовидное облако на заднем плане – извержение влк. Толбачик (конец июля 1975 г.)

Вид на оз. Азабачье с берега наблюдательного пункта КамчатНИРО (начало ноября 1975 г.)

Мы первый раз поднялись с работой от Усть-Камчатска до пос. Мильково и возвращаемся в устье реки, справа – Анатолий Ходько (середина августа 1976 г.)

В истоке р. Гибралтар (бассейн оз. Илиamna на Аляске, сентябрь 1989 г.)

Русская православная церковь на Аляске, слева – отец Макарий (поселение Кенай, сентябрь 1989 г.)

Семья Эдварда Зиблата. Слева направо: дочь – Джоханна, жена – Дороти, сын – Даниэль (г. Ричмонд – пригород Ванкувера, 1989 г.)

Годовщина 20-летия совместной жизни с любимой женой Татьяной 26 ноября 1997 г. Сидят слева направо: Юлия, Александр, Анастасия

Вместе с женой Татьяной на моем 50-летии (2 марта 2000 г.)

Художник Джон Гриценко (март 2005 г.)

Пеплопад над оз. Азабачьим (худ. Д. Грициенко, 2000 г., холст/масло, 72 x 94 см)

Кроноцкий тупик (худ. Д. Грициенко, 2001 г., холст/масло, 72 x 86 см)

В. Ф. Бугаев – жизнь после смерти (худ. Д. Грициенко, 2001 г., холст/масло, 73 x 65 см)

Портрет Татьяны Т. (худ. Д. Грициенко, 2002 г., холст/масло, 74 x 69 см)

Ледник «Портадж Глетчер» в окрестностях г. Анкориджа (Аляска, август 1989 г.)

Ледник «Портадж Глетчер» (худ. В. Бугаев, 1993 г. холст/масло, 50x26 см)

В КамчатНИРО празднуют День нерки: в центре – д. б. и. Н. В. Варнавская и ведущий инженер А. В. Маслов (31 июля 2000 г.)

Наша семья. Слева от меня – Анастасия, справа – Татьяна, сидит – Юлия (ноябрь 1997 г.)

Сын Александр и моя внучка Катя (2004 г.)

Озеро Азабачье после пеплопада вулкана Шивелуча, случившегося в ночь с 9 на 10 мая 2004 г. (фото 4 июня 2004 г.)

Азабачинский н/п КамчатНИРО основали на базе неправильно спроектированного рыбоводного завода в 1963–1964 гг. (фото 20 июля 1990 г.)

Заканчивается строительство Азабачинского н/п – 2 (август 2015 г.)

Д-р Оле Матиссен и его жена Ренди (г. Джуно, октябрь 1990 г.)

В гостях у д-ра Дэвида Вэлча. Слева направо: автор, д-р Дэвид Велч, Масако (его жена), д-р Вильям Рикер (г. Нанаймо, апрель 1995 г.)

Бренда и Дон Роджерсы – исследователи нерки Бристольского залива (г. Сиэтл, май 1995 г.)

В штаб-квартире НРАФС: д-р Ричард Бимши, автор, Вакако Морис (г. Ванкувер, март 2002 г.)

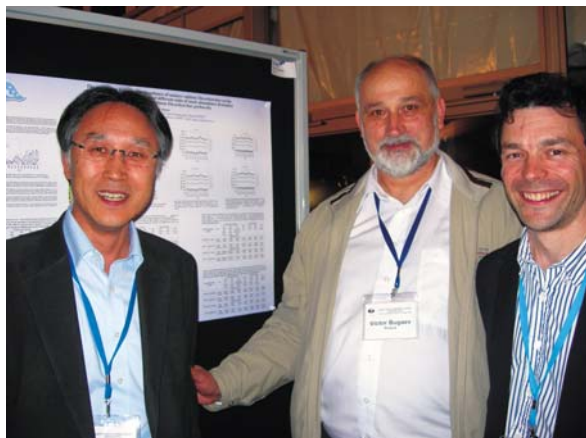

На 10-й ежегодной встрече НРАФС: слева направо – д-р Кейт Майерс, д-р Даглас Эггерс, автор, Роберт Валкер (г. Владивосток, октябрь 2002 г.)

В гостях у Кейт Майерс: д-р Роберт Бёргнер, автор, д-р Кейт Майерс (г. Сиэтл, май 2004)

На Ежегодной встрече PICES-2008 (слева направо): д-р Масашиде Каряма, автор, д-р Питер Ренд (г. Далянь, Китай, октябрь 2008 г.)

С научными сотрудниками на ежегодной встрече PICES-2014 (слева направо): к. б. н. А. В. Заволокин, к. б. н. О. В. Новикова, д. б. н. В. Ф. Бугаев, к. б. н. О. Г. Михайлова (г. Иесу, Южная Корея, октябрь 2014 г.)

На оз. Азабачьем со студентами КамчатГТУ и Камчатского ГУ им. Витуса Беринга (июль 2012 г.)

*Заместитель главы
Усть-Камчатского рай-
она Ю. Б. Ковтун про-
вожает меня в Петро-
павловск после прохода
ника лососевой путины
на р. Камчатке (август
2005 г.)*

*На рабочей встрече в
КФ ТИГ ДВО РАН (слева
направо): член-корреспон-
дент РАН д. б. н. И. А.
Черешнев, академик РАН
д. ф.-м. н. Е. И. Гордеев и
д. б. н. В. Ф. Бугаев (Пет-
ропавловск-Камчатский, 20
августа 2009 г.)*

*В ТИПРО-центре у
д. б. н. Вячеслава Пет-
ровича Шунтова (Вла-
дивосток, май 2010 г.)*

Д. б. н. М. В. Мина (Институт биологии развития РАН им. Н. К. Кольцова, (г. Москва, май 2009 г.)

Д. б. н. О. Ф. Гриценко (ВНИРО, г. Москва, 29 октября 2006 г.)

*Директор КФ ТИГ ДВО РАН
д. б. н. А. М. Токранов (2008 г.)*

Исследователь трехглазой колюшки и создатель онкопротектора «Арктика» – д. б. н. В. В. Зюганов (Институт биологии развития РАН им. Н. К. Кольцова (май 2009 г.)

С женой Татьяной в день 25-летия совместной жизни (26 ноября 2002 г.)

Семья старшей дочери Юлии (слева направо): Наташа – дочь, Семен – сын, мама-Юля, папа-Костя (Петропавловск-Камчатский, 7 марта 2016 г.)

В гостях у бабушки Тани: Наташа (дочь Юлии), Даниил (сын Анастасии), моя жена Татьяна, моя дочь Анастасия (Петропавловск-Камчатский, 2008 г.)

Перед регистрацией брака Анастасии и Владислава в ЗАГСе Петропавловска-Камчатского (слева направо): моя жена Татьяна, автор книги, Даниил (сын невесты), Алексей (сын жениха), Владислав (жених), Анастасия (невеста), Юлия (сестра невесты) (12 июля 2015 г.)

Перед регистрацией брака Анастасии и Владислава в ЗАГСе Петропавловска-Камчатского (слева направо): подруга Анастасии – Татьяна, моя жена Татьяна, сестра невесты – Юлия (12 июля 2015 г.)

Перед регистрацией брака Анастасии и Владислава в ЗАГСе Петропавловска-Камчатского (слева направо): подруга Анастасии – Ирина, Анастасия, Владислав (12 июля 2015 г.)

Важное событие – опубликовали совместно с сыном Александром научную статью о численности нерки в Азии (Петропавловск-Камчатский, август 2007 г.)

Мой сын Александр – заведующий отделом КамчатНИРО (14 марта 2014 г.)

На Дворцовой площади в Санкт-Петербурге: жена Александра – Анжела и дети – Александр и Екатерина (август 2015 г.)

Александр Бугаев-маленький – главный нападающий по мини-футболу (апрель 2015 г.)

Моя жена Татьяна вместе с сыном Анастасии – Даниилом (1 января 2015 г.)

На педсовете в школе № 39 (слева направо): министр образования и науки Камчатского края В. Л. Тюменцев, министр образования и науки РФ – А. А. Фурсенко, директор школы – Н. К. Катрече (2009 г.)

В. Л. Тюменцев – Министр образования и науки Камчатского края подводит итоги коллегии (16 марта 2010 г.)

Уполномоченный по правам ребёнка в Камчатском крае В. Л. Тюменцев на новогоднем празднике в детском краевой больнице (30 декабря 2014 г.)

Вместе с другом детства Ю. И. Вторушиным (Владивостокский аэропорт, октябрь 2002 г.)

Мы стали друзьями на Аляске в 1989 г. – Чоли и Чак Мичемы на выставке частного собрания русских художников (Гиг-Харбор, штат Вашингтон, США, 11 марта 2016 г.)

эти самые моторы. А какая гордость наступала у того, кто сам перебрал мотор, и тот «завелся» с пол-оборота.

Например, я всегда гордился, что мы с Анатолием Ходько в 1976 г. «коленвал» от «Вихря-20» засунули в «Вихрь-25»; сквозную дырку в головке цилиндров заклеили заплаткой из эпоксидки (с алюминиевыми опилками), и на этом «гибриде» я смог со студентом из Ростова проехать 500 км вверх по р. Камчатке, пока мотор окончательно не развалился. Но ведь проехали!

Не иронизирую по поводу ребят с «Радуги», т. к. тоже прошел через «сафари» КоТИНРО, но оно у меня выдалось более скромным. Жизнь на Азабачинском пункте протекала не так весело, как на биостанции. С одной стороны, это объясняется отсутствием большого коллектива, а с другой, вероятно, моей склонностью к напряженной работе, в которой я полностью реализовывал себя.

НА ОЗЕРНО-РЕЧНОМ БЕРЕГУ

За окном деревья качаются,
И березы теряют листву,
Осень ранняя начинается
На озерно-речном берегу.

Ветры смелые и несмелые
Раздувают большую волну
Листья к берегу прибываются –
Все у осени на поводу.

Жгут дожди и порывы резкие,
Расшевеливая небеса,
И все местные и приезжие,
Раскрывают любви паруса.

А любовь – она штука сильная,
Но обычно приходит весной –

Все целованные и невинные,
В осень прыгают с головой.

Когда солнце в природе кончается
У циклонов открыты глаза.
Нет погоды, и в небе болтаются
Только серые облака.

Видишь как оно получается,
Иван-чай уж давно не в цвету,
За окном шелома́йник* мочалится.
На озерно-речном берегу.

12 июля 2013 г.

«Хохмить» можно в коллективе, а в одиночку это не получается. Если хохмить не с кем, то надо работать или переводить английские научные статьи на русский. И так каждый день. А как свидетельствуют неписанные законы жизни, трех часов ежедневной работы хватает для того, чтобы сделать всю работу.

Валера и Лида Базаркины, особенно первые несколько лет своей деятельности на Азабачинском пункте, на «Радугу» ездили часто; я – довольно редко (чаще проезжал мимо, махая в приветствии рукой). Потом, с 1982 г., обо мне пошла устойчивая молва, как о «нехорошем человеке», и я, естественно, стал заезжать на станцию только в случае крайней необходимости. Иногда видел, что ребята работают на берегу озера, подъезжал к ним, пил с ними чай, но когда начинал чувствовать, что мешаю им, – ехал дальше.

Единственный человек с биостанции «Радуга», с которым у меня никогда не существовало натянутых отношений, это Валера Паренский. Может быть, оттого, что он занимался поведением рыб и хорошо знал «законы совместного плавания», мы с ним ни разу не конфликтовали.

---

*Шеломайник – травянистое растение (на фото) до 3 м высотой.

С Валерой познакомился в 1976 г., когда он с Мишей Ковалевым, после 2-го курса биофака Дальневосточного ГУ, первый раз приехал на практику на Камчатку из Владивостока. Знакомство произошло в домике КоТИНРО на ул. Комсомольской, № 149, на вечеринке по случаю прибытия (убытия) кого-то из студентов или научных сотрудников. Такие «праздники жизни» по этому адресу проходили не реже одного раза в три дня – повод всегда имелся, а все были молоды и счастливы.

Тогда мне запомнилось, как Валера играл на гитаре, и особенно в его исполнении мне нравилась песня «Аэропорт»: «Лечу за борт, лечу за борт – любви своей, любви своей...». Для большинства из присутствующих эта тема являлась очень актуальной и трогала за живое: их во Владивостоке ждали любимые девушки, а они тут, на Камчатке, в Усть-Камчатске.

Неплохие отношения у меня сложились с Сергеем Золотухиным и Мишей Ковалевым. С последним они значительно улучшились, когда я понял, что он действительно пытается разобраться в росте молодежи нерки в бассейне оз. Азабачьего. Был предмет для обсуждения. Володя Островский – тот вообще отмахивался от изучения молодежи.

ПЕЙЗАЖНАЯ ЛИРИКА

ВСКРЫТИЕ ОЗЕРА АЗАБАЧЬЕГО

Ожидаем... вскоре озеро вскроется
И все ждут... лед когда-то растает.
Ведь наш дом в глубине водоема,
А возврату – Природа мешает...

По озерному контуру четко
Лед припаян, как снежная крышка.
Лунный блин, он на землю свалился,
Не прожарился только, малышка...

Всё стоит, ожидая финала...
Ставим сетку в озерную кромку
Ведь середина июня настала,
Идет лето, да что в этом толку...

Только ветер заменит пластинку,
Задремавшей мелодии зимней,
Тишину разорвет шевеленье
Снежных масс, околдованных синью...

Через несколько дней солнца пекла
Появляется ветер далекий,
Он ломает ледовое поле
На куски, словно лужу, – в полете!

Лодки нос упирается в льдины,
Раздвигая последние «брызги».
«Вот и все. Здравствуй лето, родное» –
Вот такие приходят к нам мысли...

2 июня 2013 г. (события 1999 г.)

РУЧЕЙ ПОНОМАРКА
(июнь-конец июля)

Июнь – молочная вода.
Набухли русла берега,
А нерка – красна, как всегда.
Мигрирует в исток ручья.

Но вот в июле уже хуже:
На перекатах почти лужи.
Медведь «в замо́к» берет ручей.
Природа... ведь ручей ничей.

Лососи отступают в яму,
Но их инстинкт, бесспорно, прямо.
И ждут сильнейшего дождя,
Где каждый сам спасет себя.

Потом кровавая неделя,
Когда медведи нерку «мелят»,
Но та успешно держит нерест,
И по ручью плывет икра.

Затем поплыли пузыри,
Кусочки слизи смрад несли,
Все отвращает от воды,
Но в грунте слой живой икры.

31 июля 2014 г.

ВЫБОР

Туманный дождь идет вторым порядком,
А первыми – стоит листва деревьев,
Как хорошо в тепле домашнем или зябком,
Гулять и путешествовать во времени.

Кустарником заросшая поляна,
Цветы шиповника не потеряли красоты,
Но если лепестки упали рано,
Дождливой осени дни будут продлены.

И вдруг тот дождь, что только был за лесом,
Готов облить тебя холодной водой,
Но ветер боковой в момент сорвал завесу,
Да так, что оказался ты сухой.

А там уж сам решай: идешь ты дальше,
Или вернешься в логово тепла.
Решенье надо принимать всегда, «мой мальчик»,
Куда б тебя не занесла судьба.

31 июля 2014 г.

БЕРЕГ СЧАСТЬЯ

Легкой зыбью озеро –
Пятнами подернуто,
Ну а где-то в зеркале –
Только в перевернутом.

Медвежонок в озере
У берега купается,
Рыба плещется кругом
Жизнью наслаждается.

Пузыри вдоль берега
Плывут от «мишутки»,
Его мамка крупная
Спит, но очень чутко.

Комары попрятались –
Эти злые гении,

Толстый шмель гудит, гудит,
Растворился в тени... и?

А колюшки-скробиницы
Ласки ждут особой:
Если нет лазурных глаз*,
Лучше и не пробуй.

Я сижу на берегу
На коряге высохшей,
Чайки вдалеке кричат –
Меня не слышали.

Небо еще летнее –
Мутноваты просини,
Это признак верный:
Далеко до осени.

10 июля 2014 г.

НЕРЕСТ НЕРКИ

Самые теплые дни наступили:
Лето повсюду, лето в эфире,
Ветер зеленые волны гоняет,
Розы шиповника не опадают.

Нерест в разгаре, медведи в порядке
Все в нерестилищах, как в банной кадке.
Жесткий отбор учредила Природа
Кто не успел, тот уже и в утробе.

---

*Перед нерестом у самцов трехглазой колюшки глаза приобретают лазурный цвет.

Сжата пружина закладки икры,
Сутки – любовь от зари до зари.
Сыты медведи – пока отсыпаются,
Дети у нерки тогда зачинаются.

Рыбы не люди, здесь нет «кровь за кровь»,
Алые рыбы штурмуют любовь,
Мертвые рыбы – пройденный фактор:
Нерест успешен... гнездо – инкубатор!

20 июля 2014 г.

ПЕРВЫЙ ОТЗВУК ОСЕНИ

Запах осени нравится мне,
Становлюсь я моложе, почувствовав это,
Запах осени дремлет в душе
Запоздалым последним приветом.

Шквалы ветра гоняют траву,
Создавая волнение поля,
Мощь природы видна наяву,
А на водных просторах – тем более...

Чистых глаз синевы небеса,
Облаков разреженное стадо,
Мне легко на душе, но всегда,
Близость осени чувствовать надо.

Июль 2012 г. (мысли 2007 г.)

РУЧЕЙ ПОНОМАРКА
(конец июля-середина октября)

Еще и осень не близка,
Но листья желтые несутся,
Водой дождей так долго мнутся,
Встречается и желтизна...
Хотя трава и зелена.

Вода в ручье утром прозрачна,
А вечером с погодой мрачной
Несет и ил и деревá,
Одна трава лишь зелена...
Встречается и желтизна.

Потом меняет цвет трава
Вода в ручье из серебра,
А осенью в ручье она
Уходит в землю до дождя...
А листья желты (выше пня).

Но вот хороший дождь прошел
Новый поток себя нашел,
Несет и ил и деревá,
Вокруг лишь желтая листва...
Да и трава уже желта.

Вода в ручье уж не мутна́,
Медвежий след на глине дна,
Но тот медведь еще без сна,
Ольха сквозь снег слегка желта...
Ну, а трава уже седа.

31 июля 2014 г.

АВГУСТ НА ОЗЕРЕ

Ветра верховье – качают деревья,
Август – словно разросшийся сад,
Нас обольщает осенней погодой,
А впереди еще ждет листопад.

Песчаные косы и гребни из гальки,
Упрямо кренятся к кромке воды
И ветры волной заровняют все знаки,
Какие по жизни оставили мы.

В цветущей протоке зеленые нити,
Подводных лесов разнотравья ковер,
И берег крутой с редкою княженикой,
Выиграл у жизни с равниною спор.

В медвежий сезон всё поспеваёт,
Комар еще крепкий в низинах у рек,
Прозрачные воды ключи изливают,
Ошибка природы – живем ведь не век.

Далекie громы вулканов окрестных,
И радуги буйство, как сто лет назад,
Он выпал везде, обойдя это место,
Не долетевший до нас пеплопад.

Нагая зима ожидает живое,
Кто в спячке, кто в дреме и дрожи бегах,
И встречи одних, расстающихся в осень,
Поставят отметки судьбы в берегах.

2 августа 2013 г.

ПОСЛЕДНИЕ ТРИ ДНЯ ДО ОТЪЕЗДА

Последние три дня остались у меня,
На берегу, умытому волною,
Но снится, как бродяге, алая заря,
Так характерная здесь летом и зимою.

Случайный миксер рваных облаков,
Тасует солнце с прыгающей тенью,
Влюбленный в Озеро до потрохов –
И я, объят уж непонятной ленью.

Спокоен, рубленный когда-то дом,
Всего два месяца в году сейчас бываю,
И только в нем мечтаю – только в нем,
А остальное время – от любви сгораю.

На пункте я один – ведь все в разъездах,
Начался сильный дождь, и будет до утра.
Ветра раздуют пепел переезда*,
А в озеро «промажут»... такие вот ветра.

3 августа 2013 г.

МЕЧТЫ МОЛОДОГО МЕДВЕДЯ

Рябиновые бусы из медвежьих куч на берегу,
Ведь рыба кончилась, берлогой сердце грею,
Без пищи – я медведь – я не могу
И ем рябину эту и балдею.

Мне бражки резкой в животе комок,
Раздвинул жизнь с заката до рассвета,

---

* Вулкан Шивелуч.

Хмельной гуляю я один, а где-то
Осенней грусти лезть, и не найти ответа.

Я сильный зверь, я гладок, я могуч,
Но гон прошел, я за него не спорил,
Ведь просто время не пришло мое,
Поэтому не стал я девок беспокоить.

Но в следующий год, найду любовь по сердцу,
И тогда... все лучшие медведицы округи
Допустят меня к телу своему,
А уж кого я выберу... и быть подругой.

Рябиновые бусы из медвежьих куч на берегу,
Ведь рыба кончилась, берлогой сердце грею,
Без пищи, – я медведь – я не могу,
И ем рябину эту и балдею...

Июль 2012 г. (мысли 2005 г.)

КамчатНИРО – 1996–2009 гг.

Приехав на оз. Азабачье в первых числах июня 1996 г., я не нашел на пункте ни свой мотор «Тохатцу-40», ни катер «Прогресс-4».

Этим мотором пользовался 6 полевых сезонов. Как выяснилось позже, осенью 1995 г., после моего отъезда в город, его взяли из закрытого дома и, вместе с моей лодкой, пропили лаборанты Азабачинского н/п. По официальной объяснительной записке сотрудников пункта – братьев Кузовцевых, написанной летом 1996 г., моя лодка с мотором получила пробоину и утонула в р. Камчатке.

На своей лодке я проездил 19 полевых сезонов. Она являлась очень удобной для проведения в озере траловых работ. Братьев-лаборантов уволил в июне 1996 г. Траловые работы по молоди нерки в бассейне оз. Азабачьего в 1996 г. оказались практически сорваны (удалось провести всего одно траление с рыбаками в истоке протоки Азабачьей).

***

Специализированный лов нерки оз. Азабачьего продолжал претворяться в жизнь. В 1996–1997 гг. преимущественно рыбаки ООО «Соболь» добыли, соответственно, 550 и 490 т нерки оз. Азабачьего. Результаты лова, без всякого сомнения, могли получиться еще лучше, если бы вокруг данного вида промысла существовала более доброжелательная атмосфера и не происходило периодических остановок рыбалки различными органами и проверяющими.

С разрешения соответствующих инстанций, 7 июля 1996 г. с малого добывающего судна «Магна Си» в районе р. Бушуевой на акватории оз. Азабачьего был произведен один экспериментальный замет кошелькового невода – в результате поймали 20 т нерки.

К сожалению, инициативы КамчатНИРО по проведению специализированного лова в протоке Азабачьей и на акватории оз. Азабачьего в 1996–1997 гг. натолкнулись на противодействие Госкомкамчатэкологии, которая, мотивируя тем, что

оз. Азабачье является памятником природы, не предусматривала там проведение данных работ, хотя в охранном обязательстве памятника природы «Азабачье озеро» имелась запись, что там разрешается проведение экспериментов рыбохозяйственного характера.

Идея специализированного лова, помимо Госкомкамчатэкологии, не была поддержана общественностью, сотрудниками ИБМ им. А. В. Жирмунского ДВО РАН и отдельными специалистами других организаций.

Об азабачинской нерке периодически писали некоторые камчатские газеты («Ленинский путь» – 10 августа 1985 г.; «Камчатская правда» – 28 февраля 1986 г., 27 августа 1986 г.; «Рыбак Камчатки» – 28 марта 1997 г., 18 сентября 1997 г.; «Вести» – 24 мая 1997 г., 3 сентября 1997 г., 21 ноября 1997 г.; «Аргументы и факты» № 29, 1998 г.; и др.).

В результате борьбы мнений, ряда экологических экспертиз к началу путины 1998 г. окончательно сформировалась позиция Госкомкамчатэкологии – никакого лова ни в протоке, ни в акватории оз. Азабачье до решения вопроса о статусе озера. Если изменить природоохранный статус озера, то проведение ловов возможно и даже необходимо. Но статус озера не изменили и по настоящее время.

Что же касается нерки стада оз. Азабачье, то в 1981–1990 гг. превышение оптимальной численности производителей нерки в бассейне озера в среднем составило 3,7 (максимальное 8,7) раза, а в 1991–2000 гг. – 6,1 (максимальное – 13,8) раза.

Важно подчеркнуть, что в данном случае речь идет не только о буквальном переполнении нерестилиц в бассейне озера (нехватке нерестовых площадей), а, прежде всего, о превышении оптимальной численности производителей: их многочисленному потомству в период нагула в озере не хватало корма.

Тем не менее, в годы превышения оптимальной численности на ряде речных и ключевых нерестилиц рыба из-за высокой плотности не могла нормально отнереститься и в прямом смысле слова давила сама себя (Ключ Широкий в бассейне р. Бушуйвой, Пономарская чаша и др.).

В 1998–2000 гг. и в последующие годы специализированный

промысел азабачинской нерки практически прекратили (в небольших количествах ее добывали в р. Камчатке в устьевой зоне протоки Азабачьей без установки отбойной сети).

***

В начале апреля 1998 г., убирая снег у гаража, почувствовал, что по левой ноге за несколько секунд как бы прошла «горячая волна». Задрал штанину, и сразу же увидел, что нога ниже колена покраснела и опухла.

Через два дня пошел к хирургу в строительную поликлинику. Тот сказал, что у меня начался тромбофлебит, прямо на приеме в кабинете продал чай за 350 рублей (для укрепления сосудов) и выписал направление в областную больницу. В больнице пролежал 18 дней, где мне делали капельницы с тренталом. После лечения нога лучше не стала. С тем и выписали.

Через некоторое время отек левой ноги поднялся почти до пояса. В конце мая, перед самым началом путины, улетел на полевые работы в Усть-Камчатск. В июне-июле находился в Усть-Камчатске, только изредка навещивался на оз. Азабачье.

В начале августа вернулся в Петропавловск, а через несколько дней ко мне домой в гости из Ванкувера приехал мой друг Эдвард Зиблат. Путешествовал он по маршруту: Ванкувер – Анкоридж – Петропавловск – Анкоридж – Ванкувер, что было очень удобно.

Я взял отпуск на две недели. Мы с Эдвардом развлекались: ездили в Паратунку, ходили на Вилючинский вулкан, жарили шашлыки на нашей даче и посещали местные достопримечательности. Думаю, что он уехал с Камчатки довольным.

В начале октября 1998 г. я планировал лететь в командировку в Сиэтл, в Вашингтонский университет. Уже имелась американская виза, были заказаны билеты и в бухгалтерии получены командировочные.

Отек ноги за лето у меня не стал меньше, а в сентябре начал увеличиваться. Пришлось отказаться от поездки и вернуть в кассу КамчатНИРО деньги на командировочные расходы. Начал писать годовой отчет.

Через какое-то время с ногой стало еще хуже. Левая нога от

бедр (и ниже) еще сильнее отекала и достигла чудовищных размеров. В середине октября меня вновь положили в областную больницу. В ней провел какое-то время, а 29 октября 1998 г. перевели в Камчатский областной онкологический диспансер (КООД).

Для постановки диагноза в течение ноября сделали две операции – вырезали лимфоузлы в паховой области для гистологии (после первой операции на полученном материале диагнозов поставить не смогли). В середине декабря провели первый курс химиотерапии (диагноз – лимфосаркома левой нижней конечности).

Когда диагноз в КООД уже был известен, моя жена Татьяна все-таки слетала в Москву в Гематологический научный центр для уточнения диагноза, где с привезенными гистологическими материалами прошла консультацию у доктора медицинских наук профессора Валерия Григорьевича Савченко.

Попасть на прием к доктору В. Г. Савченко Татьяне помогла Марина Иосифовна (сестра Натальи Иосифовны Виленской – жены Н. Б. Маркевича). Через неделю Татьяна вернулась с диагнозом московских врачей: лимфосаркома. Привезла рекомендуемые схемы лечения.

К моменту возвращения жены мне уже провели один сеанс химиотерапии. После проведения 5-го сеанса в КООД стало ясно, что заметного улучшения состояния не происходит.

В это время после длительной стажировки в Москве в КООД вернулась заведующая 3-м отделением, где я лежал, Наталья Александровна Урнышева (она заканчивала аспирантуру). Помнил ее маленькой девочкой в 1976–1977 гг., когда вверх и вниз курсировал по р. Камчатке, останавливался на ночевки на станции Камчатрыбвода «Река Николка», где ее родители – Александр Григорьевич и Валентина Павловна Урнышевы работали уже несколько лет.

Н. А. Урнышева сразу же изменила схему лечения, предложенную ранее главным врачом диспансера Зоей Афанасьевой Кологривовой. Наталья Александровна использовала московскую схему, и уже после первой «капельницы» с цисплатином стало ясно, что процесс пошел в нужном направлении.

Пока делали химиотерапию, понял, что «некоторые лекарства хуже болезни», «если от лекарства тошнит, значит лечит». В общей сложности в КООД мне провели 11 сеансов химиотерапии, а затем направили на радиологию.

Первые два месяца лечения в КООД я не вылезал из 6-местной палаты, т. к. мое состояние еще оставалось тяжелым. Жена Татьяна принесла мне в больницу микроскоп, препараты чешуи, портативный компьютер, необходимую литературу. Целые дни проводил в палате в текущей научной работе: просмотре чешуи, расчетах, написании годового отчета и научных статей и т. д. и т. п. В общем, умирать стало некогда.

Промежутки между курсами лечения составляли 21 день. Летом 1999 г. я умудрился между капельницами дважды съездить (каждый раз на две недели) на пугину в Усть-Камчатск и собрать материалы по нерке в бассейне оз. Азабачьего.

В конце октября – начале ноября на 10 дней летал из Петропавловска в Анкоридж на международный симпозиум Северо-Тихоокеанской комиссии по анадромным видам (NPAFC) с двумя научными докладами. Успевал везде. Все это не позволяло думать о возможном печальном исходе заболевания.

Среди больных КООД часто повторялась крылатая фраза: «В онкологии главное тенденция: процесс идет на ухудшение или на улучшение». Я это хорошо запомнил и 22 октября 2000 г. на основании первых 6 результатов УЗИ (их делали раз в 3 месяца), размеров конгломерата опухших лимфоузлов в паху построил корреляционную зависимость ($r = -0,955$, $P < 0,01$, $n = 6$) и рассчитал линию регрессии. С ее помощью сделал прогноз развития событий. Выходило, что мое выздоровление (лимфоузлы вернутся в норму) должно произойти в середине 2002 г.

В отличие от многих моих многолетних прогнозов по численности нерки р. Камчатки (в среднем, около 25 % из них не оправдывалось), благоприятный прогноз по онкологическому заболеванию, к счастью, полностью подтвердился.

В начале 2002 г. заведующий отделением Валерий Николаевич Карпенко по результатам проведенного УЗИ впервые сказал, что лимфоузлы у меня, наконец, почти в норме. И я

умру уже не от лимфосаркомы, а, вероятно, от ожирения (тогда я весил 140 кг при росте 185 см). Принцип жизни во время болезни сложился простой: зачем морить себя голодом, все равно летальный исход.

***

Вердикт Валерия Николаевича произвел на меня неизгладимое впечатление, и я задался целью похудеть. Прочитал «кучу» литературы и решил худеть по методике Мишеля Монтиньяка, в основе которой лежит раздельное питание. За первые 3 месяца похудел на 20 кг, а еще через 3 месяца – еще на 5 кг. В дальнейшем минимальный вес, которого я достиг, составил 113 кг. Планировал «дотянуть» до 110 кг.

К сожалению, при такой потере веса в икроножных мышцах начались ежедневные утренние, очень болезненные судороги (в 5 утра), что явилось следствием похудения. Решил зафиксировать свой вес в пределах 115 кг и почти два года его выдерживал.

Но после поездки в Испанию, на две недели осенью 2002 г., мой вес возрос – достиг 120 кг, а еще через год, после двухнедельной поездки в Турцию (в отеле было «все включено») – превысил 125 кг. Такой вес сохранялся в течение нескольких лет.

Пришлось сделать запоздалый вывод: к поездкам в жаркие страны на отдых надо относиться очень осторожно – можно приобрести лишний вес, от которого придется избавляться.

Начиная с конца 2008 г. решил все-таки худеть и за 3 месяца снизил свой вес со 125–126 до 120–121 кг. Больше не удалось. Перестал питаться строго по методике Монтиньяка и часто нарушал ее. Тем не менее, считаю, что подход Монтиньяка – эффективный метод похудения.

В это трудно поверить, но питание по Мишелю Монтиньяку все-таки позволяет на практике реализовать мечту русского человека: не голодать, не заниматься спортом и худеть, лежа на диване (читая книги). Это проверил на себе.

***

В период длительного нахождения в КООД меня поразила особая сердечная атмосфера, царящая здесь между людьми. И сейчас, 17 лет спустя, я поддерживаю связи с медицинским персоналом этого лечебного учреждения.

Считаю, что благодаря лечению в КООД мне возвратили здоровье и работоспособность. Тем не менее, для профилактики ежегодно прохожу плановый осмотр. Пока все в пределах нормы.

В свои посещения КООД подарил свои книги-фотоальбомы «Рыбы бассейна реки Камчатки» (2007), «Нагульно-нерестовые озера азиатской нерки» (2008) и «Озерновская нерка» (2009) и др., тем врачам и медицинским сестрам, которые меня лечили и вылечили. Надеюсь, что такой знак внимания им оказался приятен: я все-таки «готовая продукция» этого лечебного учреждения.

За прошедшие 10 лет после начала болезни я опубликовал столько научных статей, сколько написал и опубликовал до этого за 20 лет. Работоспособность возросла в два раза. Изменилось мировоззрение: стал более внимателен к людям и начал жить настоящим. Наконец почувствовал себя в жизни счастливым. И это объективная реальность. И отрицать ее невозможно.

Пользуясь случаем, выражаю искреннюю благодарность бывшим и работающим сотрудникам Камчатского областного онкологического диспансера (КООД):

главному врачу – Александру Матвеевичу Щанкину; заместителю главного врача – Инне Васильевне Черный; врачам и специалистам – Ирине Викторовне Бухониной, Вере Владимировне Гоковой, Михаилу Юрьевичу Давыдову, Наталье Викторовне Зиганшиной, Валерию Николаевичу Карпенко, Елене Васильевне Каширских, Людмиле Михайловне Курдюковой, Ирине Дмитриевне Сивуновой, Татьяне Семиковне Тихановской, Любове Михайловне Цыплаковой; медицинским сестрам – Наталье Петровне Гузеевой, Татьяне Михайловне Комендровской, Надежде Анатольевне Шмыглевской, Оксане Петровне Чегесовой и всем другим, лечившим меня.

Также хочется поблагодарить уехавших с Камчатки сотрудников КООД, принимавших участие в моем лечении: Зою Афанасьевну Кологривову, Наталью Александровну Малашкину и Наталью Александровну Урнышеву.

***

Анализ межгодовой изменчивости роста тихоокеанских лососей по структуре чешуи, чем я занимался практически всю свою жизнь, требует большой усидчивости. Иногда за чешуйным проектором, не вставая, приходилось проводить по 6–8 часов. И это в результате неблагоприятно отразилось на здоровье. Мне кажется, в известной мере последнее явилось следствием отсутствия долгие годы в институте необходимой мебели – офисных стульев и кресел.

Уже через несколько лет работы в КоТИНРО из-за большого веса (более 112–115 кг) я стал испытывать большие неудобства. Я был готов даже купить себе специально стул или кресло, но в магазинах Петропавловска необходимой офисной мебели не было (ее вообще тогда не существовало в продаже в СССР). В 1993–1994 гг. в институте появились японские и корейские офисные кресла, и работать стало значительно комфортнее.

К сожалению, для меня, вероятно, это произошло уже слишком поздно, потому что еще в 1986 г. в организме нарушилось кровообращение и стало сильно мерзнуть правое бедро (это при комнатной температуре), а позднее – в 1991–1992 гг. при сидении на стуле стали беспокоить боли в левой стороне живота и паховой области (в 1998 г. обнаружили лимфосаркому левой ноги).

Не исключено, что мое заболевание произошло от систематического сдавливания внутренних органов из-за неудобной мебели и долгой, без необходимых перерывов, работы. В 1980-х гг. несколько раз обращался к врачу-терапевту поликлиники к которой был приписан по поводу дискомфорта правой ноги, но тот на обследование не посылал, ссылаясь, что не работает какой-то аппарат.

***

Находясь длительное время на химиотерапии в КООД, весной 1999 г. в течение нескольких месяцев, имея на руках портативный компьютер, познакомился с программой STATISTICA по книге В. П. Боровикова и И. П. Боровикова «STATISTICA. Статистический анализ и обработка данных в среде Windows» (М. : Информационно-издательский дом «Филинь», 1998. – 608 с.). Опубликованное авторами пособие отражало современный мировой уровень использования мировых компьютерных технологий. Поэтому вряд ли можно сомневаться в компетентности издания и его авторов.

В 1999 г. в годовом научном отчете, строго используя все рекомендации вышеназванного пособия, вместе с моим другом и коллегой В. А. Дубыниным мы в своих исследованиях применили множественный регрессионный анализ.

Заведующий лабораторией динамики численности лососевых рыб к. б. н. Н. Б. Маркевич сразу же безапелляционно и категорически заявил, что отчет плохой. На помощь себе Н. Б. призвал нашего институтского математика – к. т. н. Владимира Петровича Максименко, который и написал свое отрицательное мнение о проделанной нами работе.

17 декабря 1999 г. прошел коллоквиум лаборатории. Как следует из отзыва-заключения В. П., авторы отчета плохо знают математику и неправильно использовали для расчетов математический аппарат.

Мы с моим соавтором В. А. Дубыниным остались категорически не согласны с мнением В. П. и присоединившегося к нему Н. Б.

После коллоквиума в КамчатНИРО «инициативной группой» стало усиленно распространяться мнение, что д. б. н. В. Ф. Бугаев плохо знает математику и что его здорово «поправили» на коллоквиуме при защите годового отчета.

Впоследствии часть годового отчета за 1999 г., вызвавшую «дружескую» критику «коллег», я практически полностью опубликовал в трудах международного симпозиума Северо-Тихоокеанской комиссии по анадромным видам рыб (NPAFC), состоявшегося 1–2 ноября 1999 г. в г. Джуно (Аляска, США),

участником которого я был (Bull. NPAFC, No. 2, 2000, Vancouver, Canada).

Защита годового отчета за 1999 г. состоялась 17 декабря 1999 г., а я уже в начале ноября выступил на симпозиуме в г. Джуно с этими материалами и представил статью к публикации на английском языке.

После выхода статьи в свет я сказал Н. Б., что та множественная регрессия, которую они с В. П. считали математически неправильной, опубликована, а квалификация математиков в США и Канаде, думаю, не хуже, чем у нас в КамчатНИРО. На это Н. Б. сказал: «Сейчас публикуют много всякой ахинеи не только русские, но и американцы, и канадцы, и японцы. И поэтому нет ничего удивительного, что тебя опубликовали».

Не соглашусь, что это так. Статьи, претендующие на публикацию в трудах NPAFC, PICES и других англоязычных изданиях, направляются американским, канадским и японским независимым рецензентам, которые к работам российских ученых относятся очень жестко. Просто знаю, что сам Н. Б. в эти издания в своей жизни ни разу не направил ни одной статьи и даже понятия не имеет о предъявляемых там требованиях.

К следующему отчету Н. Б. пообещал написать такую рецензию, которую я запомню на всю оставшуюся жизнь.

***

Прошел год – наступил декабрь 2000 г. Приближался период, когда Н. Б. Маркевич мог реализовать свои прошлогодние угрозы. Естественно, я не ожидал от защиты следующего отчета ничего хорошего. Перед защитой, 20 декабря 2000 г., попросил прийти на отчет докторов наук В. С. Левина, Н. И. Науменко, А. И. Болтнева, В. И. Карпенко. Предварительно дал им просмотреть рукопись.

Когда начались выступления, В. С. Левин и В. И. Карпенко деликатно промолчали, А. И. Болтнев и Н. И. Науменко выступили в мою поддержку. После коллоквиума В. С. Левин сказал мне: «Ну, таких защит отчетов я еще не видел».

Камнем преткновения годового отчета за 2000 г. являлось два момента: представление об оптимуме нерки р. Озерной и методы оценки влияния численности производителей на эффективность воспроизводства нерки.

Рецензию на отчет написали к. б. н. Н. Б. Маркевич и «старший научный сотрудник без ученой степени» Л. В. Миловская. Эту рецензию по очереди, с чувством, с толком, с расстановкой зачитали на защите нашего с В. А. Дубыниным годового отчета.

Когда зачитали рецензию, я сразу же со смехом вспомнил Джозефа Конрада: «Я не читаю рецензий на свои книги – я измеряю их длину».

Рецензия Н. Б. и Л. В., представленная на ознакомление, была написана на 7 листах (имела длину 2 м 10 см!) и позже была подшита в наш совместный научный отчет.

Рецензию составили по всем правилам казуистической науки: чем невероятнее ложь (сильнее передернуты факты), тем легче в нее поверят.

Впоследствии ни разу не смог прочитать всю эту рецензию в один присест. Обычно меня хватало на одну-две страницы. Возмущение и негодование не давали мне сил дочитать текст до конца. На следующий день все повторялось снова – и так до тех пор, пока рецензию не дочитывал до конца.

Не буду комментировать эту рецензию, т. к. коротко это сделать невозможно. Я не стану писать ответ-рецензию на «доброжелательную» критику моих «коллег». Можно объясняться с теми, кто говорит на одном языке, но не с теми, кто в одни и те же слова вкладывает совсем другой смысл.

Как образец крайней необъективности данной рецензии приведу только один пример. Так, Н. Б. в рецензии пишет, что на нерестилища р. Камчатки в 2000 г. пропустили мало нерки – 325 тыс. шт. Но на самом деле на нерестилища пропустили 375 тыс. шт., что является достаточно хорошим показателем.

На его «ошибку» я указал на лабораторном коллоквиуме на защите отчета, но Н. Б. не стал меня слушать. На следующий день в кабинет к Н. Б. Маркевичу я привел Алексея Вик-

торовича Маслова, оценившего методом авиаучета с вертолета, что в 2000 г. в бассейне р. Камчатки отнерестились 375 тыс. шт. производителей нерки.

А разница в 50 тысяч – это существенно. В присутствии свидетеля попросил исправить в рецензии цифры, потому что эту рецензию приложат к годовому отчету. Но, вероятно, по причине того, что эффект его доводов будет тогда сильно смазан, Н. Б. не стал исправлять свою рецензию. Потом, в рецензиях готовых отчетов (их размножают в 6 экземплярах), я тоже не стал сам ничего корректировать. Пусть все остается, как написал Н. Б.

Еще никому не удавалось побить ложь оружием правды. Побороть ложь можно только еще большей ложью. Но это не мой метод доказательств. Как говорит писатель-сатирик Геннадий Малкин, «в честной борьбе побеждает жулик».

Через год, в октябре 2001 г., Николай Борисович в частной беседе мне прямо сказал: – Ты вот, Виктор Федорович, пригласил на защиту своего отчета в прошлом году докторов наук. Думал, они тебе помогут? Но ведь тебе никто не помог, а я что захотел, то и написал в рецензии.

Я согласился с ним: – Никто мне не помог, и что Вы захотели, то Вы и написали...

Почти целый год мы с В. А. Дубыниным думали, что Н. Б. написал вышеприведенную, очень длинную рецензию со зла, чтобы досадить нам. И вот, уже в декабре 2001 г., оба одновременно, не сговариваясь, изменили мнение об этом человеке. Он зачитал очень длинную хвалебную рецензию на годовой отчет Л. В. Миловской с соавторами. Поняли, что Н. Б. может писать только очень-очень-очень длинные рецензии. Единственное различие – они могут быть положительными или отрицательными.

***

Не знаю, с чем связано, но я почему-то очень сильно раздражал Н. Б. своими суждениями. Он почти всегда мне перебил: был готов спорить и доказывать, что все всегда не так, как считаю я. Из многих случаев приведу лишь один пример.

27 сентября 2000 г. в кабинет заведующего принесли самку

нерки с гонадами во 2–3-й стадии зрелости (вес 40–46 г), пойманную в основном русле р. Большой. Такие маленькие ястыки икры крайне необычны для рыб, пойманных в реке.

Когда я работал в Усть-Камчатске, подобные рыбы попадались с частотой 1 шт. на 1000 шт. обычной нерки. Сказал, что отдельные экземпляры нерки в р. Большой в конце августа – это не редкость и ничего крайне необычного здесь не вижу. Почему бы какой-нибудь рыбе и не начать позже нерест? Конечно, с учетом развития гонад можно полагать, что нерест произойдет очень поздно. Посмотрел возраст этой рыбы – он был 1.3 (один пресноводный и три морских года). Чешуя являлась типичной для нерки р. Большой.

Но Н. Б. Маркевич категорически заявил, что это нерка р. Озерной, т. к. только там нерка имеет поздний нерест, и она по ошибке вместо р. Озерной зашла в р. Большую. Конечно, это возможно, но, по научным данным, такие случаи происходят 1 раз на 10000 рыб. Более того, для нерки р. Озерной характерны рыбы с двумя пресноводными годами – 2+, а рыбы с 1+ встречаются очень редко – только в 5–10 % случаев.

Если бы пойманная нерка имела пресноводный возраст два года с одним пресноводным годом и структуру чешуи, подобную нерке р. Озерная в 2000 г., то можно бы было рассматривать версию Н. Б. Но вместо простого объяснения ситуации Н. Б. предпочел сверхсложное и с исключительно низкой вероятностью. Для Н. Б. всегда важнее было перечить моей точке зрения.

***

Справедливости ради надо сказать, что иногда у Н. Б. Маркевича проявлялось превосходное чувство юмора. Так, 26 октября 2000 г. меня пригласили в кабинет Н. Б., где уже сидел наш математик В. П. Максименко, для обсуждения предварительного прогноза численности нерки р. Камчатки в 2002 г.

В кабинете стоял густой запах водочного перегара. Когда я зашел, Н. Б. достал из-под стола початую бутылку водки. Поставил три стаканчика и стал наливать. Я однозначно отказался. Ученые выпили и приступили к обсуждению прогноза.

Глядя на кодовые названия стад и группировок нерки – С

(сеголетки), В (верховье), Е (Еловка), А (Азабачье), Н (Нерпичье), Д (Двухюрточное), В. П. сказал, что ему не нравятся эти сокращения в связи с тем, что половина из них на английском (группировки С, В, Е), а половина – на русском языке (стада А, Д, Н), и поэтому надо что-то делать. Н. Б. тут же, с ходу, предложил: «Давай в прогнозе сделаем сноску и напишем, что надписи на русском языке». На это В. П. глубокомысленно возразил, что сноску делать не следует, но надо что-то предпринять.

Несмотря на комичность ситуации В. П. был в значительной степени прав: кодовые названия рациональнее делать на английском языке, т. к. научным сотрудникам, в том числе и мне, часто приходится выступать с докладами перед иностранцами. В дальнейшем доклады переводятся на английский язык, и русские сокращения после перевода становятся иногда непонятными и начинают вызывать дополнительные вопросы.

Если текст исправить просто, то с рисунками, исполненными на ватмане, до появления компьютеров приходилось возиться особо. Делалась двойная работа. Я многие годы имел две карты бассейна р. Камчатки с сокращениями на русском и английском языках, а все графики с упоминанием локальных стад и группировок приходилось чертить в двойном количестве и на двух языках. В результате из-за частых переделок не доглядел: в двух опубликованных статьях в картах-схемах корректоры внесли ошибки в обозначениях стад и группировок 2-го порядка.

«Крестным отцом» аббревиатуры на русском языке для меня в КоТИНРО стал старший научный сотрудник к. б. н. Александр Сергеевич Николаев, который при защите годового отчета в 1978 г. на лабораторном коллоквиуме увидел сокращенные названия на английском языке и прилюдно начал высмеивать и обвинять в низкопоклонстве перед Западом.

Коллоквиум решил, что раз у нас СССР, то кодировка надписей должна выполняться только на русском языке. Я подчинился. С тех пор прошло более 20 лет и названия вошли в отечественную литературу на русском языке, создавая при переводе для многих русско- и англоговорящих людей ненужные дополнительные трудности.

***

Особую роль в моей жизни сыграли картины камчатского художника-сюрреалиста Джона Грициенко, первая встреча с которым произошла еще в период моего лечения в КООД (см. цветную вкладку).

В августе 1998 г., когда ко мне из Канады в гости приезжал Эдвард Зиблат, мы вместе с ним зашли в магазин сувениров «Франт» располагавшийся ранее в районе торгового центра «Планета». Все стены магазина украшали большие и маленькие картины неизвестного мне художника Д. Грициенко.

Картин, которые понравились, весело много. На следующий день после первого посещения магазина купил себе картину Джона «Взгляд птицы», а еще через месяц (за два дня до того, как положили больницу), – большую дорогую абстрактную картину «Женщина в шлеме».

Уже в КООД решил, что как только поправлюсь, то разыщу художника. Но смог сделать это только в августе 2000 г., когда острота ситуации с болезнью стала спадать. Джон Грициенко оказался довольно специфическим человеком (достаточно необязательным и ненадежным, как выяснилось позднее), но исключительно талантливым. И это сводило на нет многие его недостатки. Просто Джон – это Джон (его так назвала мама в честь американского президента Джона Кеннеди).

Признаюсь честно, но в 1992–1994 гг. я пытался писать маслом, но чего-то значительного из этого не вышло. Более того, работа с картинами не успокаивала, а, наоборот, возбуждала. Чем сильнее не получалось, тем сильнее я уставал. Супруга в конце-концов сказала, чтобы «завязывал» с картинами. С нее хватает и процесса написания научных статей. В этой книге приведена одна из моих картин (см. цветную вкладку). В итоге, в 1995 г., находясь в состоянии сильного душевного волнения, я порвал все свои 17 картин и живописью больше не занимался.

В Джоне я почувствовал родственную душу и человека, который мог в какой-то мере реализовать мои художественные фантазии. И поэтому я его разыскивал.

Джон, когда узнал, что я купил его картину «Женщина в

шлеме», сказал, что он даже пытался связаться с покупателем этой картины (давал объявление по радио), чтобы подарить ему еще одну бонусную небольшую картину «Я устал». К сожалению, об этом я не знал, т. к. находился в это время на лечении.

В итоге (за деньги) я предложил Джону написать три картины экологической тематики: «Пеплопад над озером Азабачьим», «Кроноцкий тупик» и «Озеро Курильское, прощай навсегда». Он это и исполнил.

При обсуждении сюжетов дал Джону некоторые фотографии, близкие мне по тематике исследований, а также указал, какие предметы и объекты обязательно должны присутствовать на каждой картине. Остальное – его фантазия.

Например, при создании картины «Кроноцкий тупик» я поставил такое условие: рыба должна лежать под водопадом, должен быть вулкан Кроноцкий и, обязательно, должна присутствовать кровать с панцирной сеткой. Что в результате получилось из моих и Джоновых фантазий, читатель может увидеть в приведенных в книге иллюстрациях.

Уже позднее я обратился к Джону с просьбой написать мой портрет «Жизнь после смерти» по мотивам известной картины Джона Гольбейна-младшего (1497–1543) «Портрет Георга Гисце» (1532 г., Берлин). Цветную иллюстрацию этой картины нашел в 1976 г. в покинутой генетической лаборатории Галины Горшковой на оз. Азабачьем и многие годы хранил ее. Спустя некоторое время Джон выполнил и портрет моей жены – «Портрет Татьяны Т.». Через несколько лет он написал картину «Титаник», сюжет для которой мы выдумывали сообща.

Помимо заказанных, купил у Джона еще несколько его работ (одну он подарил Татьяне на день рождения). Сейчас у нас в квартире «живут» 7 произведений Джона Грициенко, 3 находятся в моем служебном кабинете в КамчатНИРО, 1 картину я подарил своему сыну Александру в честь 40-летнего юбилея, 1 картину я подарил другу детства Ю. И. Вторушину (когда он навсегда уезжал во Владивосток), 1 картину я подарил моему другу А. М. Токранову и 1 картину я подарил своему заведующему Е. А. Шевлякову.

***

Прошло 5 лет после того, как на последней переаттестации в 1995 г. не стали рассматривать мое заявление об утверждении на должность главного научного сотрудника. Наступил срок следующей аттестации. В 2001 г. я вновь подал заявление (сам являлся также членом аттестационной комиссии). Директором тогда был к. г. н. С. А. Синяков. После обсуждения моей кандидатуры (в это время стоял за дверью в коридоре и не знаю, о чем там шла речь), меня вызвали в зал, и наступило голосование. Мнения разделились:

«За» были: заведующий лабораторией к. б. н. П. А. Балькин, заведующий лабораторией д. б. н. А. И. Болтнев, ведущий научный сотрудник к. б. н. Ж. Х. Зорбиди, заведующий лабораторией к. б. н. С. Г. Коростелев, заведующий лабораторией д. б. н. Н. И. Науменко; «против» – начальник отдела кадров В. Н. Бедных, заместитель директора к. б. н. Ю. П. Дьяков, заведующий лабораторией к. б. н. О. Г. Золотов, заместитель директора д. б. н. В. И. Карпенко, ученый секретарь Т. И. Толстяк; «воздержались» – заведующий лабораторией к. б. н. В. Н. Лысенко, заведующей лабораторией к. б. н. Н. Б. Маркевич.

После этого встал вопрос о моем голосовании: могу ли я участвовать в нем и голосовать сам за себя, т. к. я состоял членом комиссии.

Ю. П. Дьяков целый час созванивался с юристами из областного профсоюза работников рыбной промышленности, звонил директору С. А. Синякову в Москву, который в это время находился там. Наконец выяснили, что я могу голосовать по своей кандидатуре, как и все члены комиссии.

Юрий Петрович перед голосованием предупредил, что если я проголосую «за» – то стану главным научным сотрудником, если «против» или «воздержался» – то не стану, т. к. счет был равный 5 : 5 (при двух воздержавшихся).

Я встал и сказал, что против себя голосовать не буду, но если администрация КамчатНИРО очень не хочет, чтобы именно я занял должность главного научного сотрудника (мне ведь на ней работать), то я не буду голосовать «за», а проголосую

«воздержался». Так во второй раз я не стал главным научным сотрудником, и меня переизбрали ведущим научным сотрудником на следующий срок.

Далее события развивались следующим образом: в 2002 г. В. И. Карпенко перевелся из заместителя директора в главные научные сотрудники (получается, что в 2001 г. Владимир Илларионович придерживал место для себя). Для него провели внеочередную аттестацию.

Следующая плановая аттестация сотрудников института прошла в 2006 г. Я написал заявление на должность главного научного сотрудника, но мне сказали, что надо переписать заявление на ведущего научного сотрудника, т. к. главным н. с. уже был В. И. Карпенко.

Далее, в январе 2007 г. Владимир Илларионович перешел на постоянную работу в Камчатский технический государственный университет (КТГУ), но при этом его оставили в КамчатНИРО на 0,5 ставки в должности главного н. с. по лососевой тематике. В связи с тем, что по тематике может быть только один главный н. с., то Владимир Илларионович фактически «заблокировал» в нашем институте появление новых научных сотрудников такого ранга на несколько лет.

После защиты докторской диссертации, в январе 2009 г. заместитель директора д. б. н. Ю. П. Дьяков был утвержден в должности главного научного сотрудника по морским рыбам (провели внеплановую аттестацию).

Очередная плановая аттестация сотрудников КамчатНИРО прошла в 2010 г., на которой я вновь был утвержден в должности ведущего научного сотрудника. На этой же аттестации В. И. Карпенко с 01.12.2010 г. перевели (с 0,5 ставки главного научного сотрудника) на 0,5 ставки ведущего научного сотрудника.

В этот период в категорию «ведущий научный сотрудник» входили специалисты без ученой степени (за долгий труд), кандидаты и доктора наук. То есть получается, что в КамчатНИРО ученая степень ничего не стоила. Стимулов повышать свою квалификацию не было ни каких.

В октябре 2011 г. директором КамчатНИРО назначают д. т. н.

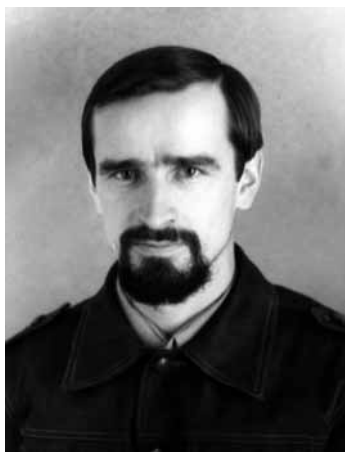
Олега Михайловича Лапшина, который своим приказом с 01.01.2012 г. переводит меня на должность и. о. главного научного сотрудника. Предполагали, что в связи с реорганизацией лабораторий, в конце 2012 г. проведут общеинститутскую аттестацию сотрудников и я после нее лишусь приставки «и. о.».

01.10.2012 г. д.б.н. В. В. Максименкова переводят на должность главного н. с., курирующего гидробиологические исследования. Намечаемая переаттестация не состоялась. В должности и. о. главного научного сотрудника, я оставался до 31.12.2013 г. В 2014 г. наш институт перешел на бюджетное финансирование и с 01.01.2014 г. я стал, наконец, главным н. с.

Все-таки много «друзей» у меня было в КамчатНИРО, если почти 18 лет доктора наук не переводили в главные научные сотрудники – директорами в это время были к. г. н. С. А. Синяков, д. б. н. Н. П. Антонов, д. б. н. С. Г. Коростелев.

***

В лаборатории лососевых рыб практически все специалисты, прогнозирующие отдельные виды, работают в одиночку. В период, когда заканчиваются общелaborаторные работы, такие, как набор чешуи, переписка чешуйных книжек в журналы, подготовка материалов для международных конвенций,

В. И. Карпенко

Ж. Х. Зорбиди

лаборанты могут работать по индивидуальным программам сотрудников. Считается, что повезло, если у тебя есть друг-лаборант, подруга-лаборант или родственник-лаборант, который сидит с тобой в одной или соседней комнате.

Мне просто не повезло с комнатой № 213, где я просидел 30 лет, т.к. к. б. н. Жанна Харитоновна Зорбиди всегда считала, что весь технический персонал нашей комнаты должен работать только на нее. Говорю не о случайных мелких работах, которые мне иногда «перепали» в нашей комнате, а о систематической технической помощи.

Нисколько не сомневаюсь, что если бы мне дали 2–3 человек, реальную рабочую группу, которую я мог бы обучить и контролировать, и которая работала бы по моей программе, то все из них (кто хотел) через 7–10 лет стали бы кандидатами биологических наук или находились уже на подходе к этому. Кроме того, все эти люди имели бы печатные публикации.

***

Не знаю почему, но почти все статьи, которые я хотел опубликовать в изданиях КамчатНИРО, встречали очень жесткую критику, как правило, на мой взгляд, достаточно необъективную.

В конце концов это надоело, и я вообще перестал направлять свои статьи в издания КамчатНИРО. Стал посылать в другие, где рецензенты подходили к представляемым мною работам более объективно «Вопросы ихтиологии», «Известия ТИНРО» и др.

Думаю, что все исследователи, читающие эту книгу, согласятся со мной на 100 %, что «зарезать» можно любую статью, если этого захочет группа «коллег по работе» или руководство института.

В качестве примера хочу привести «прохождение» через редакторско-издательский отдел КамчатНИРО статьи про нерку р. Хайлюли в начале 2002 г., которую я хотел поместить в «Известия ТИНРО».

Положительную рецензию мне написал Н. А. Чебанов. Статью заслушали на лабораторном коллоквиуме под председательством Ж. Х. Зорбиди. Осталось только пройти «научную

экспертизу» КамчатНИРО. Эксперты статью пустили «по кругу», а если точнее, поставили на «хор»:

18.02.2002 г. на статье заместитель директора по науке О. И. Золотов написал: «Считаю, что в представленном виде статью к печати рекомендовать нельзя. Без представлений о механизме действия факторов нельзя вести речь о “влиянии”».

20.02.2002 г. заместитель директора по науке Ю. П. Дьяков написал: «Согласен с мнением О. Г. Золотова».

27.02.2002 г. главный научный сотрудник В. И. Карпенко на экземпляре статьи добавил: «Больше вопросов, чем ответов».

28.02.2002 г. П. А. Балыкин написал отрицательную рецензию.

19.03.2002 г. Н. Б. Маркевич на рецензии П. А. Балыкина написал: «Согласен».

22.03.2002 г. после моего возвращения из Канады ученый секретарь Т. И. Толстяк вернула мне статью.

К сожалению, уважаемый О. Г. Золотов почему-то не написал, что механизмы связей могут быть изучены (а может, и нет?) только лет через 100. Но если вопросы не поставлены, то как планировать исследования? Что искать? Что изучать?

Задачей статьи как раз и являлось показать наличие связи между биологическими характеристиками половозрелой нерки р. Хайлюли и такими факторами среды, как численность горбуши и численность нерки двух крупнейших стад этого вида на Камчатском полуострове – рек Озерной и Камчатки.

Я собрал в кучу все положительные и отрицательные рецензии и без одобрения «экспертов» КамчатНИРО отправил статью во Владивосток главному научному сотруднику ТИНРО-центра д. б. н. В. П. Шунтову. Он напечатал ее в 2003 г. в 139-м томе «Известий ТИНРО».

Многие годы, когда в КамчатНИРО мне иногда предлагают написать статью в институтский сборник «Исследования водных биологических ресурсов Камчатки и Северо-Западной части Тихого океана», выходящий один раз в год (с 2008 г. – чаще), всегда отказываюсь: на кой бес мне этот стресс... (в редколлегии все те же ребята).

Исключение сделал, когда заведующий лабораторией к. б. н. Е. А. Шевляков в 2012 г. просто заставил меня написать статью о последних 20 годах работы Лаборатории динамики численности тихоокеанских лососей в юбилейный сборник КамчатНИРО.

В 2015 г. научный сотрудник О. А. Захарова опубликовала в журнале КамчатНИРО статью о возрасте западнокамчатской симы, где я был вторым автором. Публикация статьи не вызвала каких-либо возражений в редколлегии КамчатНИРО.

***

Все годы работы в КоТИНРО (КамчатНИРО) восхищался «Кроноцким проектом», который еще в начале 1950-х гг. обожали д. б. н. Евгений Михайлович Крохин и к. б. н. Игорь Иванович Куренков. Суть его, вкратце, сводилась к тому, чтобы на базе стада жилой нерки (кокани), обитающей в оз. Кроноцком, создать стадо анадромной (проходной) формы этого вида. Необходимо только сделать рыбоход для пропуска в озеро созревших анадромных особей (в самой р. Кроноцкой имелись непроходимые для рыб пороги). Но в связи с тем, что оз. Кроноцкое расположено на территории Кроноцкого биосферного заповедника, любые такого рода работы здесь запрещены. Реализация проекта сулила очень большую экономическую выгоду при минимальных затратах.

Шли годы. Из молодого специалиста я превратился в зрелого мужа. С каждым годом об идее увеличения численности анадромной нерки на Камчатке за счет рационального использования оз. Кроноцкого в средствах массовой информации и в нашем институте разговоров велось все меньше и меньше.

К. б. н. Святослав Игоревич Куренков, который с начала 1970-х гг. курировал этот проект и занимался изучением нерки оз. Кроноцкого, в 2000 г. тяжело заболел. После этого он уже не мог никому ничего сказать по этому поводу.

Я посчитал своим долгом, в память о старейших и известнейших ученых нашего института, еще раз привлечь внимание камчатской общественности к этой проблеме. Написал статью под названием «Кроноцкий тупик». Хочется рассказать, что из этого получилось.

Дом-лаборатория С. И. Куренкова на Кроноцком озере. На переднем плане В. Ф. Бугаев и А. Н. Ходько (слева) (июль 1974 г.)

С. И. Куренков

Первый вариант данной статьи опубликовали в газете «Тихоокеанский вестник» в соавторстве с Сергеем Ивановичем Вахриным. При второй публикации в журнале «Северная Пацифика» С. И. Вахрин от соавторства отказался.

Из статьи «Кроноцкий тупик» (Сев. Пацифика. – 2001. – № 2 (12). – С. 105–110):

«Нерка – один из наиболее ценных видов тихоокеанских лососей. Как показали исследования к. б. н. И. И. Куренкова (отца С. И.), для успешного и устойчивого воспроизводства нерки нужны “глубокие” озера со средними глубинами не менее 13–18 м. Последнее объясняется тем, что только в озерах такого типа во все сезоны года существует устойчивая кормовая база для молоди нерки, предпочитающей питаться зоопланктоном. В более мелких озерах уровень воспроизводства этого вида никогда не достигает действительно высокой численности.

Для значительных объемов воспроизводства нерки в ком-

плексе с необходимой глубиной важна и площадь озер, которая должна составлять не менее 40–50 км². На Камчатке существует всего три водоема, по всем параметрам способных обеспечить крупномасштабное воспроизводство нерки, – это озера Курильское, Азабачье и Кроноцкое.

В озерах Курильском и Азабачьем воспроизводится анадромная форма нерки, которая 1–3 года проводит в пресной воде и 2–3 года в море. В оз. Кроноцком обитает только жилая форма нерки – кокани, которая весь свой жизненный цикл начинает и заканчивает в нем, в большинстве своем достигая половой зрелости после 3–5 лет жизни.

Озеро Кроноцкое расположено 250-ю км северо-восточнее Петропавловска-Камчатского (на высоте 375 м над ур. м.). Из озера вытекает р. Кроноцкая, на 40-м километре впадающая в Кроноцкий залив. Длина озера – 29 км, наибольшая ширина – 18 км, площадь – 242 км², максимальная глубина 148 м, средняя глубина – 51,2 м.

Водосборная площадь озера, составляющая 2 330 км², ограничена с севера и востока отрогами вулканов Шмидта и Кроноцкого, с юга – вулканами Крашенинникова, Узон, Тауншиц, Унана, с запада – Валагинским хребтом.

Непосредственно в озере ихтиофауна представлена всего только двумя видами: кокани и арктическим гольцом. Половозрелые самцы кокани имеют среднюю длину (массу) тела 24–28 см (140–240 г), самки – 23–28 см (110–180 г). Некоторые гольцы-хищники достигают гигантских размеров (до 86–90 см). Не исключено, что и за счет сезонного питания молодью кокани.

Первые сведения об оз. Кроноцком собрал еще С. П. Крашенинников. Со слов камчадалов, он сообщает о размерах озера, составе его ихтиофауны, упоминает о наличии на р. Кродакыг (Кроноцкая) водопада.

В 1852 г. К. Дитмар предпринял попытку проникнуть в озеро по р. Кроноцкой. Он прошел эти путем около 10 км, после чего, из-за малой глубины и большой скорости течения реки, вынужден был отказаться от дальнейшего продвижения и вернулся к устью.

Первым исследователем озера стал П. Ю. Шмидт. В 1908 г. он прошел из долины р. Камчатки по северным и восточным берегам озера и дал краткое описание верхнего течения р. Кроноцкой.

Более обстоятельные работы по исследованию оз. Кроноцкого провела экспедиция Камчатского отделения ВНИРО (так тогда называлось КоТИНРО) в 1935 г.

В 1952 г. озеро посетила экспедиция КоТИНРО в составе д. б. н. Е. М. Крохина и к. б. н. И. И. Куренкова. Экспедиция провела на озере около месяца, обследовав за это время верхнее и среднее течение р. Кроноцкой. Ее участники тогда же составили заключение о возможных путях рыбохозяйственной реконструкции водоема с целью создания в озере стада проходной нерки.

Данный проект обсуждался на различных совещаниях и везде получал поддержку. Вместе с тем, высказывались существенные замечания о необходимости дополнительных исследований. Такие работы провели в 1953–1963 гг., в течение которых авторы проекта совершили несколько коротких выездов на оз. Кроноцкое.

Длительное время считали, что оз. Кроноцкое имеет кальдерное происхождение. Но в 1960 г. Е. М. Крохин, на основании анализа батиметрической карты озера и характера следов вулканической деятельности в этом районе, пришел к выводу, что озеро возникло в результате перегораживания древней долины р. Кроноцкой (Палеокроноцкой) продуктами извержения вулканов Кроноцкого и Крашенинникова. Дальнейшие исследования района сотрудниками Института вулканологии АН СССР полностью подтвердили выдвинутую гипотезу.

Все произошло около 10 тыс. лет назад, когда лавовый поток андезито-базальтового состава последнего извержения вулкана Крашенинникова перегородил долину р. Палеокроноцкой. Этот последний поток, увеличив высоту более древней лавовой плотины (уже существовавшей здесь), привел к образованию современного оз. Кроноцкого.

До извержения вулкана Крашенинникова в Палеокроноцком озере осуществлялось воспроизводство анадромной нерки.

Заполнение водой современного оз. Кроноцкого, вероятно, продолжалось несколько лет. Покатники ряда поколений анадромной нерки оказались полностью отрезанными от океана. С заполнением озерной котловины возобновился скат молоди от поколений, вынужденно созревших без выхода в океан. Но в связи с отсутствием возврата анадромной нерки скат смолтов из озера с каждым последующим поколением стал ослабевать и достиг минимально стабильного уровня, необходимого популяции для поддержания контактов с внешним миром.

После извержения в р. Палеокроноцкой из-за запруды лавовым потоком могло почти не быть воды. Можно только предположить, какие скопления мертвой анадромной нерки наблюдались у ее устья еще 2–3 года спустя (пока анадромные особи возвращались из океана), начиная со следующего года после извержения (или с года извержения). Вероятно, гибель большого количества анадромной нерки наблюдалась также и ниже порогов – от первых возвратов (после заполнения котловины озера водой, возобновления стока и ската смолтов из озера).

В 1964 г. на оз. Кроноцкое прибыла первая группа изыскателей Ленгидропроекта с целью проведения работ по проектированию Кроноцкой ГЭС. Согласно проекту, предлагалось возведение плотины и превращение озера в водохранилище. При таком варианте возможность создания в озере стада проходной нерки существенно осложнялась, и специалисты КоТИНРО приняли решение прекратить работы на оз. Кроноцком.

Однако в 1969 г. по просьбе Главного управления заповедников и Ленгидропроекта, которых интересовали последствия зарегулирования стока, КоТИНРО продолжило работы на озере. Причем решили вернуться к проекту создания проходного стада, пересмотрев его применительно к новым условиям. Исполнителем назначили научного сотрудника С. И. Куренкова, который по биологии кокани оз. Кроноцкого в 1979 г. в МГУ им. М. В. Ломоносова защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук. Совместно с институтом Гидропроект в 1972 г. разработали «Технико-экономическое обоснование рыбохозяйственных мероприятий в бассейне оз. Кроноцкого по увеличению воспроизводства кам-

чатских лососей в комплексе со строительством Кроноцкой ГЭС». Но в 1973 г. изыскания Ленгидропроекта на р. Кроноцкой прекратили и проект создания проходного стада нерки вновь пришлось пересматривать.

Как показали исследования С. И. Куренкова, из всех существующих вариантов создания проходного стада нерки к настоящему моменту наиболее целесообразен тот, который предусматривает использование для этой цели только кроноцкой кокани.

Несмотря на то, что на протяжении уже порядка 10 тыс. лет из генофонда популяции кроноцкой кокани изымаются гены проходного образа жизни, скат молоди кокани (в возрасте два года) в море по-прежнему существует, о чем свидетельствует поимка анадромной нерки со структурой чешуи явно озерного происхождения в среднем течении р. Кроноцкой (Куренков, 1979; Бугаев, Куренков, 1985; Бугаев, 1995).

Как считает С. И. Куренков, основная проблема заключается в строительстве гидротехнических сооружений, делающих возможным проход вернувшихся из моря производителей. Даже единичные экземпляры анадромной нерки, попав в озеро, резко повысят частоту «гена смолтификации» в силу своей большей конкурентоспособности на нерестилищах.

Первые пороги на р. Кроноцкой расположены в 0,8 км от истока, скорость течения здесь около 5 м/сек. Четыре наиболее крупных порога, высотой до 4 м, расположены в каньоне на 4,5–6 км от истока. На этом же участке и до 10 км наблюдаются максимальное падение реки – 42 м/км и, соответственно, максимальные скорости течения – 8 м/сек.

В 1979 г. С. И. Куренков обосновывает постройку обводного рыбоходного канала, который должен пройти по долине р. Палеокроноцкой, прилегающей к отрогам Кроноцкого вулкана, в обход наиболее порожистых участков р. Кроноцкой, общая длина которых порядка 6 км (с 4-го по 10-й км от истока реки). Длина канала в силу сложного рельефа местности и большого перепада высот (около 150 м) должна составлять не менее 7–8 км. Основная задача – связать каналом район 4-го км с верховьями ключа Альпинист, расположенными на 8-м км. Ори-

ентиловочная стоимость такого канала в тот период составляла 8 млн рублей СССР.

В случае постройки рыбохода, если бы река стала проходной для половозрелых рыб, в озере, без сомнения, обитали бы две формы нерки: анадромная и жилая. Популяция кокани после создания стада проходной нерки, безусловно, уменьшилась бы свою численность, но не исчезла совсем. Такая ситуация сосуществования анадромной нерки и кокани типична для многих озер Тихоокеанского побережья Северной Америки.

Через 15–20 лет стадо нерки оз. Кроноцкого уже достигло бы промысловой значимости. В перспективе новое стадо нерки могло иметь такую же численность, как стада нерки рек Озерной и Камчатки вместе взятые. Следовательно, ежегодный рациональный вылов анадромной нерки стада оз. Кроноцкого составлял бы порядка 12–15 (в отдельные годы – до 20) тыс. тонн. В результате доля азиатской нерки в мировых уловах могла бы значительно возрасти.

К сожалению, проект постройки Кроноцкой ГЭС не реализовали. И до сих пор проблема создания стада проходной нерки на базе стада оз. Кроноцкого также никак не решается. Прежде всего этому препятствует то, что озеро находится на территории Кроноцкого заповедника, где запрещена любая хозяйственная деятельность (Науменко, Лобков, Никаноров, 1986). В 1996 г. Кроноцкий заповедник внесен ЮНЕСКО в Список Всемирного Природного и Культурного Наследия.

Создание стада проходной нерки за счет возврата из океана половозрелых рыб весом 2,5–3,0 кг было бы очень благоприятно для ряда обитателей Кроноцкого заповедника. Численность животных – соболя, медведей и птиц в районе озера могла бы увеличиться на порядок и более.

Имея более, чем 30-летний опыт научных исследований и многие годы занимаясь вопросами рационального использования запасов лососей, я до сих пор не перестаю удивляться, почему такие простые и высокоэффективные проекты – как проблема нерки оз. Кроноцкого, не находят своего практического решения у нас в России. Это ведь абсурд – отказываться от 12–20 тыс. тонн нерки, которые по ценам международного рынка

стоят более 84–140 миллионов долларов (каждый читатель может подсчитать сам по курсу на момент прочтения этих строк). Неужели эти деньги могут быть лишними для жителей Камчатки?

Нерка, что по американскому, что по азиатскому побережьям Тихого океана – одна и та же. Но какова игра судьбы. Мы полагаем, что если бы оз. Кроноцкое находилось на территории Канады или США, все проблемы этого водоема давно бы решили. В подтверждение хочется привести реальный пример вмешательства в природу, который по своей сути несколько сходен с проблемой оз. Кроноцкого.

Речь идет о р. Фрейзер, бассейн которой расположен на территории Британской Колумбии (Канада). Ее запасы используются Канадой и США совместно. Уловы нерки р. Фрейзер исторически достигали более 30 тыс. тонн.

В 1914 г. при строительстве железной дороги в бассейне р. Фрейзер в каньоне Хелз Гейт (Британской Колумбии), расположенном в 209 км от устья реки, в результате оползня произошел обвал скал, которые практически перекрыли миграцию производителей нерки на основные нерестилища реки.

До этого события проход половозрелой неркой данного каньона также был достаточно трудным и успех воспроизводства в существенной степени зависел от уровня воды в реке. После оползня прохождение рыб через это место в еще большей мере стало зависеть от уровня воды. Последнее привело к катастрофическому снижению численности нерки р. Фрейзер. Для выяснения всех причин падения численности в бассейне реки канадские и американские ученые многие годы вели программу по мечению особей половозрелой нерки.

В 1944 г. в каньоне начали строительство рыбохода: весной 1945 г. построили рыбоход с правой, а весной 1947 г. – с левой стороны каньона. Проблема прохода нерки через Хелз Гейт успешно разрешилась.

В отличие от обвала скал в каньоне Хелз Гейт р. Фрейзер, происшедшего в XX в., лавовый поток во время извержения вулкана Крашенинникова перегородил исток р. Палеокроноцкой около 10 тыс. лет назад. Но если бы извержение этого вулкана произошло также в XX в.? Остались бы мы безучаст-

ны к этому событию? Начали бы создавать заповедник на месте катастрофы? Ведь в настоящее время из оз. Кроноцкого в океан ежегодно скатывается небольшой ручеек смолтов нерки, которые через два-три года половозрелыми рыбами поднимаются до порогов и нерестятся ниже их. И так – ежегодно. Это сигнал для всех нас: “Помогите! Помогите! Помогите!” И им можно помочь.

Создание стада анадромной нерки на базе оз. Кроноцкого являлось бы серьезным успехом в увеличении численности этого ценного вида тихоокеанских лососей в Азии».

Через некоторое время на статью «Кроноцкий тупик» на e-mail «Северной Пацифики» пришли отзывы:

От: «Zykov Vladimir» <zapoved@elrus.kamchatka.su>

Кому: «Tatyana V Likhachyova»

<T.Likhachyova@rybvod.kamchatka.su>

Отправлено: 4 июня 2001 г. 15:38.

«Что ж, постараюсь прокомментировать статью “Кроноцкий тупик” «доктора» Бугаева. Сразу оговорюсь – очень удивлен, что в соавторах Сергей Вахрин. Я его знаю как человека умного, вдумчивого, разностороннего, и его подпись под подобной, извините, ахинеей, просто удивила. Поэтому, все написанное ниже, к нему не относится. Я надеюсь в дальнейшем узнать его позицию и, возможно, понять. Но – будем последовательны.

Честно говоря, давление по уничтожению заповедника уже “достало”. Достало чисто по-человечески. Ну кому мешает структура, официально созданная в 1882 году, столько лет трепетно хранимая энтузиастами (не без перипетий, в виде неоднократного закрытия). Наша заповедная система – это единственное, что создано действительно лучшее в мире (ну, кроме балета) во времена так называемого развитого социализма. Я неоднократно от зарубежных коллег слышал: “Ребята, какие Вы молодцы, что создали такую заповедную систему. Нам остается только мечтать о подобном. Ваша задача СОХРАНИТЬ ЕЁ ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО”! Если бы! Посмотрим на наше отношение к этой проблеме.

Только за последние полгода уничтожить Кроноцкий заповедник в той или иной степени пытались:

1. Небезызвестный Хворостов с проектом строительства Кроноцкой ГЭС (зачем, если только Мутновка покроеет все недостатки электроэнергии. Уж не говоря о так называемой перспективе от газопровода).

2. А. Коваленков с предложением сделать из ЗОНЫ АБСОЛЮТНОЙ ЗАПОВЕДНОСТИ – ТЮШЕВСКОГО ЛЕДНИКА – ТУРИСТИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ, исходя из того, что «туристы хотят видеть места, где не ступала нога человека». (Хотя после первого посещения это место уже не будет иметь этот статус. Кстати я, прожив и проработав в нескольких километрах от ледника более 6 лет, честно, ни разу туда не сходил. Сказано – нет, значит – нет). Сейчас – строительство на Синем долу – дорога на Узон и далее везде.

3. Администрация заповедника с подачи вышестоящих «руководителей», разработавшая серию пешеходных маршрутов по заповеднику. И это несмотря на то, что и в соответствии с Положением о заповеднике, и в соответствии с Законом об ООПТ на территориях заповедников ЗАПРЕЩЕНА всякая хозяйственная деятельность, в том числе и туризм. Даже под маркой экологического. (Кстати, что это такое – экологический туризм и чем он отличается от цивилизованного дикого, кажется, так никто и не знает.) А чтобы не ссориться с законом, администрацией Положение просто нагло переписывается под диктовку заинтересованных лиц (см. предыдущий абзац).

4. Человек, похожий на губернатора, предлагавший пересмотреть границы охраняемых территорий. Сие навеяно залетным экс-генералом Паников... пардон, Пуликовским.

5. Администрация области, выставившая на конкурс как участок для РЕЧНЫХ ставных неводов РЕКУ ЗАПОВЕДНИКА Малая Чажма.

6. Ну, и серия статей и выступлений Бугаева. Ну, не дает ему спокойно спать Кроноцкое озеро. Надо взорвать пороги и устроить в заповеднике рыбо-стадо-пере... и прочее, прочее, прочее. А нужно ли?

Отвлекусь. Если касаться истории уничтожения заповедни-

ка (не в целом, а в определенных “разрезах”), то старейшие работники вспоминают разговоры и о планах добычи полезных ископаемых в Долине гейзеров, и о (говорят) проекте запуска в Кроноцкое озеро подводной лодки. Это так, что вспомнилось навскидку. Бугаевы в любой отрасли встречаются.

А по поводу экспериментов над озером Кроноцким – что ж, идея не нова. Действительно, впервые высказана И. И. Куренковым. Но, как ученый, он прекрасно понимал, что данный объект находится на территории заповедника, и поэтому теория остается теорией. И не ставился им вопрос о его немедленном осуществлении. И принявший эстафету от отца, Святослав Куренков, проводивший немало экспериментов над многими водоемами, все же к озеру относился с трепетной любовью. Кстати, подвизавшемуся к славе ученого Бугаеву не мешало бы знать и следующую занятую историю. В те времена был популярен метод: все, что относится к пище, для сравнения переводить в килограммы говядины и, таким образом, давать наглядное представление о масштабности проекта. Так и со стадом нерки было. Перевели нерку в говядину, говядину в коров, последних построили в колонну, «которая протянулась от Камчатки до Москвы». Короче, тогда и появилась новая единица измерения – коровокилометры. Почему эту очаровательную единицу не использует в своих творениях сей нерковед – даже обидно. А ведь могла бы появиться и в системе СИ, при грамотном подходе, и новая единица плотности неркового стада – «один бугай», к примеру. Чем хуже Ньютона или Кельвина? Правда, один научный сотрудник заповедника предложил этой единицей измерять экологическую безграмотность.

А посему вторгаться в центр заповедника, основная задача которого – **СОХРАНЕНИЕ ДИКОЙ, ПЕРВОЗДАННОЙ ПРИРОДЫ** такой, какой ее создал Господь, как эталон, как единицу измерения именно **НЕТРОНУТОСТИ И ДЕВСТВЕННОСТИ**, просто кощунственно. К сожалению, это понимают не все. К таким относятся и многие “специалисты”, о которых очень точно сказал Козьма Прутков: “Специалист подобен флюсу – полнота его односторонняя”. Лет 10 назад я уже использовал этот афоризм по поводу “творения” сотрудника ТИНРО

“исследователя дикой природы, кандидата наук, переводчика” Н. Варнавской, накропавшей вступительное слово к фотоальбому “Камчатка прекрасная”, где на 4 страницах я нашел 16 таких ляпов... Да это ладно, ну, выходит заяц на солончаки, ну, совершают набег с Приморья на Камчатку гималайские медведи (периодически), ну, происходят в Долине гейзеров катастрофические выбросы ядовитых газов, убивая всех, собирающихся туда на зимовку, животных... Но через пару лет я стал свидетелем смеховой истерики американцев, увидевших под фотографией волосатого краба дословный перевод, сотворенный данной “переводчицей”. Этот “специалист” так дословно и перевел – *Hairy crab*. А это сочетание, оказывается, настолько неприличное и грязное, что (нет, правда) в богатом русском языке даже аналога нет.

Но вернемся к “нашим баранам”. Точнее, к одному из них. Статья “Кроноцкий тупик”, в принципе, не стоит даже обсуждения. Выше упоминались “Закон об ООПТ” и “Положение о заповеднике”. Кажется, все ясно. И все попытки изменить ситуацию на данной ООПТ пусть останутся на совести подобных “ученых” и “руководителей”.

Р. S. Кстати, мое мнение о В. Бугаеве сложилось намного раньше выхода в свет статей и репортажей о Кроноцком озере. Недавно увидел «семейный фотоальбом» под почему-то непонятным для данного издания названием “Мир реки”.

Посмотрел, почитал. Ну-ну... Величия, конечно, нет, но какая мания! Из 20 фотографий 14 можно объединить по одному классическому принципу – “нас двое в камере, – я и Ленин”. Посмотрите на меня, любимого. Кстати, наибольшее удовольствие народ полевой получает от последней фотографии под названием “В. Ф. Бугаев на полевых работах”. Так и хочется спросить – а вообще-то знает, что такое настоящее поле? Не жизнь в благоустроенном доме на озере Курильское, где можно выбежать в городских летних шузах (хорошо хоть не в тапочках) и попозировать на Масловском снегоходе “для истории”, а пахота с утра до вечера, ночевки там, где застала ночь, без палаток и спальников? И так неделями, месяцами.

Владимир Зыков. Дирекция природных парков.
Полевик с 17-летним стажем»

От: «Menshikov» <park@svyaz.kamchatka.su>;
Кому: «Zykov Vladimir» <zapoved@elrus.kamchatka.su>
«Tatyana V Likhachyova»
<T.Likhachyova@rybvod.kamchatka.su>

Отправлено: 13 июня 2001 г. 18:40.

«С точки зрения экономики – проект достаточно сомнительный, к тому же срок исполнения напоминает обещание Ходжи Насреддина выучить осла читать. С точки зрения эколога – проект аморальный, так как даст начало конца Кроноцкого заповедника и принесет значительный ущерб всему природоохранному движению Камчатки.

*В. И. Меншиков, директор Дирекции природных парков
Камчатской области»*

Комментировать эти отзывы о статье не стану потому, что каждый человек всегда преследует свои интересы. Надеюсь, что авторы ответов на мою статью были искренними в своих высказываниях, и это извиняет их за некоторые уничижительные выражения в отношении «доктора» Бугаева.

Но сейчас, спустя 15 лет после выхода статьи «Кроноцкий тупик», я вновь подпишусь под каждым ее словом. И еще раз со всей ответственностью повторю: «Камчатка не так богата крупными озерами, пригодными для полноценного воспроизводства нерки. Поэтому ситуацию с охраной природы в этом регионе нашей страны не надо доводить до абсурда».

Можно устроить обсуждение и дебаты в средствах массовой информации, спросить мнение крупных зарубежных ученых, устроить референдум на Камчатке по поводу «Кроноцкой проблемы» и, в результате, принять взвешенное решение на перспективу. Пусть оно будет любым. Но пока «Кроноцкая проблема» стыдливо замалчивается средствами массовой информации. Имеющиеся редкие публикации написаны на дилетантском уровне, декларирующем необходимость сохранения кокани оз. Кроноцкого.

В последнее время опубликована точка зрения (Бугаев, Кириченко, 2008), которой придерживается и ученый-генетик д. б. н. Н. В. Варнавская, что кокани оз. Кроноцкого – это, скорее всего, остаточная жилая форма анадромной нерки.

К сожалению, после работ С. И. Куренкова ихтиологические исследования в бассейне оз. Кроноцкого прекратились, что не делает чести сотрудникам Кроноцкого государственного заповедника. Так, в одном из юбилейных сборников этого научного учреждения за 2002 г. в разделе «Рыбы» помещена чистая страница, на которой написано, что исследования по рыбам не проводятся. А ведь чтобы что-то охранять, надо знать, что охраняешь.

Я уверен, что в будущем Кроноцкий заповедник останется в своих же границах, а в оз. Кроноцком станут нереститься кокани (или остаточная жилая форма анадромной нерки) и анадромная нерка, которая по рыбоходу будет возвращаться в озеро на родные нерестилища. Озеро и рыбоход начнут посещать туристы со всего мира!

***

На территории Кроноцкого заповедника осенью 2009 г. пилоты вертолета Ми-8 с воздуха обнаружили два скелета лосей, сцепившихся рогами, во время гона за самку и погибших там. Летом 2010 г., во время авиаучетов, черепа с рогами вывезли с места трагедии и временно (на несколько дней) оставили на территории Азабачинского н/п КамчатНИРО. Эта история меня так потрясла, что я написал стихотворение, посвященное этой трагедии из мира животных.

ЛОСИНАЯ ЛЮБОВНАЯ ИСТОРИЯ

У каждого из них катилась слезы,
И падали на землю, в никуда.
Два лося сшиблись лбами из-за самки,
Но неудачно – здесь Природа подвела...

В «замок» вошли рога, их не разнять при жизни,
Но поздно поняли несчастные границу бытия,
И несколько часов еще бодались и возились,
Натужено, обиженно сопя.

Затем бессилье, жажда и забытье...
Забытье, жажда и бессилья стон,
Когда им «ахиллесы» грызли лисы –
Предвестники орланов, чаек и жуков.

Последний взгляд, противник твой повержен
И ты в ловушке... Твой капкан – рога.
Но это прояснилось только позже,
Когда колени подогнулись навсегда.

У каждого из них катилась слезы
И падали на землю..., в никуда.
Нашли рога, два черепа лосиных
И больше ничего – Природа подмела...

16 июня 2013 г.

***

Шесть лет спустя после выхода моей книги «Лучшие годы нашей жизни» (2009), 2 марта 2015 г. (в День моего рождения) у губернатора Камчатского края В. И. Илюхина произошла встреча, на которой Российское географическое общество обратилось к Правительству края с просьбой ходатайствовать перед Правительством России рассмотреть вопрос о создании рыбохода из оз. Кроноцкого в море (для формирования там, в дальнейшем, стада анадромной нерки). Сейчас на Камчатке ждут результатов этого обращения в Правительство России.

***

Период 1996–2009 гг. для меня был очень плодотворным. Вот как выглядит хроника событий жизни и работы в КамчатНИРО в 1996–2009 гг.:

1996–1997 гг. – Участие в деятельности рабочей группы по регуляции лососевой путины в Усть-Камчатске. Кратковременные выезды на траления молоди нерки в бассейн оз. Азабачьего. Проведение биологических анализов производителей нерки этого водоема. Специализированный промышленный лов нерки в протоке и бассейне оз. Азабачьего. Выезды в октябре 1996 и 1997 гг. с лекциями в Вашингтонский университет (г. Сиэтл, США).

1998 г. – Работа в оперативной группе по регуляции лососевой путины в Усть-Камчатске. Кратковременные выезды на траления молоди нерки в бассейн оз. Азабачьего. Проведение биологических анализов производителей нерки этого водоема. Специализированный лов нерки в протоке оз. Азабачьего. Срыв поездки в октябре в г. Сиэтл (США). У меня обнаружено онкологическое заболевание – лимфосаркома.

1999 г. – Стационарное лечение в Камчатском онкологическом диспансере. Кратковременные выезды на лососевую путину в Усть-Камчатск. Траления молоди нерки в бассейне оз. Азабачьего. Проведение биологических анализов производителей нерки этого водоема. Поездка в октябре в г. Анкоридж (США) с докладами на VII встречу Северо-Тихоокеанской международной комиссии по анадромным рыбам – NPAFC.

2000 г. – Стационарное лечение в Камчатском онкологическом диспансере. Периодическое участие в деятельности рабочей группы по оперативной регуляции промысла лососевых рыб р. Камчатки. Кратковременные выезды на траления молоди нерки в бассейне оз. Азабачьего. Проведение биологических анализов производителей нерки этого водоема.

2001–2003 гг. – Работа в 2001 г. в группе по оперативной регуляции промысла лососевых рыб р. Камчатки (с 2002 г. оперативную регуляцию промысла лососевых и других рыб в РФ отменили). Траления молоди нерки в бассейне оз. Азабачьего. Проведение биологических анализов производителей нерки этого водоема. Выезд с докладом в октябре 2001 г. в г. Виктория

(Британская Колумбия, Канада) на ежегодную встречу Тихоокеанской морской международной организации – PICES. Выезд с докладом в марте 2002 г. в г. Ванкувер (Канада) на совещание, устроенное международными научными организациями IBSC, NASCO, NPAFC и PICES.

2004 г. – Поездка в феврале на Аляску и в г. Сиэтл (США) с лекциями и для работы в библиотеках различных организаций с целью сборов материалов для будущих книг. Удалось забрать английский вариант рукописи книги «Азиатская нерка», которую д-р Ричард Бимиш привез из Канады. В мае 2004 г. произошла фертилизация (удобрение) оз. Азабачье вулканическим пеплом влк. Шивелуч. В этом году ожидаемого (не от пепла влк. Шивелуч) значительного увеличения численности нерки р. Камчатки не произошло. Продолжались стандартные траления молоди нерки в бассейне оз. Азабачье и проведение биологических анализов производителей нерки этого водоема.

2005–2007 гг. – В эти годы только намечалось ожидаемое (не от влк Шивелуч) увеличение численности и уловов нерки р. Камчатки. Продолжался ежегодный мониторинг численности и биологических показателей нерки р. Камчатки из промысловых уловов, а также смолтов и производителей нерки в системе оз. Азабачье.

В апреле 2006 г. выезжал с докладами на симпозиум международных морских организаций PICES-GLOBEC в г. Гонолулу (США), в октябре 2007 г. – на ежегодную встречу PICES в г. Виктория (Канада). Выходят из печати мои книги: научная – «Рыбы реки Камчатка» (в соавторстве с Б. Б. Вронским, Л. О. Завариной и др., 2007) и научно-популярный фотоальбом – «Рыбы бассейна реки Камчатки» (2007).

2008 г. – В этот год впервые произошло ожидаемое от влк Шивелуч увеличение численности и уловов нерки р. Камчатки. В массе начали возвращаться рыбы стада оз. Азабачье, имевшие в 2004 г. пресноводный возраст один год (жившие в это время в озере). Эффект объяснялся гибелью в мае-июне, под влиянием вулканического пепла, большого количества молоди жилой формы трехиглой колюшки (морфы *lieugus*), находившейся на мелководье озера («тундре»).

Жилая форма трехиглой колюшки – мощный пищевой конкурент молоди нерки. Поэтому, гибель трехиглой колюшки «освободила» пищевые ресурсы для молоди нерки, нагуливающейся в озере.

На молодь нерки пеплопад не подействовал отрицательно, т. к. в мае-июне молодь нерки практически вся находилась в пелагиали озера, где действие пепла, из-за низкой его концентрации, не оказывало негативного влияния. Кроме того, в осенний период уже началось увеличение зоопланктонной кормовой базы, как следствие фертилизации пеплом.

В октябре 2008 г. выезжал – на ежегодную встречу PICES в г. Далянь (КНР). Выходит из печати научно-популярная книга «Нагульно-нерестовые озера азиатской нерки» (2008 г., в соавторстве с В. Е. Кириченко).

2009 г. – Запомнился тем, что впервые произошел значительный возврат нерки оз. Азабачье от фертилизации вулканическим пеплом в 2004 г. Численность нерки этого стада и всей р. Камчатки увеличилась заметно. Впервые почти за 70-летний период Усть-Камчатский береговой промысел добыл 7 660 тонн нерки.

Из печати вышла научно-популярная книга «Озерновская нерка» (2009 г., в соавторстве с А. В. Масловым и В. А. Дубыным) и мои мемуары «Лучшие годы нашей жизни» (2009).

***

Хочется рассказать, как появилась на свет монография «Рыбы реки Камчатка». Став директором КамчатНИРО, к.б.н. Николай Парамонович Антонов начал приглашать к себе в кабинет ведущих специалистов института с целью активизации их научной деятельности и пропаганды деятельности института. Он предлагал писать монографии. В один из дней, когда подошла моя очередь, был приглашен к директору и я.

Николай Парамонович предложил сделать книгу «Рыбы реки Камчатка». Скажу честно, мне давно хотелось написать книгу «Тихоокеанские лососи бассейна реки Камчатки», т. е. совсем не ту, что он предлагал.

Тем не менее, Н. П. настоял на своем варианте. Сейчас, спустя несколько лет, думаю, что его идея оказалась более оптимальной и выигрышной, чем намеченный мною вариант. Работая, помимо тихоокеанских лососей, над остальными видами, я невольно расширил свой кругозор и повысил квалификацию. Во всяком случае, я (и мои соавторы) очень благодарны ему за идею и возможность подготовки к публикации данной книги.

После того как Н. П. дал зеленый свет написанию монографии по рыбам реки Камчатки, я собрал потенциальных участников реализации проекта: Б. Б. Вронского, Л. О. Заварину, Ж. Х. Зорбиди и И. В. Тиллера. Предложил им такой вариант: они дают все необходимые материалы, а я пишу рукопись-болванку по единой схеме изложения, принятой в книге. После этого каждый из участников проекта должен сделать дополнения и уточнения в рукописи, какие он считает нужным. В случае, если меня, как редактора книги, что-то не удовлетворит, будем обсуждать ситуацию и искать консенсус.

Сразу скажу, что последний искать не пришлось. Все стороны остались удовлетворены результатами с первого раза. Большую помощь в критической оценке написанного оказал Б. Б. Вронский, который долгие годы, заведя лабораторией лососевых рыб нашего института, имел большой опыт редакторской работы. Многие его замечания я учел.

Несмотря на то, что А. Г. Остроумов умер еще в 2000 г., я решил вставить его опубликованные и неопубликованные результаты исследований и сделать его полноправным участником проекта. Последнее могло стать хорошей памятью о нем и еще раз напомнить людям о высокой научной и практической значимости его уникальных работ. Их повторение в настоящее время весьма проблематично. Прежде всего, это связано с тем, что в нашей стране изменились экономические условия, что не позволяет задействовать авиационную технику в прежних объемах и сроках. Безусловно, уникальная научная эрудиция А. Г. Остроумова здесь также сыграла свою роль.

Коллективной монографией «Рыбы реки Камчатка» (Бугаев, Вронский, Заварина и др., 2007, 469 с.) я занимался более

двух с половиной лет – с ноября 2002 по май 2005 г., когда сдал электронный вариант рукописи в издательство КамчатНИРО.

PDF-файл этой книги в издательстве КамчатНИРО, по словам заведующей издательством Евгении Анатольевны Науменко, был уже практически готов в апреле 2007 г. Тогда его последний раз вычитывала корректор Т. В. Борисова.

Осенью 2007 г. в КамчатНИРО назначили нового директора к. г. н. Сергея Анатольевича Синякова, который долго читал распечатку PDF-файла книги и рекомендовал ее в печать.

В типографию PDF-файл книги сдали только в середине января 2008 г. (какой-то период не было денег для оплаты полиграфических услуг). Готовую монографию вывезли из типографии только в июле 2008 г.

Как показывает мой опыт работы с издательством «Камчатпресс» в 2006–2013 гг., на этом предприятии макет нашей научной книги могли сделать за 2,5–3, при самых неблагоприятных обстоятельствах – за 4 месяца. В издательстве же КамчатНИРО макет книги делали 23 месяца, т. к. единственного верстальщика института А. Н. Науменко постоянно отвлекали на другие, более срочные работы.

Зачем тогда заведующей издательством браться за макетирование большой книги, если некому работать? Решение о подготовке макета в издательстве КамчатНИРО приняли с целью экономии денежных средств института. В общем, сэкономили.

Считаю, что в дальнейшем силами КамчатНИРО следует готовить к печати только небольшие работы, а монографии больших объемов лучше отдавать для подготовки в зарекомендовавшие себя издательства. В конечном итоге, для института это будет оперативнее.

Не напечатав тираж книги, Е. А. Науменко сделала несколько сигнальных экземпляров книги «Рыбы реки Камчатка» и отправила их в ноябре 2007 г. на 3-ю международную выставку «РЫБПРОМЭКСПО», где книга получила золотую медаль. Свидетельство об этом подписал министр сельского хозяйства Российской Федерации А. В. Гордеев.

Хочется сказать несколько слов о правилах оформления рукописей годовых отчетов. Больше всего мне не нравится чиновничья «находка» экономии бумаги на ссылках в научных отчетах: вместо фамилий и года в ссылки рекомендуется вставлять цифры по пронумерованному списку литературы. Причем, никто не знает принципов создания этого списка: одни авторы нумерацию проводят по мере ссылок, другие – составляют перечень цитируемых авторов по фамилиям и году издания (в начале помещают всех отечественных авторов, затем – всех иностранных) и нумеруют его.

Второй способ нарушает авторские права: очередность ссылки зависит не от года публикации, а от того, на какую букву начинается его фамилия, а также от того – на каком языке опубликована научная работа. В настоящее время большинство сотрудников КамчатНИРО оформляют ссылки вторым способом (меньше мороки), хотя ее тоже хватает. Когда уже сформирован список ссылок по номерам, невозможно что-то оперативно добавить или убрать: необходимо переделывать всю нумерацию в тексте отчета заново.

Когда читаешь незнакомый отчет с цифровыми ссылками, непрерывно приходится обращаться в список литературы. Хорошо, если список короткий. А если он занимает несколько страниц и более? Скорость чтения и усвоения информации с цифрами намного ниже устаешь быстрее, чем при ссылках, когда в тексте написан автор и год издания.

Работая над коллективной монографией «Рыбы реки Камчатка» почти 3 года, я читал много таких «цифровых» отчетов и всегда вспоминал недобрыми словами всех родственников тех «специалистов», которые все это придумали, а авторов, которые вынуждены писать в этой цифровой системе, становилось просто жалко.

Самая «страшная» научная работа с цифровыми ссылками, с которой мне пришлось долго иметь дело при создании коллективной монографии «Рыбы реки Камчатка» (Бугаев, Вронский, Заварина и др., 2007), – это сводный отчет А. Г. Остроумова «Аэрометоды учета тихоокеанских лососей...» за 1975 г.

В нем содержалось более 700 цифровых ссылок. Даже невозможно представить, что чувствовал Анатолий Георгиевич, пока писал этот отчет, выполняя все стандартные требования московских чиновников к его оформлению.

***

С приходом на директорский пост к.б.н. Н. П. Антонова в институте все обсуждения с промысловиками по лососям стали проводить только сам директор, его заместитель к.б.н. Е. Г. Погодаев и новый заведующий лабораторией лососевых рыб к. б. н. Е. А. Шевляков. Специалистов-прогнозистов в качестве консультантов привлекать перестали, все контакты с промысловыми предприятиями стали происходить за закрытыми дверями.

Не знаю, как других, но что касается меня, то при Н. П. Антонове для обсуждения каких-то оперативных вопросов с промышленностью за период 2002–2007 гг. меня не пригласили ни разу. Более того, совершенно официально было запрещено директором и заведующим отделом в период путины давать какие-либо интервью и писать статьи в газеты.

Работа по промыслу стала сводиться к написанию прогноза и рекомендаций по организации путины. Эти материалы я вручал заведующему, и на этом моя миссия заканчивалась (один раз случилось так, что моя фамилия даже «выпала» из окончательного варианта прогноза).

Путина 2004 г. стала последней, которую я провел на промысле в Усть-Камчатске. Начиная с 2005 г. и по настоящее время сосредоточился на исследованиях в бассейне оз. Азабачьего. Теперь ездил в Усть-Камчатск в период путины всего 3–4 раза за сезон, каждый раз на одну ночь. Последнее было связано и с тем, что еще в 2002 г. оперативное регулирование отменили.

Конечно, после того, как я проработал в контакте с рыбной промышленностью непосредственно в районе промысла почти 30 лет, этот «вакуум» мне первое время казался не очень понятным. Тем не менее, пришлось привыкать к новому стилю производственных отношений, установленных администрацией КамчатНИРО.

Безусловно, со многими Усть-Камчатскими рыбопромышленниками я поддерживал и сейчас поддерживаю внерабочие контакты, основанные на многолетней совместной работе и дружеских отношениях.

Все годы работы по регуляции промысла лососей р. Камчатки я контактировал с заместителем главы администрации Усть-Камчатского района – Юрием Борисовичем Ковтуном, который курировал вопросы, связанные с добычей и обработкой рыбы. И со временем наши отношения переросли в дружеские. Более того, он оказывал сотрудникам Азабачинского н/п КамчатНИРО реальную посильную помощь с транспортом, что в отсутствии собственного автомобиля пункта, было очень актуально. Помимо этого, помогал решать организационные вопросы с Усть-Камчатскими рыбодобывающими предприятиями. Его скоропостижная смерть 28 января 2010 г. явилась большой утратой для его близких, друзей и администрации района. Его похоронили на родине в г. Уссурийске.

ЛИСТОПАД НА ОЗЕРЕ АЗАБАЧЬЕМ

Листопад на озере,
Вот и осень, здравствуй!
Рыба вся отнерестилась
И выглядит «не красно».

Чаек гомон у ручьев,
Где остатки нерки,
След медвежий, из рябин,
Свежесть – не померкла.

Синий воздух между гор,
И длиннее ночи,
И медведь стоит в кустах,
Есть тебя не хочет.

Запах осени бодрит,
Чувствуешь прекрасно,

Нити паутин летят,
Но куда – не ясно.

Стая уток как снаряд,
Падает на воду,
Осень жизни...
Листопад – поцелуй Природы!

Октябрь 2012 г. (мысли 1997 г.)

***

В 2004 г. произошли два крупных события в истории моих исследований нерки р. Камчатки (не исключено, что они связаны друг с другом).

Во-первых, в ночь с 9 на 10 мая 2004 г. над низовьями бассейна р. Камчатки прошел мощнейший пеплопад от извержения вулкана Шивелуча. Над бассейном оз. Азабачьего выпало 15–18 мм пепла (пепел был розовый), что является рекордной величиной его выпадения в этом районе, по крайней мере, с 1956 г. и по настоящее время.

Во-вторых, в 2004 г. (после некоторого спада численности в 1978–2003 гг.) я ожидал значительное увеличение численности нерки р. Камчатки на уровне 1995–1997 гг. Но именно в 2004 г. надежды не оправдались. Рыбы пришло значительно меньше.

Увеличение численности нерки этой реки началось лишь в 2005 г. и продолжилось в последующие годы. В 2005 г. среди нерки р. Камчатки присутствовало много рыб с четырьмя морскими годами, теми особями, которые в массе должны были вернуться в 2004 г., но пошли на нерест годом позже.

Напрашивается вопрос: а не связана ли эта задержка части нерки р. Камчатки в море еще на один год с весенним извержением и мощным пеплопадом вулкана Шивелуча в 2004 г. (над морем со спутника на сотни километров прослеживался его шлейф)? Часть особей из-за изменения химического состава морской воды могла изменить стратегию полового созревания и созреть в 2005 г.

ПЕПЛОПАД НА ОЗЕРЕ АЗАБАЧЬЕМ

Посвящается Л. А. Базаркиной

Пеплопад над озером
Чаще – по весне,
Событие случайное,
Но важное для всех.

Посыпанные пеплом
Весенние сугробы
Стремятся все растаять
И намочить Природу.

Ручьи переполняет
Талая вода,
И быстро с гор стекает
Метелей череда.

Раствор природный пеплов
Удобрит толщу вод,
И жизнь зоопланктона
В итоге расцветет.

А это корм для нерки,
Созревши, вся она
Вернется после моря
Лавиной серебра.

Окрестные вулканы
Пасут нерки стада
И если уж удобрят,
Все рыбаки – ура!

Такой презент природы
Не надо упускать,
Жаль, деньги от рыбалки
Устанешь все считать.

Нам повезло, мы видели
Природы мощи всплеск,
А удобрять вулканами –
Ведь это просто блеск!

Октябрь 2012 г. (мысли 2004 г.)

***

В путины 2005–2008 гг. я редко ездил в Усть-Камчатск и основные силы сконцентрировал на исследованиях нерки оз. Азабачьего. На промысле делать стало нечего: оперативное регулирование добычи лососей в РФ отменили еще в 2002 г.

Начал усиленно искать причину ошибки прогноза 2004 г. Для этого провел большой комплексный анализ многолетних материалов по смолтам и половозрелой нерке оз. Азабачьего. Неудача 2004 г. так же, как когда-то ошибка 1986 г., сильно продвинула в теоретических изысканиях связей особенностей роста нерки и ее последующей численности.

В 2005–2009 гг., как и прежде, выезжал на траления молодежи нерки в бассейн оз. Азабачьего, проводил стандартные биологические анализы по производителям нерки этого водоема. И ждал последствий пеплопада 2004 г.

ЗАБЫЛИ КОМПАС, ЗАБЛУДИЛИСЬ В ТУМАНЕ

Мне этот быт знаком до мелочей,
Гинровские* ободранные лодки,
«Ямаха» сбоку или посередке,
И в озеро впадающий ручей.

Заката писк, и наступила тьма,
Настало время нашего отъезда,

---

*Гинровские – лодки КамчатНИРО.

Мы тралом ловим молодь до утра,
Запутавшись в тумане при подъезде.

Круги, круги... закончился бензин,
Тундровая вода смешалась вместе с илом,
В тумане не видать, куда забрались мы,
И черту не понять, куда нас мать носила.

Второго судна нет – наверно тоже в тине,
А может он на пункт удачно «залетел»,
Он утром нас найдет, ведь он такой счастливый –
Мимо тумана с шиком пролетел.

Но далее с рассветом слышится мотор,
И берег принимает очертанья,
С глубокой стороны к нам движется Второй,
Не спавший ночью, в лодке без названья.

Отлив бензина долю, мы дошли
Самостоятельно к тинровскому подъезду,
Открыли дверь, рассказы вдруг пошли
Под крепкий чай, заваренный с приездом.

Мне этот быт знаком до мелочей,
Тинровские ободранные лодки,
«Ямаха» сбита и не посередке,
И в озеро впадающий ручей.

Июль 2012 г. (события 2006 г.)

***

Через год своего директорства в КамчатНИРО к. б. н. Н. П. Антонов, с целью экономии финансовых средств, всем сотрудникам института отключил интернет. Затем стал его выборочно «включать» некоторым специалистам и техническому персоналу.

Я знал, что интернет у меня отключили, но в то время усиленно работал над коллективной монографией «Рыбы реки

Камчатка» и на данный факт не обращал внимания. Но после того, как весной 2005 г. сдал книгу в издательство КамчатНИРО, захотел поработать в сети. Но увы!

Дело в том, что наступило время работы над очередной книгой – «Нагульно-нерестовые озера азиатской нерки», и мне понадобились спутниковые фотографии озер, где воспроизводится нерка по всему миру.

Написал заявление на имя директора с просьбой включить для работы интернет. Николай Парамонович на нем написал резолюцию «Зачем тебе интернет?» и отдал секретарю. Хотел повесить это заявление в рамочку на стену, но потом оно куда-то затерялось.

Мне, как доктору наук, казалось просто унижительно еще раз писать заявление директору после такого некорректного отказа. Более того, я видел, что интернетом в институте пользуются даже некоторые технические сотрудники.

Когда вышла из печати весной 2008 г. моя книга «Нагульно-нерестовые озера азиатской нерки» в соавторстве с В. Е. Кириченко, я принес ее директору в подарок. Николай Парамонович очень удивился, что книга написана в соавторстве с сотрудником КФ ТИГ ДВО РАН. Увидев спутниковые фотографии, он спросил, зачем я взял соавтора, мог бы и сам из интернета картинок набрать. Естественно, пришлось ответить, что у меня в КамчатНИРО нет доступа к интернету, а два года назад я писал заявление с просьбой включить его, но это не посчитали нужным сделать. Поэтому и пришлось искать специалиста на стороне. За этот монолог Н. П. не обиделся – он с удовольствием рассматривал спутниковые фотографии в новой книге.

Научно-популярный фотоальбом «Нагульно-нерестовые озера азиатской нерки» КамчатНИРО отправил в ноябре 2008 г. на 4-ю международную выставку «РЫБПРОМЭКСПО», где она получила золотую медаль. Свидетельство об этом подписал руководитель Федерального агентства по рыболовству РФ А. А. Крайний.

Кстати, интернет мне включили только в декабре 2008 г. по распоряжению нового директора КамчатНИРО – к. г. н. С. А. Сиякова.

***

В заключение хочется остановиться на «забавном». В начале октября 2002 г. наш институт – КамчатНИРО – отмечал 70-летний юбилей. Одновременно сменилась власть: на смену старому директору к. б. н. С. А. Синякову пришел новый – к. б. н. Н. П. Антонов.

Я присутствовал на юбилейном вечере. Снял свое традиционное видео о прошедшем торжестве. На следующий день улетел во Владивосток на ежегодное совещание Северо-Тихоокеанской международной комиссии по анадромным рыбам (НРАФС).

Когда вернулся из Владивостока, то узнал, что КамчатНИРО повторил юбилей еще раз – 8 октября. Эту историю описали в камчатской газете «Вести» (16 ноября 2002 г.). Привожу выдержку из статьи И. Кравчука и И. Проновой «КамчатНИРО: юбилей с весны до осени»:

“Дважды в этом месяце пришлось отмечать свою 70-летнюю годовщину Камчатскому научно-исследовательскому институту рыбного хозяйства и океанографии (КамчатНИРО).

Первый раз институт собрался в Театре драмы и комедии октября. Была торжественная часть, выступления артистов и руководителей. Вручалась куча грамот. Кого не наградили – обещали записать в трудовой книжке благодарность. Потом в буфете был фуршет. Также длинный стол был накрыт на 3 этаже в фойе. И еще сервирован стол в отдельной комнатке для особо важных персон. Правда, потом эти важные все-таки вышли в народ. Водки не хватило. Пришлось докупать. После самые стойкие “нировцы” догонялись в институте до утра.

Второй раз пришлось вновь собираться в Театре драмы и комедии 8 октября, т. к. приехал на Камчатку председатель Госкомрыболовства Е. Н. Наздратенко. Все повторилось снова. Правда, столы на этот раз были накрыты побогаче. Был даже коньячок. Всего на застолье КамчатНИРО угрохало 1,5 млн рублей.

Кстати, в институте нет единого мнения по поводу того, с какого года вести его летоисчисление”.

В октябре 2007 г. на смену старому директору КамчатНИРО

к. б. н. Н. П. Антонову вновь пришел новый – к. б. н. С. А. Синяков. Его вступление в должность совпало с 75-летним юбилеем КамчатНИРО.

Юбилей проходил в ресторане «Колизей» и оказался достаточно скромным. В местных газетах статей о прошедшем юбилее и комментариев не имелось.

В октябре 2008 г. на смену старому директору к. б. н. С. А. Синякову пришел новый директор д. б. н. С. Г. Коростелев.

Начиная с 1 января 2009 г. изменилась система финансирования института. Поэтому жизнь покажет, каким будет 80-летний юбилей КамчатНИРО в 2012 г. Надеюсь до него дожить. Интересно, станут ли об этом юбилее широко писать в камчатских газетах?

***

По приказу № 3 (от 13 января 1995 г.) председателя Комитета Российской Федерации по рыболовству В. Ф. Корельского с 1 февраля 1995 г. КоТИНРО переименовали в Камчатский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии (КамчатНИРО).

Работая над этой книгой, вдруг обнаружил, что ряд заседаний секции Ученого совета института в мае 1993 г. проходил уже в КамчатНИРО, а свою докторскую диссертацию, судя по автореферату, я защитил также в КамчатНИРО в мае 1994 г.

Для меня это стало загадкой: когда же КоТИНРО преобразовали в КамчатНИРО? С помощью ученого секретаря КамчатНИРО Татьяны Илларионовны Толстяк удалось выяснить, что с 1993 г. наш институт назывался КамчатНИРО (дочернее предприятие ТИНРО) (приказ № 5 от 7 января 1993 г., подписанный директором ТИНРО В. Н. Акулиным). К концу 1994 г. вновь возродилось КоТИНРО, преобразованное с 1 февраля 1995 г. в КамчатНИРО.

Мне кажется, что отсутствие точной даты образования КОТИРХ в 1932 г., – тоже не случайное явление. Вероятно, это – «зигзаги рыбохозяйственной науки», как метко ранее выразился В. П. Шунтов (1994).

***

Рассмотрим некоторые вопросы добычи тихоокеанских лососей. Промысел нерки и других видов тихоокеанских лососей камчатских стад многие годы проводили дрейфтерными судами в море (в 1993–2015 гг. только в экономической зоне России), морскими ставными неводами в районах устьев рек, а также закидными неводами в низовьях рек (типичный пример – р. Озерная) и плавными сетями в реках (типичный пример – р. Камчатка). Вылов нерки рек Озерная и Камчатка в среднем достигает до 90 % от всей добычи нерки в Азии. Хочется остановиться отдельно на дрейфтерном промысле.

Организаторами масштабного промышленного лова тихоокеанских лососей жаберными сетями в открытых водах Северной Пацифики явились японские рыбопромышленные компании, которые в 1927–1929 гг. научились облавливать разреженные скопления лососей в океане путем соединения сетей в дрейфующие порядки длиной в десятки километров (Курмазов, 2001, 2006; Синяков, 2008; и др.).

После второй мировой войны Япония резко интенсифицировала морской дрейфтерный промысел лососей в Тихом океане. Сетной промысел в эти годы являлся серьезной проблемой для СССР, США и Канады, отрицательно сказываясь на национальных уловах и объемах воспроизводства не только из-за громадного вылова лососей российских и американских стад, но и из-за значительных потерь в связи с выловом неполовозрелых особей в период нагула или на его начальных стадиях. Пик дрейфтерного вылова лососей Японией пришелся на период 1951–1956 гг., когда он, достигнув 280 тыс. тонн, втрое превысил российский береговой вылов.

В 1956 г. между СССР и Японией была заключена «Конвенция о рыболовстве в открытом море и северо-западной части Тихого океана», тогда же была создана Советско-Японская Рыболовная комиссия – СЯРК (в настоящее время – Российско-Японская Рыболовная смешанная комиссия – РЯСК). Действиями Конвенции на протяжении двух десятилетий – до введения 200-мильной экономической зоны СССР – японский дрейфтерный вылов лососей на советском Дальнем Востоке был ста-

билизирован на среднемноголетнем уровне 90 тыс. тонн. Падение запасов лососей удалось приостановить.

С введением 200-мильных экономических зон государств в 1977 г. вылов лососей в американских водах стал жестко кво-тированным в отношении как к собственному дрейфтерному флоту, так и к японскому, а в российских водах – временно прекращен. В водах за пределами 200-мильных зон дрейфтер-ный промысел продолжался.

В 1992 г. заключена четырехсторонняя Конвенция между Россией, США, Канадой и Японией «О сохранении запасов анад-ромных рыб в северной части Тихого океана». Ее основным положением является полный запрет дрейфтерного промысла лососей за пределами исключительных экономических 200-миль-ных зон (ИЭЗ) стран происхождения; в пределах экономзон каждая страна имеет право на собственные решения относительно проведения режима промысла. Этими же странами в 1993 г. была образована Международная комиссия по анадромным рыбам северной части Тихого океана (НРАФС) с целью сохра-нения запасов Северной Пацифики (Синяков, 2008).

Начиная с 1992 г. Россия предоставляет Японии осуществ-лять дрейфтерный промысел лососей в ИЭЗ России. Юриди-ческой базой для проведения этого промысла явились двусто-ронние Соглашения между правительствами СССР и Японии от 7 декабря 1984 г. и от 22 мая 1985 г. В развитие положений межправительственных соглашений была создана российско-японская смешанная комиссия (РЯСК).

Были определены районы японского морского промысла в Прикурильском районе Тихого океана, в Беринговом, Охотс-ком и Японском морях. Количество судов и квоты вылова оп-ределялись на ежегодных сессиях РЯСК. За использование запасов российских лососей Япония ежегодно представляла денежную компенсацию. Кроме того, часть японских судов принимала на борт российские научные группы и работала в научно-промысловом режиме. Начиная с 2003 г. научное со-трудничество прекращено, и весь японский флот работает в ИЭЗ России исключительно в режиме промысла.

Помимо дрейфтерного промысла японского флота, в ИЭЗ

России в рамках Государственного мониторинга с 1993 г. осуществляется дрейфтерный лов тихоокеанских лососей российскими научно-исследовательскими судами.

Информация, получаемая при проведении морских научных исследований преднерестовых миграций тихоокеанских лососей с использованием дрейфтерных судов, является основой для определения и корректировки общего допустимого улова (ОДУ). При морском лове, помимо добычи половозрелых рыб (с примесью неполовозрелых) происходят регулярные потери из сетей неполовозрелых особей, а также рыб с недостаточной массой. Кроме того, в дрейфтерных порядках гибнет значительное количество морских млекопитающих и птиц.

Описание дрейфтерного лова приведено в статье О. Ф. Гриценко «Лосось в море и на бумаге» («Российская газета» – Федеральный выпуск № 4844 от 6 февраля 2009 г.): «Что такое дрейфтерный лов? Он ведется на расстоянии не менее 12 миль от берега, а как правило еще дальше. Поэтому перекрывание предустьевых участков нерестовых рек или подходов к ставным неводам не происходит. Каждое из 16 судов, которые участвуют в программе научного обеспечения промысла тихоокеанских лососей в исключительной экономической зоне России, выставляет от 6 до 8 порядков сетей. Длина порядка 4 км. Расстояние между порядками 2–4 км. Суммарная длина всех выставляемых сетей колеблется от 384 до 512 км. Сети таким образом перекрывают менее 10 процентов миграционного фронта. Высота сетей – 9 м. Они выставляются вечером и начинают выбираться утром, облавливая наиболее плотные концентрации лососей, поднимающихся ночью к поверхности. Однако днем рыба опускается на глубину до 40 м, уходя из зоны облова. Сети стоят 8–12 часов, после чего производится их выборка, при которой перекрывание движения лососей с каждым часом сокращается.» (конец цитаты – курсив автора).

По мнению С. А. Синякова (2008), со второй половины 1990-х годов и до настоящего времени, дрейфтерный промысел перестал быть значимым фактором, так как изымает от 5 до 10 % имеющего тенденцию к росту берегового вылова (в сумме по

всем видам лососей). Единственным видом, для которого дрейфтерный лов составляет значимую по отношению к суммарному береговому вылову долю (до 20 %), является нерка.

Попытки идентификации стад нерки рек Озерной и Камчатки (для расчета промысловой нагрузки), в уловах морских дрейфтерных судов предпринимались уже давно (Крогиус, 1958; Коновалов, 1971; Селифонов, 1975). Но только с середины 1990-х годов это направление исследований, разрабатываемое к. б. н. Александром Викторовичем Бугаевым, получило свое практическое стабильное развитие и стало мониторингом. В 2015 г., А. В. Бугаеву, за изучение преднерестовых миграций тихоокеанских лососей (в том числе и нерки) в экономической зоне России, была присуждена ученая степень доктора биологических наук.

Исходя из стратегии рационального использования биологических ресурсов, дрейфтерный промысел в ИЭЗ РФ, безусловно, надо закрывать как нерациональный, понижающий биоразнообразие животных (рыб, морских млекопитающих и птиц).

29 июня 2015 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин подписал федеральный закон № 208-ФЗ о запрете дрейфтерного промысла в водах 200-мильной зоны РФ.

Находясь на полевых работах на оз. Азабачьем, я в 2012 г. написал о дрейфтерном промысле даже басню, которую привожу ниже.

ДРИФТЕРНЫЙ ПРОМЫСЕЛ НЕРКИ

Есть бройлерный цыпленок, а есть домашняя курица и даже рябчик, упомянутый В. В. Маяковским как еда обеспеченной части населения. Это факт... Садковый лосось – это «бройлер», дикий лосось со ставных неводов – это «домашняя курица», а дрефтерный лосось – это «рябчик»...

С. А. Сияков (2008)

Нас 40 лет учили: дрефтер вреден
Он много губит в море рыбьих душ,
Комиссий разных и научных сводок
Все доказали это, но возник вдруг куш!
Единство наше долго было...
Пока оно не сплыло в один час.

Потом нас 20 лет «лечили»: дрефтер нужен,
Как рябчикам буржуй и как китайцам рис,
Хотя все в мире этот метод лова осудили,
Мы в свою зону часть японцев запустили.
А затем...
И русскими еще усугубили.

А способ есть простой покончить с этим:
Пустите дрефтера́ на берег, а потом
Весь лосось сам придет, все это знают,
Но куш не могут разделить – вот дело в чем.
Конца не видно...
Края нет дебатам.

Богатый люд не может жить без лосося́,
Как остальные русские не могут жить без порося́,
А попросту: без дрефтерных уловов рыбы-нерки:
Мутация с-л-у-ч-и-л-а-с-я.
Без нерки не моге́м...
Погибнем и умре́м.

Мораль сей басни такова:
Ведь Моськи мы, коль лаем на Слона...
И Моськи хоть куда!

Август 2012 г. (мысли 2012 г.)

О НЕКОТОРЫХ КОЛЛЕГАХ И ДРУЗЬЯХ

В этой главе мне хочется изложить свои личные впечатления от многолетней работы и контактов с некоторыми моими российскими и иностранными коллегами. Ведь между учеными так же, как и между людьми других областей деятельности, всегда возникают какие-то взаимоотношения. Также хочется вспомнить и некоторых друзей детства, проведенного в с. Паратунка на Камчатке.

Андрienко Петр Васильевич (22 апреля 1925 г. – 16 ноября 1997 г.) – родился в крестьянской семье в с. Голенка Дмитровского района Черниговской области. В 1942 г. окончил среднюю школу (7 классов). В 1943 г. призван в ряды Советской Армии, где служил до 1950 г. Участвовал в Великой Отечественной войне с 1943 по 1945 г., прошел с боями Румынию, Венгрию, Австрию, Югославию, Чехословакию.

Петр Васильевич Андриенко

В июле 1950 г. принят на работу в КоТИНРО младшим научным сотрудником с исполнением обязанностей заведующего Уткинским наблюдательным пунктом. С сентября 1970 г. работал инженером, а с февраля 1988 г. – лаборантом (возросли требования к образовательному цензу).

Многие годы, попутно с плановыми работами по биологии западнокамчатской горбуши, П. В. факультативно собирал биостатистические материалы по камчатской семге. Отсутствие специального образования не позволило ему опубликовать ни одной научной статьи. Тем не менее, надо признать, что какой-то период времени он являлся самым информированным человеком по биологии камчатской семги.

В 1975 г. все материалы по семге П. В. передал сотруднику МГУ им. М. В. Ломоносова В. А. Максимову, который использовал их в своих научных исследованиях. В одну из статей он включил П. В. соавтором.

В 1975–1976 гг. П. В. работал инженером на Азабачинском наблюдательном пункте, но из-за ностальгии вновь вернулся на родную р. Утку. Мог выжить в лесу и тундре.

30 июня 1997 г. уволен из института в связи с выходом на пенсию. Умер 16 ноября 1997 г. в г. Петропавловске-Камчатском. Сын Аркадий при жизни отца и некоторое время после его смерти работал в КамчатНИРО.

С Петром Васильевичем мы подружились. После нашего прилета на вертолете на оз. Азабачье в декабре 1974 г. и совместной поездки в бассейн оз. Нерпичьего в июне 1975 г. у меня к нему на всю жизнь сохранилось доброе, светлое чувство. Иногда мы с ним встречались в неофициальной обстановке.

В ДЕКАБРЕ НА ОЗЕРЕ АЗАБАЧЬЕМ

Посвящается П. В. Андриенко

Утром пришел на работу,
А заведующий говорит:
«Слетай на Азабачье с бортом,
Нужно кадрами пункт укрепить».

Я как был, в городской одежонке,
Только куртку теплую взял,
В «зимних» туфлях на тонкой подошве,
В аэропорт скорей побежал.

Полетели вначале на Запад,
Забрал «деда», и сразу в Ключи*,
Дозаправка, обед в столовой,
Вспоминаю – котлеты и щи.

«Ми-4» мышинной расцветки,
Под закат доматывал путь,
Мы летели к реке Пономарке,
С реки Утки, «жизню» вдохнуть.

Разбежались ученые в город,
Бросив пункт без присмотра совсем,
Был на улице сильный холод:
Минус сорок – декабрь созрел.

Вот добрались, подсели, разгрузка,
Винты крутятся... Вертолет – на редан!
И остался в чем был, как Петрушка,
На снегу – мне урок преподан.

---

* Тогда – город, а сейчас поселок у подножья Ключевского вулкана.

Синей мглой окруженный берег,
Вертолет уже за горой,
Да, «веселые» ситуации,
Преподносит нам жизнь порой.

Первым делом находим свечку,
Зажигаем ее – темнота,
А потом затопили печку,
Пили водку, такая вот красота...

Проснулись поздно, окна запотели,
Луч света заглянул в окно,
Мой «дед» пошел искать в сараях,
Одежду для меня и перетряхивать «добро».

Принес штаны и валенки дырявые,
С любовью их подшил, пошло тепло.
Поели, зимний день кончался,
И за окном стало совсем темно.

Мы ждали вертолет почти неделю,
Пока не всполошился институт,
И вот за мною снова прилетели,
И бросили в Ключах – завтра заберут.

В ватных штанах, без документов,
Сидел в аэропорту, не тратил сил,
Под вечер самолет Полярной авиации
Доставил меня в город, как просил.

27 июля 2013 г.

(события 24–31 декабря 1974 г.)

Роберт (Бад) Бёргнер – Robert (Bud) Burgner – 16.01.1919–9.01.2014 гг. – родился в г. Якима, штат Вашингтон, США (Yakima, Washington, USA).

Роберт Бёргнер демобилизовался из армии в апреле 1946 г. в звании старшего лейтенанта медицинской службы. По возвращению в Сиэтл, он заключил контракт со Школой ихтиологии при Вашингтонском университете. В мае 1946 г. приступил к работе.

Роберт (Бад) Бёргнер

В 1946 г. Р. Бёргнер был среди первых исследователей, начавших комплексные исследования нерки на озерах р. Вуд в Бристольском заливе на Аляске. В 1947 г. в Сиэтле был основан Рыбный исследовательский институт (FRI), соединенный со Школой ихтиологии (School of Fisheries) при Вашингтонском университете.

В начале 1950-х годов он начал осваивать и разрабатывать инструментальные методы оценки численности молоди и половозрелой нерки. Эти методы используются и в современное время. В течение 1960-х гг. д-р Р. Бёргнер проводил исследования лимнологии озер, исследовал пищевые цепи и рост молоди нерки в озерах Аляски.

В 1958 г. FRI, становится важной исследовательской единицей. Упор был сделан на изучение биологии и динамики чис-

ленности тихоокеанских лососей. Более, чем на 95 % финансирование FRI осуществлялось за счет спонсорских исследовательских грантов и прямых контрактов с промышленностью.

1967 г. и по начало 1985 г., д-р Р. Бёргнер занимал пост директора FRI. Но по достижению 65-летнего возраста, ушел с этой должности и получил статус профессора в отставке. В этом качестве он до конца жизни поддерживал тесные отношения с FRI, написал раздел «Нерка» в широко известной монографии «Тихоокеанские лососи» (1991), консультировал ученых и студентов, участвовал в научных конференциях и встречах.

Впервые моя встреча с д-ром, профессором Робертом Бёргнером произошла в ноябре 1985 г. в г. Нанаймо (Британская Колумбия, Канада), куда я приехал на международный симпозиум «Нерка-1985».

Это был первый перерыв в программе симпозиума. Я увидел как ко мне направился импозантный мужчина в окружении молодых ребят и девушек. Он протянул мне руку и представился: «Bud Burgner». Затем, обращаясь к окружающим его студентам, сказал: «Вот какие молодые ученые нам нужны!» и дружески улыбнулся. Затем Роберт обратился ко мне и сказал, что он сейчас пишет книгу о нерке и хотел бы со мной встретиться и поговорить о биологии и основных районах добычи нерки на Камчатке. Встреча у нас состоялась в тот же день после окончания вечернего заседания. Позже свою информацию я увидел в знаменитой книге «Pacific Salmon Life Histories» (1991) в разделе, написанном д-ром Робертом Бёргнером, посвященном нерке.

Но еще до приезда в Нанаймо я уже хорошо знал кто такой Роберт Бергнер и на него широко ссылался в своих исследованиях. Прежде всего, я знал ученого Роберта Бёргнера по книге «Studies of Alaska Red Salmon» (1962) и ряду статей.

В следующий раз я встречался с Робертом в 1989 г. в Анкоридже на 117-ом митинге «Америка Фишери Сесайети», где я выступал с докладом во время своей двухмесячной поездке по Аляске в августе-сентябре 1989 г. Перед моим отъездом в СССР мы встречались с ним еще раз на вечеринке в Сиэтле. В 2002 году мы виделись на научной конференции в Ванкувере.

Я очень высоко оцениваю работу д-ра Р. Бёргнера “Life History of Sockeye Salmon (*Oncorhynchus nerka*)”, помещенную в книгу – «Pacific Salmon Life Histories» (1991), которая стала настольным пособием для многих ученых, изучающих лососей Северной Пацифики.

Последний раз я встречался с д-ром Р. Бёргнером в апреле 2004 г. в доме у Катерины Майерс на вечеринке. Он уже ознакомился с английским вариантом рукописи моей книги «Asian Sockeye Salmon», которая была издана в России в 1995 г. Рукопись ему понравилась и он дал будущей книге высокую оценку. У нас с ним был долгий разговор. Позже мы изредка переписывались по электронной почте.

Большое впечатление на меня произвела книга-автобиография д-ра Р. Бёргнера, где он отразил основные этапы своей жизни и написал о людях, окружавших его все годы жизни. В ответ, я выслал свою книгу-автобиографию «Лучшие годы нашей жизни» (2009), которую издал немного раньше.

Я встречался с ним редко, но его влияние на свою научную деятельность ощущал всю жизнь. Мне очень повезло, что уже в самом начале своей научной деятельности я смог познакомиться со многими статьями д-ра Р. Бёргнера.

Результатом чтения этих статей явилось то, что я ощутил себя гражданином мирового негласного сообщества исследователей нерки, определил свое место в этом социуме и начал проводить исследования по стандартным схемам, утвержденным в нём.

В период моего появления на научной арене СССР в начале 1970-х годов, в Камчатском отделении Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии (КоТИНРО, ныне – КамчатНИРО) доминировала точка зрения, что при тщательном исследовании нерки одного небольшого озера можно разработать почти все принципы управления и прогнозирования всех других стад нерки Камчатского полуострова.

Но, ознакомившись с работами Р. Бёргнера, я пришел к выводу о необходимости обязательного подробного изучения всех крупных водоемов, где обитает нерка. Только таким об-

разом можно наладить качественный мониторинг за состоянием численности и разработать методики прогнозирования численности для нерки каждого водоема в отдельности.

Прежде всего, я понял, что мне надо организовать стандартный траловый лов смолтов и пелагической молоди нерки в оз. Азабачьем (бассейн р. Камчатки), где я работал. Я это сделал. Несколькими годами позже, по моим руководством, были организованы траловые ловы молоди нерки на акватории оз. Курильского, где до этого собирали только образцы смолтов нерки.

Именно регулярные сборы молоди нерки в притоках р. Камчатки и озерах Азабачье и Курильское позволили сформулировать законы сезонного и межгодового роста молоди нерки в мелких и глубоких озерах Азии (Бугаев, 1995), которые можно использовать и для нерки озер Северной Америки.

До сих пор самой моей любимой работой д-ра Р. Бёргнера является статья “Biological studies and estimates of optimum escapements...” (Burgner et al., 1969), которая будит мое воображение. И даже много лет спустя, перечитывая ее, я ощущаю себя молодым. Для меня данная статья – это «машина времени и пространства», которую создал д-р Р. Бёргнер. Эту «машину времени», он своим научным талантом подарил мне. Благодаря ей я достиг заметных успехов в изучении нерки. В настоящее время я издал 12 научных и научно-популярных книг, посвященных главным образом, азиатской нерке и написал более 320 научных статей.

Поэтому, когда мой сын Александр начал работать в КамчатНИРО, то первое, что я сделал – это в 1994 г. подарил статью “Biological studies and estimates of optimum escapements of Sockeye Salmon...” (Burgner et al., 1969) своему сыну Александру с моей надписью: «Сыну Александру с пожеланием успехов, от отца». Я думаю, что эта статья сделала свое дело – в ней был «вирус Бёргнера», т. к. в настоящее время Александр стал известным ученым, которого хорошо знают в США, Канаде, России и Японии.

Д-р Роберт Бёргнер был известным ученым, но не менее важная его роль в этом мире заключалась в том, что его труды формировали мировоззрение новых молодых ученых, которые

обеспечивали преемственность науки в Канаде, США, России, Японии и других странах.

Черно-белая фотография д-ра Роберта Бёргнера взята из статьи д-ра Дона Рождерса (Dr. Don Rogers) в научном журнале «1983-1984 Research in Fisheries» of the Shool of Fisheries, Washington of University (1985).

Бирман Иосиф Бениционович (10.06.1915–22.03.1984 гг.) – родился в г. Белая Церковь на Украине в семье учителя.

Самостоятельную трудовую жизнь начал в 1933 г. лаборантом Азово-Черноморского НИИ морского рыбного хозяйства и океанографии в г. Керчи. В 1936 г. оставил работу и пошел на 4-й курс рабфака Московского технического института рыбной промышленности и хозяйства (Мосрыбвтуз), а в 1937 г. поступил учиться в этот институт.

Иосиф Бениционович Бирман

В июле 1941 г. по призыву ушел в Красную Армию, служил в войсках противовоздушной обороны. В марте 1942 г. вступил в ряды КПСС. В 1945 г. демобилизовался.

В 1946 г. И. Б. закончил институт. Его направили на работу в Амурское отделение ТИНРО (г. Хабаровск) на долж-

ность младшего научного сотрудника. В 1949 г. назначен там же заведующим лаборатории ихтиологии.

В 1951 г. И. Б. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук, а в 1955 г. его перевели руководить морскими исследованиями лососевых в КоТИНРО, где он возглавлял лабораторию до 1979 г.

В 1975 г. во Всесоюзном НИИ морского рыбного хозяйства и океанографии – ВНИРО (г. Москва) И. Б. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора биологических наук, посвященную морскому периоду жизни тихоокеанских лососей.

И. Б. уделял много внимания разработке и совершенствованию методов оценки запасов и рационального регулирования промысла амурских лососей. Им впервые выявлена связь циклических колебаний их численности с периодикой солнечной активности и, таким образом, заложена основа долгопериодного прогнозирования изменения запасов. Попытки выяснить механизмы реализации установленных связей заставили его серьезно заняться изучением метеорологии, гидрологии, океанографии.

И. Б. Бирман опубликовал около 50 научных работ. Награжден рядом правительственных наград СССР. Любил классическую музыку, для себя писал стихи и немного занимался живописью. Вырастил и воспитал трех дочерей.

Иосиф Бениционович всегда поражал своей мягкостью, логичностью умозаключений, умением выражать свои мысли и масштабами своих исследований. Это ученый, которому были чужды конъюнктура и интриги. Огромная эрудиция позволила ему занять ведущее место в коллективе исследователей КоТИНРО. С ним считались, и он пользовался большим уважением.

К сожалению, мне мало пришлось общаться с Иосифом Бениционовичем. Последний раз видел его в ноябре 1983 г., когда он, уже тяжело больной, пригласил к себе домой (в Москве) забрать положительный отзыв на диссертационную работу «Пространственная структура популяций нерки в бассейне р. Камчатки», которую я защищал в МГУ им. М. В. Ломоносова без руководителя.

Варнавская Наталья Васильевна (3.01.1955–23.06.2013 гг.) – родилась в Цители-Цкаро (Грузия). Детство и юность прошли в г. Грозном.

После окончания Ленинградского государственного университета в 1978 г. по специальности «ихтиология» была направлена вместе с мужем на работу в Камчатское отделение ТИНРО (позже – КамчатНИРО). Здесь она прошла все ступени служебной лестницы, начав с должности старшего лаборанта и младшего научного сотрудника в Паратунском экспериментальном секторе на оз. Дальнем.

Она поступила в аспирантуру института Общей генетики Академии наук СССР, после которой в 1984 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Адаптивная генетическая структура и ее связь с внутрипопуляционной дифференциацией по полу, возрасту и скорости роста у тихоокеанского лосося-нерки».

Наталья Васильевна Варнавская

После защиты диссертации, Наталья Васильевна последовательно занимала должности научного сотрудника, старшего научного сотрудника. Огромной заслугой Н. В. стала организация лаборатории генетики, заведующей которой она была с 1998 по 2009 гг., когда в связи с тяжелой болезнью она оставила заведование и стала ведущим научным сотрудником.

На протяжении всего периода работы в КамчатНИРО Н. В. пос-

ледовательно развивала направления исследований, начатых ею, наряду с другими учеными в конце 1990-х гг., посвященное анализу структуры популяций и генетическим аспектам микроэволюции и видообразования у тихоокеанских лососей в связи с задачами управления рыбным хозяйством.

В 2001 г. Н. В. Варнавской на совмещенном специализированном совете Института общей генетики РАН и Института проблем эволюции и экологии РАН защитила докторскую диссертацию сразу по двум специальностям – ихтиология и генетика, на тему «Принципы генетической классификации популяций тихоокеанских лососей *Oncorhynchus* spp. в связи с задачами рационального промысла».

Н. В. Варнавская организовала широкомасштабные исследования диких популяций тихоокеанских лососей на протяжении всего дальневосточного ареала их обитания (от Восточной Чукотки до Приморья и Южных Курил).

Коллектив лаборатории, руководимой Н. В. Варнавской, активно работал в рамках совместного международного проекта (Россия, Япония, США и Канада) по созданию совмещенных баз генетических данных. Этот проект осуществлялся под эгидой правительственной Международной северотихоокеанской комиссией по анадромным рыбам (NPAFC), в которой более 10 лет Н. В. была официальным представителем российской стороны в рабочей группе по генетической идентификации стад лососевых рыб.

Последние ее работы были посвящены биологии и генетике популяций, генетической дифференциации морских уловов, разработка новых методов идентификации по ДНК и компьютерных методов анализа регистрирующих структур (чешуи и отолитов), генетического мониторинга искусственно-природных популяций.

Наталья Васильевна была очень ярким, разносторонним и талантливым человеком. Была доброжелательным и умным рецензентом, всегда помогала молодым научным сотрудникам при написании статей и диссертаций. Несколько лет руководила профкомом, была коммуникабельна, твердо и последовательно отстаивала свою точку зрения.

Она прекрасно знала английский язык. Помимо научной работы, ночами писала научно-фантастические романы. Она была прекрасной женой и матерью, воспитала успешных и умных детей – Петра и Анну.

Наталья Васильевна не была кабинетным работником, она имела большой опыт полевых исследований, многие годы выезжала в экспедиции на исследуемые нерестовые водоемы Камчатки. Опубликовала одна (и в соавторстве) более 100 научных работ, в том числе капитальную монографию «Генетическая дифференциация популяций тихоокеанских лососей» (2006).

Все годы работы в КамчатНИРО. У меня всегда были хорошие и ровные отношения с Натальей Васильевной. Она всегда поддерживала мои исследования, убедительно выступая в мою поддержку на всех обсуждениях любого уровня: от лабораторного коллоквиума до престижных международных симпозиумов и митингов по линии NRAFC.

Когда Наталья Васильевна приезжала на Камчатку в последний раз, мы встретились с ней в ее кабинете и беседовали почти два часа, чтобы потом расстаться навсегда.

Вронский Борис Борисович (19.11.1929–12.03.2011 г.) – родился в Москве в семье служащих. В 1937 г. вместе с родите-

Борис Борисович Вронский

лями-геологами уехал на Колыму, где окончил два класса. В 1940–1944 гг. жил с родителями в районе г. Верхоянска, в 1944–1946 гг. родители переехали в г. Охотск.

В 1948 г. Б. Б. завершил среднее образование и поступил в МГУ им. М. В. Ломоносова, который окончил в 1953 г. Специализацию прошел на кафедре ихтиологии. После университета его направили в Амурское отделение ТИНРО (г. Хабаровск). Через некоторое время перевели заведующим на Болонский наблюдательный пункт. В конце 1959 г. он стал сотрудником лаборатории пресноводных рыб.

В 1961 г. Б. Б. поступил в аспирантуру при кафедре ихтиологии МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1964 г. его направили в КоТИНРО, где Б. Б. занял должность старшего научного сотрудника. В начале 1969 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук.

С августа 1971 и по февраль 1974 г. Б. Б. Вронский работал в должности заведующего сектором динамики численности и воспроизводства лососей. Затем, в связи с преобразованием в структуре КоТИНРО, назначен на должность заведующего лабораторией динамики численности и воспроизводства лососей. В 1980 г. за многолетнюю хорошую работу его занесли на городскую Доску почета г. Петропавловска-Камчатского.

В июле 1986 г., в связи с реорганизацией в системе КоТИНРО, Б. Б. назначили заведующим отделом лососевых рыб. С ноября 1992 г. переведен на должность заместителя директора института по науке, в которой и проработал до сентября 1998 г., после чего уволился в связи с выходом на пенсию.

За период работы в КамчатНИРО (КоТИНРО) Б. Б. стал одним из крупнейших авторитетов в области лососевых исследований в нашей стране и за рубежом. Многие годы он участвовал в качестве консультанта в работе Советско-Японской рыболовной комиссии (СЯРК) и прекрасно знал все негативные детали и тонкости японского дрефтерного промысла. Награжден нагрудным знаком «Почетный работник рыбной промышленности РФ».

Б. Б., несмотря на внешнюю мягкость, мог тактично и решительно отстаивать свою точку зрения. Как правило, из всех сложных ситуаций выходил достойным образом. Всегда

пользовался любовью и уважением сотрудников. Благодаря его организационной деятельности лососевый отдел КамчатНИРО многие годы сохранял и сохраняет ведущие позиции в исследованиях тихоокеанских лососей в России, а многие его сотрудники пользуются заслуженным авторитетом.

Б. Б. Вронский всегда продвигал талантливую молодежь. В период его руководства многие молодые научные сотрудники защитили докторские и кандидатские диссертации: д. б. н. В. Ф. Бугаев, д. б. н. В. С. Варнавский, д. б. н. В. И. Карпенко, к. б. н. С. И. Куренков, к. б. н. Н. А. Чебанов, к. б. н. Т. Л. Введенская, к. б. н. И. В. Тиллер, и др.

В молодости Б. Б. принимал активное участие в общественной жизни, являлся бессменным членом редколлегии стенгазеты. Писал для себя стихи. Любил читать научную фантастику, особенно произведения А. и Б. Стругацких.

Умер в Подмосковье в г. Пущино.

***

В свое время, когда возник конфликт с С. М. Коноваловым, Б. Б. очень помог, поддержав меня. Его я уважал всю жизнь. С ним никогда не ссорился и выполнял все его указания (независимо от того, нравились они мне или нет). Всегда с ним складывались ровные отношения. За период совместной работы с сентября 1973 по сентябрь 1998 г. ни разу не давал ему повода быть недовольным мной (не исключено, что когда-то я этого не почувствовал).

Затем, через несколько лет после выхода на пенсию, Б. Б. вновь приехал в КамчатНИРО и до весны 2005 г. работал над договорами, связанными с развитием горнорудной промышленности на Камчатке и другими вопросами охраны окружающей среды.

Б. Б. пользовался в институте и у рыбопромысловиков заслуженным научным авторитетом. Он хороший психолог и мог гасить возникающие в коллективах конфликты, часто в самом начале их возникновения. Сотрудники лаборатории всегда обращались к Б. Б. в конфликтных ситуациях с администрацией, и он неизменно находил какой-то компромисс.

Б. Б. выслушивал обратившегося к нему сотрудника без какого-либо намека на недовольство несмотря на то, что часто не имел свободного времени. Всегда откладывал дела в сторону и выслушивал. Вероятно, за эти качества все его и любили.

Когда я защищал докторскую диссертацию и издавал свою книгу «Азиатская нерка», Б. Б. предложил мне пожить у его родственников в Москве в районе метро «Сокол», где я и обитал во время двух командировок. В те времена в институте на оплату гостиницы выделяли чисто символические деньги. Гостиница для меня была «неподъемна».

В 1993 г. Б. Б. предложил начать исследования в российской экономической зоне по идентификации стад нерки, изымаемых дрейфтерным промыслом, но я отказался. Если бы согласился, то история моей жизни стала бы развиваться в другом направлении. Но я осознанно сделал свой выбор: заканчивал книгу «Азиатская нерка» и имел уже многие другие планы.

Но если бы в свое время (в конце 1980-х гг.) в КОТИНРО установку «Биосоникс» для анализа структуры чешуи дали мне, а не А. Б. Декштейну, я бы (уже имея опыт работы на ней), безусловно, согласился на предложение, сделанное Б. Б. в 1993 г. Это как раз еще один лаконичный пример того, как прошлое определяет наше будущее.

Хорошей чертой, характерной для Б. Б., являлось то, что он всегда, когда приходила «промышленность» решать какие-то проблемы, приглашал сотрудников-прогнозистов, которые прямо или косвенно имели отношение к этим проблемам (курировали какой-то вид или район промысла). Так, если вопрос касался нерки и кеты р. Камчатки, он приглашал меня и Е. Т. Николаеву (позже – Л. О. Заварину), если кижуча – Ж. Х. Зорбиди и т. д.

Когда на смену Б. Б. в 1996 г. пришел С. А. Синяков, то этот «стиль Б. Б. Вронского» еще сохранялся. Через некоторое время Сергея Анатольевича назначили директором КамчатНИРО и заведовать лабораторией стал Н. Б. Маркевич.

Через год после вступления в должность Николай Борисович «уже все знал» и обсуждать вопросы по промыслу со

специалистами института перестал полностью. Все решал сам.

Следующий заведующий, к. б. н. Евгений Александрович Шевляков, по моему мнению, сразу же дистанцировался от прогнозистов, т. к. он представлял уже новое молодое поколение исследователей. Во всяком случае, когда к нему приходили усть-камчатские рыбопромышленники, Е. А. ни разу за все годы не пригласил меня к себе в кабинет. О его планах по изучению лососей бассейна р. Камчатки я узнавал, как правило, случайно, многие месяцы спустя. И это после того, когда почти 30 лет отработал на лососевых путинах в Усть-Камчатске. Подумалось: «Ученые, как актеры, они все реже и реже появляются на сцене...».

Как уже видится некоторое время спустя, «период Вронского» был «золотым веком» в истории КоТИНРО (КамчатНИРО). Его окончание, в известной мере, совпало с развалом СССР и началом новой экономической политики в РФ, когда правила игры, полностью адекватные прежде, уже не годились. Появились новые люди со своим видением ситуации и желающие перемен.

Б. Б. занимался чавычей. Имел очень приличные научные отчеты, но из-за своей загруженности деятельностью заведующего лабораторией он мало публиковался. В начале 1970-х гг. почти ежегодно он выезжал на полевые работы в верховья р. Камчатки у пос. Пушино, где располагались типичные нерестилища этого вида.

На лето Б. Б. ежегодно сооружал палаточный лагерь и с одним лаборантом и кем-нибудь из знакомых жил там по 1,5–2 месяца. Из «капитальных сооружений» в Пушино у него имелась только одна землянка.

Когда я начал работать над коллективной монографией «Рыбы реки Камчатки», пришлось «пропустить через себя» все научное наследие Б. Б. Сделано им было много. Некоторые исследования из-за изменчивости проток-русел в верховьях р. Камчатки повторить сейчас уже просто невозможно. Наступил новый период, но старые материалы тем и интересны, что они позволяют сравнить две, разделенные временем, значительно различающиеся экосистемы верховьев р. Камчатки.

Очень удовлетворен, что удалось ряд неопубликованных материалов Б. Б. включить в книгу. Но у него осталось значительное количество неопубликованных сведений и по другим рекам Камчатского полуострова.

К сожалению, уже в конце своей деятельности в КамчатНИРО Б. Б. совершил несколько полностью непонятных и недружественных по отношению ко мне поступков. Не хочу их все описывать, приведу только один случай.

В 1996 г. из-за кражи лодочного мотора сотрудниками Азабачинского н/п, я остался «безлошадным». Это, естественно, ставило точку на возможности получить необходимые стандартные материалы, которые собирал в бассейне оз. Азабачье-го регулярно, с 1979 г.

После окончания полевого сезона я написал заместителю директора по науке Б. Б. Вронскому рапорт с изложением ситуации и просьбой дать новый мотор. В институте на складе они имелись, но мотор на полевой сезон 1997 г. мне все-таки не дали.

В результате в 1997 г. траления в истоке протоки Азабачьей я не проводил и, материалы по смолтам нерки, естественно, не собрал. Это был второй случай, когда появился пропуск в ряду наблюдений за размерно-массовыми характеристиками смолтов нерки, мигрирующих из оз. Азабачье-го. Первый пропуск датировался 1981–1983 гг., когда В. Н. Базаркин отказался помогать мне тралить.

В 2002 г., на юбилейном вечере КамчатНИРО, я сидел рядом с нашим заместителем директора по снабжению Василием Наумовичем Артеменко, и мы говорили «о моторах». В. Н. сказал, что я зря обижаюсь на него за тот случай, когда мне не дали мотор. Он ходил с моим рапортом к Б. Б. Вронскому и спросил его конкретно: «Давать Бугаеву мотор или нет?». По словам Василия Наумовича, Б. Б. однозначно сказал: «Бугаеву мотор не давать, в 1996 г. он как-то выкрутился. Пусть и сейчас выкручивается». А я не «выкрутился».

Если только В. Н. Артеменко не обманул, то мотивы Б. Б. не давать лодочный мотор для меня (даже до сих пор) совершенно не ясны. На годовом отчете в декабре 1997 г. я просто

информировал, что материалы по смолт-программе не были собраны из-за отсутствия лодочного мотора, который КамчатНИРО не предоставило. На пункте имелись старые корпуса лодок «Прогресс-2» и для непродолжительных траловых работ они вполне годились, но рабочие моторы отсутствовали.

За время работы Б. Б. Вронский написал и опубликовал около 50 научных работ, включая соавторство в монографии «Рыбы реки Камчатка» (2007). При написании книги он мне очень здорово помог. Это оказался полноценный соавтор. Пусть звучит банально, но если бы пришлось писать еще одну монографию в соавторстве с Борисом Борисовичем, я бы согласился с ним поработать вместе еще раз.

В заключение я хочу привести два письма, которые я получил за более, чем 40-летний период общения с Борисом Борисовичем.

Первое письмо я получил от него, когда написал ему, что хочу уйти из КоТИНРО из-за того, что директор к. э. н. А. К. Евдокимов очень отрицательно относится к моему увлечению идентификацией тихоокеанских лососей по структуре их чешуи (как он считал, в ущерб работ по авиаучету лососей на нерестилищах). Последнее было основной темой моей работы.

Пролетав два сезона на вертолете и самолете, я понял, что состояние моего здоровья просто не позволяет мне больше заниматься этой темой – болело сердце. В пилоты-наблюдатели не все годятся, т. к. в течение полевого сезона в воздухе приходится проводить до 550–600 часов. Дальнейшие полеты просто усугубили бы ситуацию, и я все равно бы сошел с дистанции. Единственный выход из сложившейся ситуации – это была смена места работы. Как я согласился ранее, в институт меня взяли только для того, чтобы я занимался преимущественно авиаучетными работами. Борис Борисович смог увидеть перспективы моей кандидатуры и сумел отстоять меня перед директором – мне не пришлось увольняться из института.

***

Камчатская область,
Мильковский район,
с. Пушино, до востребования
Бугаеву В.Ф.

24.07.1975 г.

Дорогой Витя!

Письмо твое получил и, сам понимаешь, несколько огорчился. Сейчас, естественно, в детали вдаваться нет резона. Думаю, что надо встретиться и обо всем поговорить. Безвыходных положений, как известно, не бывает и в любом деле можно найти разумный компромисс.

Если выберешь время – заезжай ко мне в Пушино. Если нет – отложим разговор до сентября. Из твоего письма мне стало ясно только, что ты имел подробную беседу с сотрудниками Института биологии моря. Такие беседы часто так и кончаются, но это только половина жизни (начало). Вторая половина часто – попытки начать первую половину. Ну, жду. До встречи. Желаю всех благ.

Б.Б.

Второе письмо связано с тем, что я предложил Борису Борисовичу написать совместную монографию по биологии чавычи, которой он занимался более 40 лет. В этот момент он находился уже на пенсии, проживал под Москвой и в КамчатНИРО не работал. Рабочее название монографии – «Азиатская чавыча». К сожалению, исследователи, имеющие свежие материалы по биологии камчатской чавычи отнесли с прохладой к публикации совместной монографии (они также были бы соавторами).

В результате, истек период, когда можно было получить грант на публикацию такой книги. Через несколько месяцев Борис Борисович умер.

683000, Петропавловск-Камчатский,
ул.Набережная,18
КамчатНИРО
Бугаеву В.Ф.

22.10.2011 г.

Здравствуй, Дорогой Виктор Федорович!

Ты застал меня в неподходящий момент – полоса потерь: зрения, речи (частично) и, вот теперь, ноги и отчасти правой руки. С этим всем я срочно попал больницу. Так что, по-видимому, помочь тебе в написании книги я не смогу. Действуй сам, учитывая бывший опыт совместного творчества.

Всем привет от меня и от Ирины Александровны (*жена Б. Б. – курсив автора*).

Витя, это письмо под диктовку Б. Б. От себя могу добавить, что лежит он в нашей Пуцинской больнице с инсультом средней тяжести. Диагноз будут уточнять. Посылаю за своей подписью (с извинением) и приветом.

Ирина Александровна.

Вторушин Юрий Иванович – родился 12.12.1949 г. в с. Каменское на самом севере Камчатской области. До этого его родители дважды проживали в с. Паратунке в 1935 и 1939 гг., но

Юрий Иванович Вторушин

обстоятельства сложились так, что им пришлось уехать на север области.

В 1950 г. его мать – Вторушина Вера Алексеевна приехала в с. Паратунку с 6 детьми. К этому времени родители расстались и не жили вместе. Отец – Иван Антонович Вторушин (партийный активист) трагически погиб в 1953 г. Мама стала работать воспитателем в Паратунском детском доме, где проработала многие годы. В дальнейшем, все ее дети получили высшее образование.

Юрий был младшим. В с. Паратунка он закончил школу-

В. А. Вторушина в молодости (1929 г.)

В. А. Вторушина с дочерью Ниной и сыном Виктором (1953 г.)

восьмилетку, а среднюю школу закончил в пос. Елизово. Детство его прошло в Паратунке, как у всех мальчишек этого села. После окончания средней школы вместе с друзьями поехал во Владивосток, где один из всех поступил в Дальневосточный политехнический институт (ДВПИ), но из-за того, что ему не хотелось оставаться на месте учебы без друзей, он вернулся на Камчатку и пошел служить в ряды СА.

В 1970 г. по окончании службы в армии поступил в Камчатский филиал Дальрыбвтуза на Технический факультет, который закончил в 1975 г. Получил распределение в Океанрыбфлот. Работал в объединении котельных и тепловых сетей Оке-

В. А. Вторушина (на заднем плане – справа) с детьми младшей группы Паратунского детского дома (1960 г.)

анрыбфлота, а затем Камчатрыбпрома. Мастером, начальником участка, главным инженером. Весной 1980 г. уволился.

В мае 1980 г. был принят на работу в КоТИНРО на должность старшего лаборанта с высшим образованием. В 1981 г. был зачислен на заочный факультет Дальрыбвтуза (г. Владивосток) на специальность «Ихтиология и рыбоводство». Летом 1980 г. был прикреплен за Озерновским сектором КоТИНРО (оз. Курильское), а в 1982 г. назначен его заведующим.

В 1987 г. Ю. И. уволился из КоТИНРО переводом на кафедру «ихтиологии и рыбоводства» в Дальрыбвтуз и вместе с женой переехали во Владивосток. Работал младшим, а затем старшим научным сотрудником в научно-исследовательском секторе Дальрыбвтуза по реализации программы «Лосось Приморья». Разрабатывал биологические основы для строительства рыбоводных заводов. Обследовал приморские реки, перспективные для воспроизводства лососей.

В 1993 г. уволился и организовал компанию по воспроизводству водных биоресурсов. Занялся предпринимательством. Работал водолазом на промысле морского ежа в живом виде. Добывал и возил в Японию на продажу двустворчатых мол-

люсков, живую камбалу в Южную Корею, ставил ставные невода на Курилах и Камчатке.

В 2010 г. вновь приехал на Камчатку и устроился в КамчатНИРО на Озерновский н/п, где проработал несколько лет. Желание пожить на Курильском озере, вспомнить молодость, где он встретил и свою любовь – студентку Татьяну, способствовали этому. Тем не менее, в конце 2016 г. он все-таки уехал с Камчатки во Владивосток к семье и детям. Юрий Иванович имеет двух взрослых сыновей, которые получили высшее образование и живут самостоятельно.

***

Юрия Ивановича я знал с третьего класса, когда мы вместе с моей мамой переехали жить в Паратунку. Наши дома разделяли лишь 150–170 м. Поэтому, мы с ним часто общались и стали друзьями. Иногда я приходил ночевать к Юре и мы вместе спали на широкой кровати, установленной у теплой печки. Вера Алексеевна жарила очень вкусные блины, которые мне нравились. У моей мамы блины получались другие.

В течение жизни мы неоднократно контактировали и общались с Ю. И., чему способствовало одно место работы и мои достаточно частые командировки во Владивосток. К сожалению, нам никогда не приходилось быть вместе в одной экспедиции, т. к. мы работали в разных районах Камчатской области. Исключение составляли лишь наши детские походы в окрестностях с. Паратунки.

Грачев Лев Евгеньевич – родился 31 августа 1937 г. в г. Москве. В 1954 г. окончил среднюю школу и поступил в МГУ им. М. В. Ломоносова на биолого-почвенный факультет. После окончания университета в 1959 г. направлен в Камчатское отделение ТИПРО, где работал младшим, а с 1968 г. – старшим научным сотрудником.

В 1968 г. поступил в очную аспирантуру ВНИРО, которую окончил в 1971 г. и защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук, посвященную плодovitости тихоокеанских лососей.

Лев Евгеньевич Грачев

С декабря 1971 г. работал в лаборатории морских исследований лососей в должности старшего научного сотрудника. С апреля 1972 по 1975 г. возглавлял сектор промысловых прогнозов, а с 1978 г. заведовал сектором динамики численности и воспроизводства лаборатории лососевых рыб. Занимался изучением биологии камчатских стад горбуши.

Л. Е. являлся хорошим специалистом и заведующим лабораторией, прекрасно разбирающимся в динамике численности горбуши и некоторых других видов тихоокеанских лососей. Любил порядок. Мыслил конкретно, и с ним легко работалось.

В 1987 г. начал заведовать лабораторией динамики численности тихоокеанских лососей. В 1993 г., по достижении пенсионного возраста, неожиданно уехал из КоТИНРО в Подмоскowie, где и проживает.

Имеет около 10 научных печатных работ. Любит читать все подряд – от произведений Гомера до современных детективов.

Для этого человека характерен трезвый ум, позволявший быстро оценивать обстановку и принимать решения. У него я часто консультировался, а иногда и просил совета. Мне импонировало, как он рецензирует научные статьи сотрудников института: если ему что-то не нравилось, он обязательно писал на полях рукописей свое видение текста или проблемы.

С Л. Е. не существовало затруднений в общении: мы оба полностью понимали друг друга. Он был последователен в своих

решениях и всегда прослеживал, чтобы его указания выполнялись полностью.

После его отъезда первое время, 1,5–2 года, мы с Львом Евгеньевичем переписывались. Но больше не встречались ни разу.

Гриценко Олег Федорович (21.05.1936–06.09.2013 г.) – родился в Москве. Закончив в 1960 г. факультет ихтиологии и рыбоводства Калининградского технического института, Олег Федорович три года отработал в рыбинспекции на Сахалине, а с 1963 г. и до последнего дня являлся сотрудником ВНИРО, пройдя за 40 с лишним лет путь от аспиранта до заместителя директора по науке.

Вся его деятельность была связана с рыбным хозяйством и промышленностью Дальневосточного края. По роду своей деятельности О. Ф. Гриценко постоянно находился на стыке науки и практики, занимаясь вопросами сырьевой базы и прогнозированием состояния запасов. Им исследовалась сис-

Олег Федорович Гриçенко

тематика, экология размножения, закономерности формирования численности поколений, питание рыб, промысел.

По итогам этих работ в 1990 г. защищена докторская диссертация и опубликована монография. В течение последних десяти лет под руководством О. Ф. Гриçенко выполнены две научные программы: первая это – «Изучение экологических

последствий крупномасштабного разведения кеты в Японии. По результатам этой программы опубликована монография. Вторая – Изучение ихтиофауны Курильских островов». По результатам исследований также опубликована монография «Рыбы Курильских островов» (2012).

С 1991 по 1999 г. О. Ф. Гриценко являлся заместителем председателя специализированного совета по защитах кандидатских и докторских диссертаций по специальностям: ихтиология, гидробиология и биологические ресурсы. С 2000 г. до середины 2013 г. он являлся председателем этого совета, активно участвуя в его работе. Под его руководством защищены семь диссертаций. За обширную педагогическую деятельность по подготовке аспирантов в 2003 г. ему было присвоено звание профессора.

О. Ф. Гриценко стоял у истоков Северо-Тихоокеанской комиссии по анадромным рыбам (NPAFC), был председателем комитета по науке и статистике NPAFC в 1990-е годы, а в 2000-е гг. членом этого комитета и одним из самых авторитетных ученых работающих в NPAFC.

За время работы во ВНИРО он выполнил ряд капитальных исследований. Среди них: исследования проходных рыб острова Сахалин их видового состава, экологии и промысла; исследование экологических взаимоотношений рыб заливов северо-восточного Сахалина до начала нефтегазовых работ; доскональное исследование дрефтерного промысла тихоокеанских лососей и промысла лососей на Дальнем Востоке в целом. Это позволило ему в соавторстве с коллегами выпустить брошюру, посвященную организации промысла тихоокеанских лососей и книгу, в которой собраны практически все имеющиеся материалы об истории, настоящем и будущем дрефтерного промысла лососей в России.

Многие положения, разработанные О. Ф. Гриценко, легли в основу регулирования промысла лососей на Дальнем Востоке, вошли в Правила рыболовства на Дальневосточном рыбохозяйственном бассейне. В частности он был наиболее последовательным и убедительным в разработке современных позиций Росрыболовства, касающихся регулирования промысла

лососей. Реализация идей О. Ф. Гриценко, сформулированных им в ряде его трудов дала существенную прибавку в вылове рыб в СССР и России.

Несмотря на большую занятость в институте и международных комиссиях, О. Ф. уделял большое внимание подготовке ученых высшей квалификации. Олег Федорович успел опубликовать более 100 работ, среди них 11 монографий.

Олег Федорович был широко одарен и талантлив во всем: писал и публиковал стихи, рассказы и публицистические статьи, прекрасно разбирался в классической музыке, был профессиональным меломаном. Он был человеком, который чувствовал сердцем и понимал умом гораздо больше, чем говорил. Это чувствовалось во всем, что он говорил и присутствовало во всех книгах, которые он издал – научных и политических.

Он любил жизнь, как таковую, любил людей. И люди, в частности сотрудники ВНИРО, любили его, тянулись к нему, приходили за советом, помощью, участием, чтобы послушать его новые стихи или узнать его мнение об исторических или современных событиях, да просто «погреться» от тепла этого большого, могучего и при этом тонкого, интеллигентного, доброго и щедрого человека.

Деятельность и заслуги О. Ф. Гриценко неоднократно отмечались Руководством рыбохозяйственной отрасли и Правительством Российской Федерации.

***

В моей жизни Олег Федорович сыграл решающую роль, когда защитил от моего научного противника д. б. н. С. М. Коновалова при подготовке и защите диссертации на соискание кандидата биологических наук в МГУ им. М. В. Ломоносова в 1983 г. Спустя 10 лет в 2004 г. я уже защищал докторскую диссертацию в спецсовете ВНИРО, председателем которого был д. б. н., профессор О. Ф. Гриценко. Неоднократно встречался с ним за рубежом и в России на симпозиумах и ежегодных встречах NPAFC.

Помню, что в 1970-х гг. среди преподавателей Дальневос-

точного государственного университета (и его выпускников-ихтиологов) часто проскальзывало: если Вы хотите получить качественное ихтиологическое образование, то надо поступать в ДВГУ, а не в Дальрыбвтуз.

На международном совещании НРАФС в 2002 г., в перерыве, за чашкой кофе, в разговоре с О. Ф. Гриценко я озвучил факт, что среди выпускников Дальрыбвтуза и учеников к. б. н. Л. Н. Беседнова (многие годы возглавлявшего кафедру ихтиологии) через три десятилетия в итоге получилось больше докторов, чем среди окончивших ДВГУ.

На это Олег Федорович мудро ответил: «Все объясняется очень просто. В университет идут преимущественно рафинированные хорошисты и отличники, а в Дальрыбвтуз – люди попроще, не лишённые авантюризма, и этот фактор в какой-то момент оказывается решающим в желании защитить докторскую диссертацию». Ничего не стал возражать Олегу Федоровичу, логика в его рассуждениях имелаась.

Он был по-настоящему счастливым человеком, а главными составляющими счастливой жизни считал свою семью и любимую работу. Уже будучи тяжело больным, говорил, что больше всего на свете мечтает еще раз прийти во ВНИРО и пройти по его этажам и переходам.

Давыдов Иван Васильевич (18.01.1935–16.08.1992 г.) – родился в с. Савинка Алтайского края. После окончания средней школы работал литературным сотрудником в редакции районной газеты. Три года служил в армии.

С 1957 по 1960 г. учился в Ленинградском Высшем военноморском пограничном училище. В связи с сокращением Вооруженных сил его уволили в запас. Поступил в Высшее инженерное морское училище им. адмирала С. О. Макарова в Ленинграде на Арктический факультет, который закончил в 1963 г. Получил специальность инженера-океанолога.

С октября 1963 г. И. В. зачислили на должность старшего научного сотрудника в лабораторию кормовой базы и промысловой океанографии, а с образованием лаборатории промысловой океанографии, в августе 1971 г., он стал ее заведующим.

Иван Васильевич Давыдов

И. В. классифицировал гидрометеорологические условия, формирующиеся в различных районах дальневосточных морей, по двум градациям: «теплый» и «холодный». Им показано, что генезис выделенных типов заключается в особенностях развития атмосферной циркуляции в тихоокеанском секторе северного полушария, которые определяют характер тепловых и динамических процессов в дальневосточных морях, обуславливая тем самым сопряженность развития гидрометеорологических условий в различных рыбопромысловых районах. Известный ученый-дальневосточник д. б. н. В. П. Шунтов постоянно поддерживал взгляды И. В. Давыдова.

В 1978 г. И. В. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата географических наук, а с 1977 г. и до последних дней своей жизни занимал должность заместителя директора по науке. Скоропостижно скончался в августе 1992 г.

И. В. являлся твердым сторонником комплексных исследований, в основе которых должен лежать системный подход. Он постоянно следил за научной литературой в области океанологии и смежных с ней наук. Высокая эрудированность и накопленные в результате самообразования знания позволяли ему вести самое широкое обсуждение различных вопросов рыбохозяйственных исследований. Он постоянно искал новые, нестандартные методы решения проблем, обладал организаторскими способностями. Им написано и опубликовано всего лишь около 10 научных статей, но их актуальность не потеряна и до настоящего времени.

Иван Васильевич – внешне очень мягкий и доброжелательный человек. Часто приглашал к себе в кабинет, любил обсуждать научные проблемы, которыми занимается институт. Знаю, что И. В. рассуждал «о науке» не только со мной, что делает честь этому человеку в желании разобраться в тех научных вопросах, которые разрабатывал и игнорировал наш институт.

Дубынин Владимир Александрович – родился 18.06.1952 г. в Сибири в г. Томск-7. Детство и юность прошли в родном городе.

Во время учебы в Томском ГУ по воле случая побывал на Камчатке, где проходил производственную практику в 1972–1973 гг. Камчатка очаровала и глубоко запала в душу.

После окончания Томского университета по специальности «ихтиология» в 1974 г. приехал работать в КоТИНРО и девять лет заведовал Озерновским наблюдательным пунктом. В 1982 г. переведен младшим научным сотрудником в Лабораторию фертилизации и мониторинга. Занимается изучением ро-

Владимир Александрович Дубынин

ста молоди нерки оз. Курильского в зависимости от условий жизни в период нагула. В 1998 г. избран на должность старшего научного сотрудника. В течение тридцати пяти лет ежегодно выезжал на полевые работы в бассейн оз. Курильского с конца мая и до начала сентября. В последующие годы сфера его на-

учных интересов переместилась в нижнее течение р. Озерной, где происходит основной промысел нерки этой реки.

Имеет взрослых сына и дочь. Не прочь сыграть в футбол, баскетбол, настольный теннис. Собирает книги о животных, особенно Д. Даррелла и Д. Хэрриота. Опубликовал более 60 научных работ (часть из них в соавторстве), включая участие в коллективной монографии «Озерновская нерка» (2009).

***

С Владимиром Александровичем мы разные по темпераменту и менталитету люди, но общая работа сблизила нас так, что стали друзьями. Обладает высокой научной квалификацией и высокой работоспособностью. Может разбираться в деталях и классифицировать их. Пунктуален и точен.

Мы полностью доверяли друг другу решение каких-то фрагментов и частей выполняемых совместно научных работ. К сожалению, разные районы полевых работ в летний период времени не позволяли нам работать совместно и в полевых условиях.

В конце 1990-х гг. на нерест в оз. Курильское стали пропускать чрезмерно мало производителей нерки (остальное вылавливали). Так, в 1997 г. пропустили 650 тыс. шт., в 1998 г. – 620, в 1999 г. – 1190, в 2000 г. – 1050 тыс. шт. (при оптимуме 1500–2000 тыс. шт. и более).

После путины 1998 г. мы с В. А. на лабораторных коллоквиумах начали говорить о чрезвычайно малом систематическом пропуске рыб в оз. Курильское, что кое-кому не понравилось. И после этого, в 1999–2002 гг., заведующий лабораторией к. б. н. Н. Б. Маркевич начал нас при любой возможности «править» на коллоквиумах. Ему активно «помогала» Л. В. Миловская, которая упорно обосновывала необходимость пропуска в оз. Курильское на нерест 600–1000 тыс. шт. производителей, чтобы увеличить уловы промышленности. Последующее развитие событий с динамикой численности нерки р. Озерной подтвердило нашу правоту.

Видимо, наша оппозиция с Владимиром Александровичем в отношении к Н. Б. Маркевичу и Л. В. Миловской все-таки дала

какие-то результаты, т. к. в 2001–2003 гг. на нерест в оз. Курильское уже пропустили 2 110–2 635 тыс. шт. производителей нерки.

Совместно с В. А. Дубыниным мы переломили существующий в нашей лаборатории принцип «один вид, но районы разные» и с 1985 г. стали работать вместе. За это время опубликовали около 45 совместных научных статей.

Могут возразить, что с В. А. я работал с 1985 г., а он до сих пор не защитил кандидатскую диссертацию. На это хочу ответить только одно: я не знаю, почему он этого не делает. Владимир Александрович мог совершенно свободно написать и защитить кандидатскую диссертацию еще 20–25 лет назад. Сейчас он имеет материалы, чтобы написать и защитить даже две различные по тематике диссертации. Ему никто не мешает. Буду рад, если он этого, наконец, захочет. Вероятно, нет экономических стимулов в науке. Честолюбие больше свойственно молодости, а в зрелом возрасте важнее «экономика». Диссертации лучше защищать в соответствующем периоде жизни.

После 2006–2007 гг., отношения с В. А. у нас стали менее тесными и совместных исследований мы с ним почти не проводили. Последнее связано с тем, что заведующий Лабораторией динамики численности тихоокеанских лососей к. б. н. Е. А. Шевляков стал чаще привлекать моего проверенного многолетнего соавтора к своим исследованиям по регуляции промысла нерки р. Озерной, которая с начала 2000-х гг. и по настоящее время находится на высоком уровне численности (очень высоком в 2002, 2006–2007, 2011–2016 гг.) и является объектом приоритетных научных наблюдений.

Последние 10 лет В. А. работал и собирал материалы преимущественно на промысле, и оперативно информировал КамчатНИРО о всех особенностях нерестового хода и промысла нерки р. Озерной в течение каждой путины.

В 2010 г. аттестационная комиссия КамчатНИРО утвердила В. А. Дубынина в должности ведущего научного сотрудника, в которой он работает и по настоящее время.

Егорова Тамара Васильевна (23.05.1928–2.12.2006 г.) – родилась на станции Пома Новгородской области в семье рабочего железной дороги. Мать – домохозяйка, была знахаркой, вела натуральное хозяйство.

Школу закончила в г. Старая Русса. В конце войны (1943–1945 г.) работала в штабе Московского военного округа.

В 1951 г. закончила МГУ им. М. В. Ломоносова и уехала работать на Камчатку в КОТИНРО. Всю свою жизнь посвятила изучению динамики численности запасов тихоокеанских лососей, в основном нерки и горбуши.

Тамара Васильевна Егорова

Начала свою творческую деятельность на оз. Курильском, где около 20 лет проработала на Озерновском наблюдательном пункте. В 1968 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук, посвященную нерке р. Озерной. Эта работа явилась заметным вкладом в разработку методики прогнозирования динамики запасов тихоокеанских лососей.

До 1977 г. Т. В. продолжала исследования нерки р. Озерной, а затем перешла на изучение горбуши и других лососей р. Большой, где занималась вопросами оперативного прогнозирования численности их нерестовых подходов. К. б. н. Т. В. Егорова опубликовала 25 научных работ. В 1993 г. вышла на пенсию.

В 1970–1980-х гг. Т. В. много работала со студентами и преподавала курс ихтиологии и гидробиологии в Камчатском филиале Дальрыбвтуза (ныне – КамчатГТУ).

Ее хобби – были музыка и пение, особая любовь – к исполнению старинных русских романсов. С выходом на пенсию проживала в Подмоскowie, где и умерла. Детей у нее не было.

Я всегда Тамару Васильевну любил, как мать. Их ведь не выбирают, а просто любят!

Ковтун Юрий Борисович (26.01.1952–28.01.2010 гг.) – родился в Приморском крае. Вся его трудовая жизнь была связана с Камчаткой. Он работал в Петропавловском морском торговом порту начальником причала, затем с 1979 г. в Усть-Камчатке возглавлял эксплуатационную деятельность порта. Являлся заместителем начальника порта. С 1986 г. – на партийной, а затем на советской работе.

В тяжелейшие послеперестроечные годы, когда Усть-Камчатск остался без топлива, вышли из строя водоснабжение и канализация, отопление, появились перебои с подачей электричества, Ю. Б. Ковтун был заместителем главы района и на этом посту боролся за выживание поселка и района в целом.

Юрий Борисович Ковтун

В 2007 г. в результате выборов Ю. Б. Ковтун стал главой Усть-Камчатского муниципального района. Огромный опыт, высочайший профессионализм, детальное знание экономики района, большой личный авторитет среди жителей – все это позволило ему уверенно вести Усть-Камчатский район, реализовывая социально значимые проекты. Под его руководством в жизнь были воплощены такие масштабные проекты, как строительство больницы и водовода в Усть-Камчатске, уложено асфальтовое покрытие в Усть-Камчатске и Ключах и многое другое.

Ю. Б. Ковтун был руководителем старой закалки, остро чувствовал личную ответственность за все, что происходит в районе. С любой проблемой он старался разобраться лично, увидев собственными глазами. Он был объективным и внимательным к нуждам рядовых граждан.

За многолетнюю трудовую деятельность Ю. Б. Ковтун отмечен памятными медалями и грамотами руководства района, Камчатской области и края, а также наградами министерства регионального развития РФ.

***

Во время лососевой путины Юрий Борисович в Усть-Камчатске курировал промысел лососей, возглавляя рабочую группу по оценке добычи лососей р. Камчатки. Для меня за годы нашей совместной деятельности с середины 1990-х годов и до его преждевременной смерти, Юрий Борисович стал другом. Он неоднократно приезжал к нам на Азабачинский н/п, помогал решать некоторые хозяйственные задачи пункта с помощью рыбодобывающих предприятий района.

В период проведения специализированного лова нерки в протоке Азабачьей в 1995 г., Юрий Борисович сыграл значительную роль в предотвращении закрытия промысла лососей в Камчатском заливе и плавными сетями в р. Камчатке по требованию сотрудников биостанции «Радуга» ИБМ ДВО РАН. Такое масштабное закрытие традиционного промысла привело бы к недолову лососей р. Камчатки и превышению оптимальной численности нерки в бассейне оз. Азабачьего до 20 раз...

ОПТИМУМЫ НЕРКИ В ОЗЕРЕ АЗАБАЧЬЕМ

Посвящается Ю. Б. Ковтуну

Мне было всегда спокойно,
Когда общался с тобой.
Гасили мы «рыбные войны»
У нерки с Камчаткой-рекой.

Лососи мигрируют смешанно:
Чавыча, нерка, кета;
Но нерки во много раз больше
В итоге – она голова.

Обычная практика в мире,
Но в нашей несчастной стране
Природы защитники думали
Раздать всем «сестрам по серьге».

В итоге – стагнация промысла,
И нерка на нерест пройдет
В большое Азабачье озеро,
И гибель себе принесет.

Там оптимум низкий у вида,
Не больше 100 тысяч всего.
Иначе возникнут проблемы
С нагулом потомства его.

А это понизит весь оптимум
У нерки Камчатки-реки,
И стали его «домкратить»
«Защитники» всем вопреки.

Боролись за перелов мы,
Он лучше, чем недолов,
А это стандартная практика
Лососей подсчета голов.

В идею включились вулканы,
Подсыпали пепла на снег
Удобрали озеро тщательно,
Природа сказала: «Успех»!

Меня отстранили от промысла,
Нашлась светл́а голова,
Нас уж никто и не помнит –
Ведь все это было вчера.

13 июля 2013 г.

Как показали дальнейшие события и авиаучеты в системе оз. Азабачьего, рекомендации КамчатНИРО, которое в Усть-Камчатске я представлял, оказались единственно правильными. Но потом, десять лет спустя, те же академические ученые, которые хотели обрушить промысел в Усть-Камчатске в 1995 г., давая интервью в газетах, утверждали о решающей роли академической науки в спасении нерки р. Камчатки, и ни слова при этом не сказали о роли КамчатНИРО.

Юрий Борисович, за что я его очень ценил, всегда мог объективно разобраться в ситуации и не поддаваться на уловки демагогов.

Коновалов Станислав Максимович (4.10.1938– 6.01.2000 гг.) – родился в г. Новосибирске. С 1940 г. жил в г. Владивостоке, где в 1956 г. окончил среднюю школу и поступил в Дальневосточный ГУ. Как способного студента С. М. направили для изучения ряда курсов и практикумов на кафедру зоологии беспозвоночных в Ленинградский ГУ.

После окончания ДВГУ в 1961 г. получил распределение в КоТИНРО. Научная деятельность С. М. началась в Паратунской экспериментальной лаборатории на оз. Дальнем, где в 1961–1963 гг. он работал в должности младшего научного сотрудника под руководством известных исследователей лососей, докторов наук Ф. В. Крогиус и Е. М. Крохина.

В 1964 г. молодой ученый поступил в аспирантуру Зооло-

Станислав Максимович Коновалов

гического института АН СССР. В 1968 г. к. б. н. С. М. Коновалов прибыл во Владивосток на работу младшим научным сотрудником в Отдел биологии моря Дальневосточного филиала Сибирского отделения АН СССР (в настоящее время – Институт биологии моря им. А. В. Жирмунского ДВО РАН).

В 1969 г. С. М. Коновалов, вместе с сотрудниками организованной им в институте Лаборатории популяционной биологии, начал комплексные исследования стада нерки оз. Азабачьего, которые проводил в течение многих лет на построенной ими биологической станции «Радуга». В работу вовлекли специалистов из ряда других институтов, а также студентов дальневосточных ВУЗов. Изучение субпопуляций тихоокеанских лососей с использованием методов и идей генетики, физиологии, морфологии, экологии и этологии дало возможность понять закономерности формирования и функционирования популяционных систем. В итоге удалось получить представление об относительной стабильности популяционных систем нерки, о динамике ее численности и некоторых факторах, регулирующих численность ее стад.

В ИБМ ДВНЦ АН СССР С. М. Коновалов продолжает исследования по популяционной экологии и паразитологии лососевых рыб Камчатки, а также по распределению азиатских и американских стад нерки в северной части Тихого океа-

на. В 1970 г. он становится заместителем директора этого института.

В 1971 г. по материалам кандидатской диссертации им опубликована монография «Дифференциация локальных стад нерки», удостоенная премии Ленинского комсомола (1972) и переведенная в США на английский язык (1975).

Многолетние исследования популяционной биологии нерки обобщены С. М. в докторской диссертации и опубликованы в 1980 г. в монографии «Популяционная биология тихоокеанских лососей». Результаты этих работ оказали серьезное влияние на развитие популяционных исследований лососей на Дальнем Востоке.

В 1973 г., по предложению руководства Дальрыбы, С. М. назначен директором ТИНРО, где проработал около 10 лет. При его руководстве в институте резко повысилась комплексность рыбохозяйственных исследований, институт сильно вырос и окреп, в нем создали крупные отделы марикультуры, экономики, прикладной математики, прогнозирования, а также ряд стационаров.

Занимаясь проблемами развития рыбохозяйственной науки, С. М. многократно и решительно ставил на высшем уровне вопрос о необходимости большего внимания и помощи Дальнему Востоку. Поэтому со своей настойчивостью он стал, в конечном счете, «не угоден» в Министерстве рыбного хозяйства. В связи с этим в 1983 г. С. М. покинул Дальний Восток, приняв предложение академика-секретаря Отделения общей биологии АН СССР В. Е. Соколова переехать в г. Тольятти и организовать там Институт экологии Волжского бассейна АН СССР. Этот институт сформировали в течение короткого времени. Станислав Максимович развернул в нем широкомаштабные исследования по прикладной экологии.

В декабре 1988 г. коллектив Института биологии южных морей АН УССР пригласил С. М. в Севастополь, избрав директором. Здесь главным предметом исследования стали экологические последствия загрязнения моря и сбалансированное, с его экологической емкостью, экономическое развитие черноморского бассейна. Однако, после обретения Украиной суве-

реникета, Отделение общей биологии Украинской АН не утвердило назначение С. М. Коновалова директором на новый срок, оставив его с 1993 г. заведующим Отделом ихтиологии этого института.

С. М. Коновалов – автор и соавтор более 100 публикаций, в том числе 7 монографий. Большой интерес к его работам до сих пор проявляют ученые из США и Канады. Станислав Максимович много лет являлся членом Экологической комиссии Международного совета по сохранению природных ресурсов. Ученики и последователи С. М. Коновалова во Владивостоке и на Камчатке и сегодня продолжают разрабатывать выдвинутые им проблемы по популяционной биологии и экологии лососей.

***

Несмотря на то, что пришлось всю жизнь «воевать» со Станиславом Максимовичем, много лет спустя у меня в душе к нему нет негатива. С одной стороны, это связано с тем, что «приключение» с С. М., в конечном итоге, для меня удачно закончилось, а с другой – именно он, когда мне было всего 22 года, приобщил меня и открыл мне глаза на интереснейшую сферу научной деятельности – изучение популяционной биологии тихоокеанских лососей.

Он являлся кумиром моей научной незрелой молодости, когда я зачитывался его монографиями «Дифференциация локальных стад нерки» (1971) и «Популяционная биология тихоокеанских лососей» (1980).

По-существу, он «загипнотизировал» меня так же, как, вероятно, загипнотизировал и ввел в «транс» массу талантливой молодежи из Института биологии моря, многие годы работавшей на биостанции «Радуга». С. М. определенно обладал какой-то харизмой, привлекавшей к нему научную молодежь.

Его деятельность на Дальнем Востоке – это театр со сменными декорациями: на станции «Радуга», в ИБМ, ТИНРО, коридорах Министерства рыбного хозяйства СССР и других местах.

Мне повезло, что из-за удаленности от обаяния С. М. и

непосредственного влияния коллектива Лаборатории популяционной биологии ИБМ АН СССР я смог раньше, чем другие ребята с «Радуги», разобраться в ситуации с биологией нерки р. Камчатки, пойти своим путем и начать плодотворно работать.

Крогиус Фаина Владимировна (21.03.1902–31.05.1989 гг.) – родилась в г. Санкт-Петербурге в дворянской семье. В 1918 г. закончила 7 классов частной женской гимназии. В 1919–1922 гг. работала учительницей в Петроградской губернии.

В 1922 г. поступила в Ленинградский государственный университет, а в 1928 г. закончила его (по специальности «ихтиология»). В 1928–1931 гг. работала на Байкальской лимнологической станции АН СССР, в 1932 г. перевелась в КоТИРХ (позже КоТИНРО). Здесь всю жизнь занималась изучением нерки вместе со своим мужем – Е. М. Крохиным.

В 1939 г. защитила в Московском институте рыбной промышленности и хозяйства (Мосрыбвтуз) по нерке оз. Куриль-

Фаина Владимировна Крогиус

ского диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук. В 1949 г. по биологии и динамике численности нерки защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора биологических наук.

Работами Ф. В. заложены основы рыбохозяйственных исследований нерки на Камчатке. Она организовала на оз. Дальнем Паратунскую экспериментальную лабораторию, где успешно выполнялись исследования по экологии, биохимии и физиологии лососей. На этом озере ежегодно, помимо сотрудников КоТИНРО, проводили работу ученые и студенты ряда университетов и других научных учреждений.

По инициативе Ф. В. Крогиус и при ее непосредственном участии в начале 1950-х гг. впервые в СССР разработан аэровизуальный метод определения степени заполнения нерестилищ лососями, который широко распространился по всему Дальнему Востоку. Она являлась ведущим экспертом в научно-технической группе Советско-Японской комиссии по рыболовству (СЯРК).

В 1971 г. Ф. В. за научную работу «Сообщество пелагических рыб озера Дальнего», написанную в соавторстве с Е. М. Крохиным и В. В. Меншуткиным, присуждена Государственная премия СССР.

В 1985 г. Ф. В. ушла на пенсию и уехала в г. Ленинград, где в 1987 г. опубликовала книгу «Тихоокеанский лосось-нерка в экосистеме озера Дальнего (Камчатка)» в соавторстве с Е. М. Крохиным и В. В. Меншуткиным.

Ф. В. Крогиус опубликовала более 50 научных работ, среди которых есть несколько монографий. Имеет правительственные награды СССР.

***

Впервые столкнулся с исследованиями Фаины Владимировны, когда писал в Дальрыбвтузе дипломную работу по структуре чешуи нерки оз. Курильского. Содержание многих ее статей позволяет им и сейчас находиться на высоком уровне цитируемости в мировом рейтинге лососевых исследований.

Мой приход в институт совпал с последними годами работы Ф. В. на Камчатке. Она была уже в возрасте, очень полная и с трудом передвигалась. Видел ее регулярно только на коллквиумах: сидела всегда в первом ряду и мирно спала (или делала вид?). Затем, в нужный момент, просыпалась и задавала вопросы по существу.

Памятное фото Ф. В. Крогиус с коллективом КоТИНРО перед ее отъездом с Камчатки навсегда (в центре – Ф. В. Крогиус, рядом справа – директор института А. К. Евдокимов) (1985 г.)

На мои первые отчеты, которые защищал в институте по биологии нерки оз. Курильского и биологии западно-камчатской симы, она как-то не отреагировала. Но первый отчет по биологии нерки бассейна р. Камчатки, который я докладывал на коллоквиуме, очень сильно ругала и говорила, что это все чепуха. Потом больше на моих отчетах не присутствовала.

Весной 1985 г., за две недели до отъезда с Камчатки навсегда, Ф. В. позвонила мне на работу и пригласила к себе попить чаю (она жила в квартире И. И. Лагунова, где у нее имелась своя комната). Мы сидели с ней часа три. Ф. В. попросила меня рассказать все, что я знаю про нерку р. Камчатки, и какие у меня планы на дальнейшие исследования. Пока рассказывал, ни разу не перебила и не задала ни одного вопроса. Затем, напоследок, достала оттиски своих статей, сказала, чтобы взял несколько, которые мне нравятся. Выбрал две статьи, и она подписала их мне на память. И напоследок пожелала удачи. Эти статьи храню до сих пор.

Перед самым отъездом Ф. В. заехала в КоТИНРО и сфотографировалась на ступеньках института вместе с сотрудниками.

Крохин Евгений Михайлович (27.11.1903–8.07.1975 гг.) родился в с. Цементный Завод, Брянской области в семье бухгалтеря.

В 1920 г. работал чертежником в небольшом городке под Брянском. Научная деятельность Е. М. началась в 1924 г. в Смоленской области. Там он обследовал одно из озер. Летом 1926 г. работал практикантом Глубокоозерской станции, а летом 1927–1929 гг. – в Байкальской экспедиции АН СССР.

После окончания Тимирязевской сельскохозяйственной академии в г. Москве в 1929 г. поступил в Ленинградский ихтиологический институт (теперь ГОСНИОРХ), где работал в экспедиции по изучению ряда озер. В 1931 г. Е. М. перевелся на Байкальскую лимнологическую станцию АН СССР. Изучал течения и термику оз. Байкал, а в 1932 г. перевелся в КоТИНРО, в котором проработал до конца своей жизни.

В 1932–1933 гг. Е. М. Крохин совместно с Ф. В. Крогиус организовал и осуществил экспедиционные комплексные ис-

Евгений Михайлович Крохин

Живя на оз. Дальнем, д.б.н. Е. М. Крохин решил и «медвежьи проблемы» (1970 г.)

следования на оз. Курильском, в 1933–1934 гг. – рекогносцировочные исследования р. Большой, а в 1937 г. положил начало комплексным рыбохозяйственным исследованиям на оз. Дальнем.

В 1939 г. Е. М. в Московском техническом институте рыбной промышленности и хозяйства защитил диссертацию «Курильское озеро и нерестилища красной в его бассейне» на соискание ученой степени кандидата биологических наук. В 1949 г. Е. М. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора географических наук, посвященную озерам в бассейне р. Паратунки.

Е. М. был выдающимся полевым исследователем. Он прекрасно знал все тонкости конного, нартового, лодочного транспорта и всегда умел найти выход из тяжелых ситуаций.

Большой положительный отклик нашла отмеченная Государственной премией СССР монография «Сообщество пелагических рыб озера Дальнего», а также «Тихоокеанский ло-

сось-нерка в экосистеме озера Дальнего (Камчатка)», написанные в соавторстве с Ф. В. Крогиус и В. В. Меншуткиным.

Е. М. Крохин опубликовал около 70 научных работ, среди которых есть несколько монографий. Неоднократно награждался правительственными орденами и медалями СССР.

***

Видел Евгения Михайловича в жизни всего несколько раз. Первый раз, когда учился во втором классе и жил в пос. Старая Тарья. Детьми мы иногда ходили ловить подо льдом на оз. Дальнем гольца. Всегда, едва мы успевали продолбить лунку и поймать 2–3 гольцов, с озера нас выгонял какой-то старик в телогрейке, который сильно ругался и говорил, что рыбаки мешают ему проводить научный эксперимент.

Через несколько лет, уже живя в Паратунке, узнал, что это ученый Е. М. Крохин, доктор наук. Коренные жители Паратунки о нем отзывались очень уважительно. Это было связано с тем, что многим из них он занимал деньги (и часто без отдачи). За это его еще больше уважали. Естественно, в Паратунке знали, к кому обратиться. В 1960-х гг. «доктора» (Ф. В. и Е. М.) на руки ежемесячно получали почти 1 000 рублей каждый, что выходило на порядок больше, чем получали люди других специальностей и не имеющие ученых степеней.

Последующие разы встречал Е. М. уже в коридорах КОТИНРО. Почему-то он все время ворчал и всем был недоволен. Я его немного побаивался.

От А. М. Токранова, который в 1974 г. проходил практику на оз. Дальнем, слышал, что на валюту (50 долларов США), которую как доктору наук Е. М. раз в год выделяли на покупку иностранных книг и журналов, он каждый раз выписывал только научно-популярный журнал «Нешенел Географик» и с удовольствием его читал.

Компетентным органам это, вероятно, не очень нравилось, но ему не мешали. Однажды, в 1960-х гг., когда пришел номер журнала, посвященный СССР, его специально даже попросили этот журнал никому не показывать.

Куренков Игорь Иванович (27.06.1915–11.10.1989 г.) – родился в г. Москве в семье потомственных строителей. Как и большинство молодых людей тех лет, он после обязательной семилетки юнцом «пошел в люди» – работал препаратором в кинофотоинституте и лаборантом-химиком. Экстерном одолел 10 классов и в 1937 г. поступил на ихтиологический факультет Московского института рыбной промышленности и хозяйства (Мосрыбвтуз).

Почти с дипломом в кармане летом 1941 г. его призвали в Красную Армию, откуда направили в Высший военный гидрометеорологический институт. После попал в действующую армию и был демобилизован в 1946 г. Поступил в очную аспирантуру Мосрыбвтуза. В 1950 г. окончил ее и защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук.

По личной просьбе его направили на Камчатку в КоТИН-РО, где с 1955 г. и до последнего дня жизни бесценно заведовал лабораторией кормовой базы и промысловой океанографии, впоследствии преобразованной в лабораторию фертилизации и мониторинга внутренних водоемов.

Игорь Иванович Куренков

Основным направлением его работ стало изучение фаунистики и трофологии лососевых нерестово-выростных водоемов. С этой целью он посетил многие водоемы Камчатки, питая осо-

бое расположение к ее неповторимым озерам, где, как правило, воспроизводится нерка.

И. И. Куренков подробно исследовал подмеченный им фертилизационный эффект пеплопадов вулканов Ключевской группы на уровень воспроизводства стада нерки оз. Азабачьего (бассейн р. Камчатки), увидев в этом ростки будущей новой технологии управления продукционными процессами в экосистемах нерковых озер. Он одним из первых, совместно с Е. М. Крохиным, выдвинул идею о возможности создания в оз. Кроноцком из популяции кокани (жилой нерки) популяцию анадромной нерки, способной по численности конкурировать с неркой р. Озерной.

И. И. многие годы принимал активное участие в Советско-Японской комиссии по рыболовству (СЯРК), Ихтиологической комиссии МРХ СССР.

Большой знаток краеведения Камчатки, его истории, прекрасный рассказчик, И. И. многое сделал для защиты и сохранения уникальной природы Камчатки и, в особенности, ее непреходящего богатства – тихоокеанских лососей.

И. И. Куренков участвовал во многих союзных и международных совещаниях, им опубликовано около семидесяти научных работ. Тонкий знаток музыки, ценитель искусства, живописи и поэзии, он являлся душой любого общества и собрания.

Во исполнение желания отца сын Святослав с вертолета рассеял прах И. И. Куренкова в долине р. Камчатки, где его отец провел лучшие годы своей жизни.

***

Игорь Иванович всегда отличался очень большой доброжелательностью. Он консультировал меня по всем вопросам, с которыми я к нему обращался. Широкая душа этого человека всегда открывалась для других. И все его за это любили. Он являлся крупнейшим ученым своего времени. Его неопубликованный труд «Зоопланктон озер Камчатки» по инициативе Т. Л. Введенской и Е. А. Науменко КамчатНИРО опубликовало в 2005 г.

Повторюсь, но тем не менее это факт истории КоТИНРО: в феврале 1982 г. на отчетной сессии КоТИНРО я выступил с докладом, в котором прямо указал на методические ошибки своего руководителя – директора ТИНРО д. б. н. С. М. Коновалова. Тот сказал свое знаменитое резюме в мой адрес: «Недоучка»!!! И наступила мертвая тишина в зале... В мою защиту выступили Б. Б. Вронский и И. И. Куренков. Последний в заключение своей речи сказал: «Если Юпитер сердится, то он неправ». Эта поддержка Игоря Ивановича давала мне шанс на будущее в науке.

Лагунов Иван Иванович (28.10.1906–8.02.1985 гг.) родился в с. Чурилово Удмуртской АССР в семье крестьян.

В 1930 г. И. И. Лагунов закончил Биологическое отделение Ленинградского ГУ, и с этих пор его жизнь и деятельность были неразрывно связаны с рыбохозяйственной наукой.

В 1936 г. И. И. впервые приехал на Камчатку, где в трудных экспедиционных условиях выполнял целый ряд важных исследований, посвященных разработке основ рационального использования запасов лососей. Спустя три года его назначили директором Камчатской ихтиологической станции ВНИРО, ставшей впоследствии КоТИНРО. Член КПСС с 1939 г.

В 1940 г. И. И. Лагунов защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук «Красная

Иван Иванович Лагунов

реки Камчатка». В период Великой Отечественной войны руководил КоТИНРО.

В послевоенный период И. И. длительное время возглавлял Полярный институт рыбного хозяйства и океанографии (ПИНРО) в г. Мурманске. Но в 1959 г. вновь вернулся на Камчатку, где работал директором КоТИНРО. С 1964 г. перешел на должность заместителя директора по научной работе. Последние годы жизни находился в должности старшего научного сотрудника.

Человек редкого обаяния, высоких душевных качеств, И. И. Лагунов умел привлечь способных, талантливых людей и направить их деятельность на решение наиболее актуальных задач, проявляя постоянную заботу о создании оптимальных условий для их творчества. И неслучайно в руководимом им коллективе расцвели такие известные ученые, как Е. М. Крохин, Ф. В. Крогиус, И. Б. Бирман, В. Я. Леванидов. Эти имена прочно вошли в золотой фонд российской и зарубежной ихтиологической науки.

Благодаря огромному жизненному опыту, широте экологического мышления И. И. Лагунов умел видеть суть вещей. Он понимал, что основа рыбохозяйственного благополучия Камчатки заключается в ее уникальной природе. По его инициативе и при непосредственном участии в 1967 г. возрожден крупнейший в Советском Союзе Кроноцкий заповедник (после закрытия в 1951 г.), заложена основа для организации Южно-Камчатского заказника, разработана схема природопользования, предусматривающая приоритет лососевого хозяйства в перспективном плане развития производительных сил Камчатской области. Ему принадлежит идея и обоснование организации на территории полуострова сети национальных парков.

Энциклопедичность знаний Ивана Ивановича, его такт, простота влекли к нему маститых ученых и начинающих исследователей. Последние годы жизни И. И. отдавал много времени охране и рациональному использованию лососей р. Камчатки.

И. И. Лагунов опубликовал около 50 научных работ. Он награжден рядом орденов и медалей СССР.

Иногда Иван Иванович приглашал меня к себе в кабинет, расспрашивал о работе. Он всегда был аккуратно и чисто одет, причем, всегда во все новое. Вероятно, за этим очень следил.

В период моей работы в Усть-Камчатске в 1978–1984 гг. И. И. ежегодно приезжал сюда в июне-июле на 10–15 дней. Ездил по рыбалкам, анализировал статистику вылова и посещал производственные цеха Усть-Камчатского РКЗ. Приехав, И. И. каждый раз останавливался в профилактории «Альбатрос» Усть-Камчатского РКЗ и часто приглашал меня к себе. На столе у него всегда стояло 2–3 бутылки сухого болгарского вина «Каберне» или «Рислинг», и мы его исправно потребляли под жареную чавычу. Персонал профилактория помогал ему готовить рыбу, с которой не было проблем. Причем, часто это была чавыча, пойманная им собственноручно на спиннинг в устье р. Камчатки.

На 65-летие И. И. Лагунова Камчатрыбвод выписал и торжественно вручил ему пожизненное разрешение на лов тихоокеанских лососей по всей Камчатской области. И этим он иногда пользовался. Конечно, рыбинспекторы, видя данное разрешение, улыбались, но ни разу никто из них не сказал ему, что оно недействительно.

И. И. очень хорошо знал английский язык, и мог изъясняться на японском (на бытовом уровне). Зарубежные коллеги часто высылали И. И. новинки научной литературы. В свое время он первым в СССР держал в руках знаменитую монографию Р. Ферстера «Нерка» (1968), на которую написал подробную рецензию в журнал «Вопросы ихтиологии».

И. И. очень любил зарубежную научную фантастику, особенно японскую, которую собирал. Две книги японской фантастики, которые он мне подарил, сохранились до сих пор.

Несколько раз он занимал нашей семье большие суммы денег, которые без проблем одалживал не только мне, но и многим другим сотрудникам института.

После похорон И. И. с группой сотрудников института мы пошли на квартиру одного из них и просидели всю ночь, по-

миная Ивана Ивановича. Это был единственный случай в моей жизни, когда я, будучи женатым человеком, не пришел ночевать домой.

В свое время Иван Иванович приложил немало усилий, чтобы устроить меня на работу в КоТИНРО. Последнее позволило мне реализоваться здесь как специалисту и провести чрезвычайно насыщенную работой и творчеством жизнь.

Большое спасибо Вам, Иван Иванович, думаю, что оправдал Ваши надежды в полной мере!

Маслов Алексей Викторович – родился 8.06.1961 г. в пос. Известковом Хабаровского края. Двадцатилетним студентом-практикантом, успевшим к тому времени немало поехать по России, попал на Камчатку на оз. Курильское – одно из красивейших мест мира. И был навсегда очарован им. С тех пор уже более четверти века был связан с озером работой и образом жизни.

С января 1987 по декабрь 2010 г. заведовал Озерновским наблюдательным пунктом, а по совместительству – с середины 1990-х гг. и по 2010 г., осуществлял авиаучет тихоокеанских лососей на нерестилищах в пределах Камчатского полуострова и Корякского нагорья. Соавтор более чем 30 опубликованных научных трудов. Автор фотоальбома «Камчатка панорамная» (2008) и нескольких, подготовленных к печати. Соавтор научно-популярных фотоальбомов «Озерновская нерка»

Алексей Викторович Маслов

(2009), «Полет над гнездом нерки» (2010). Участник многих фотовыставок в России, Германии, Франции и других странах. В декабре 2010 г. Александр Викторович уволился из КамчатНИРО.

***

С Алексеем Викторовичем нас сближает чувство прекрасного. Он – известный фотограф, я – большой любитель кино- и видеосъемок, имеющий видеоархив с 1966 г. (и по настоящее время). Обычно к первому авиаучету в районе оз. Азабачье 19–20 июля я несколько раз объезжал озеро и подсчитывал число производителей. В результате у меня формировалось свое мнение о численности ранней нерки, зашедшей в озеро. Более, чем в 80 % мои оценки совпадали с данными авиаучета (имеющейся информацией обменивались только после проведения облетов нерестилищ).

Мина Михаил Валентинович (см. фото в цветной вкладке) – родился 1.07.1939 г. в г. Владикавказе (Северная Осетия). Отец по образованию почвовед, работал в Институте леса АН СССР. Мать высшего образования не имела (библиотекарь, секретарь-машинистка, домохозяйка).

С 1948 по 1978 г. семья жила в лесничестве, в 20 км от Москвы (теперь это «Рублевка»). Школу М. В. окончил в 1956 г. и в том же году поступил в МГУ им. М. В. Ломоносова на биолого-почвенный факультет, который окончил в 1961 г. по специальности «ихтиология». В 1961–1963 гг. работал в должности младшего научного сотрудника во ВНИРО (г. Москва).

Затем, в 1963 г., М. В. Мина занял должность младшего научного сотрудника в МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1963–1967 гг. закончил там же аспирантуру и защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук. В 1974–1977 гг. работал в университете старшим научным сотрудником.

В 1977 г. перешел в Институт биологии развития им. Н. К. Кольцова РАН – в лабораторию постнатального онтогенеза стар-

шим научным сотрудником. В 1987 г., в связи с защитой диссертации на соискание ученой степени доктора биологических наук (по специальности «ихтиология»), переведен на должность ведущего научного сотрудника. Область научных интересов – возраст и рост рыб, популяционная биология и микроэволюция рыб.

М. В. Мина – член редакционных коллегий журналов «Вопросы ихтиологии», «Зоологический журнал» и «Бюллетень Московского общества испытателей природы». Опубликовал более 180 научных работ, включая монографии «Рост животных» (1976, в соавторстве с Г. А. Клевезаль) и «Микроэволюция рыб» (1986). Лауреат премий имени И. И. Шмальгаузена (1998) и имени академика В. Е. Соколова (2005).

Жена д. б. н. М. В. Миной – известный исследователь ритмов роста животных – д. б. н. Галина Александровна Клевезаль.

Хобби М. В. – охота «по перу» (зверье его в этом плане не интересует). И в молодости, и сейчас любимый русский поэт – А. К. Толстой, из зарубежных – Р. Киплинг. Среди прозаиков явных фаворитов нет.

***

Помимо вышеперечисленных монографий д. б. н. М. В. Миной, которые произвели на меня просто потрясающее впечатление, мне нравятся многие его статьи. Особенно созвучны сложившимся взглядам его публикация «Популяции и виды в теории и в природе» (в кн.: Уровни организации биологических систем. – М.: Наука, 1980. – С. 20–30) и глава-статья «Ритмы роста и развития животных» (в соавторстве с Г. А. Клевезаль, в кн.: Проблемы космической биологии. Т. 41. Биологические ритмы. – М.: Наука, 1980. – С. 139–166).

Благодаря Михаилу Валентиновичу, который в 1982–1983 гг., в самое трудное время моей жизни, протянул руку помощи, я смог защитить диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук в МГУ им. М. В. Ломоносова. Если бы этого не произошло, Вы, дорогой Читатель, сейчас читали бы другие мемуары.

Уже позже, в 1994 г., когда я защищал докторскую диссер-

тацию во ВНИРО, М. В. писал мне отзыв от ведущего учреждения (ИБР им. Н. К. Кольцова РАН). За многие годы мы встречались всего несколько раз, т. к. в Москве я бываю редко. Иногда переписываемся.

Всегда хотелось, чтобы М. В. приехал на Камчатку, пока я работаю на оз. Азабачьем. Но из-за своей занятости он сделать этого так и не смог.

Уже 40 лет спустя после моей защиты кандидатской диссертации мне пришлось обратиться к авторитету Михаила Валентиновича с просьбой написать рецензию на статью, посвященную пресноводному возрасту западнокамчатской симы, т.к. к. б. н. заведующий Е. А. Шевляков не выпускал ее в печать. Нет пророков в отечестве КамчатНИРО.

Непомнящий Константин Юрьевич (22.12.1956–14.04.2015 гг.). Родился в г. Пермь. Детство и юность провел в этом же городе. После окончания средней школы работал сезонным рабочим в одной из геолого-поисковых партий Уральской комплексной съемочной экспедиции.

С 1974 по 1979 г. К. Ю. учился в Пермском ГУ на биологическом факультете. В 1978 г. был на производственной практике на Усть-Камчатском РКЗ и в бассейне р. Камчатки.

В 1979 г. его приняли на работу в КоТИНРО на должность лаборанта. В 1980 г. К. Ю. закончил курсы летчиков-наблюдателей при Украинском управлении гражданской авиации и начал заниматься авиаучетом тихоокеанских лососей. В 1982 г. переведен на должность младшего научного сотрудника, а в 1992 г. – научного сотрудника.

За время работы зарекомендовал себя прекрасным полевым исследователем, досконально знающим теоретические и практические аспекты авиационного учета численности тихоокеанских лососей.

С помощью К. Ю. выполнено большое количество транспортных работ по техническому обеспечению полевых научно-исследовательских станций. Одновременно с авиаучетом им проводились работы по исследованию биологии и морфометрии лососей в нерестовых водоемах Камчатки.

Константин Юрьевич Непомнящий

Имеет двух дочерей. Увлекался охотой, горными лыжами, туризмом, книгами. Очень контактен в общении. Был незаменимым попутчиком и верным товарищем в экспедициях. Любил готовить в полевых условиях блюда из «подножного корма» и дикоросов.

Является автором и соавтором более 10 научных статей. В 1998 г. К. Ю. Непомнящий уволился из КамчатНИРО. Позже работал на рыбноводном заводе в Тюменской области, где занимался воспроизводством осетровых рыб. Последние годы жизни проживал в Перми.

Основная причина, по которой Константин Юрьевич не состоялся как исследователь, по моему мнению, – это определенная «пассивность» его старшего товарища по полетам А. Г. Остроумова, который не смог (не захотел) открыть имеющиеся перспективы для К. Ю. и заинтересовать его повседневной систематической работой на стыке географии и ихтиологии.

Николаев Александр Сергеевич – родился 4.12.1937 г. на Смоленщине в г. Гжатске.

В 1960 г. закончил ихтиологический факультет Калининградского (ранее Московского) технического института рыбного хозяйства и по распределению приехал работать на Кам-

чатку в Камчатгосрыбвод. Спустя год перевелся в КоТИНРО в лабораторию морского периода жизни тихоокеанских лососей, изучению которых посвятил многие годы.

В течение 17 лет по служебным обязанностям «бороздил» дальневосточные моря, а с 1978 г. переключился на тематику лаборатории фертилизации и мониторинга озерных экосистем. Многие свои исследования А. С. выполнял на оз. Курильском, где проводил учет молоди нерки, нагуливающейся в озере. Помимо оз. Курильского, осуществлял гидроакустические оценки на озерах Азабачьем, Паланском, Двухюрточном и других.

В 1975 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук. Опубликовал около 50 научных статей.

А. С. Николаев относился к той, достаточно редкой категории специалистов, кто работал на стыке рыбопромысловой гидроакустики и комплекса гидробиологических наук. Основная

Александр Сергеевич Николаев

сфера научных интересов – разработка регионального гидроакустического мониторинга водных экосистем Камчатки. А. С. отличали широта творческого диапазона: он в равной степени мог успешно работать в области биоакустики тихоокеанских лососей, лимнологического бонитета и экологии нагульной молоди нерки в озерах.

На досуге небезуспешно пробовал «перо» в жанре попу-

лярной анималистики, краеведения и экологического просветительства. Опубликовал несколько научно-популярных книг.

В 1998 г. вышел на пенсию и уехал с Камчатки. Проживает в г. Гжатске. Его дочь Арина после окончания биологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова работает в КамчатНИРО переводчиком с английского языка.

К сожалению, в силу объективных и субъективных обстоятельств, Александр Сергеевич не успел наладить гидроакустический мониторинг оценки численности смолтов нерки, мигрирующих из оз. Курильского. Из-за смерти супруги Е. Т. Николаевой, Александр Сергеевич уехал с Камчатки в полном расцвете творческих сил.

Николаева Екатерина Тимофеевна (1.06.1938–1.12.1991 гг.) – родилась в семье крестьянина в с. Вербовка Липовецкого района Винницкой области. С 1954 по 1955 г., после окончания средней школы в г. Винница, работала лаборантом кабинета физики в этой же школе. С 1955 по 1960 г. училась в Иркутском государственном университете на биолого-почвенном факультете.

В августе 1960 г. принята на должность младшего научного сотрудника Карымайского наблюдательного пункта КоТИНРО. В январе 1961 г. ее перевели в Петропавловск, где она исполняла обязанности заведующей лабораторией лососевых рыб. С января 1965 г. стала работать в должности старшего научного сотрудника лаборатории воспроизводства лососей, занимаясь оценкой запасов кеты на Камчатке.

В 1988 г. Е. Т. защитила в ТИНРО диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук, посвященную динамике численности кеты р. Камчатки.

Е. Т. Николаева являлась известным специалистом по питанию молоди тихоокеанских лососей в пресноводный период жизни. Многие годы занималась разработкой методики дифференциации кеты в морских дрейфтерных уловах. Была очень работоспособной, дотошной и обязательной. Помогала молодым сотрудникам осваивать новые для них методики по питанию молоди лососей. Любила свою работу.

Екатерина Тимофеевна Николаева

Имеет более 20 опубликованных научных работ. Любила Л. Фейхтвангера, Г. Мелвила, Л. Гумилева, философские произведения. Умерла после продолжительной тяжелой болезни в г. Петропавловске-Камчатском. За несколько дней до смерти она пришла и защитила на лабораторном коллоквиуме свой последний в жизни годовой отчет.

***

Екатерина Тимофеевна осталась в моей памяти хорошим и отзывчивым человеком. Она старалась помогать молодым, но всегда требовала, чтобы люди не расслаблялись и не теряли времени, а работали. Не терпела лентяев. Именно в желании новых непрерывных исследований и огромной работоспособности Е. Т. являлась для меня родственной душой. Часто заходил к ней в комнату, чтобы поговорить по душам.

Несмотря на свою вечную занятость Е. Т. оказала мне большую помощь в обработке материалов по питанию молодежи в бассейне р. Камчатки. Вместе с ней мы опубликовали и статью, посвященную этому вопросу. Ее очень уважал и ценил Б. Б. Вронский.

Остроумов Анатолий Георгиевич (2.02.1930–5.10.2000 г.)
родился в самом центре г. Москвы. Еще в годы учебы в инсти-

туте избрал местом своей будущей работы Камчатку. В 1947 г., после окончания средней школы, поступил на ихтиологический факультет Московского технического института рыбной промышленности и хозяйства (Мосрыбвтуз), который окончил в июле 1952 г., а уже в августе прибыл на Камчатку. До июля 1956 г. работал директором Ушковского рыбоводного завода. Там состоялось его первое знакомство со специфической природой Камчатки, ее водоемами и ихтиофауной, изучению которых посвятил всю свою дальнейшую деятельность.

В 1956 г. А. Г. был приглашен в КоТИНРО, где первые годы работал в должности младшего, а затем старшего научного сотрудника. Сферой научных интересов являлось изучение, главным образом с помощью аэрометодов, нерестовых водоемов – рек, ключей и озер Камчатского полуострова и Корякского нагорья.

За долгие годы жизни ему удалось многократно побывать почти на всех водоемах Камчатской области, в горах и на побережьях, на многих вулканах, проплыть на лодке и на катере по многим рекам Камчатки и Чукотки.

В воздухе над Камчаткой, обследуя нерестовые водоемы, он провел около 12 тысяч часов и налетал 2 миллиона километров, многие тысячи километров он проделал по воде, пешком, на лыжах, верхом на лошади.

Анатолий Георгиевич Остроумов

За годы работы А. Г. ежегодно обследовал с воздуха и земли сотни водоемов. Им впервые охарактеризованы десятки нерестовых озер, прежде совершенно не известных. Разработаны аэрометоды учета производителей лососей, зашедших в нерестовые водоемы, создана типологическая классификация нерестовых рек, ключей, озер Камчатской области.

А. Г. Остроумовым опубликовано более 60 научных работ, в газетах и журналах – около 200 очерков и статей, посвященных животному и растительному миру Камчатки, вопросам его охраны. В 1991 г. его избрали почетным членом Российского общества охраны природы.

До 66 лет А. Г. летал на вертолете в качестве пилота-наблюдателя. В декабре 1999 г. закончил кадастр нерестилищ тихоокеанских лососей в пределах всей Камчатской области, который имеет исключительно важную научную и практическую ценность. Опубликовал две книги о своих поездках и путешествиях по Камчатке.

Имеет двух взрослых сыновей. Всегда любил охоту, рыбную ловлю и фотографирование объектов природы.

***

К сожалению, несмотря на то, что его сводный отчет «Аэрометоды учета тихоокеанских лососей, классификация и нерестовое значение водоемов Камчатки и Корякского нагорья», по существу диссертационная работа на соискание ученой степени кандидата биологических наук, был уже готов в 1975 г., Анатолий Георгиевич не стал оформлять его дальше и защищать диссертацию.

В свое время он отказался от руководства д. б. н. Ф. В. Крогиус и ушел к другому лидеру – д. б. н. В. Я. Леванидову, а затем вернулся вновь к Ф. В. Второй раз став руководителем А. Г., Ф. В. Крогиус просто саботировала продвижение его диссертации на заключительном этапе.

Мне кажется, что в этой ситуации, как более зрелому и опытному исследователю, Фаине Владимировне следовало бы поступить по-другому. Нужно было довести А. Г. до защиты. Есть личные обиды, а есть ДЕЛО, которому многие из нас посвятили и посвящают свои жизни.

Я всегда с уважением относился к деятельности Анатолия Георгиевича, т. к. здесь ему не было равных. Несколько статей написал с ним в соавторстве. В память об А. Г. Остроумове, по его неопубликованным материалам, я подготовил за его фамилией статью «Озера Камчатки и Корякского нагорья – места нереста тихоокеанских лососей», которая была опубликована в 2007 г. в журнале «Вопросы рыболовства» (т. 8, № 3) в связи с 75-летним юбилеем КамчатНИРО.

Вильям (Билл) Рикер – William (Bill) Ricker (11.08.1908–8.09.2001 г.) – известный канадский ученый.

В 1950 В. Рикер стал редактором “Журнала Совета по Исследованию Рыболовства”, и в течение двенадцати лет превратил его в один из самых влиятельных научных журналов по рыболовству в мире.

Он исследовал проблемы на примере канадского рыболовства и давал рекомендации, как управлять им. Он также известен его “Руководством вычисления для биологической статистики популяций рыб”, изданного в 1958 году. Это руководство стало стандартной ссылкой для студентов и профессионалов во всем мире.

В. Рикер изучал русский язык, таким образом, он смог прочитать оригинальные статьи по рыболовству российского ученого Феодора Баранова. В 1973 году он издал русско-английский словарь на 428 страницах по терминологии для студентов-ихтиологов и гидробиологов (Рикер 1973).

В 1973 г. В. Рикер в возрасте 65 лет ушел на пенсию, продолжая заниматься наукой до самой смерти. До этого он 27 лет проработал в научно-исследовательской системе рыбной промышленности Канады (Fisheries Research Board of Canada), 11 лет был профессором в университете (Indiana University) и 1 год в Международной лососевой комиссии (International Pacific Salmon Commission).

Привожу мой беглый перевод-пересказ статьи из канадской газеты, прочитанной и интерпретированной на русский язык во время перелета «Ванкувер-Сеул» в сентябре 2001 г. Статья называлась “Верх мирового проигрыша рыбной науки” (автор Pete McMartin).

Вильям (Билл) Рикер

Это был тот тип человека, который видел глобальные горизонты. Все мы могли видеть такое, только находясь близко. Он был, и многие говорят об этом, – величайшим ихтиологом-исследователем Канады. Среди ученых мирового сообщества его имя было эталоном мощи и торговой марки.

– Я думаю, – сказал д-р Ричард Бимиш, – это был первый ученый, который показал документально эффект кислотных дождей над Северной Америкой или во всем мире – не помню точно. Я знаю, если вы поедите куда-либо к мировым ученым-ихтиологам – они будут знать фамилию Рикер. Я гарантирую это. Это был наиболее известный канадский ученый, изучавший рыб. И он принадлежал к вершине мировой науки. Всегда».

Другой ученый сказал: «Он переписал книги по рыболовству. Одна рикеровская работа имела название “Применение и интерпретация рыбной биологической статистики в рыбных популяциях”. Книга имела зеленый цвет и, если Вы изучаете рыб, то Вы читали Зеленую Книгу».

Но его простым величайшим достижением была формула, известная позже как – “Кривая Рикера”. Это было $e=mc^2$ в науке о рыбах, формула, что ломала прошлое и направляла дисциплину лова на новые горизонты.

Рикер выступил с новой формулой в 1954 г. в помощь, которой проводил свои исследования. В 1916 г. Рикер высту-

пил в роли переводчика малоизвестной русской работы Федора Баранова, который писал только на русском языке. Результатом этого синтеза явилось то, что Рикер предложил миру гораздо лучший путь предсказания численности рыбных запасов, чем существовал до этого.

Эффект открытия Рикера – кривая линия в природе. Он нашел, что природа не является предсказуемой для ученых и хрупка, так как зависит от внешних условий. Он придумал реальную форму режиму использования запасов тихоокеанских лососей в Британской Колумбии и на Аляске.

Его ждал заслуженный успех: 3 ученых степени, 14 всевозможных признаний, Член ордена Канады.

В главном здании Тихоокеанской биологической станции (г. Нанаймо), Рикер имел свой офис, где работал каждый день после ухода на пенсию.

30 лет назад, в Канаде в его честь назвали научно-исследовательское судно “W. E. Ricker”. В его честь, “Искаженной мертвой петлей” – это известная “Кривая Рикера”, жители Нанаймо назвали заезд от дороги к станции.

Его интересы были головокружительны. Он говорил по-русски, по-немецки и по-французски и читал на испанском и латинском. Он писал и имел публикации. Играл на гитаре, балалайке, виолончели, виолоне. Когда, три из его 4-х сыновей становятся членами симфонического оркестра в г. Нанаймо, он учил себя 6 месяцев играть на бас-виоле и затем соединился с оркестром. Он был хороший муж и отец. Его жена Марион умерла в 1991 году.

Он редактировал престижный научный журнал в его области. Он – пионер историй о жутких убийствах. Поклонник Шерлока Холмса – он написал продолжение “Профессор Мориарти на Юконе” и выиграл приз.

Натуралист, орнитолог и энтомолог. В области энтомологии открыл, описал и назвал 88 новых видов среди веснянок (Plecoptera).

Сын Карл рассказывал: «Он путешествовал по всему миру. Он разбирался во всех вещах мгновенно, как метеор. Он плохо играл в гольф и, что было сюрпризом – посредственным рыбаком. Я не думаю, что мы могли бы иметь лучшего отца. В

юности отец был полностью вовлечен в бойскауты, когда мы все проходили через это. Его увлечениями были: музыка, писательство, коллекция случайных марок, чтение. Он использовал гашенные марки со всего мира, откуда он получал корреспонденцию. Мир потерял великого человека».

Вильям Рикер опубликовал 296 работ (включая книги), осуществил 238 переводов и написал 148 научных и литературных рукописей.

Он умер в своей постели в субботу утром в Нанаймо в возрасте 93 лет (08.09. 2001 г.) и большинство людей в Британской Колумбии (Канада) знали, кто это был, так же, как и много людей на Аляске, в России, Калифорнии, Японии, Италии, Норвегии и многих других странах мира.

***

Мне посчастливилось дважды встречаться с В. Рикером: в 1985 и 1995 гг. В первый раз это произошло на международном симпозиуме «Нерка-85» в г. Нанаймо (Британская Колумбия, Канада).

Второй раз – на Тихоокеанской биологической станции в г. Нанаймо, где мы совместно с В. Рикером редактировали текст моей книги «Азиатская нерка», переведенной на английский язык. Во время второй встречи, В. Рикер дважды приглашал меня к себе домой, где у него жил сын Карл. Об одной из таких встреч я снял видеофильм, который на DVD сохранился у меня до сих пор.

В августе 1992 г. В. Рикер приезжал на Камчатку, где вместе с сотрудниками КамчатНИРО отметил день своего рождения, но я в это время был на Аляске в составе делегации КамчатНИРО, и с ним не встретился.

У меня хранятся книги В. Рикера (и я регулярно пользуюсь ими), подписанные для меня этим всемирно известным ученым.

Селифонов Михаил Михайлович – родился 5.10.1937 г. в г. Горьком (Нижний Новгород). После окончания МГУ им. М. В. Ломоносова в 1960 г. его направили в КоТИНРО.

В 1960–1978 гг. работал на Озерновском наблюдательном

пункте: сначала в должности младшего, затем – старшего научного сотрудника. В 1975 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук по теме: «Промысел и воспроизводство озерновской нерки».

С 1978 г. заведовал сектором динамики численности лососевых рыб, а в 1983 г. утвержден в должности директора КоТИНРО. За время работы к. б. н. М. М. проявил себя способным исследователем, квалифицированно ставящим и решающим научные задачи. Он исследовал вопросы биологии, динамики численности, дифференциации и оценки запасов озерновской нерки. Им опубликовано около 30 работ в российских и зарубежных научных изданиях.

М. М. постоянно участвовал в российско-японских переговорах по промыслу лососей. Являлся одним из руководителей выполняемой институтом темы «Состояние запасов и регулирование промысла тихоокеанских лососей». При активном участии М. М. Селифонова в 1995 г. КоТИНРО преобразовано в самостоятельный институт: Камчатский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии – КамчатНИРО.

В 1998 г. вышел на пенсию по состоянию здоровья. В настоящее время проживает вместе с супругой М. Ф. Селифоновой в Архангельской области.

Михаил Михайлович Селифонов

***

С Михаилом Михайловичем впервые познакомился в 1972 г., когда в начале сентября пешком пришел на Озерновский наблюдательный пункт на вторую производственную практику в КОТИПРО.

До этого провел более 2-х месяцев на СРТМ «Пограничник Змеев», собирая совместно с В. Г. Вершининым материалы по сайке в Беринговом и Чукотском морях. Но хотелось иметь дипломную работу по тихоокеанским лососям, и поэтому я прибыл на оз. Курильское.

М. М. встретил меня на озере довольно сдержанно, но в дальнейшем не мешал, а создавал условия, чтобы я собрал полноценные материалы по нерке. Как потом убедился, «сдержанность» – характерная черта М. М., но она несколько не влияла на работу.

За многолетний период совместной работы у нас с М. М. не сложилось близких отношений, не было и разговоров по «душам». В какой-то степени это зависело от того, что его жена, Маргарита Федоровна Селифонова, меня откровенно не «переваривала». Вероятнее всего, это было вызвано тем, что совместно с В. А. Дубыниным мы проводили исследования нерки оз. Курильского.

После получения первых многообещающих материалов по популяционной структуре нерки оз. Курильского в 1972–1974 гг. (Бугаев, 1976) меня «ушли» с озера, и эту тематику начала разрабатывать М. Ф. Селифонова. Через два года ей все надоело. Она перевелась в инженеры, чтобы больше не писать научных отчетов. Опубликовав в 1978 г. две статьи по популяционной структуре нерки оз. Курильского, М. Ф. даже не сочла нужным сослаться на мои предыдущие исследования по этому вопросу.

За почти 30-летний период совместной работы у нас с М. М. всегда складывались ровные рабочие отношения. При его полном согласии в 1995 г. я смог опубликовать свою первую монографию «Азиатская нерка». При М. М. удалось стать доктором наук, а это о многом говорит в научной среде.

Михаил Михайлович запомнился как хороший организатор науки. Период директорства М. М. Селифонова, так же, как и

период заведования лабораторией лососевых рыб Б. Б. Вронского, я отношу к «золотому веку» КоТИНРО-КамчатНИРО!

***

Семко Ростислав Саввич (январь 1913–1978 гг.) родился в г. Владивостоке. С 1924 по 1927 г., после окончания семи классов, учился в Дальневосточном рыбном техникуме г. Владивостока на рыбохозяйственном факультете. Начал свою трудовую деятельность в августе 1933 г. в КОТИРХ, но с марта 1938 и по март 1940 гг. работал в ТИНРО во Владивостоке. С апреля 1940 года Р. С. стал работать на Камчатской станции ВНИРО в должности младшего, затем старшего научного сотрудника, занимаясь изучением камчатских лососей.

В июне 1952 года Р. С. защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук на тему «Западно-камчатские лососи, колебания их численности и основы рационализации промысла». В декабре 1952 г. назначен заведующим лабораторией воспроизводства рыб. За долголетнюю работу в области рыбохозяйственной науки награжден в 1948 года медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», в 1952 г. – медалью «За трудовую доблесть», а в 1954 г. – орденом Трудового Красного Знамени.

С августа 1960 года Р. С. Семко работает в должности заместителя директора КоТИНРО по координации лососевых исследований. Участвует в международных рыболовных переговорах, активно отстаивая интересы СССР.

С мая 1964 и по апрель 1974 г. работает в должности старшего научного сотрудника в лаборатории воспроизводства лососевых рыб.

Р. С. Семко имел большой производственный стаж и опыт научно-исследовательских работ в полевых условиях. Список опубликованных им работ включает 24 названия, некоторые из них имеют обобщающий характер и пользуются заслуженной известностью.

В апреле 1974 г. вышел на пенсию. Вскоре устроился в Камчатрыбвод, где проработал до своей смерти в 1978 года.

Ростислав Саввич Семко

***

К сожалению, я не смог найти больше никаких биографических данных о Ростиславе Саввиче, потому что из его личного дела, хранящегося в КамчатНИРО, вырвали почти все страницы (оставались только приказы о выговорах). Это свидетельствует о том, что в последние годы работы он не ладил с администрацией КоТИНРО (директором А. К. Евдокимовым).

Знакомство с работами Р. С. Семко, опубликованными в 1950–1960-х гг., вызывает только уважение. Его капитальная работа «Запасы тихоокеанских лососей и их промысловое значение» (1954) является классической и широко цитируется до сих пор. Он первым разработал методику прогнозирования озерновской нерки, которая актуальна и сейчас (Семко, 1961).

Почему вдруг лидер-исследователь Р. С. Семко попал в изгой, сейчас судить трудно. Но наука знает много таких примеров, когда «сегодня – ты павлин, а завтра тобой пыль вытирают».

Тихонов Вениамин Иванович (25.03.1930–1999 гг.) – родился в Поволжье в селе Алексеевское Чистопольского района в крестьянской семье. В 1952 г. после окончания Казанского государственного университета, начал свою трудовую деятель-

ность младшим научным сотрудником в Тихоокеанском научно-исследовательском институте рыбного хозяйства и океанографии (ТИНРО) в г. Владивосток. Но, в 1954 г. был переведен в Лабораторию промысловой ихтиологии Камчатского отделения ТИНРО (КоТИНРО) в г. Петропавловск-Камчатский, где проработал до середины 1980-х годов, занимаясь изучением биологии и состояния запасов донных видов рыб.

В 1959–1960 гг. в составе экспедиции ТИНРО В. И. Тихонов исследовал ихтиофауну и состояние запасов рыб прибрежных вод северного Вьетнама, за что был награжден вьетнамской медалью «Дружба». После возвращения на Камчатку начал заниматься вопросами биологии и динамики численности западнокамчатских камбал, став вскоре одним из ведущих специалистов в области изучения биологии и состояния запасов донных рыб дальневосточных морей.

В 1969 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Биология и промысел желтоперой камбалы западного побережья Камчатки». В этом же году возглавил лабораторию донных промысловых рыб Камчатского отделения ТИНРО, в которой под его руководством в дальнейшем были развернуты исследования трески, наваги, сайки, черного палтуса и бычков в различных районах прикамчатских вод.

Будучи довольно разносторонним ученым, в отдельные годы своей научной деятельности к. б. н. В. И. Тихонов исследовал различные вопросы биологии рыб, уделяя особое внимание разработке методов оценки их запасов. Одним из первых на Дальнем Востоке он перешел от относительных оценок к расчетам абсолютной численности промыслового запаса рыб, применив для этого математические методы теории рыболовства, в ту пору только начинавшие внедряться в практику рыбохозяйственных исследований. Немалый вклад В. И. Тихонов внес и в теоретические разработки.

В первой половине 1980-х годов в результате расхождения во взглядах на методы оценки запасов и величины допустимого вылова камбал в прибрежных водах Камчатки, возникшего между ним и руководством Камчатского отделения ТИНРО, к. б. н. В. И. Тихонов ушел с поста заведующего лаборатори-

Вениамин Иванович Тихонов

ей, а в 1985 г. уволился из КоТИНРО в связи с выходом на пенсию. В дальнейшем в течение нескольких лет работал в Камчатрыбводе, а затем покинул Камчатку, переехав в г. Рузаевка, где в 1999 г. скончался после тяжелой болезни.

Высокая квалификация, нестандартное мышление, независимость, трудолюбие и целеустремленность сделали В. И. Тихонова заметной фигурой в рыбохозяйственной науке.

Для автора этой книги, как и для многих ученых КоТИНРО, он был первым, кто приобщил их к практической ихтиологии и установил планку уровня исследований, которой они стараются придерживаться всю жизнь.

Токранов Алексей Михайлович – родился 4.12.1950 г. в г. Термезе Сурхандарьинской области Узбекской ССР в семье военнослужащего погранвойск. В 1975 году окончил кафедру ихтиологии и гидробиологии биолого-почвенного факультета Ленинградского ГУ (специальность – биолог-зоолог-ихтиолог).

После окончания университета А. М. направлен по распределению в КоТИНРО, где в период с 1975 по 1985 г. работал в должности младшего научного сотрудника лаборатории донных рыб.

В 1975–1978 гг. курировал исследования по восточнокам-

чатской треске, а с 1978 г. стал заниматься изучением биологии и состояния запасов массовых видов рогатковых (бычков). В 1985 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук на тему «Биология массовых видов рогатковых (семейство Cottidae) прикамчатских вод» и был переведен на должность старшего научного сотрудника.

В 1986 г. назначен заведующим лаборатории донных рыб КоТИНРО. За время работы в институте принимал участие во многих морских экспедициях на научно-поисковых и промысловых судах в Охотском, Беринговом морях, тихоокеанских водах Камчатки и северных Курильских островов.

В 1990 г. к. б. н. А. М. Токранов перешел в Камчатский отдел природопользования ТИГ ДВО АН СССР (в настоящее время – Камчатский филиал Тихоокеанского института географии ДВО РАН), где в течение трех лет работал старшим научным сотрудником лаборатории экологии высших позвоночных.

С 1993 и по декабрь 2007 г. являлся заместителем директора по научной работе КФ ТИГ ДВО РАН. Одновременно, с августа 1999 года заведовал лабораторией гидробиологии. Область научных интересов – состав ихтиофауны северной части Тихого океана, функциональная структура ихтиоценов, биология рыб.

Алексей Михайлович Токранов

С 1993 по 2008 г. А. М. Токранов по совместительству занимался исследованием рыб глубоководного комплекса в лаборатории морских промысловых рыб КамчатНИРО.

В период с 1985 по 1990 г. читал курсы лекций по темам «Ихтиология и гидробиология», «Промысловая ихтиология и сырьевая база рыбной промышленности» и «Биологические основы рыболовства и аквакультура» на кафедре промысловства и судовождения в Камчатском филиале Дальрыбвтуза (в настоящее время – КамчатГТУ). С 2003 г. – доцент кафедры биологии и химии КамчатГТУ, где читает курсы лекций по зоологии, ихтиологии и гидробиологии.

Автор (соавтор) более 328 научных и 730 научно-популярных публикаций, посвященных различным проблемам биологии рыб, охране и рациональному использованию биологических ресурсов прикамчатских вод, истории исследований.

В качестве члена редколлегии или ответственного редактора принимал участие в подготовке 36 сборников научных статей и тезисов докладов, участвовал в проведении многих экологических экспертиз различных программ и проектов на территории Камчатской области.

Ответственный редактор, вышедшего в 2006 г., первого тома «Красной книги Камчатки» (Животные). Один из организаторов и постоянный член Оргкомитета 16-ти научных конференций «Сохранение биоразнообразия Камчатки и прилегающих морей», состоявшихся в Петропавловске-Камчатском в период с 2000–2015 гг.

С декабря 2007 г. и по настоящее время А. М. Токранов исполняет обязанности директора КФ ТИГ ДВО РАН. Осенью 2009 г. по совокупности опубликованных научных статей защитил ученую степень доктора биологических наук по специальности «ихтиология».

***

С Алексеем Михайловичем познакомились еще тогда, когда оба только начинали работать в КоТИНРО – осенью 1975 года. При первом же общении с ним меня поразило сходство наших мировоззрений, мыслей, чувств и восприятия окружающего

мира. Он обладает огромным чувством юмора. При внешней мягкости может аргументированно и бекомпромиссно отстаивать свое мнение.

Несмотря на то, что А. М. работал в лаборатории донных рыб и занимался изучением трески, бычков и других морских рыб, а я изучал тихоокеанских лососей, мы ежедневно встречались и обсуждали текущие и будущие исследования, новинки научной и художественной литературы, собственные успехи и неудачи и другие проблемы.

НОЧНОЙ КОСТЕР

Моему другу А. М. Токранову

Горит костер на острове ночном,
Горит костер, и светит он и греет,
И мы сидим возле него вдвоем,
Уверенные, что не постареем.

Наш остров – 20 метров в ширину,
Как будто палуба игрушечного судна,
И с каждой стороны течет река,
Она широкая, разрезанная будто.

На темном небе – облака и нет Луны,
Серебряной, нетронутой монеты,
Все звезды далеко, а мы – на дне Земли
Пьем чай, едим балык и слушаем сонеты.

Вдруг «Полонез Огинского» возник,
Торжественно, как в килевой болтанке,
И нам представилось, как польские войска,
Лавиной конницы пошли на танки.

И тут Луна в разрыве облаков,
Блеснула яркою звездой менестреля,

Природы слезы – падал редкий дождь:
Они погибли, но не постарели.

Горит костер на острове ночном,
Горит костер, и светит он и греет,
И мы сидим возле него вдвоем...

Сентябрь 2012 г. (события 1977 г.)

С уходом А. М. из КамчатНИРО в Камчатский отдел природопользования Тихоокеанского института географии ДВО АН СССР в первые несколько лет наши отношения несколько ослабли, но уже в конце 1990-х гг. в они вновь вышли на новый, более высокий уровень.

Это было связано с тем, что благодаря непосредственному активному участию Алексея Михайловича и сотрудника института Ольги Андреевны Чернягиной КФ ТИГ ДВО РАН начал организовывать и проводить в Петропавловске-Камчатском ежегодную научную конференцию «Сохранение биоразнообразия Камчатки и прилегающих морей». Начиная с 7-й, данная конференция получила международный статус. В ноябре 2016 г. состоялся ее 17-летний юбилей.

Надо признать, что популярность конференции «Сохранение биоразнообразия Камчатки и прилегающих морей» обусловлена тем, что к ее началу организационный комитет ежегодно выпускал тезисы докладов (тиражом от 300–500 экз.). Причем, разрешалось представлять тезисы до 3 страниц (в исключительных случаях и более).

Три страницы – это уже маленькая статья, в которой можно подробно и аргументировано высказать свою точку зрения, что стало привлекать к участию в конференции многих ученых из России и зарубежья.

После прошедших конференций ее организаторы формировали сборники избранных докладов (тиражом 300 экз.). Последнее также привлекало ученых к активному участию в них.

Скажу честно, я просто «заразился» этими конференциями и подготовкой к их началу. Несмотря на то, что какое-то вре-

мя я не являлся членом редакционной коллегии конференции, А. М. давал мне иногда на просмотр отдельные тезисы и статьи. Представленные материалы вместе обсуждали, а что-то обсуждать с А. М. – это всегда интересно.

И самое главное, за что особенно благодарен Алексею Михайловичу и его партнеру по проекту Ольге Андреевне, это то, что они смогли найти контакт с Тихоокеанским центром охраны окружающей среды и природных ресурсов – Pacific Environment/PERC, финансируемым фондом Gordon and Betty Moore Foundation (США). Этот фонд несколько лет выделял гранты и реализовал издательскую программу, ежегодно выполнявшуюся КФ ТИГ ДВО РАН по теме: «Тихоокеанские лососи и все, связанное с ними».

Благодаря этой программе, с помощью Алексея Михайловича и Ольги Андреевны, я написал и опубликовал (чаще в соавторстве) шесть научно-популярных фотоальбомов: «Рыбы бассейна реки Камчатки» (2007), «Нагульно-нерестовые озера азиатской нерки» (2008, в соавторстве с В. Е. Кириченко), «Озерновская нерка» (2009, в соавторстве с А. В. Масловым и В. А. Дубыниным), «Нерка реки Камчатки» (2010), «Полет над гнездом нерки» (2010, в соавторстве с А. В. Масловым) и «Где крупнее лососи?» (2011, в соавторстве с А. М. Токрановым).

Наиболее поразительное в истории с этой издательской программой то, что основные фигуранты данного проекта с российской стороны – А. М. Токранов и О. А. Чернягина – за прошедшие пять лет сами не смогли в ней ничего опубликовать. Все объясняется просто: А. М. изучает морских рыб, а О. А. – ботаник. Тематика их исследований не совпадала с издательской концепцией PERC, т. к. фонд Gordon and Betty Moore Foundation выделял деньги только на публикации о лососях. Вот уж, действительно, яркий пример существующей поговорки: «Сапожник без сапог»!

Огромной удачей А. М. является то, что он создал и опубликовал три справочника публикаций с краткими аннотациями, посвященных ихтиологическим и рыбохозяйственным исследованиям прибрежных вод и внутренних водоемов Камчатки.

Не знаю в моем окружении ни одного человека, который бы

обладал такими энциклопедическими знаниями, как д. б. н. А. М. Токранов, что выразилось в огромном числе опубликованных им научных и научно-популярных – более 1000 работ!

Тюменцев Виктор Леонидович – родился 17 ноября 1950 г. в старинном камчатском селе Паратунка. Его мать, Тюменцева Лидия Корнеевна (в девичестве – Деркач) приехала на Камчатку по оргнабору в 1947 г. и практически все время работала воспитателем, сначала в Паратунском детском доме, а потом, когда в 1960-х годах детский дом перевели в Елизово, до ухода на пенсию продолжала работать в детском саду.

Отец, Тюменцев Леонид Фёдорович, уроженец с. Паратунка, всю жизнь, за исключением учебы в ФЗУ в 1941 г. в Петропавловске-Камчатском и последующей службы в армии и участия в войне с Японией (участвовал в Курильской десантной операции) прожил в Паратунке. После службы в армии, с 1946 г. работал в военной санатории, он тогда только открылся. Затем работал в Паратунском детском доме, совхозе «Октябрьский» (его правление располагалось в одной половине дома Иннокентия Степановича Подпругина).

Предки Виктора Леонидовича по отцовской линии на Камчатке появились достаточно давно. Ему удалось разыскать в архивах своего прапрадеда – Тюменцева Савву Исааковича, который родился в 1807 г. По линии прабабушки – Чуркиной Елены Петровны, камчатская история семьи Тюменцевых начинается с середины XVIII века.

Двоюродный дед Виктора Леонидовича (Василий Матвеевич Тюменцев) в начале 1900-х гг. был старостой с. Паратунка. В книге В. Л. Комарова «Путешествия по Камчатке в 1908–1909 гг.» (2008) есть фотография, где Василий Матвеевич стоит на пороге своего дома вместе с женой Юлией Никитичной (второй брак).

Виктор Леонидович поступил в Паратунскую школу в 1957 г., закончил восьмилетку в 1965 г. Для дальнейшей учебы надо было ехать в пос. Елизово или в г. Петропавловск и, скорее всего, снимать жилье, т. к. родственников у которых можно было остановиться ни в Елизово, ни в городе у него не было.

Приводим воспоминания В. Л. об учебе в Паратункой шко-

Виктор Леонидович Тюменцев

ле-восьмилетке: «Из моих ранних школьных впечатлений хотел бы отметить следующие. Первым учителем в нашем классе был мужчина, что достаточно редко было среди учителей начальных классов. Александр Павлович Коняхин не всегда был сдержанным педагогом, и мы его слегка побаивались. А кое-кому из моих одноклассников приходилось иногда по партам убежать от “грозного учителя”. Через два года у нас появилась новая учительница – Александра Николаевна Заковряшина, которая в отличие от предыдущего учителя отличалась спокойствием и заботливым отношением к ученикам. Спустя почти пятнадцать лет мы с ней встретились вновь, теперь же на равных, работали учителями в Начикинской школе. Ее дочь, Наталья, занималась у меня в лыжной секции и добилась неплохих результатов, выступая на областных и всероссийских лыжных соревнованиях.

В нашем классе был своеобразный потолок, в центре которого выделялся след от шестиугольного выреза. Говорили, что здесь раньше была церковь, а во второй ее части располагалась столярная мастерская, где полноправным хозяином выступал учитель труда Александр Михайлович Дикуненко, мастер на все руки, который научил нас «столярничать», и эта нехитрая наука пригодилась на всю жизнь. Основное одноэтажное здание школы из нескольких классов было пристроено к бывшей

церкви. Уже гораздо позже на фотографии села Паратунки, сделанной в начале двадцатого века, я впервые увидел эту церковь. Как раз в часовне впоследствии и находился наш класс.

Отопление в школе было печное. Рано утром истопник за-тапливал печи, мы часто приходили в школу затемно, в классе плясали отблески огня от печки, было тепло и уютно. Раньше других, почти всегда, в школе появлялся Сашка Рогожин. Его дом был как раз напротив школы, ему стоило только перебежать дорогу. Одним из увлечений Сашки было подстрелить одну из крыс, которые просто «гуляли» в темноте по классам. Для этого он использовал устройство типа арбалета, где поражающей стрелой была обыкновенная перьевая ручка с острым пером. При попадании ручки в цель, крыса начинала с писком носиться по классу, а мы – за ней, пытаясь избавить школу от очередного ненавистного грызуна».

Родители приняли решение отправить сына к дяде по отцовской линии в г. Симферополь, где он закончил среднюю школу, а потом в этой же школе работал лаборантом. Первая попытка поступить в Днепропетровский ГУ на специальность «биологическая физика» не увенчалась успехом. Именно, в этом году, был очень высокий конкурс из-за того, что в 1967 г. было сразу два выпуска средней школы. На следующий год он уже стал студентом Камчатского пединститута, который закончил в 1973 г., получив специальность учителя физики. По направлению был распределен в среднюю школу в с. Начики, которая стала средней в 1973 году.

С реорганизацией школы увеличилось число часов физики. В первые годы, кроме физики, пришлось преподавать математику, физкультуру, черчение, труды и, даже, географию.

Кроме учительской работы практически сразу окунулся в тренерскую деятельность. В институте занимался лыжами, выступал за сборную института, и в школе полученные навыки пригодились в полной мере. За несколько лет удалось подготовить хороших лыжников, которые не только составляли конкуренцию сильнейшим молодым лыжникам в области, но и успешно выступали на всероссийских и всесоюзных соревнованиях.

В 1978 году он уже год работал завучем, В. Л. предложили

работу в городском отделе образования. Спустя полтора года стал заведующим отделом народного образования Елизовского горисполкома и в этой должности проработал до июня 1987 года. Затем почти 20 лет был заместителем областного органа управления образованием.

Виктор и Светлана, которая стала его женой, поженились в 1980 г. Она в то время еще училась в Камчатском пединституте. Так у четы Тюменцевых сложилась педагогическая семья. А если учесть, что их мамы были педагогами, то можно говорить о настоящей педагогической династии. Светлана все эти годы работала и работает учителем английского языка, и, по «совместительству», личным переводчиком во время совместных туристических поездок за границу.

Л. Ф. Тюменцев (первый ряд справа) с боевыми товарищами в военные годы (1943 г.)

В 2008 г. В. Л. Тюменцев возглавил Министерство образования и науки Камчатского края (см. цветную вкладку). В феврале 2014 г. В. Л. ушел на пенсию и практически сразу стал работать в должности уполномоченного по правам ребенка в Камчатском крае.

Отец – Л. Ф. Тюменцева

У Виктора Леонидовича две взрослые дочери: старшая – Анна и младшая – Елена. Анна после окончания университета работает в Москве в «Ростелекоме». У нее в семье растут два сына: восьми и четырех лет. Елена получила два высших образования, в настоящее время работает советником в аппарате законодательного собрания Камчатского края.

Виктор с мамой Людмилой Корнеевной, с. Паратунка (1955 г.)

Дом И. С. Подпругина, где с левой стороны располагалось правление колхоза «Красная Звезда», а позднее совхоза «Октябрьский»; в другой части дома проживал И. С. Подпругин (1963 г.)

Мама – Л. К. Тюменцева (1963 г.)

Областной турслет в с. Малки. Второй ряд (слева на право): второй – Юра Вторушин, третий – Володя Рупаков, четвертый – Вася Антаков, пятый – Витор Тюменцев (1963 г.)

Купание на оз. Лесное (слева на право): Виктор Тюменцев, Валера Федорин, Юра Вторушин, Володя Рупаков (1964 г.)

В. Л. Тюменцев в студенческие годы (1979 г.)

Светлана и Виктор – молодожены (1980 г.)

Упрямов Владимир Евгеньевич (5.05.1952–27.06.2000 гг.), родился в г. Махачкале Дагестанской АССР. В 1974 г. закончил биологический факультет Донецкого ГУ по специальности «биолог-зоолог».

В феврале 1977 г. приехал на Камчатку и поступил на работу в Камчатское отделение ТИНРО. Сначала работал в должности старшего лаборанта, занимался изучением биологии озерных сельдей Камчатки, затем стал младшим научным сотрудником. Поступил в заочную аспирантуру ТИНРО (г. Владивосток), которую закончил в 1983 г. Диссертацию не защитил.

С 1986 по 1988 гг. работал в лаборатории морзверя, изучал биологию и динамику численности морских котиков. В 1989 г. перешел в лабораторию динамики численности лососей, где до конца своей жизни занимался природоохранными исследованиями. С 1992 г. руководил группой охраны природы.

Владимир Евгеньевич Упрямов

В. Е. Упрямов являлся экспертом от КамчатНИРО при проведении государственной экологической экспертизы в Госкомкамчатэкологии, экспертом по управлению окружающей средой в проекте Глобального экологического фонда – Программы Развития ООН по сохранению и управлению популяцией лососевых рыб на полуострове Камчатка.

По природоохранной тематике В. Е. Упрямов участвовал в проведении полевых работ и анализе научных данных по влиянию на воспроизводство лососей строительства осушительных агромелиоративных систем и малых ГЭС, разработки месторождений термальных вод, рудного золота и россышной платины, нефти и газа. В последние годы он много времени уделял оценкам ущерба рыбному хозяйству от антропогенного фактора и усовершенствованию методик оценок.

Владимир Евгеньевич опубликовал более 20 научных работ. Воспитал сына и дочь. Любил живопись, театр, съемку видеofilьмов на природе.

***

Мы познакомились с Владимиром Евгеньевичем впервые в августе 1977 г. в Усть-Камчатске, встретившись в домике КоТИНРО по ул. Комсомольской, № 149. Он занимался озерной сельдью оз. Нерпичьего, я – неркой р. Камчатки.

В июле 1978 г. я спас Володю от «голодной смерти», разыскав его с заглохшим мотором в дальней части оз. Нерпичьего – оз. Култучном. После этого у нас с ним всегда существовали самые теплые и дружеские отношения. Мы оба были молоды, верили в будущее, и между нами никогда не пробегала «черная кошка».

Всегда нравилась его разумная педантичность и высокая обязательность. Владимир Евгеньевич был мягким и добрым человеком. Очень жаль, что безвременная скоропостижная смерть оборвала его жизнь и он не успел полностью раскрыться в науке, а к этому в последние годы его жизни имелись большие предпосылки.

Ходько Анатолий Николаевич – родился 1 января 1951 г. в пос. Кировском Соболевского района Камчатской области в семье служащих. В 1968 г. окончил 10 классов. После школы пошел работать учеником электромонтажника на судоремонтный завод, вскоре приобрел эту специальность. В 1969–1971 гг. служил в рядах Советской Армии.

С июля 1971 г. зачислен на должность старшего техника в КоТИНРО, а с января 1972 г. переведен на должность старшего

Анатолий Николаевич Ходько

лаборанта. В 1986 г. закончил заочное обучение в Морском рыбопромышленном техникуме в г. Петропавловске-Камчатском.

После окончания техникума ушел из КоТИНРО. С 1989 г. вновь стал работать в КоТИНРО (КамчатНИРО) в должности инженера лаборатории динамики численности тихоокеанских лососей.

А. Н. участник многих морских и сухопутных экспедиций. В 1976–1978 гг. с его помощью удалось собрать материал по биологии локальных стад нерки р. Камчатки. В течение многих лет ежегодно выезжает на р. Хайлюлю для получения данных о скате горбуши северо-востока Камчатки, попутно накапливая материалы по всем видам тихоокеанских лососей. Очень контактен, что здорово помогло ему в период ежегодных экспедиций по Камчатке. Любит рыбалку и охоту. Мастер на все руки.

Имеет сына и дочь. Супруга, Надежда Ивановна Гайдамак, работает в КамчатНИРО.

Совместные экспедиции по р. Камчатке 1976–1978 гг. сдружили нас с Анатолием Николаевичем на всю жизнь. И хотя мы после этого больше не выезжали вместе с ним «в поле», понимаем при встречах друг друга с полуслова. И этого нам достаточно. Мы в молодости вместе смогли преодолеть общие экспедиционные трудности. Никто не знает, на что он способен, пока не попробует!

***

Информацию о других сотрудниках КамчатНИРО можно найти в мемуарах И. А. ПолUTOва «Давным давно» (1995); научной монографии В. Ф. Бугаева «Азиатская нерка» (1995); книгах-альбомах: В. Ф. Бугаева «Рыбы бассейна реки Камчатки» (2007); В. Ф. Бугаева, В. Е. Кириченко «Нагульно-нерестовые озера азиатской нерки» (2008); В. Ф. Бугаева и др. «Озерновская нерка» (2009); В. Ф. Бугаева «Лучшие годы нашей жизни» (2009); В. Ф. Бугаева «Нерка реки Камчатки» (2010) и др. и юбилейных сборниках КамчатНИРО: Н. И. Виленской, Е. А. Науменко (редакторы) «Годы и люди» (2002); Ю. П. Дьякова, Е. А. Науменко (редакторы) «КамчатНИРО 75 лет» (2007); В. Ф. Бугаева, Е. А. Науменко «КамчатНИРО-80» (2012).

АФОРИЗМЫ

В 1986 г. в первом и втором номерах журнала «Иностранная литература» вышли фрагменты книги Лоуренса Питера «Принцип Питера или почему дела идут вкривь и вкось». То, что прочитал, ошеломило меня логикой и своей простотой всего происходящего. В книге БЫЛ прогноз моего будущего в случае дальнейшей работы в науке.

Вырвал странички из журнала и всегда возил их с собой в течение многих лет в папке с рабочими бумагами текущих дел. Я натыкался на них почти ежедневно и периодически читал. Особенно подробно читал их на полевых работах – в дождливые дни на оз. Азабачьем.

Начало такое: «Меня одолевают сомнения. Не могу разобраться, кто управляет миром – люди некомпетентные, но честные. Либо умные ребята, которые нас дурачат...».

В результате здорово увлекся чтением изречений, афоризмов и неписаных законов жизни, особенно на ночь глядя. Читая их, иногда возвращался к каким-то ситуациям в своей биографии. Проигрывал их. Часто подходило, иногда не очень. Чтение афоризмов – это определенная психотерапия. На собственном опыте могу подтвердить, что это так.

Предлагаемая подборка, как мне казалось, могла быть близка менталитету группы людей, профессионально занимающихся наукой. Специально не стал классифицировать выбранные афоризмы по темам, т. к. неожиданные высказывания и смена темы всегда полезнее – они будят новые повороты наших мыслей. Это не позволяет заикливаться на чем-то одном и, в целом, способствует релаксации.

Но всем известно, что к большинству афоризмов имеются и «антиафоризмы», отражающие совершенно другую точку зрения на один и тот же вопрос или ситуацию. Я выбрал те афоризмы (антиафоризмы), которые заделали за живое. В какой-то мере они могут способствовать и Вашему выживанию и успеху в науке.

Нисколько не сомневаюсь, что выбранные изречения станут небезразличны моим коллегам или другим людям, незави-

симо от того, разделяют они мою точку зрения в книге на все происходившее со мной или нет. В этом мире практически нет плохих или хороших людей, просто каждый – сам за себя.

Подборка афоризмов была опубликована в книге: В. Ф. Бугаев «Лучшие годы нашей жизни» (2009). В настоящем издании, из-за большого объема рукописи, почти все подобранные материалы пришлось исключить. Из всего разнообразия затронувших меня афоризмов, я сейчас позволю привести только несколько – самых важных для меня. Именно ими и руководствуюсь многие годы своей жизни.

1. ЗАКОН НАПОЛЕОНА: Если хочешь, чтобы дело было сделано, сделай его сам.

*Наполеон Бонапарт (1769–1821),
французский император*

2. ПРАВИЛО ТРОЛЛОПА: Три часа работы в день позволяют написать столько, сколько человек должен написать (1883 г.).

Троллоп, английский писатель. Автобиография

3. Если хотите, чтобы дело было сделано хорошо, найдите занятого человека; всем остальным некогда.

*Элберт Хаббард (1859–1915),
американский бизнесмен и писатель*

4. Кто свободен от предрассудков, должен быть готов к тому, что его не поймут.

Лион Фейхтвангер (1884–1958), немецкий писатель

5. Говорят, истина лежит между двумя противоположными мнениями. Неверно! Между ними лежит проблема.

Иоганн Вольфганг Гете (1749–1832), немецкий поэт

6. Подумай, как трудно изменить себя самого, и ты поймешь, сколько ничтожны твои возможности изменить других.

Вольтер

7. Если хочешь нажать врагов, попробуй что-нибудь изменить.

Вудро Вильсон (1856–1924), президент США

8. Не думай, будто люди против тебя; по большей части они просто за самих себя.

Джин Фаулер (1890–1960), американская писательница

9. Всегда найдутся любители посмеяться над профессионалами.

*С. Крытый – псевдоним М. Ю. Ляшенко (р. 1955),
литератор*

10. Если не знаешь, как поступить, поступай порядочно.

Анонимный афоризм

11. ЗАКОН ЧАНДЛЕРА: Всех не победишь (1954 г.).

Раймонд Чандлер (1888–1959), американский писатель

Павел Таранов (психолог, писатель) рекомендует: «Уклоняйтесь от воздействия на вас метода “Все время перечить”:

– Если люди начинают “доставать” нас, это очень часто означает, что они желают “доконать” нас. Не обязательно своими действиями напрямую ослаблять человека. Очень результативным бывает просто брать и размывать фон его привычной устойчивости...».

Далее, Павел Таранов резюмирует: «Иногда, знакомясь с

результатами чьей-то учености, можно только порадоваться, что мудрая природа заложила в составляющие своего совершенства и сменяемость поколений. Представить страшно, чего бы стоила жизнь, если бы опровержение каких-то суждений растянулось на столетия жизни того, с кем ты не согласен...».

КамчатНИРО – 2010–2016 гг.

В 2010–2011 гг., как и в предыдущие 2007–2009 гг., я был занят издательской деятельностью. Прежде всего, следует выделить научно-популярную книгу «Нерка реки Камчатки» (2010), которая имела обложку, подобную той, что имела «Озерновская нерка» (2009). Получился своеобразный двухтомник о самых крупных стадах азиатской нерки.

Совместно с А. В. Масловым мы написали и опубликовали книгу об авиаучете тихоокеанских лососей на нерестилищах камчатских рек «Полет над гнездом нерки» (2010), а с А. М. Токрановым – «Где крупнее лососи?» (2011), название которой говорит само за себя.

Весной 2011 г. вышла из печати книга «Азиатская нерка» (1995), переведенная на английский язык еще в 1995 г.: Victor F. Bugaev. 2011. Asian Sockeye Salmon (freshwater period of life, biological structure, population dynamics) // Petropavlovsk-Kamchatsky: Publishing House “Kamchatpress” – 292 pp.

Лучше всего причина ее появления описана в предисловии к английскому изданию: «Я счастлив, что моя книга «Азиатская нерка» выходит из печати на английском языке. Она является дословным переводом моей монографии «Азиатская нерка (пресноводный период численности, биологическая структура, динамика численности)», вышедшей в Москве в издательстве «Колос» в 1995 г., и адресована прежде всего, для англоязычного читателя.

В России эта книга широко известна среди исследователей лососей, на нее часто ссылаются, что свидетельствует о вос-

требованности издания. Но, к сожалению, в США, Канаде и Японии среди исследователей лососей сейчас нет ученых, которые знают русский язык и, на мой взгляд, этот интересный труд незаслуженно остался без должного внимания среди англоязычной ихтиологической общественности.

В середине 1991 г. я начал писать свою книгу «Азиатская нерка» и сообщил об этом нескольким своим зарубежным знакомым. В ноябре 1991 г. я, неожиданно, получил телеграмму от директора Тихоокеанской биологической станции (г. Нанаймо, Канада) доктора Ричарда (Дика) Бимиша (Richard Beamish) “I will help you book in English please let me know when you expect to have manuscript completed and the number of pages and figures”. Эта телеграмма резко подняла мою активность в процессе написания книги. В феврале 1993 г. я эту книгу закончил и передал в Канаду для перевода на английский язык. Перевод книги на английский язык осуществили в Department Fisheries and Oceans Government of Canada.

Пока рукопись книги переводили на английский язык, с помощью директора Камчатского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии (КамчатНИРО) к. б. н. М. М. Селифонова, в апреле 1995 г. я опубликовал ее в России на русском языке тиражом 1000 экземпляров который сейчас уже практически закончился – осталось около 50 экземпляров книги.

К сожалению, пока шел процесс написания книги и ее перевод, экономические обстоятельства в Канаде изменились и спонсор данного издания – Тихоокеанская биологическая станция (г. Нанаймо, Британская Колумбия), не смогла найти средств, чтобы ее издать и завершить проект в 1996 г.

Несколько лет ситуация была неопределенной. Время остановилось. В связи со сложившимися объективными обстоятельствами личного плана (тяжелой болезнью), я смог вернуться к вопросу о подготовке к публикации англоязычного варианта книги только весной 2004 г., которую решил опубликовать в России. Ситуация осложнялась тем, что у доктора Р. Бимиша не имелось электронного варианта рукописи (она была отпечатана на пишущей машинке), имеющиеся материалы необходи-

мо было оцифровать и уже потом внести корректуру Вильяма Рикера (William Ricker), сделанную в манускрипте.

Но вернувшись к работе над рукописью, в некоторых местах я не смог разобрать почерк В. Рикера и внести в электронный вариант все его редакторские правки. Это также затормозило работу. В 2005–2010 гг. я был сильно загружен издательской деятельностью: подготовил и опубликовал (часть из них в соавторстве) ряд научных и научно-популярных книг по биологии нерки и других тихоокеанских лососей.

В связи с большой нагрузкой, я окончательно закончил работу над английской версией книги «Азиатская нерка» только в сентябре 2010 г. В итоге, некоторые замечания В. Рикера я все-таки внести не смог и подготовил ее для издания в том виде, насколько мне это удалось. Я понял, что если не опубликую книгу сейчас, то этого может не произойти никогда. Люди не бессмертны. Поэтому, те погрешности в тексте, которые могут быть встречены англоязычными читателями, могут быть отнесены на мое плохое знание английского языка и не связаны с редакторской правкой доктора В. Рикера.

В заключение, я хочу выразить свою искреннюю благодарность специалистам, осуществившим перевод моей книги с русского языка на английский язык: Х. Де (H. De), Эду Эллиоту (Ed Elliot) и ныне покойному доктору Збигневу Кабате (Zbignev Kabata) (принимавшему участие в переводе некоторых трудных мест в рукописи), а также сотруднице КамчатНИРО Виктории Владимировна Плищенко, подготовившей оцифрованный вариант книги.

Особую признательность и благодарность я хочу выразить ныне покойному известнейшему канадскому ученому доктору В. Рикеру, и доктору Р. Бимишу проделавших большую редакторскую работу по литературной обработке английского варианта рукописи.

Но надо подчеркнуть, что публикация данной книги сейчас не была бы возможна без решения директора Камчатниро д. б. н. Сергея Георгиевича Коростелева и его заместителя по научной части к. б. н. Евгения Александровича Шевлякова опубликовать эту книгу на английском языке, понимавших важность

такой публикации. Они смогли решить все финансовые вопросы, связанные с изданием.

Я надеюсь, что публикация моей монографии «Азиатская нерка» на английском языке будет способствовать сближению ученых многих стран, использующих лососевые ресурсы Тихого океана».

«Азиатская нерка» на английском языке вышла небольшим тиражом – 200 экз. и предназначена только для англоязычных читателей. Конечно, небольшую часть тиража КамчатНИРО распространило по научным библиотекам рыбохозяйственных институтов и ведущих университетов России, как образца уникального издания российско-канадского сотрудничества.

Окрыленный поддержкой администрации КамчатНИРО, я работал не покладая рук. В августе 2011 г. была сдана в верстку в издательство «Камчатпресс» моя монография «Азиатская нерка-2 (биологическая структура и динамика численности локальных стад в конце XX – начале XXI вв.)». В последних числах декабря 2011 г. книга в типографии была полностью подготовлена для печати, но из-за новогодних каникул, ее начали печатать только во второй половине января 2012 г.

Сергей Георгиевич Коростелов

Евгений Александрович Шевляков

***

В октябре 2011 г., вместо д. б. н. С. Г. Коростелева, директором КамчатНИРО назначают д. т. н. Олега Михайловича Лапшина, до этого многие годы проработавшего в Лаборатории промышленного рыболовства ВНИРО (г. Москва). Появление нового директора вскоре отразилось и на моем статусе в институте: с 1 января 2012 г. я был назначен и.о. главного научного сотрудника Лаборатории динамики численности ти-

Олег Михайлович Лапшин

хоокеанских лососей. Предполагалось, что на аттестации, которую проведут в конце 2012 г., это назначение подтвердится. На момент назначения на новую должность, у меня было опубликовано более 250 научных трудов, включая 12 научных и научно-популярных монографий. Такого количества научных трудов в нашем институте, за всю историю его существования, не было ни у кого. Назначение для меня было неожиданным.

Предполагаемая переаттестация сотрудников института не состоялась и в статусе и. о. главного научного сотрудника я проработал до 31 декабря 2014 г. (до реорганизации ФГУП «КамчатНИРО» в бюджетное научное учреждение ФГБНУ «КамчатНИРО» с 1 января 2015 г.).

***

В начале октября 2012 г. КамчатНИРО праздновало очередную юбилей – 80 лет со дня образования института. К юбилею был выпущен памятный альбом «КамчатНИРО-80», составителем которого был я и заведующая редакционно-издательским отделом к. б. н. Евгения Анатольевна Науменко.

Было торжественное награждение сотрудников института в зале заседаний Администрации Камчатского края (памятными знаками и медалями, почетными грамотами, благодарственными письмами и устными благодарностями).

Наградили всех, кроме меня, т. к. на меня забыли подать рапорт. Награда (отраслевая медаль «Ветеран рыбного хозяйства России») нашла «героя» только через несколько месяцев, после обращения администрации КамчатНИРО в верхние инстанции.

Празднование отметили «грандиозным шашлыком с вином» на Халактырском пляже для всех сотрудников института. Погода в этот день была великолепная и, праздник удался на славу. Погода в предыдущие дни была не устойчива (срывались дожди), но специалисты института правильно спрогнозировали день с хорошей погодой в Петропавловске. На следующий, день после выезда на берег Тихого океана, пошел затяжной дождь.

***

Летом 2012 г. КамчатНИРО начало строительство нового Азабачинского наблюдательного пункта в истоке протоки Азабачьей. В августе-сентябре 2012 г. сделали сруб дома из бруса и накрыли крышей.

В августе-сентябре 2013 г. обшили дом и произвели внутренние работы, установили батареи, отопление шло от небольшого бойлера. В 2014 г. никаких работ на новом пункте не производили, но в июле-августе 2015 г. с помощью вертолета на территории пункта установили 7 балков-модулей (4 – для проживания научных сотрудников, 1 – общая кухня, 1 – санитарный блок, 1 – лаборатория). Предполагали, что в большом доме в одной половине будут жить постоянные сотрудни-

ки пункта, а вторую половину – резервировали для сотрудников института, приехавших на короткое время и гостей.

По плану, в 2016 г. сотрудники, работавшие на старом пункте смогут переехать на новое место жительства и работы. В проекте, отопление балков электрическое (2 квт каждый), но пока еще на пункте нет необходимого генератора электроэнергии. Без наличия отопления даже летнее проживание в балках будет невозможно – холодно. Вызывает вопрос стоимость, доставка и количество топлива, необходимого для нормальной работы электрогенератора. Скорее всего, топливо придется перевозить в лодках, т. к. для подъезда речного катера пункт будет доступен только 10–20 дней в году (в конце июня-первой середине июля).

По моему мнению, из-за трудностей с подвозом расходных материалов для жизнеобеспечения, место для пункта выбрано неудачно. Еще в начале 2000-х годов, я предлагал новый пункт строить в протоке Азабачьей, одним километром выше биостанции «Радуга», на достаточно крутом берегу (на «сенокосе»). До этого места речной катер мог проходить, без проблем, в июне-августе (достаточно продолжительный период). Кроме того, зимой пользоваться снегоходом от «сенокоса» было экономичнее и безопаснее, чем от истока протоки. Экономичнее были бы и регулярные поездки на лодках до Усть-Камчатска. Но мои доводы не были приняты руководством КамчатНИРО во внимание.

АЗАБАЧИНСКИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ ПУНКТ-2

Основан новый пункт КамчатНИРО,
Но место, как всегда, подобрано не то:
Он не доступен для подвоза грузов
Почти весь год... Такое вот кино.

И старый пункт был также недоступен.
Поэтому, раз в год туда вели баржу:
С дровами, ГСМ и габаритным грузом,
Чтобы поддерживать научную мечту.

Раз в год на «новодел», и катер будет доходить,
Но весь бензин придется в лодках бочками возить.
Ведь выдают сейчас его ученым по кварталам,
А лодочный мотор бензина «ест» не мало.

Хотя туман здесь оседает раньше,
В ночных тралениях ученые не будут пункт терять.
Огромный плюс – медведей меньше,
И нет завода – нечего ломать.

Когда решали новый пункт «родить»,
Не худо б было это дело обсудить.
Но я надеюсь: даже много лет спустя,
Его будут любить, как малое дитя!

30 июня 2013 г.

***

Очень заметной вехой в своей научной деятельности я считаю статью, написанную совместно с научным сотрудником Ольгой Анатольевной Захаровой о продолжительности пресноводного возраста симы на Западной Камчатке. Этой сотрудницей и инженером А. М. Бирюковым впервые были собраны достаточно репрезентативные материалы по молодежи симы из ряда рек Западной Камчатки. Они позволили сделать обоснованное заключение о продолжительности пресноводного периода жизни молодежи симы на Камчатке.

Ранее, в 1978 г., на основе анализа структуры чешуи взрослых рыб, мною было сделано заключение о том, что западнокамчатская сима живет в реках в основном два года. Но отсутствие данных по молодежи вида не позволяло это предположение считать окончательным. Наша совместная статья с О. А. Захаровой была опубликована в журнале «Известия ТИНРО» в 2013 г. и поставила в этом вопросе точку. До этого, некоторые исследователи считали, что первое сближение склеритов на чешуе западнокамчатской симы не является годовым кольцом,

а является дополнительным («ложным»), т. к. в период его формирования молодь была еще достаточно мелкой. Эти исследователи считали, что такая мелкая молодь не может быть годовиками.

Но исследования роста молоди западнокамчатской симы до этого никто не проводил. В качестве аргумента приводился факт, что годовики симы в реках южного Приморья крупные и имеют больше склеритов в первой годовой зоне. Но при этом все не придавали значения тому, что в Южном Приморье климат гораздо теплее, чем на Западной Камчатке. Соответственно длиннее там (в Южном Приморье) и вегетационный период и выше температуры воды.

Перед публикацией, я направлял на отзыв статью по симе на отзыв крупнейшему российскому специалисту по возрасту рыб д. б. н. М. В. Мине (Институт биологии развития им. Н. К. Кольцова, г. Москва), который дал ей положительную оценку. В свою очередь, заведующий к. б. н. Е. А. Шевляков предложил отправить статью на рецензию и к. б. н. В. В. Цыгиру (ТИНРО-центр, г. Владивосток), который также дал ей положительную оценку. Вскоре статья вышла из печати.

***

Весной 2013 г. у меня на работе возникла ситуация, которая на несколько лет вперед «выбила меня из колеи». Заведующий лабораторией к. б. н. Е. А. Шевляков забрал у меня лодочный мотор «Ямаха-15» на котором я проработал на оз. Азабачье 9 лет, т. е. оставил меня «безлошадным». Мотор отдали молодому специалисту Евгению Фадееву, который должен был учитывать заходящую в оз. Азабачье нерку с помощью гидроакустического прибора системы «NetCor». Учитывая, что на покупку и внедрение нового прибора потратили около 1,2 млн. рублей, покупка нового мотора для сотрудника составила всего бы 0,08 млн. рублей и это не разорило бы институт.

Заведующему показалось проще – забрать мотор у меня, частично сорвав мои исследования (ведь внедряется новая методика, что там традиционный мониторинг!). Основные исследования по отлову смолтов нерки в протоке Азабачьей и лову

производителей не пострадали, т. к. эту работу выполнил технический персонал.

Но мои новые оригинальные исследования по учету межгодовой численности проходной трехиглой колюшки в озере в 2013 г. (начаты в 2010 г.) не были выполнены. Методика еще не была разработана и, доверить эту работу я никому не мог. Здесь требовались периодические выезды на три контрольных участка берега озера (каждый длиной 200 м) и подсчет трупов, погибшей после нереста, трехиглой колюшки. Такую работу я уже выполнял три года и накапливал ряд наблюдений. Не исключено, что со временем, располагая межгодовой относительной численностью трехиглой колюшки, удалось бы эти данные использовать в прогнозировании обилия подходов нерки оз. Азабачье.

В 2013 г. сильно угнетало то, что меня, проработавшего 40 сезонов на лодочных моторах в бассейне р. Камчатка, и способного еще продолжать самостоятельные сборы материалов (даже без помощи лаборантов), ограничили в передвижении.

В 2014 г. мне вернули мой мотор, но он был сломан. Сезон 2014 г. я провел также вообще без мотора. Мотор надеялись отремонтировать, но ремонт мотора стоил дороже покупки нового. Из-за отсутствия мотора в 2015 г. на полевые работы я не поехал. В конце 2015 г. мотор списали.

В 2016 г. заведующий лабораторией Е. А. Шевляков обещал купить мне новый мотор. Но, в 2016 г. финансирование института «срезали» и, как сказал заведующий отделом д. б. н. Александр Викторович Бугаев, мотор покупать мне уже не будут. Мотор для работы изыскали из внутренних резервов.

МОЙ 41-Й ПОЛЕВОЙ СЕЗОН

Сказали мне: «Отдай мотор,
Ты старый стал, тебе уж он не нужен».
Я спорить начал, но какой тут к черту спор:
Как капля новогодняя на стуже.

В работе ихтиолога мотор
Основа быта его на природе
Движение – жизнь, а остановка – вор,
И не страшны мы никакой невзгоде.

Пока лечу на острие волны,
Пока дрожит дюралья корпус лодки,
Вибраций жизни сердца моего,
И не могу я жить как бы в середине.

Мне нужно все, а предлагают – ноль!
Куда ты денешься с КамчатНИРО подводной лодки?
В фантазии уйду, из сердца выну боль,
Не буду глотку рвать и оббивать подметки.

Я десять лет его берег и холил,
Не списывал его – ведь это старый конь,
Он отдан молодым, его убьют в сезоне,
Лихих поездок мощи на огонь.

Хоть чучелом, хоть тушкой, я хочу,
Касаться темы жизни нерки на излете,
Ведь истину, добытую в биологическом раю,
Возможно применить в практической работе.

Возьму я микроскоп любимый,
Уйду в луч света и откроется окно:
Как в молодости носился на моторе,
И Алых Парусах – в любимом КоТИНРО.

27 февраля 2013 г.

ВСЕ В ПРОШЛОМ... 41-Й ПОЛЕВОЙ СЕЗОН

Все... Приехал на озеро.
Я – живу без мотора,
Вся романтика в прошлом,
Пришлось сдаться без спора.

Мне привозят все пробы,
Разбираю я их:
Как в осенней палатке –
Две любви на троих.

Да, на озере «новой»
Показалась мне жизнь,
И попал я конкретно
Стой, дурак, оглянись.

Азабачинский пункт?
Для других он, вообще.
Уходи по-хорошему,
Жить на нем не тебе.

Да, я это все понял,
И готов память смыть,
Новый пункт, что создали,
Мне уже не любить.

Продержусь, как смогу,
На развалинах старых.
Сам пишу свою жизнь,
Еще что-то осталось.

Я меняю стратегию
Отношений в науке
Изучать буду осень,
И жизнь нерки... в разлуке.

30 июня 2013 г.

СТРАННО И БЫСТРО ВСЕ ПРОИЗОШЛО

Закрылось Озеро в душе,
Как странно все произошло
И мне уже не нужно то,
Что волновало по весне.

В чем дело? Озеро живет
Как много-много лет назад,
И тот же старый небосвод.
Осенней ночью сам грядет.

Наверно, дело лишь во мне.
А нерке? Нерке все равно...
Ведь каждый год она должна
Вернуться в нерестилиц дно.

Я все теряю, как она.
Мгновенья смерти впереди,
Как быстро жизнь наша прошла,
И сердца нет уже в груди.

Возврат к истокам нам не дан
Был только шанс и миг судьбы.
Проиллюстрирована жизнь –
Смотреть картинки не спеши.

И мне уже не нужно то,
Что волновало по весне,
Как быстро все произошло,
Закрылось Озеро в душе.

8 июля 2013 г.

ДВА ГОДА СПУСТЯ

Прошло три лета, как мотор забрали,
Вернули сразу, как его сломали.
Списать ты должен, трали-вали,
А вот другой тебе не дали...
Мораль сих действий такова:
Замены лидеров пришла пора...

4 июля 2015 г.

***

Помимо мотора, 2013–2014 гг. оказались для меня тяжелыми и в научном плане. У меня еще 20 лет назад наметились разногласия со специалистом по биологии кижуча сотрудником нашего института к. б. н. Ж. Х. Зорбиди, когда я написал отрицательную рецензию на ее статью по возрасту кижуча. Эту рецензию она никому не показала и нашла другого рецензента. Статью опубликовали в сборнике трудов КамчатНИРО за 2000 года.

Занимаясь другим видом (неркой), я не проводил каких-либо исследований по возрасту кижуча. В нашем институте, не «принято лезть в чужой огород». Более того, я знал, что Ж. Х. переубедить невозможно и даже не пытался этого сделать. В 2010 г. Ж. Х. опубликовала монографию по биологии азиатского кижуча, где изложила свои устоявшиеся взгляды на определение его пресноводного возраста и начала активно обучать молодых специалистов определять возраст у этого вида.

Лично меня такая ситуация возмутила – зачем портить молодежь? Поэтому, я предложил молодому специалисту Надежде Валерьевне Ярош провести совместную работу по росту молодежи кижуча в р. Большая, где она изучала пищевую конкуренцию молодежи лососей. Надежда Валерьевна располагала ежемесячными материалами, собранными за несколько лет. За несколько месяцев мы провели просмотр и анализ имеющихся материалов и написали совместную статью, выводы которой принципиально не совпадали с таковыми Ж. Х.

В связи с тем, что статья носила принципиальный характер,

эту статью мы показали Е. Г. Шевлякову, а он уже дал ее для прочтения Ж. Х. Когда все со статьей ознакомились, заведующий пригласил меня к себе. Договорились на том, что отправим эту статью на рецензию к. б. н. Виктору Валентиновичу Цыгиру и, если он не будет возражать, то эту статью нам можно будет опубликовать. Я еще предложил отправить эту статью д. б. н. М. В. Мине на отзыв, но заведующий сказал, что это лишнее.

Положительный отзыв В. В. Цыгира пришел через месяц, но я уже уехал на полевые на оз. Азабачье и о положительном решении узнал только еще 1,5 месяца спустя. Статья была отправлена в редакцию журнала «Известия ТИНРО», где была опубликована в 2014 г. в 178 томе.

После этого мы с Надеждой Ярош опубликовали статью о росте молоди чавычи в р. Большая, публикация которой прошла гладко. Статья подтверждала правильность традиционных определений возраста чавычи и не была дискуссионной. Через несколько месяцев Н. В. Ярош уволилась из КамчатНИРО, мотивируя низкой заработной платой.

***

В связи с неожиданной смертью Евгения Геннадиевича Погодаева (умер во сне), директор КамчатНИРО д. т. н. О. М. Лапшин предложил моему сыну д. б. н. А. В. Бугаеву возглавить отдел, куда входила и лаборатория, возглавляемая к. б. н. Е. Г. Погодаевым.

В свою очередь, А. В. предложил мне разобраться в архиве Е. Г., который, как оказалось, находился в превосходном состоянии. Последнее явилось заслугой его жены Ирины Степановны Погодаевой, которая многие годы работала в лаборатории мужа.

Оказалось, что ряд данных по половозрелой нерке озер Дальнее, Ближнее, Лиственничное и Саранное, можно было использовать без привлечения первичных материалов, хотя некоторые сборы все же пришлось уточнять на основе «первички». Материалы за 2011–2013 гг. по названным озерам я обработал и описал сам.

После обсуждения с А. В., у нерки из четырех вышеназванных озер, было решено провести анализ размерно-массовых трендов, что я уже сделал ранее у азиатской нерки других водоемов (Бугаев, 2011). В работе использовали архивные материалы, накопленные специалистами КоТИНРО (КамчатНИРО). Е. Г. Погодаева включили в статью, как соавтора.

При работе над статьей, нас с А. В. постигло глубокое разочарование, что по половозрелой нерке оз. Дальнее отсутствуют материалы за 1939–1985 гг., которые в свое время собирала и курировала д. б. н. Ф. В. Крогиус. Хотя по нерке оз. Ближнее в архивах такие материалы имелись.

Ни в отчетах, ни в публикациях Ф. В. Крогиус необходимых нам ежегодных материалов по возрастному составу и размерно-массовым характеристикам (в цифровой форме) половозрелой нерки оз. Дальнее мы не нашли. Поэтому приходится констатировать факт, что многолетние материалы по нерке оз. Дальнее за исследования которой Ф. В. Крогиус, Е. М. Крохин и В. В. Меншуткин получили в 1971 г. Государственную премию СССР в настоящее время утрачены. Эти материалы имелись у Ф. В. Крогиус еще в середине 1980-х годов, о чем свидетельствуют графические материалы в монографии Ф. В. Крогиус и др. «Тихоокеанский лосось-нерка в экосистеме оз. Дальнего (Камчатка)» (1987). Сложившаяся ситуация еще раз свидетельствует о необходимости своевременной публикации ценных научных данных.

***

Сейчас существенной сферой моих исследований, помимо составления прогноза и мониторинга численности нерки р. Камчатка, является изучение феномена «осеннего роста», чаще наблюдаемого у молоди кижуча и чавычи, и в некоторых водоемах у молоди нерки.

Этот феномен заключается в том, что в начале осени с похолоданием воды, молодь названных видов лососей откочевывает или совершает миграции в те участки рек и озер, где вода в этот период теплее и продолжает расти еще некоторое время (до одного-полутора месяцев). На чешуе это отражается в по-

явлении более сближенных склеритов, после которых появляются 1–4 склерита с более широкими межсклеритными расстояниями (но имеющими тенденцию к уменьшению этих расстояний к внешнему краю чешуи). После возобновления сезонного роста весной-в начале лета, на чешуе таких рыб имеется, как бы два сближения склеритов, но разделенными склеритами с более широкими межсклеритными расстояниями. Появляется зона роста, которую иногда трудно классифицировать.

Термин «осенний рост» был предложен к. б. н. В. В. Цыгиром с которым мы, независимо друг от друга обратили на него внимание и, столкнулись в обсуждении статьи по росту молодки кижуча из р. Большой (Бугаев, Ярош, 2014).

Вопрос «осеннего роста» очень важен для определения продолжительности пресноводного периода некоторых популяций кижуча р. Камчатки и ряда водоемов Восточного побережья Камчатки, а также некоторых популяций нерки, нагуливающих в озерах (например, в оз. Дальнее).

***

Так совпало, что выход настоящей книги пришелся на период очень высокой численности нерки, что в значительной мере объясняется улучшением условий для нагула нерки и других видов тихоокеанских лососей в Северной Пацифике. А для нерки р. Камчатки, плюс еще и положительным влиянием фертилизации (удобрения) оз. Азабачье вулканическим пеплом влк. Шивелуч в 2004 г. и периодической фертилизации в последующие годы этим и другими вулканами.

Оптимальный пропуск на нерестилища нерки всей системы р. Камчатки составляет порядка 500–600 тыс. особей, но при таком пропуске неизбежно происходит превышение оптимальной численности в бассейне оз. Азабачьего (50–100 тыс. экз.), в отдельные годы составляющего 50–60 % от всей численности нерки р. Камчатки. Последнее ведет к снижению численности нерки оз. Азабачьего и, соответственно, всей численности нерки р. Камчатки.

Есть два выхода из этой проблемы: 1-й – специализированный лов нерки в протоке и на акватории озера Азабачьего; 2-й

– общий перелов нерки р. Камчатка, когда на все нерестилища этой реки пропускают порядка 300 тыс. производителей нерки (тогда азабачинское стадо избегает значительного превышения оптимума).

В конце 1990-х – начале 2000-х годов КамчатНИРО ещё предполагало снижать численность нерки оз. Азабачьего путем проведения специализированного промысла (на фоне массового традиционного промысла 8 ставными неводами в Камчатском заливе и плавными сетями в нижнем течении р. Камчатки).

Но, в связи с увеличением (под давлением промышленности) общего числа ставных неводов до 10 единиц, с 2008 г. и по настоящее время, значительно до 90–95 % возросла доля вылова нерки р. Камчатки (от всего количества, подошедшей к устью). В результате, на нерестилища стали пропускать меньше «оптимума» для всей нерки р. Камчатки, но ближе к «оптимуму» нерки оз. Азабачьего.

Практически случайно сложилась ситуация, позволяющая нерке р. Камчатки стабильно воспроизводиться на достаточно высоком уровне. Случайно реализовалась концепция, признанная во всем мире для нерки и других видов лососей: «Перелов лучше, чем недолов». Еще в конце 1990-х годов я рекомендовал эту стратегию лова и, только в 2005 г. сотрудники ВНИРО (г. Москва) официально поддержали меня, признав 300 тыс. производителей на нерестилищах нерки р. Камчатки рациональным достаточным заполнением. После этого, с моей точкой зрения вынуждены были согласиться и ученые-прогнозисты КамчатНИРО.

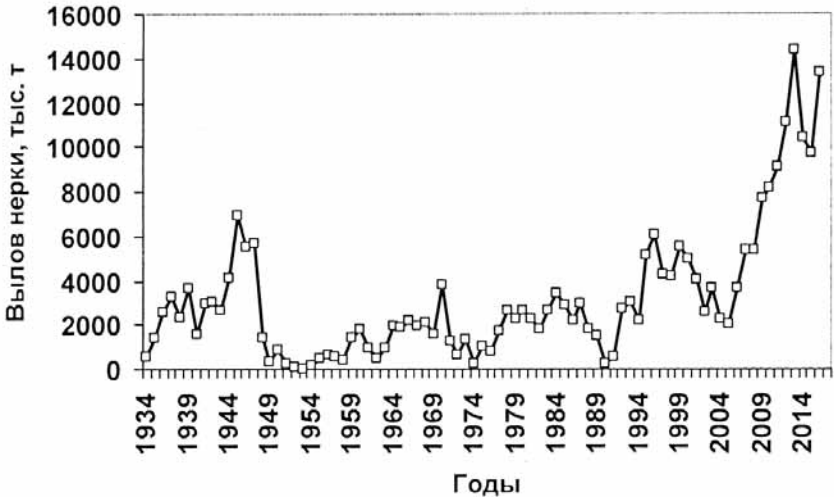
В принципе, вылавливать 90–95 % нерки р. Камчатки можно было и 8 ставными неводами, если не ограничивать лов плавными сетями. Увеличение числа ставных неводов до 10 просто привело к увеличению числа пропускных дней как в реке, так и на неводах в Камчатском заливе. Когда стояло 8 ставных неводов, то пропускных дней на неводах практически не было. Таким образом, увеличение числа ставных неводов усилило значимость оперативной регуляции промысла. Но высокая интенсивность промысла сделала ненужной регуляции промысла нерки на популяционном уровне – ведь вылавливается практически все. Что регулировать?

***

Береговые уловы нерки р. Камчатка за путину с 1934 по 2016 гг. составляют в среднем 3124 тонн.

В 1944–1947, 1995–2001 и 2007–2008 гг. уловы здесь доходили до 4000–6000 т, а в 2009–2016 гг. даже составили, соответственно, 7 660, 8 146, 9 051, 11 117, 14 372, 10 430, 9 670 и 13 374 т, начиная с 1934 г. и по настоящее время. Имеются сведения, что в 1920-х гг. уловы нерки р. Камчатка в отдельные годы поднимались до 20 000 т.

В 2002 г. и 2004–2005 гг. произошло значительное снижение численности нерки р. Камчатка в сравнении с предыдущими 1995–2001 гг. и 2003 годом.

Вылов нерки р. Камчатки береговым промыслом (ставными неводами в Камчатском заливе + лов плавными сетями в реке) в 1934–2016 гг.

Так, в 2004 г. вместо рекомендованных КамчатНИРО к вылову 5017 т нерки в р. Камчатка было выловлено 2234 т, соответствующих 876 тыс. особей. На нерестилища пропустили всего 138 тыс. экз. производителей нерки, что за период 1957–2004 гг. является вторым случаем исключительно низкого пропуска рыб на воспроизводство после 1974 г. Напомним, что в 2004 г. пред-

полагали пропустить на нерест 750 тыс. экз. Таким образом, общий подход нерки к устью р. Камчатка в 2004 г. составил 1 014 тыс. экз.

В 2005 г. численность нерки р. Камчатка оказалась низкой. Из рекомендованных к вылову 2 449 т – добыли 2 048 т, но при этом заполнение нерестилиц осталось далеким от оптимального. Вместо намечаемых к пропуску 700 тыс. экз., на нерестилица пропустили только 233 тыс. экз.

В 2006 г. численность нерки р. Камчатка несколько возросла, что позволило в данном году береговым и речным промыслом выловить 3 645 т (1 458 тыс. экз.) и 733 тыс. экз. пропустить на нерестилица.

В 2007 г. численность нерки р. Камчатка еще более увеличилась: в этом году береговой вылов составил 5 372 т (2107 тыс. экз.), на нерестилица пропустили 777 тыс. экз., а численность зрелой части стада в море составляла 3604 тыс. экз., чего не случалось многие годы.

В 2008 г. численность нерки р. Камчатка еще несколько повысилась, по сравнению с 2007 г.: в этом году береговой вылов составил 5 356 т (2060 тыс. экз.), на нерестилица пропустили 1002 тыс. экз., а численность зрелой части стада в море составляла 4287 тыс. экз.

В 2009 г., впервые за многие годы, был достигнут рекордный береговой вылов – 7 660 т (3 330 тыс. экз.). На нерестилица пропустили 555 тыс. экз., а численность зрелой части стада в море составила 4 395 тыс. экз.

В 2010 г. установили новый рекордный береговой вылов – 8146 т (3542 тыс. экз.). На нерестилица пропустили 787 тыс. экз., а численность зрелой части стада в море составила 5 392 тыс. экз.

Следующий 2011 г. вновь стал рекордным – вылов нерки р. Камчатка достиг 9 051 т (3 620 тыс. экз.), но на нерестилица пропустили значительно меньше, чем ожидали – 155 тыс. экз. Численность зрелой части стада в море составила 4 705 тыс. экз.

В свою очередь, 2012 г. стал вновь рекордным по вылову: береговой промысел освоил 11 117 т (5 554 тыс. экз.) нерки р. Камчатка, а на нерестилица пропустили 613 тыс. экз. Численность зрелой части стада в море была 7 344 тыс. экз.

2013 г. также стал самым высоким по вылову: береговой промысел освоил 14 372 т (5 988 тыс. экз.) нерки р. Камчатка, а на нерестилища пропустили 311 тыс. экз. Численность зрелой части стада в море составила 7 959 тыс. экз.

Рекордным был и 2014 г., когда выловили 10 430 т (4 535 тыс. экз.), а на нерестилища пропустили 272 тыс. экз. Численность зрелой части стада в море составила 6 092 тыс. экз.

Вылов нерки р. Камчатка в 2015 г. несколько снизился, но все равно был высоким: выловили 9 670 т (4 395 тыс. экз.), а на нерестилища пропустили 509 тыс. экз. Численность зрелой части стада в море составила 5 927 тыс. экз.

В 2016 г. КамчатНИРО ожидал также высокую (на уровне последних лет) численность нерки р. Камчатки, что полностью подтвердилось. Сыграло свою роль и то, что в 2016 г. был закрыт морской дрейферный промысел тихоокеанских лососей в экономической зоне РФ. В итоге выловили 13 374 т (6 220 тыс. экз.), а на нерестилища пропустили 286 тыс. экз. Численность зрелой части стада в море составила 6610 тыс. экз.

***

Интересно, что в многолетнем плане, по мере того, как увеличивалась численность нерки р. Камчатки, ухудшались условия заезда на Азабачинский н/п и возврата с него в Петропавловск. Работать стало труднее. Безусловно, начинал сказываться и мой возраст.

Многие годы (до 1989 г. включительно), раз в 10–15 дней вдоль Западного и Восточного побережий Камчатки курсировали два теплохода «Петропавловск» и «Николаевск». Добраться до Усть-Камчатска можно было, без проблем, даже теплоходом.

Кроме того, до 1992–1993 гг. в Усть-Камчатск регулярно два раза в сутки летал рейсовый самолет «Як-40». Но с окончанием строительства дороги «Петропавловск – Усть-Камчатск», население полуострова предпочло рейсовый автобус, который в течение 12–13 часов доставлял пассажиров до места назначения, не зависел от капризов погоды и был дешевле.

Численность авиапассажиров неуклонно снижалось и, в ре-

зультате, самолеты стали летать реже. А еще позже, авиатранспорт стал носить скорее сезонный и эпизодический, чем регулярный характер. И, заявленные в авиабилетах сроки вылета, как правило, сильно отличались от фактических. Это окончательно склонило желание пассажиров ездить автобусами, чем летать.

Проблема заезда сотрудников института на наблюдательные пункты, в каждом отдельном случае, имеют свои особенности. С 1957 и по 2010 гг., когда по всей Камчатской области (Камчатскому краю) наш институт проводил авиаучеты численности лососей на нерестилищах, заезды на Азабачинский н/п не представляли никаких трудностей. Это было связано с тем, что, помимо попутных рейсов в период начала сезона авиаучетов, институту выделяли деньги и на транспортные рейсы.

В 1978–1989 гг. я обычно летал в Усть-Камчатск на рейсовом самолете, с грузом 35–40 кг, состоящим из личных вещей и лабораторного оборудования. В Усть-Камчатске у меня на берегу протоки Озерной (на стороне РКЗ) находился купленный мной на личные деньги лодочный гараж. В гараже всю зиму стояла институтская лодка без мотора, который я на зиму уносил на хранение к знакомым.

Прилетев в Усть-Камчатск, я забирал мотор, заходил в магазин, покупал необходимое на 10–15 дней количество продуктов и на лодке ехал сразу же на Азабачинский н/п.

Но в начале 1990-х годов, лодку в гараже на зиму стало оставлять опасно, т. к. ее могли украсть. Пришлось оставлять на зиму лодку и мотор на оз. Азабачьем. В 1993 г. на моем гараже сорвали дверь и гараж, как таковой, перестал выполнять свои функции. Более того, приезжать за продуктами в Усть-Камчатск также стало проблемой, т. к. можно было пойти в магазин, а вернувшись на берег, увидеть лодку без мотора, который уже украли.

Поэтому, начиная с 1990 г., мы с Лидией Анатольевной Базаркиной (гидробиологом института) и другими сотрудниками, летящими на оз. Азабачье, стали завозить продукты на 3–4 месяца – на весь сезон транспортным вылетом вертолета. И сами, этим же бортом (из Петропавловска), летели прямо на наш пункт.

Но с 2002 г. ситуация поменялась. С целью экономии средств, новый директор к. б. н. Н. П. Антонов предложил совместить два транспортных рейса на Азабачинский н/п и Хайлюлинский (н/п), а рейсы вертолетом выполнять из пос. Эссо. До Эссо сотрудники с грузом на весь сезон добирались на институтских машинах (обычно один «джип» и один грузовик). Там мы разгружались и, с наступлением летной погоды (иногда ждали несколько дней) вылетали на названные пункты. Ночевали в гостинице. В принципе, схема была не плохая (хотя, иногда, возникли ограничения по грузу на каждый пункт), и мы ей пользовались до 2010 г. включительно. С 2011 г. и по настоящее время, финансирование полетов на вертолете «срезали» и вертолетные рейсы «прямо на пункт с грузом» прекратились.

В 2011–2015 гг. в конце мая-начале июня из КамчатНИРО стали отправлять грузовую машину с нашим оборудованием и продуктами до Усть-Камчатска. Там ее встречал заведующий Азабачинским н/п – Сергей Александрович Петров, который на лодке за несколько рейсов перевозил наш груз на пункт. Следует напомнить, что туда и обратно пробег лодки составляет 120 км.

В эти годы, сотрудники института, которые не выехали раньше с грузовой машиной, добирались «налегке» на рейсовом автобусе или самолете «Л-410» (вес багажа до 10 кг). В 2011–2014 гг. я летал в Усть-Камчатск на самолете, но в 2015 г., по состоянию здоровья, не поехал вообще (свой груз я отправил раньше и он в зиму 2015–2016 гг. находился на складе пункта). В 2016 г. мы, вместе с Л. А. Базаркиной, планировали добираться до Усть-Камчатска на институтской машине, которую обещали нам выделить в необходимые для нас сроки. Поездка на служебной машине дает возможность остановиться в любом месте и отдохнуть, что делает дорогу более комфортной, чем на рейсовом автобусе.

Выезды в Петропавловск (после окончания работ) с Азабачинского н/п в 1978–2010 гг. сотрудники института обычно осуществляли на вертолете. Наши отъезды совпадали с окончанием сезона авиаучетов нерки р. Камчатки. Каждый год вертолет КамчатНИРО выполнял авиаучетные работы в районе

озера 26–27 июля, а второй раз – в конце первой декады сентября. Прямо с озера, вертолет с дозаправкой в Эссо летел до Петропавловска. Все необходимые грузы сотрудники вывозили сразу с собой.

В 2011–2014 гг. я выезжал из Усть-Камчатска до Петропавловска уже на рейсовом автобусе, а Лидия Анатольевна – два раза на автобусе, два раза на самолете. В августе в Усть-Камчатске бывают частые туманы и рейсы самолетов, как правило, переносятся на другие даты. Возникают дополнительные проблемы, где ночевать и как добираться до аэропорта, который находится в пос. Крутоберегово в 18 км от Усть-Камчатска.

В связи с возрастом, поездка в 12–13 часов на автобусе для меня стала тяжела. Поэтому, несколько раз подумаешь, прежде чем купить билет на автобус (из-за своих крупных габаритов, я всегда покупал два билета). Но отсутствие регулярных полетов в Усть-Камчатск из Петропавловска, заставляет выбирать эту нелегкую альтернативу.

В 2016 г. в институте обещали выделить машину для заезда в Усть-Камчатск на полевые работы. Но к моменту ожидаемого выезда, все оказалось в таких условиях неопределенности, что я отказался от поездки на полевые работы. Написал письмо Сергею Петрову на Азабачинский н/п, чтобы тот собрал по моему указанию 3–4 коробки личных вещей и осенью, с оказией, передал мне их в Петропавловск. Весь свой полевой инвентарь, скопившийся за 43 годы работы на озере, и библиотеку, я попросил отдать тем сотрудникам, которые будут работать на пункте и пожелают себе что-то взять.

Все, Азабачинский период моей жизни я считаю законченным. Состояние здоровья не позволяет мне уже выезжать на полевые. Все материалы для меня по нерке оз. Азабачьего теперь будут собирать сотрудники Азабачинского н/п. А тут уже действует неписанный закон жизни: «Радуйся тому, что тебе соберут».

***

Все годы моей работы в науке, которая в течение года делилась на полевые работы в бассейнах рек и озёр и работу в

институте, каждой весной я испытывал прилив бодрости в связи со скорой поездкой в район исследований. Организм за многие годы настолько привык к летним физическим нагрузкам, что просто требовал их. Весной наступал период предвкушения скорых полевых, когда, приехав на оз. Азабачье, ты войдешь в свою половину дома, куда не заходил с момента твоего отъезда в прошлом году.

Ты увидишь порядок, который ты оставил перед отъездом, вымытую год назад посуду и кастрюли. Бери и пользуйся, как переступишь порог.

Только на рабочем столе ты можешь найти чашку, в которой оставалось недопитый уже высохший сейчас кофе, когда неожиданно прилетел вертолет, который увез тебя в Петропавловск. Вертолеты, даже если их ждешь, всегда прилетали неожиданно.

Если на пункт прилетали на вертолете, то после отлета винтокрылой машины, мы сразу же начинали перетаскивать свое имущество с вертолетной площадки в дома. Бывали случаи, что отойдешь от груза, и вдруг появляется какой-нибудь любопытный медведь, который не прочь быстренько, разорвать одну-две коробки.

Груз каждый складирует в своем помещении. Первым делом затапливаешь печь и ставишь кипятить чайник с водой – хочется сразу выпить чашечку кофе. Вставляешь батарейки в радиоприемник и, в доме звучит «Радио России». К сожалению, с 2014 г. «Радио России» перестало транслировать свои передачи на коротких волнах. Последние новости в 2014 г. узнавал от «Радио Пекина» и с Аляски от радиостанции «Анкр Поинт».

После кофе, открываешь коробку с деликатесами и идешь в гости к заведующему пунктом. Последние 18 лет заведующим был Сергей Александрович Петров, который до этого многие годы проработал в бассейне оз. Азабачье штатным охотником местного госпромхоза. С ним одновременно начал работать лаборантом Валерий Семенович Артемьев, который покинул озеро в 2008 г. На его место приняли лаборантом Галину Александровну Брейзак, проработавшую на пункте до осени

2014 г. С тех пор, Сергей не может найти второго человека для работы и зимовки на Азабачинском н/п.

В течение первого в сезоне застолья, несколько раз бегаешь в свою половину дома подложить дров в печку, а после его окончания – идешь ложиться спать. На следующее утро готовишь завтрак, раскладываешь коробки по штатным местам. Вечером собираешься провести первое в этом сезоне траление смолтов (покатников) нерки в истоке протоки Азабачьей.

А днем при работающем радиоприемнике достаешь рабочие бумаги и погружаешься в начатые еще в институте размышления и расчеты. В доме тепло и уютно.

Ночные траления молодежи проводим через каждые 3–5 дней. Пойманных рыб фиксируем формалином и выдерживаем в нем 9–10 суток. Только после этого, по сложившемуся на оз. Азабачьем стандарту, можно проводить биологический анализ молодежи (измерять, взвешивать и резать).

У меня на озере накопилось много книг, которые я ежегодно привозил в свое жилище (один стеллаж с книгами стоит даже в кладовке). Поэтому, помимо работы, чтение уже неоднократно прочитанных книг, является своеобразным ритуалом возврата в молодость и прошлое.

Жилые дома бывшего рыбоводного завода сделаны из лиственницы и имели довольно большие размеры (кухня, две больших комнаты 4,5*5 м + коридор и кладовка). Летом, в этих домах из толстых бревен, когда снаружи температура воздуха на солнце поднималась до 30–35 °С, было прохладно и комфортно. К сожалению, два дома из трех, уже полностью разрушены, а последний дом (крыша которого покрыта щепой), сильно течет, прогнил и может развалиться в любой сильный ветер.

По мере необходимости, на Азабачинском н/п включаем небольшой генератор (1–2 квт) и пользуемся компьютерами. Интернета у нас на старом пункте нет, но на новом пункте (в истоке протоки Азабачьей), интернет предусмотрен и функционирует.

Как уже упоминал выше, в 2016 г. сотрудники института планируют заселиться в новые жилые балки-модули на Азабачинский пункт № 2. По задумке администрации КамчатНИРО,

в одном из балков планируют обустроить общую коммунальную кухню. Готовить пищу в жилых модулях не приветствуется. Что из этого выйдет – покажет время.

Многолетний опыт жизни на пунктах КамчатНИРО свидетельствует, что обычно сотрудники готовят пищу на местах своего непосредственного проживания. Ведь каждый научный сотрудник живет и работает по индивидуальному графику и ритму жизни. Труд полностью ненормирован.

На других пунктах КамчатНИРО, например на оз. Курильском, к балкам сами сотрудники пристроили тамбуры, где снимают верхнюю одежду и готовят пищу. В случае Азабачинского н/п дальнейшая адаптация к жизни на нем, вероятно, также пойдет по линии строительства веранд-тамбуров.

В домах, почти на всех наблюдательных пунктах, летом приходится подвешивать над кроватями пологи и жечь различные дымовые спирали от комаров. Пологи придется устанавливать и на новом пункте, т. к. от комаров летом отгородиться не возможно. Отсутствие тамбуров будет увеличивать численность комаров в помещении при входе и выходе из него.

На озере я каждый год перечитываю «Анну Снегину» Сергея Есенина и «Евгения Онегина» Александра Пушкина. Последние годы на озере стал писать стихи. Вспоминаю, как первые годы работы путешествовал с работой по р. Камчатке. Тогда я был молод и счастлив.

Находясь на оз. Азабачьем, я часто вспоминаю и думаю о своих уже давно покойных родителях. Сейчас меня очень угнетает мысль, что, когда это было возможно, я мало интересовался их молодостью, их друзьями и мыслями. В один дождливый день, когда невозможно было выйти на улицу, и мои чувства были обострены, я написал стихотворение о маме.

В ДОЖДЛИВУЮ ПОГОДУ О МАМЕ

Моей маме – Бугаевой Ольге Савельевне

Благодать дождливой погоды
Позволяет мне отдыхать
Читать книги, писать переводы,
Вспоминать мою нежную мать.

Я сегодня очень жалею:
Не о всем ее расспросил.
Ведь волнует меня не осень,
А последние дни ее сил.

Мамы молодость мне интересна,
Тех мужчин, что любила она,
Мои слезы текут, конечно,
Но ведь это просто вода.

Двадцать лет, и ты уже где-то,
Все свершилось в судьбе моей:
Много ездил по белу свету,
А вернулся к могиле твоей.

Дорогая моя, спасибо,
Ты одна любила меня,
Ты одна воспитала сына,
Одиноко мне здесь без тебя.

Я с могилы твоей в Приморье,
Где ты близко с родными лежишь,
На анализ взял камешек кварца,
Жила золота – вся твоя жизнь!

1 августа 2014 г.

НЕКОТОРЫЕ ПОДРОБНОСТИ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

Человеческая память милосердна. Сначала вам будет грустно и горько, а потом на помощь придет забвение. Прошлое покроется туманной дымкой, и вы будете вспоминать его, как смутный сон, как милую старую сказку.

А. Волков. «Семь подземных королей»

Весной 1975 г. моя бывшая жена Татьяна Ивановна Петрушевская (Скворцова) прислала письмо, в котором писала, что хочет приехать на Камчатку и жить со мной вместе. Письмо не произвело на меня никакого впечатления. Отвечать не стал.

В 16 лет Александр получил паспорт на фамилию Бугаев, хотя с 3 до 16 лет был Петрушевским («постаралась» его мама). Никаких встреч с сыном все эти годы я не искал.

Позже узнал, что Александр поступил в Дальрыбвтуз на специальность «водные биоресурсы». Впервые мы по-настоящему встретились с Александром в 1992 г., когда он после третьего курса приехал на производственную практику на оз. Азабачье.

До того, как Александр приехал на Камчатку, мы с ним оставались практически незнакомы, т. к. за всю жизнь виделись во Владивостоке всего несколько раз. Какую-то информацию о нем мне иногда давал брат моей первой жены – Александр Иванович Скворцов, с которым мы общались в периоды моих командировок во Владивосток.

Когда впервые встретились с Александром на Камчатке, увидел, что по характеру он очень похож на меня. К удивлению, у нас сразу же установились доверительные отношения, будто бы с ним всю жизнь жили рядом.

***

В 1992 г., с первых чисел июня и до конца июля, вместе с Александром мы жили на Азабачинском н/п. Затем, в составе делегации научных сотрудников нашего института, я уезжал на месяц на Аляску в Бристольский залив.

Мой сын Александр в 16 лет

Оставил Александру резиновую лодку «Ахиллес» и лодочный 10-сильный мотор «Москва», чтобы он мог передвигаться по озеру. Перед отъездом спрятали «спецзапас» – две бочки бензина в кустах для дальнейшей совместной поездки в верховья р. Камчатки. Я очень просил Александра этот бензин не трогать, а пользоваться, в пределах разумной достаточности, бензином пункта.

Александр сделал мне сюрприз: переложил и побелил на кухне печку, которая еще в 1991 г. развалилась от старости. Пользоваться ей стало уже нельзя, и мы оба в июне 1992 г. изрядно мерзли ночью в доме.

К сожалению, в новой печи Александр неправильно положил кирпичи и топка получилась очень маленькая. Пользоваться такой печью можно было, только сжигая мелко наколотые дрова, что не всегда удобно. Тем не менее, мне была по душе забота сына.

После моего возвращения с Аляски мы с Александром поднялись на лодке с работой (обловами молоди нерки) до р. Николки. Поездка прошла незабываемо. Ездили неделю: 4 дня вверх, 3 дня вниз.

В 1993 г. Александр вновь приезжал на практику ко мне на озеро. Второй полевой сезон прошел у нас также очень дружно: вместе работали и вместе отдыхали в свободное время.

После окончания Дальрыбвтуза – Александра взяли в армию, где он прослужил год в военно-морской части, базирующуюся

щейся на территории Владивостока. Один раз я его навещал, будучи в командировке в ТИНРО.

Естественно, после окончания института Александр захотел приехать работать на Камчатку. За две поездки на практике он хорошо себя зарекомендовал, и его с удовольствием брали на работу в наш институт. Более того, по его просьбе в КамчатНИРО пригласили на работу и его друга Ярослава Полынцева, с которым они вместе учились. Оба стали работать в лаборатории лососевых рыб.

После приезда Александра на Камчатку мы занялись покупкой для него квартиры. Мама Александра заняла ему 3 тыс. долларов США, 1 тыс. долларов ему занял Ярослав и 500 долларов безвозмездно дал я. На эти деньги мы с ним и купили двухкомнатную квартиру на 5 этаже в панельном доме по ул. Дачной. В этой квартире он живет и сейчас.

Учитывая, что Александр писал дипломную работу по анализу структуры чешуи нерки, ему в институте сразу же определили тему «Идентификация локальных стад нерки в море по структуре чешуи». И эту тему он стал с удовольствием разрабатывать.

В 1992 г. РФ разрешила в своей 200-мильной экономической зоне японским рыбакам дрейфтерный промысел тихоокеанских лососей. С 1993 г. к ним присоединился и вновь организованный дрейфтерный промысел российских рыбаков. Остро встала проблема идентификации стад тихоокеанских лососей в море. Особенно требовались сведения по нерке, которая для рыбаков обеих стран являлась наиболее желанным объектом промысла и в отношении которой могли происходить наибольшие злоупотребления.

Естественно, я прекрасно понимал, что предложенную Александру тему можно успешно разрабатывать и осуществлять только инструментальными методами с применением оптических систем, совмещенных с компьютерным оборудованием.

Такая установка «Биосоникс» производства США в КоТИНРО уже имелась с 1988 г. Она находилась в распоряжении А. Б. Декштейна, который несколько лет пытался на ней заниматься идентификацией локальных стад лососей в море. Но заметных результатов у него не наблюдалось.

Как сейчас понимаю, это не являлось темой жизни Анатолия Борисовича. У него не хватало усидчивости. Он очень хорошо мог обращаться с компьютером и непрерывно изучал всякие новые, все более совершенные исследовательские компьютерные программы.

В итоге, второстепенные цели стали главными, и А. Б. сосредоточился на компьютерных манипуляциях, создавая видимость исследований по идентификации стад тихоокеанских лососей в море. «Выхлопа» не было.

Ранее, в 1985–1987 гг., со своими надеждами на дальнейшее проведение идентификации локальных стад нерки в море я провел изучение изменчивости структуры чешуи нерки из 33 рек (в пределах всего Дальнего Востока).

Когда планировали купить «Биосоникс», думал, что мне, как сложившемуся специалисту по анализу структуры чешуи, предложат заниматься идентификацией стад нерки в море, но выбор руководства института пал на А. Б. Декштейна. Ситуация для меня складывалась так, что с идентификацией стад нерки в море следовало заканчивать.

Поэтому я свел все полученные результаты по структуре чешуи половозрелой нерки в одну большую обзорную статью и опубликовал ее на английском языке в 1989 г. в докладах международной научной конференции «Эффект влияния изменчивости океанических условий на потомство и эволюция моделей оценки параметров», прошедшей в Ванкувере в октябре 1987 г. (Canadian Special Publication of Fisheries and Aquatic Sciences – 1989. – № 108). Из-за занятости на полевых работах я сам не выезжал в Канаду. Мой доклад изложил М. М. Селифонов. Тему идентификации локальных стад нерки в море я для себя закрыл навсегда.

Много лет спустя считаю, что все-таки хорошо, что мне не дали в конце 1980-х гг. заняться идентификацией стад нерки в море. Пришлось бы через какое-то время разрываться между морскими и пресноводными периодами жизни нерки. Одному охватить все невозможно.

В 1989 г. я съездил на 2 месяца на Аляску. Посмотрел, как работают американские и канадские исследователи, и сел пи-

сать книгу «Азиатская нерка», которую заказало руководство Тихоокеанской биологической станции (г. Нанаймо, Британская Колумбия, Канада). Канадцы хотели опубликовать ее на английском языке.

Как только Александр определился с темой, я начал наводить мосты с Вашингтонским университетом и обратился к д-ру Катерине Майерс (Katherine Myers). Пока вопрос со стажировкой Александра не решился, и он не мог еще работать на «Биосониксе», порекомендовал сыну в первый год провести визуальную идентификацию нерки рек Камчатки и Озерной из уловов. Принципиальной возможности проведения такой работы способствовало то, что эти два стада занимают по численности порядка 90 % от всей азиатской нерки, а по чешуе и возрастному составу они достаточно хорошо различаются. Ранее подобную идентификацию стада нерки р. Озерной и остальных азиатских стад этого вида многие годы проводил М. М. Селифонов (1975).

Александр выполнил работу и написал свой первый годовой отчет. На защите отчета Александра чрезмерно сильно критиковала Наталья Васильевна Варнавская, начавшая заниматься идентификацией локальных стад тихоокеанских лососей в море с помощью генетических маркеров. Вероятно, Н. В. почувствовала, что в будущем Александр станет ее основным конкурентом и оппонентом. Поэтому она пока ситуация была еще на ее стороне критиковала Александра беспощадно. Н. В. просто упивалась своей «правотой». Б. Б. Вронский мудро молчал.

После коллоквиума сын находился в очень угнетенном состоянии, и, кажется, именно в тот момент он сильно обиделся на меня за то, что я порекомендовал ему сделать этот отчет, на защите которого «товарищи по работе» высмеяли его, а моего авторитета явно не хватило для того, чтобы направить ситуацию в нужное русло.

Но, думаю, что именно после этого отчета Александр понял, что надо обязательно получить квалификацию и пройти стажировку в Вашингтонском университете. Вскоре пришло согласие Кейт Майерс, и КамчатНИРО запланировало стажировку сына сроком на один месяц.

Александр успешно прошел стажировку в США. По воз-

вращении в Петропавловск он знал, что и как ему делать. У него имелось огромное желание работать. И процесс пошел.

***

На следующий 1996 г. первый отчет Александра (с применением компьютерных технологий) был посвящен идентификации локальных стад нерки в море в уловах российско-японского дрефтерного промысла в 200-мильной экономической зоне РФ в 1995 г. На этом отчете Александр ответил на все возражения Натальи Варнавской с блеском, ссылаясь на то, что он работает по международной системе анализа структуры чешуи, утвержденной международной комиссией по анадромным рыбам (NPAFC).

Но после защиты отчета у нас с Александром на многие годы испортились отношения. Это явилось следствием того, что мои недоброжелатели в институте умело использовали наши научные «разногласия» с Александром, подогревая его честолюбие. С Александром мы практически только здоровались на работе, т. к. более 15 лет сидели в одном кабинете № 213. Тем не менее, объединенные общей «идеей нерки» мы опубликовали несколько работ в соавторстве. В кабинете, кроме нас с сыном, многие годы уже сидели к. б. н. Ж. Х. Зорбиди и инженер Валентина Александровна Пешкурова.

После двух годовых отчетов Александра, учитывая его честолюбие, Ж. Х. взяла Александра под свое «крыло», а с мужской стороны роль «отца» стал играть д. б. н. В. И. Карпенко. В результате, Александр стал контактировать с названными сотрудниками чаще, чем со мной. Как говорят в народе: «Приласкали, обогрели...». В 2008 г. я из кабинета № 213, переселился в другой – № 208. Я стал лишним.

В. И. Карпенко сразу же стал опекал Александра. Всегда его прилюдно хвалил и поддерживал. Стал руководителем кандидатской диссертации, которую Александр с блеском защитил в 2003 г. в ТИНРО во Владивостоке. В полном смысле этого слова, В. И. стал его старшим другом и наставником.

У меня и мысли даже нет, что Жанна Харитоновна и Владимир Илларионович специально настраивали Александра

против меня. Но они и не сказали ему: «Саша, надо наладить отношения с отцом». Они просто молчали. И наблюдали со стороны, что будет?

***

В марте 2000 г., когда я в КамчатНИРО праздновал свой 50-летний юбилей, Александр не пришел на него, хотя и был приглашен.

***

И только в сентябре 2014 г. у нас с сыном изменились отношения. В это время Александр уже заведовал «Отделом анадромных и пресноводных промысловых рыб». После того, как в 2013 г. у меня забрали мотор и были трудности с публикацией статьи по молодежи кижуча р. Большой, я подошел к Александру и сказал, что хочу уйти из лаборатории динамики численности, которую возглавляет к. б. н. Е. А. Шевляков, т. к. чувствую себя там не комфортно, и перейти в его лабораторию. Директор д. б. н. О. М. Лапшин не возражал.

Мне, конечно, не легко было принимать это решение, но я хотел работать в КамчатНИРО. Я думал, что неркой р. Камчатка я смогу заниматься и в другой лаборатории (все-таки я этим видом занимался 40 лет). Александр сразу же дал согласие. На следующий день у меня был разговор с Е. А. Шевляковым, который сказал, что я свободен, но только без нерки р. Камчатки, которую он у меня заберет. Я знал, что без нерки р. Камчатки не смогу жить и решил остаться в своей лаборатории в которой проработал многие годы.

Но с Александром после этого мы стали поддерживать отношения, т. к. я оценил его готовность помочь мне в трудную минуту. Я устал и больше ничего не пытался ему доказать, используя законы логики. Я больше ему ни в чем не возражал. В феврале 2014 г., Александр пригласил меня на день рождения своего сына и моего внука Александра, который в 2016 г. я отмечал его уже вместе третий раз.

Как я сейчас понимаю (УЗИ сердца мне делали в марте 2015 г.), у меня перед самым отъездом на полевые работы в

июне-июле 2014 г. произошел первый инфаркт и я с ним поехал на полевые работы, плохо чувствуя себя, но даже не предполагая об инфаркте.

В свое время Франсуа де Ларошфуко (1613–1680) сказал: «Примирение говорит лишь об усталости от борьбы, о боязни поражения и о желании занять более выгодную позицию». Я смертельно устал.

В настоящее время мой сын Александр возглавляет в КамчатНИРО «Отдел анадромных и пресноводных промысловых рыб». В июне 2015 г. он опубликовал монографию «Преднерестовые миграции тихоокеанских лососей в экономической зоне России», а 2 октября 2015 г. во ВНИРО в Москве защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора биологических наук. Через три месяца на сайте Высшей аттестационной комиссии (ВАК) был выставлен приказ о подтверждении присвоения ему ученой степени доктора биологических наук.

Я, конечно, как отец, счастлив, т. к. сложившаяся ситуация необычна. В биологических научных институтах Дальнего Востока я не знаю ни одного случая, когда ученую степень доктора биологических наук имели одновременно отец (мать) и сын (дочь). Последнее свидетельствует, что наследственность в данном случае смогла реализоваться в детях.

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

В прошлом, моя жена – Татьяна Борисовна Томчишина (31.08.1951 г.), после окончания Полтавского строительного института в 1974 г. более 20 лет проработала в Петропавловске в строительстве и закончила свою деятельность начальником отдела проектного института «Промстройпроект». Потом она несколько лет работала заместителем директора по строительству в ООО «Устькамчатрыба», где занималась организацией строительства. С 2002 г. Татьяна начала заниматься обувным бизнесом со своей дочерью Юлией и в настоящее время работает у нее наемным сотрудником. 26 ноября 2016 г. мы отметили 40-летие совместной жизни.

К концу 2015 г. демографическую ситуацию у моих детей

можно считать определившейся и довольно стабильной, т. к. нового пополнения уже, похоже, не будет. В итоге, у меня три внука и три внучки.

Мой сын – Александр Викторович Бугаев (27.02.1972 г.) – женат. Его жена Анжела Эдуардовна Бугаева (Кандыба) (07.08.1974 г.) родила ему дочь Екатерину (01.12.1998 г.) и сына Александра (08.02.2008 г.).

Анжела училась в средней школе № 35. Потом закончила Камчатский педагогический институт по специальности «математика-информатика». Работает в ЦЭС филиала ОАО «Камчатскэнерго» инженером-программистом I категории.

Дочь Екатерина закончила художественную школу. В 2016 г., после окончания средней школы № 33, поступила в Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет – ДальрыбВТУЗ (г. Владивосток) на специальность «водные биоресурсы». Сын Александр учится в школе № 33, ходит в ДЮСШ на футбол и подготовительные занятия в художественную школу.

Моя дочь – Юлия Викторовна Томчишина (27.11.1973 г.) – более 20 лет живет в гражданском браке с Константином Анатольевичем Тарариным (16.12.1965 г.). Юлия закончила Дальневосточный технический университет рыбного хозяйства (Дальрыбвтуз) в г. Владивостоке в 1995 г. по специальности «водные биоресурсы» и, заочно, в 1998 г. Московский гуманитарный университет (по специальности «юриспруденция»).

Предприниматель, возглавляет торговое ИП. Родила дочь Наташу (04.09.1998 г.) и сына Семена (03.10.2005 г.). В 2016 году Наташа закончила среднюю школу № 33 и поступила в МГТУ им. Н. Э. Баумана (г. Москва). За годы учебы в школе, Наташа активно занималась спортом – беговыми лыжами и биатлоном, где многократно достигала призовых мест на уровне города и Камчатского края.

Моя дочь – Анастасия Викторовна Редкозуб (Бугаева) (26.04.1978 г.) – закончила Юридический колледж в г. Петропавловске-Камчатском в 1998 г., а позже (заочно) Московский государственный индустриальный университет (в 2003 г.). Работает в юридическом отделе ведущим специалистом-экспер-

том в Управлении архитектуры градостроительства и земельных отношений администрации Петропавловск-Камчатского городского округа. Вышла замуж за Владислава Алексеевича Редкозуба от которого родила дочь Милану (14.09.2015 г.). Ранее от гражданского мужа Дмитрия Александровича Павлова, Анастасия родила сына Даниила (11.07.2005 г.), который проживает с матерью и учится в школе № 31.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Прошло более шести лет, как я издал свои мемуары «Лучшие годы нашей жизни» (2009). И после этого обрел внутреннее спокойствие – я сказал, что хотел. За прошедшие годы издал еще несколько научных и научно-популярных книг. Но, самое интересное, я неожиданного для себя и для всех окружающих начал писать стихи.

Все началось на оз. Азабачьем, где я проводил плановые научные исследования нашего института. Я вдруг стал просыпаться ночами, и начинал рифмовать стихи на отвлеченные темы. Потом засыпал, и утром, почти ничего, не помнил.

Но однажды, в изголовье на столике, я положил ручку, бумагу и фонарик. Проснувшись ночью, записал, что мне пришло в голову. Утром доработал, и получилось стихотворение, которое назвал «Международный банкет».

Муза ко мне приходила не каждый день. Но, по приезду в Петропавловск в начале августа 2012 г., у меня уже было написано около десяти стихотворений и ряд четверостиший, которые позже стали поэмой «Первые экспедиции».

По сравнению с подготовкой и написанием научных статей, процесс создания стихов более короткий: стихотворение пишешь сразу, а потом дорабатываешь еще несколько дней. Или оно у тебя не получается и про него просто забываешь. В результате, разрядка наступает быстро и ты снова готов к началу творчества, если этого пожелает Муза.

В процессе написания стихов, неоднократно размышлял: «Почему вдруг, ни с того ни с сего, я начал их писать?».

Стал сопоставлять все события своей жизни в последнее время и пришел к неожиданному бесспорному факту: первое стихотворение было написано через 25 дней после того, как начал употреблять «эликсир молодости» – препарат «Арктика» геронтолога д. б. н. В. В. Зюганова (Институт биологии развития им. Н. К. Кольцова РАН, г. Москва), который любезно порекомендовал мне принимать его некоторое время для улучшения жизненного тонуса. Конечно, может быть, это и чистое совпадение, но другого объяснения пока не вижу. Я начал бредить юностью и осенью.

Возможно, желание писать стихи, совпавшее с приемом «эликсира молодости», явление совершенно случайное, но может быть не все так просто.

***

После выхода моей книги «Лучшие годы нашей жизни» (2009) я (один и в соавторстве) издал ряд научных и научно-популярных книг, мемуары, стихи и, даже, кулинарную книгу с рецептами блюд из лососевых рыб.

Общий список опубликованных книг у меня сейчас составляет 16 наименований: «Азиатская нерка» (1995), «Мир реки» (2000), «Рыбы реки Камчатка» (2007), «Рыбы бассейна реки Камчатки» (2007), «Asian Sockeye Salmon» (2011), «Азиатская нерка-2» (2011), «Нагульно-нерестовые озера азиатской нерки» (2008), «Озерновская нерка» (2009), «Лучшие годы нашей жизни» (2009), «Нерка реки Камчатки» (2010), «Полет над гнездом нерки» (2010), «Где крупнее лососи?» (2011), «КамчатНИРО–80» (2012), «Калейдоскоп воспоминаний» (2012), «Азабачинская тетрадь» (2013), «Лососевая кулинария» (2016). И это, надеюсь, еще не конец списка.

Стихи и научно-популярные книги я выкладывал на литературные сайты: «Стихи.Ру» и «Проза.Ру». Через два года моей активности на сайте «Проза.Ру», на который ежедневно заходило и заходит по 40-70 читателей, руководство сайта ходатайствовало в «Российский союз писателей» о включении меня в союз писателей. В октябре 2015 г. я получил членский билет «Российского союза писателей» за № 3072.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Бывший мой сокурсник по институту д. б. н. В. И. Карпенко, при случае, любил подчеркнуть: «Бугаев – это ученый-одиночка!» И это, в некоторых случаях, отрицательно сказывалось на моей репутации.

Но большое количество статей (около 80), написанных преимущественно по моей инициативе, в соавторстве с сотрудниками нашего института – Н. П. Антоновым, Л. А. Базаркиной, В. Н. Базаркиным, Г. В. Базаркиным, А. В. Бугаевым, Т. Л. Введенской, Н. В. Варнавской, Б. Б. Вронским, Л. Е. Грачевым, В. А. Дубыниным, О.А. Захаровой, В. И. Карпенко, С. Г. Коростелевым, К. Л. Максименковым, А. В. Масловым, Л. В. Миловской, К. Ю. Непомнящим, И. А. Носовой, А. Г. Остроумовым, М. М. Селифоновым, Е. А. Погодаевым, А. М. Токрановым, Т. Н. Травиной, И. В. Тиллером, Е. А. Шевляковым, И. Н. Янченко, Н. В. Ярош – скорее свидетельствуют о моем желании работать совместно, чем в одиночку.

Кроме того, мной в соавторстве с Б. Б. Вронским, Л. О. Завариной, Ж. Х. Зорбиди, А. Г. Остроумовым и И. В. Тиллером написана монография «Рыбы реки Камчатка» (2007); в соавторстве с А. В. Масловым и В. А. Дубыниным – научно-популярная книга-фотоальбом «Озерновская нерка» (2009); в соавторстве с А. В. Масловым – научно-популярная книга-фотоальбом «Полет над гнездом нерки» (2010). Имею совместные монографии и с сотрудниками других институтов: например, с В. Е. Кириченко «Нагульно-нерестовые озера азиатской нерки» (2008) и с А. М. Токрановым «Где крупнее лосося?» (2011). В соавторстве с Е. А. Науменко мною подготовлен юбилейный фотоальбом об институте «КамчатНИРО-80» (2012).

Считаю, что мнение В. И. Карпенко и слухи о том, что я ученый-одиночка, сильно преувеличены. Я не ученый-одиночка, а, скорее, нормальная «рабочая лошадка»! Во всяком случае, если уж за что-то брался, то у меня почти все получалось. Жизненный принцип – всегда непременно доводить начатое дело до логического конца и публикации.

Книга, которую Вы читаете – это тоже часть моей жизни. Именно жизнь и, навешанный «коллегами», ярлык «ученый-одиночка» заставили написать и опубликовать субъективную автобиографию «Лучшие годы нашей жизни» (2009) и настоящую книгу-продолжение. Слишком много осталось у меня устно недосказанного в общении с некоторыми институтскими «ребятами» за период работы в КамчатНИРО.

Как писал В. И. Карпенко в обосновании на присвоение мне звания «Почетный работник рыбного хозяйства РФ», в силу своего характера я не проявил качеств, необходимых для административного руководства. Но для ученого – это не недостаток. Не могут же все ученые быть администраторами, нужно кому-то и «двигать науку». Мне просто не дали шанса стать заведующим лабораторией или сектором, т. к. в КоТИНРО (КамчатНИРО) всегда имелось много индивидуумов, желающих быть административными руководителями.

Но в том, что я не стал администратором, как сейчас понимаю, и заключается мое счастье. Вспомните принцип Питера: «Уходите, пока Вас не продвинули».

Попытался стать главным научным сотрудником раз, попытался два, а затем место, на которое я претендовал, занял В. И. Карпенко (третьей попытки не предпринимал, она не имела смысла – главный научный сотрудник на каждой ведущей тематике может быть только один).

Все, что произошло в КамчатНИРО, мной сделано по науке, но эта наука называется «иерархология», а не «карьерология». Правда, не все решаются воспользоваться ее рекомендациями. А вдруг получится? А вдруг продвинут?

Сейчас, с возрастом, многие достаточно сложные жизненные ситуации воспринимаются не так остро, как прежде. Время берет свое. Самое главное – благодаря помощи ряда окружавших и окружающих сейчас меня людей, и счастливому стечению обстоятельств, удалось реализовать все задуманное в ранней научной юности. Какой ценой все досталось, сможет понять только тот неизвестный исследователь, который будет работать на моем месте.

Имея полное представление о биологии нерки в Северной

Пацифике и изучая ее в Азии, могу авторитетно и без колебаний заявить, что нерка р. Камчатки – одно из самых сложных стад этого вида в мире. Ее биология – это детектив из жизни рыб. И уровень, на котором находятся сейчас данные исследования, позволяет гордиться сделанной мной работой.

Все чаще вспоминается один эпизод из жизни: 14-летним мальчишкой я возвращался с друзьями из похода в долину р. Быстрой, и в окрестностях Паратунки мы наткнулись на старый лагерь геологов, где на геодезическом знаке кто-то написал краской: «Шли годы – росли и мы...».

Я родился и хочу умереть на Камчатке. Это тоже моя судьба. Буду работать до последнего дня своей жизни. Чертовски интересно и есть, о чем подумать.

Что надо, чтобы стать счастливыми в науке и других сферах повседневной жизни? Сейчас, разменяв и заканчивая седьмой десяток, я уже твердо знаю что. Пока честолюбивые люди думают, что их научные и другие достижения в конечном итоге будут оценены, неудачи, несправедливая критика, необоснованное давление начальства до какого-то момента стимулируют их деятельность, но в конечном итоге подавляющее большинство таких людей получают нервные срывы или заболевают тяжелыми, часто неизлечимыми, болезнями. Это неверный путь стимулирования молодых специалистов, тех, кто придет нам на смену.

Лучше людей вовремя продвигать, пока они не устали от жизни. Поэтому, если вы не добились успеха сразу, попытайтесь еще и еще раз. А потом успокойтесь и живите в свое удовольствие. Всех не победишь!

Но если Вы, независимо от возраста (еще лучше – молоды), полны сил, веры в себя – дерзайте! И дай Вам Бог, чтобы Вы никогда не воспользовались моим рецептом счастья! Жизнь одна... и так коротка!

***

В конце февраля 2016 г. вернувшийся из очередного отпуска директор КамчатНИРО Олег Михайлович Лапшин на ученом совете сделал сообщение, что его назначают директором

АтлантНИРО (г. Калининград), а ВРИО директора нашего института сейчас назначается к. б. н. Нина Юрьевна Шпигальская, последние годы занимавшая должность первого заместителя директора КамчатНИРО.

***

Когда-то Д. И. Менделеев сказал: «Зная, как привольно, свободно и радостно живется в научной области, невольно желаешь, чтобы в нее вошли многие».

Я выбрал науку и полностью погрузился в нее. Я счастлив. Вся моя жизнь прошла в науке. Сейчас, когда закрывается занавес, я сосредоточился в молчании в ожидании Ваших аплодисментов.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ОЗЕРО АЗАБАЧЬЕ

Осенняя пора, протока впереди,
Стартует лодка вверх реки простора...
И ветер, словно пес, разыскивал меня,
Сидящего на уровне мотора.

А взлет утиных стай, стремящихся на юг,
Оставит нас с зимою на подушке...
Но будущей весной, их будут ждать опять
Все повторится – жизнь не равнодушна.

Крутые берега, брусничная пора
Рябины взрыв – оранжевые кисти...
Глядела на меня озерная лазурь
Глазами облаков небесно чистых.

Алеющий закат, и снежные хребты
Засыпаны дождем подошвы склонов...
Мы у начала гор, на траверзе судьбы
Дошли в конечный пункт и вот мы дома.

Дорога позади, осенняя пора,
Качает лодку – озеро простора...
И ветер, словно пес, облизывал меня,
Сидящего за румпелем мотора.

28 мая 2013 г. (мысли 2010 г.)

На оз. Азабачьем с туделем Тошей (6 июля 2008 г.)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Первые экспедиции (1976–1978 гг.)

1976 г.

В 75-ом году я попал в Усть-Камчатск
И на озеро – чудо природы.
Стало ясно тогда: без мотора не жизнь,
Без мотора не будет свободы.

Спустя год, получивши «Вихря́»,
Мы плывем теплохода дорогой,
И на барже, сгрузив нас на рейде устьёв,
Нас заводят в камчатские воды.

Погранцы́, паспорта – для шпионов заслон,
Нас пускают – бумаги в порядке,
И добравшись под вечер до дома ТИНРО,
Оказались в итоге в осадке.

Окна выбиты, двери висят,
Снег пошел – ведь начало июня,
Но команда, какая была у меня!
Не струхнула, а вызвала бурю.

Все дерьмо мы лопатой скребли до бела,
Стекла вставили или забили,
Кочегарили печку и вскоре она
Успокоила нас... борщ сварили и пили.

А проснувшись по утру в спальных мешках,
На помойки пошли за посудой,
Ведь сезонники, что приезжают сюда,
Каждый год покупают не худо.

На помойке кроватей... – ночей забытье,
Мы стащили в нашу контору,
Стол здесь был, и работа пошла,
В эту летнюю стылую пору.

Самосвалы бутылок пустых
Кем-то собраны (верно для сдачи),
Занимали пол дома всего,
Мы считали, что это удача!

Было место и было жилье,
И уют, и тепло и работа,
Вот изучим всю нерку – и стоп...
И вернемся в ТИНРО для отчета.

Азабачинской лодки дюраль,
Установлен мотор наш надежно,
Мы рванули на первую реку всего,
И застряли, что было не сложно.

Мы не знали, когда в реку нерка пойдет –
Вся стояла в низовьях притока.
Ждали несколько дней, а она все не шла,
Но дождались, в итоге, мы срока.

Взята первая сотня (из тысяч) всего,
Из всех тех, что считали по плану,
К другой речке нам надо, и тут –
Сдох мотор, и началась «динама».

Коленвала рука показала нам болт,
Все расстроилось, плакать нам нужно,
Но сосед усть-камчатский решил: «Пусть идут»,
Ведь сочтемся с ТИНРОВцами дружбой.

Дал запчасть, мы собрали мотор,
На сухую завелся прекрасно,

Но когда опустили в воду его,
Он заглох, и все стало не ясно.

Двое суток терзали мы вместе мотор,
Но картина меняться не стала,
И решили с соседом поехать в Ключи
На его плавсредствах всей оравой.

Ну, а в Ключах и выяснили правду,
Во всем ведь были виноваты мы:
Поршня́ в мотор воткнули не как надо,
И так бы заводили до зимы.

Река Еловка и «Горбун» неровный,
Ловили нерку здесь, но только днем,
Ведь ночью ключевские браконьеры
Мешали нам ловить своим трудом.

Район тот покидали с облегченьем,
Романтики началось забытьё,
Мелькали речки, мы икру копили,
Чтоб обменять всю на бензин ее.

А Толика Ходько́ пустили на побывку,
Троих ведь лодке не забрать вовек,
Ведь снаряженье стало нам проблемой,
И нам не нужен «лишний» человек.

Санёк Повчу́н – студент, он из Ростова,
До Ми́лькова работал, ну а там – рванул домой;
И вниз, в Устья́, мы возвращались двое –
С Ходько, вернувшись в реки приборй.

Студенческий отъезд, но это позже,
Я сам уехал в город до жены,
И целых ночи две мы были вместе,
Любили... пили... также как и вы.

Ну, а потом... мы вниз скользим по водной глади,
Река Камчатка – словно лучший друг,
И наш дуэт работал до упаду
До сентября в оранжевом вокруг.

Гроздь красной рябины реки
Намекали о скором возврате,
Возвращаются все, возвратимся и мы:
Рады жизни, с лихвою, нам хватит!

Усть-Камчатск, теплоход и приход в родной порт,
Дело сделано, мы победили!
Здравствуй, город родной, возвратились домой,
К женам нашим, чтоб те нас любили!

1977 г.

На следующий год, на рейде Усть-Камчатска
Сгрузили мы и лодку и мотор
И сразу же, рванули на Еловку,
Поймав оперативности простор.

Река Камчатка покорялась, как девчонка,
Доверившись мальчишке со двора,
И новый наш дуэт работал, как метёлка,
С восьми утра и до восьми утра.

Напарник мой – был Штёйников Борис,
Студент с Перми, попавший на Камчатку,
И каждую речушку, вместе с ним
Утюжили, как школьную тетрадку.

По договору, мы добрались до Ушкóв,
А там Токра́нов Лёха его сменит,
И встреча состоялась, и обмен готов:
Как Абе́ля на Пауэ́рса – в Вене.

Новейший наш дуэт шел вверх в исток Камчатки
С обловом рек-притоков и озер,
И много мы людей встречали по дороге
В разливах рек и зыбких берегов.

И судьбы тех людей в рассказах быстротечных
Сливались с нами, словно кислород Земли,
И эти дни, казалось, будут вечны –
В работе, у костра и в зарослях травы.

Речные берега готовили сюрпризы,
Весь поиск в экспедиции до совершенства довели,
Поверить трудно, но ведь это правда:
В районе Николки мы бивень мамонта нашли.

Здоровый бивень был, поэтому, не взяли,
Решили: пусть дней десять поторчит,
Но к счастью нашему, его забрали...
А может быть на дне реки он все еще лежит?

Вот Мильково, инспекция, верховья,
Окрестных рек-притоков земной пазл,
Вдвоем бродили мы, а иногда по трою:
Ловили, меряли, как будто, в первый раз.

Залетный вертолет был нами встречен,
Заброс осуществили в тот же час,
Речной косы песок стал нашей базой,
Ну, а потом, тот вертолет чуть не забыл про нас.

В те дни дожди глушили всю Камчатку,
По графику, тот путь проложен сверху вниз,
Отчалил наш дуэт в разрыв дождя – не сладко,
Но молодость – ведь это не каприз.

На мокрых берегах костры мы разжигали,
Палатку ставили, жевали рыбу и варили рис,

А в спальные мешки – мы с чаем залезали
Под радио Москвы известнейших актрис.

А утром все по новой начиналось,
В разрыв дождя мы вновь стремились вниз,
И Бог погоду дал, и это наша радость,
Дуэт по-прежнему с работой – это приз!..

В однообразии тупеешь понемногу,
И с лучшим другом я развил конфликт,
Он уговаривал меня остыть немного,
Я был безумен от работы в этот миг.

И мы расстались с ним внезапно
В закате солнца вечером в Ключах,
Он улетел на самолете безвозвратно,
Я ж – ночевал в Куражечном в кустах.

Огонь костра вдруг прояснил мой разум,
Снял наваждение трудного пути,
Сказал: прости ты, Лёха, дурака-заразу,
Мне без тебя сюда бы не дойти.

Весь материал собрали для работы,
А это диссертации кусок,
Весь отпуск посвятил ты свой проходе,
И часть твоей души ушла на дно, в песок.

И я раскрылся, и просил прощенья:
«Прости меня, ведь я безумен был»,
Горел огней ночных притихший город,
На фоне гор-вулканов и ветрил...

Огонь костра в районе Усть-Камчатска,
Мечтали мы здесь вместе посидеть
И поваляться на прибойке беззаботно,
Как в пламени оранжевая ветвь.

Я дорабатывал один в низовьях две недели,
Ночевка в лодке, кофе аромат с утра,
Звонил в ТИНРО и думал о потере
И встрече с другом, ждавшего меня.

1978 г.

На третий год – поставил точки в сборах,
Мой бастион – родимый Усть-Камчатск,
Два месяца сидел я на заводе,
Работая с уловами в цехах.

Напарник мой, Непомнящий Костюха,
Студент-дипломник, он был из Перми,
Влюбился в наш Камчатский край безмерно,
И видел то, о чем не знали мы.

К окрестностям озер камчатских
Мы методично обновляли путь
И каждые пять дней с ночевкой
Бродили в новом озере по грудь.

Ловили молодь лососей и нерки,
Колючек, камбалу, минюгу, карася,
Копили материал, и истина рождалась
Корявая, но все-таки почти, что вся.

Закончился сезон рыбацкой нерки,
И мы свободны в поисках своих,
И вот несемся мы в верховья мира
Реки Камчатки и объятиях троих.

Троих друзей, дарованных мне Богом,
Ведь трудности для нас не глубоко,
Да здравствуют мои друзья земные –
Непомнящий, Токранов и Ходько.

Послесловие

Вот тридцать лет прошло, состарились немного,
Я и Токранов – доктора наук,
Ходько – в ТИПРО, Непомнящий – в полете,
Уехал к маме, в Пермь и нет его уж тут.

Остались уточнения небольшие,
Которым посвятил я сорок лет,
В корректировках жизнь пройдет вся в мире,
А абсолютной истины все нет и нет.

Люблю друзей, дарованных мне Богом,
Ведь трудности для нас не глубоко,
Да здравствуют мои друзья земные –
Непомнящий, Токранов и Ходько.

Август-Сентябрь 2012 г. (события 1975–1978 гг.)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Детство и отрочество.....	11
Мир юности, геологов и учебы.....	50
Производственная практика на Камчатке.....	68
КоТИНРО – 1973–1980 гг.....	79
КоТИНРО (КамчатНИРО) – 1981–1995 гг.....	144
Пейзажная лирика.....	220
КамчатНИРО – 1996–2009 гг.....	229
О некоторых коллегах и друзьях.....	285
Афоризмы.....	374
КамчатНИРО – 2010–2016 гг.....	377
Некоторые подробности прошлого и настоящего.....	405
Дела семейные.....	412
Литературная деятельность.....	414
Послесловие.....	416
Приложение: Первые экспедиции (1976–1978 гг.).....	421

Библиотека «Новой книги»
Камчатские биографии

Виктор Фёдорович Бугаев

Литературно-художественное издание

ВОКРУГ КАМЧАТСКИХ ОЗЕР
(субъективная автобиография)

Главный редактор издательства *А. А. Смышляев*

Оригинал-макет *О. И. Набутовской*

Корректор *Е. В. Тазова*

Подписано в печать 25.10.2016 г. Формат 60х90/16.

Бумага офсетная. Гарнитура «Peterburg».

Печать офсетная. Тираж 500. Заказ

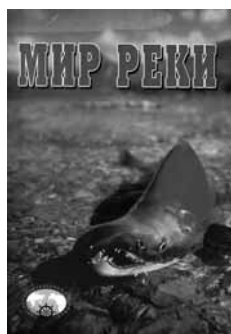
ООО Холдинговая компания «Новая книга»,
683032, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 60.
Тел./факс 8(4152) 41-12-60

Отпечатано в ОАО «ИПК «Дальпресс»
690950, г. Владивосток, пр-т «Красного Знамени», 10

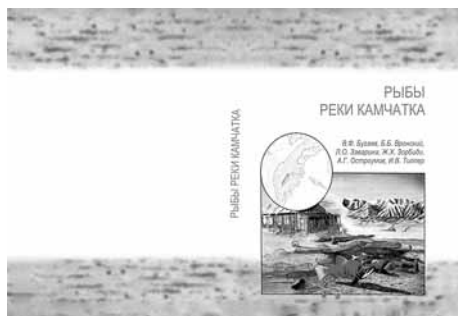
1. В. Ф. Бугаев. 1995. Азиатская нерка (пресноводный период жизни, структура локальных стад, динамика численности) // М.: Колос. – 464 с.

Впервые проведено обобщение всех имеющихся научных данных по биологии 35 локальных стад тихоокеанского лосося-нерки от Чукотки до Южных Курильских островов за 1920 – начало 1990 гг.

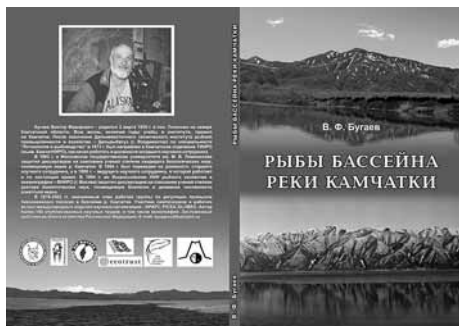
2. В. Ф. Бугаев. 2000. Мир реки. Библиотека «Северной Пацифики». Петропавловск-Камчатский. Вып. 1. – 32 с.

В биографической форме рассказывается о работе научного сотрудника-ихтиолога, изучающего нерку р. Камчатки в Камчатском НИИ рыбного хозяйства и океанографии (КамчатНИРО) в 1972–2000 гг.

3. В. Ф. Бугаев, Б. Б. Вронский, Л. О. Заварина, Ж. Х. Зорбиди, А. Г. Остроумов, И. В. Тиллер. 2007. Рыбы реки Камчатка // Под редакцией д. б. н. В. Ф. Бугаева / Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамчатНИРО. – 459 с. + цв. вкл. 16 с.

Коллективом авторов впервые проведено обобщение имеющихся научных данных по биологии всех видов рыб бассейна р. Камчатки по материалам 1920 – начало 2006 гг. В целом в реке обитает или встречены 24–26 (в зависимости от особенностей классификации) видов рыб. Рассмотрены вопросы рыболовства и рационального использования запасов тихоокеанских лососей в условиях многовидового промысла.

4. Бугаев В. Ф. 2007. Рыбы бассейна реки Камчатки (численность, промысел, проблемы) // Петропавловск-Камчатский: Изд-во «Камчатпресс». – 192 с.

В научно-популярной форме рассказывается о биологии и промысле рыб бассейна р. Камчатки. Особенно подробно рассмотрены вопросы биологии и добычи тихоокеанских лососей (чавыча, нерка, кета, горбуша, кижуч).

Книга прекрасно иллюстрирована.

5. В. Ф. Бугаев, В. Е. Кириченко. 2008. Нагульно-нерестовые озера азиатской нерки (включая некоторые другие водоемы ареала) // Петропавловск-Камчатский: Изд-во «Камчатпресс». – 280 с.

В научно-популярной форме рассказывается о биологии и промысле нерки, как по азиатскому, так и американскому побережьям Тихого океана. Крупные локальные стада нерки приурочены к воспроизводству в озерах. Поэтому, ее численность выше там, где больше крупных и достаточно глубоких озер. Книга прекрасно иллюстрирована.

6. В. Ф. Бугаев, А. В. Маслов, В. А. Дубынин. 2009. Озерновская нерка (биология, численность, промысел) // Петропавловск-Камчатский: «Изд-во Камчатпресс». – 156 с.

В научно-популярной форме рассказывается о биологии

и промысле нерки р. Озерная, практически полностью воспроизводящейся в бассейне оз. Курильского. Это самое крупное стадо нерки в Азии. В этом ряду нерка р. Камчатки занимает второе место. Книга прекрасно иллюстрирована.

7. В. Ф. Бугаев. 2009. Лучшие годы нашей жизни // Петропавловск-Камчатский: «Изд-во Камчатпресс». – 188 с.

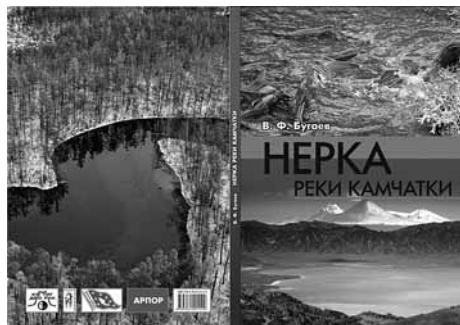
Автор – В. Ф. Бугаев родился и вырос на Камчатке. Приобрел профессию ихтиолога и всю свою жизнь работает и изучает нерку в Камчатском НИИ рыбного хозяйства и океанографии (КамчатНИРО). Он увлечен своей работой. В 1994 г. во Всероссийском НИИ рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО) по биологии азиатской нерки защитил ученую степень доктора биологических наук. Автор анализирует сложные взаимоотношения, складывающиеся между сотрудниками в научной среде.

8. А. В. Маслов, В. Ф. Бугаев. 2010. Полет над гнездом нерки // Петропавловск-Камчатский: «Изд-во Камчатпресс». – 72 с.

В научно-популярной форме рассказывается об авиаучете (с вертолета, самолета) численности тихоокеанских лососей (чавычи, нерки, кеты, горбуши, кижуча) на нерестилищах в пределах Камчатского края. Книга иллюстрирована уникальными фотографиями, сделанными во время проведения исследований.

9. В. Ф. Бугаев. 2010. Нерка реки Камчатки (биология, численность, промысел) // Петропавловск-Камчатский: Изд-во «Камчатпресс». – 232 с.

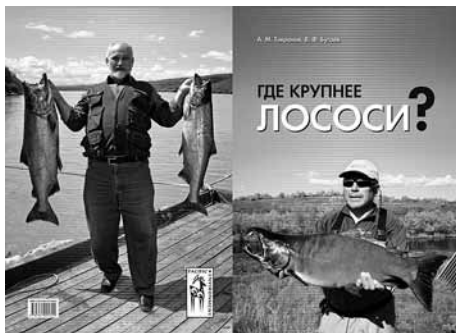

В научно-популярной форме рассказывается о биологии и промысле нерки р. Камчатка. Стадо нерки, воспроизводящееся в бассейне этой реки, имеет сложную популяционную структуру, пожалуй, самую сложную в пределах ареала этого вида. В Камчатском крае нерка р. Камчатки занимает второе место по численности

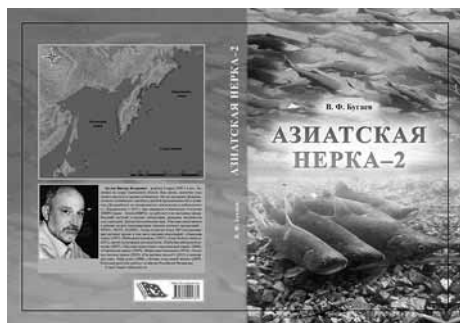
(после нерки р. Озерной). Книга прекрасно иллюстрирована.

10. А. М. Токранов, В. Ф. Бугаев. 2011. Где крупнее лососи? // Петропавловск-Камчатский: «Изд-во Камчатпресс». – 72 с.

В научно-популярной форме рассказывается о поимке крупных экземпляров тихоокеанских лососей и других рыб мировой фауны. Книга прекрасно иллюстрирована.

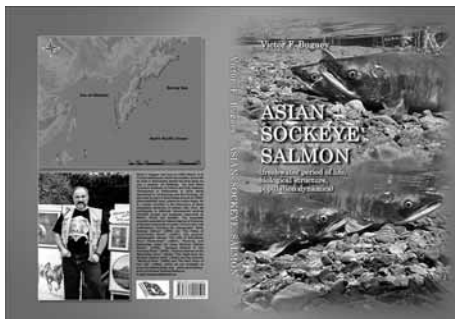

11. В. Ф. Бугаев. 2011. Азиатская нерка-2 (биологическая структура и динамика численности локальных стад в конце XX – начале XXI вв.) // Петропавловск-Камчатский: «Изд-во Камчатпресс». – 380 с. + цв. вкл. 20 с.

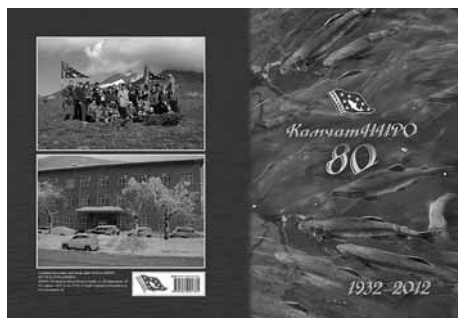

Дальнейшее обобщение всех имеющихся научных данных по биологии, всех наиболее важных азиатских локальных стад тихоокеанского лосося-нерки от Чукотки до о. Хоккайдо, за 1920 – начало 2010 гг. В настоящее время – это самый авторитетный научный справочник по биологии азиатской нерки.

12. V. F. Bugaev. 2011. Asian Sockeye Salmon (freshwater period of life, biological structure, population dynamics) // Petropavlovsk-Kamchatsky: Publishing House "Kamchatpress". – 292 p.

Это пример удачного российско-канадского сотрудничества. Книга – дословный перевод на английский язык монографии В. Ф. Бугаева «Азиатская нерка» (1995). Перевод осуществлен правительственными канадскими переводчиками по инициативе Тихоокеанской биологической станции (г. Нанаймо, Британская Колумбия, Канада). Книга напечатана в России по инициативе КамчатНИРО.

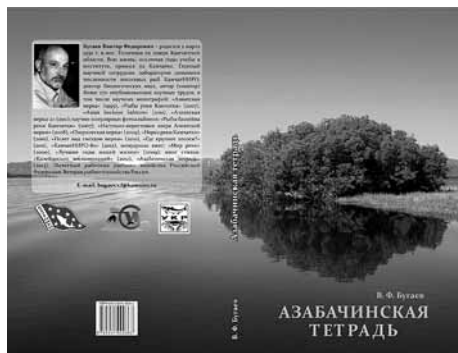
13. В. Ф. Бугаев, Е. А. Науменко. 2012. КамчатНИРО-80 // Петропавловск-Камчатский: Изд-во «Камчатпресс». – 120 с.

Юбилейный фотоальбом, посвященный 80-летию образования Камчатского НИИ рыбного хозяйства и океанографии (КамчатНИРО).

14. В. Ф. Бугаев. 2012. Калейдоскоп воспоминаний: стихи // Петропавловск-Камчатский: Изд-во «Камчатпресс». – 94 с.

Автор в стихотворной форме рассказывает о работе ихтиолога, природе Камчатки, любви и философии жизни, как он ее понимает.

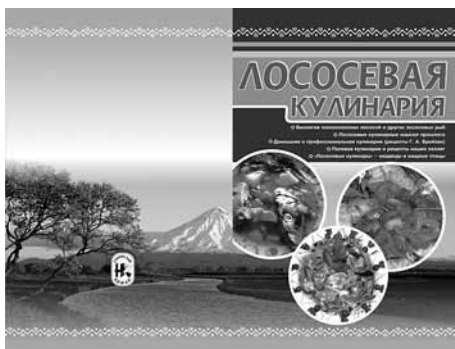

15. В. Ф. Бугаев. 2013. Азабачинская тетрадь: стихи // Петропавловск-Камчатский: Изд-во «Камчатпресс». – 140 с.

Тема: люди, рыба и природа Камчатки. Книга прекрасно иллюстрирована. Второй стихотворный сборник ученого.

16. В. Ф. Бугаев, Г. А. Брейзак, С. А. Петров. 2016. Лососевая кулинария // Петропавловск-Камчатский: холд. комп. «Новая книга». – 104 с. (Библиотека «Новой книги» серия «Дары природы Камчатки»).

Работа ученых-биологов часто связана с длительными экспедициями на природе. Поэтому приготовление пищи в полевых условиях для научных сотрудников – не проблема. Авторы предлагают свои рецепты приготовления блюд из лососевых рыб, как простые, так и достаточно сложные. Рецепты сформировались на основе многолетней практики жизни на природе, где в изобилии есть рыба. Книга прекрасно иллюстрирована.

Список книг В.Ф. Бугаева

1. **В. Ф. Бугаев.** 1995. Азиатская нерка (пресноводный период жизни, структура локальных стад, динамика численности) // М.: Колос. – 464 с.
2. **В. Ф. Бугаев.** 2000. Мир реки. Библиотека «Северной Пацифики». Петропавловск-Камчатский. Вып. 1. – 32 с.
3. **В. Ф. Бугаев, Б. Б. Вронский, Л. О. Заварина, Ж. Х. Зорбиди, А. Г. Остроумов, И. В. Тиллер.** 2007. Рыбы реки Камчатка // Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамчатНИРО. – 459 с. + цв. вкл. 16.
4. **Бугаев В. Ф.** 2007. Рыбы бассейна реки Камчатки (численность, промысел, проблемы) // Петропавловск-Камчатский: Изд-во «Камчатпресс». – 192 с.
5. **В. Ф. Бугаев, В. Е. Кириченко.** 2008. Нагульно-нерестовые озера азиатской нерки (включая некоторые другие водоемы ареала) // Петропавловск-Камчатский: Изд-во «Камчатпресс». – 280 с.
6. **В. Ф. Бугаев, А. В. Маслов, В. А. Дубынин.** 2009. Озерновская нерка (биология, численность, промысел) // Петропавловск-Камчатский: «Изд-во Камчатпресс». – 156 с.
7. **В. Ф. Бугаев.** 2009. Лучшие годы нашей жизни // Петропавловск-Камчатский: «Изд-во Камчатпресс». – 188 с.
8. **А. В. Маслов, В. Ф. Бугаев.** 2010. Полет над гнездом нерки // Петропавловск-Камчатский: «Изд-во Камчатпресс». – 72 с.
9. **В. Ф. Бугаев.** 2010. Нерка реки Камчатки (биология, численность, промысел) // Петропавловск-Камчатский: Изд-во «Камчатпресс». – 232 с.
10. **А. М. Токранов, В. Ф. Бугаев.** 2011. Где крупнее лосося? // Петропавловск-Камчатский: «Изд-во Камчатпресс». – 72 с.
11. **В. Ф. Бугаев.** 2011. Азиатская нерка-2 (биологическая структура и динамика численности локальных стад в конце XX – начале XXI вв.) // Петропавловск-Камчатский: «Изд-во Камчатпресс». – 380 с. – Цв. вкл. 20 с.
12. **Victor F. Bugaev.** 2011. Asian Sockeye Salmon (freshwater period of life, biological structure, population dynamics) // Petropavlovsk-Kamchatsky: Publishing House “Kamchatpress”. – 292 p.
13. **В. Ф. Бугаев, Е. А. Науменко.** 2012. КамчатНИРО-80 // Петропавловск-Камчатский: Изд-во «Камчатпресс». – 120 с.
14. **В. Ф. Бугаев.** 2012. Калейдоскоп воспоминаний: стихи // Петропавловск-Камчатский: Изд-во «Камчатпресс». – 94 с.
15. **В. Ф. Бугаев.** 2013. Азабачинская тетрадь: стихи // Петропавловск-Камчатский: Изд-во «Камчатпресс». – 140 с.
16. **В. Ф. Бугаев, Г. А. Брейзак, С. А. Петров.** 2016. Лососевая кулинария // Петропавловск-Камчатский: холд. комп. «Новая книга». – 104 с. (Библиотека «Новой книги» серия «Дары природы Камчатки»).

БИОГРАФИЯ

Бугаев Виктор Федорович – родился 2 марта 1950 г. в пос. Тилички на севере Камчатской области. Главный научный сотрудник лаборатории динамики численности лососевых рыб КамчатНИРО. Доктор биологических наук. Участник симпозиумов и рабочих встреч международных морских научных организаций – NPAFC, PICES, GLOBEC. Автор (соавтор) более 300 опубликованных научных трудов, в том числе научных монографий: «Азиатская нерка» (1995), «Рыбы реки Камчатка» (2007), «Asian Sockeye Salmon» (2011), «Азиатская нерка-2» (2011), научно-популярных фотоальбомов: «Рыбы бассейна реки Камчатки» (2007), «Нагульно-нерестовые озера азиатской нерки» (2008), «Озерновская нерка» (2009), «Нерка реки Камчатки» (2010), «Полет над гнездом нерки» (2010), «Где крупнее лососи?» (2011), мемуарных книг: «Мир реки» (2000), «Лучшие годы нашей жизни» (2009), сборников стихов «Калейдоскоп воспоминаний» (2012) и «Азабачинская тетрадь» (2013) и кулинарной книги «Лососевая кулинария» (2016). Почетный работник рыбного хозяйства Российской Федерации. Ветеран Рыбного хозяйства России. Член Российского союза писателей (Виктор Бугаев–Камчатка – Стихи.Ру, Виктор Бугаев – Проза.Ру).

E-mail: bugaev.v.f@kamniro.ru